

Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 2 (20)

2023

Құрылтайшы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Бас редактор:

Ақан Оңғарұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры,
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиқов, тарих ғыл. докт., ТР ҒА корр.-мүшесі, ТР ҒА А.Х. Халиков ат. Археология институты; Қазан федералдық университеті (Қазан, Ресей) (төраға);
А. Беттс, доктор, проф., Сидней университеті (Сидней, Австралия);
А. Оутрам, археология докт., проф., Эксетер университеті (Эксетер, Ұлыбритания);
А.А. Тишкин, тарих ғыл. докт., проф., Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);
В.Б. Панковский, тарих ғыл. канд., Украина ҰҒА Археология институты (Киев, Украина);
Ж.Қ. Таймағамбетов, тарих ғыл. докт., проф., ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі (Астана, Қазақстан);
З. Самашев, тарих ғыл. докт., проф., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Астана, Қазақстан);
И.Л. Кызласов, тарих ғыл. докт., Археология институты (Москва, Ресей);
М. Фрачетти, археология докторы, Вашингтон университеті (Сент-Луис, АҚШ);
М.Е. Елеуов, тарих ғыл. докт., проф., әл. Фараби ат. Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан);

Н. Бороффка, археология докт., проф., Неміс археология институты (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, тарих ғыл. канд., РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург, Ресей);
П.М. Колыцов, тарих ғыл. докт., проф., Б.Б. Городовиков ат. Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста, Ресей);
Р. Йовита, PhD, Нью-Йорк университеті (Нью-Йорк, АҚШ);
Р.Х. Сулейманов, тарих ғыл. докт., профессор, Мирзо Ұлықбек ат. Өзбекстан ұлттық университеті (Ташкент, Өзбекстан);
С.Е. Әжіғали, тарих ғыл. докт., профессор, Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты (Алматы, Қазақстан);
Ш. Шода, PhD, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты (Нара, Жапония);
Ц. Төрбат, PhD, Моңғолияның Ұлттық университеті (Ұланбатыр, Моңғолия)

Редакциялық алқасы:

А.А. Бисембаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ә.М. Манапова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Б.Ә. Байтанаев, тарих ғыл. докт., ҚР ҰҒА академигі, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Д.А. Воякин, тарих ғыл. канд., Орталық Азия халықаралық зерттеулер институты (Самарқан, Өзбекстан);
Е.Ш. Ақымбек, PhD, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж. Құрманқұлов, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж.Р. Утубаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
М.Қ. Хабдулина, тарих ғыл. канд., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан);
Т.Б. Мамиров, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
 Телефон: (727) 272 06 89
 E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
 archeologiakazhstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: archeokz.kz

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж қуәлігі берілген

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. БНҚ шеңберінде жүзеге асырылды,
 жоба ЖТН BR11765630

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 2 (20)

2023

Учредитель: Институт археологии имени А.Х. Маргулана

Главный редактор:

Акан Онгарулы, генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)

Редакционный совет:

А.Г. Ситди́ков, докт. ист. наук, чл.-корр. АН РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (председатель);
А. Бетге, доктор, проф., Сиднейский университет (Сидней, Австралия);
А. Оутрам, доктор археологии, проф., Университет Эксетер (Эксетер, Великобритания);
А.А. Тишкин, докт. ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
В.Б. Панковский, канд. ист. наук, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина);
Ж.К. Таймагамбетов, докт. ист. наук, проф., академик НАН РК, Национальный музей Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
З. Самашев, докт. ист. наук, проф., Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан);
И.Л. Кызласов, докт. ист. наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия);
М. Фрачетти, докт. археологии, Университет Вашингтон (Сент-Луис, США);

М.Е. Елеуов, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан);
Н. Бороффка, докт. археологии, проф., Немецкий археологический Институт (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия);
П.М. Кольцов, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия);
Р. Йовита, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк, США);
Р.Х. Сулейманов, докт. ист. наук, проф., Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан);
С.Е. Ажигали, докт. ист. наук, проф., Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан);
Ш. Шода, PhD, Национальный исследовательский институт культурных ценностей (Нара, Япония);
Ц. Төрбат, PhD, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Редакционная коллегия:

А.А. Бисембаев, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
А.М. Манапова, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Б.А. Байтанаев, докт. ист. наук, академик НАН РК, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Д.А. Воякин, канд. ист. наук, Международный институт центральноазиатских исследований (Самарканд, Узбекистан);
Е.Ш. Акымбек, PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Ж. Курманкулов, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Ж.Р. Утубаев, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
М.К. Хабдулина, канд. ист. наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (Астана, Казахстан);
Т.Б. Мамиров, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Г.А. Базарбаева, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazakhstan@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeokz.kz

Журнал основан 26 апреля 2018 г.
Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

Издание осуществлено в рамках ПЦФ Комитета науки МНВО РК на 2022–2023 гг.,
ИРН проекта BR11765630

Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
Margulan Institute of Archaeology

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

ҚАЗАҚСТАН АРНЕОЛОГИÂСЫ

№ 2 (20)

2023

Founder: Margulan Institute of Archaeology

Editor-in-Chief:

Akhan Onggaruly, Director General of the Margulan Institute of Archaeology,
Candidate of Historical Sciences and Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Dr. of Hist. Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia) (chairman);
Alan Outram, Dr. of Archaeology, Prof., Exeter University (Exeter, UK);
Alexey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia);
Alison V.G. Betts, Doctor, Prof., The University of Sydney (Sydney, Australia);
Igor L. Kyzlasov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Madiyar Ye. Yeleuov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan);
Michael D. Frachetti, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA);
Nikolaus N.O. Boroffka, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany);
Nikolay Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Petr M. Koltsov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
Rady P. Iovita, PhD, New York University (New York, USA);
Rustam Kh. Suleymanov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
Serik E. Ajigali, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan);
Shinya Shoda, PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan);
Tsagaan Turbat, PhD, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia);
Valentin B. Pankowski, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine);
Zainolla Samashev, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan);
Zhaken K. Taimagambetov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Arman A. Bissembaev, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Bauyrzhan A. Baitanayev, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Dmitriy A. Voyakin, Cand. of Hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan);
Maral K. Khabdulina, Cand. of Hist. Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);
Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Yeraly Sh. Akymbek, PhD, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Zhanbolat R. Utubayev, Cand. of Hist. sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Zholdasbek Kurmankulov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.kz

The journal was founded on April 26, 2018.
Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023, project IRN BR11765630

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Самашев З. (Астана, Қазақстан), Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б. (Алматы, Қазақстан) Новые данные о снаряжении лошади раннесакского времени (по материалам кургана № 1 могильника Акжайлау, Восточный Казахстан)	9
Скорый С.А., Зимовец Р.В. (Киев, Украина) Артефакт из Ахтырки: к вопросу о биметаллических чеканах эпохи скифской архаики в Евразии	30
Ярыгин С.А. (Астана, Қазақстан) Гравированные накладки на лук из кургана № 4 могильника Ондырыс II (Северный Казахстан)	61

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ломан В.Г., Кукушкин И.А. (Караганды, Қазақстан) Исследования раннеалакульского могильника Нураталды-1 (Центральный Казахстан)	81
Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К. (Алматы, Қазақстан) К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара (Северный Казахстан)	103
Астафьев А.Е. (Ақтау, Қазақстан), Богданов Е.С. (Новосибирск, Россия) Вал Байлама	117
Богданов Е.С. (Новосибирск, Россия), Астафьев А.Е. (Ақтау, Қазақстан) Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан)	131

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Амаргазиева Ә. (Есік, Қазақстан), Елесбай Н. (Алматы, Қазақстан) Ұзынкүңгей петроглифіндегі бақсылық сюжеті (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан)	148
Лошакова Т.Н. (Алматы, Қазақстан), Усачук А.Н. (Донецк) Коллекция костяных изделий поселения Токсанбай (Северо-Восточный Прикаспий)	166
Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б. (Алматы, Қазақстан) Ортағасырлық Ақарық төрткүлі: 2022 ж. жүргізілген зерттеулер бойынша (Оңтүстік Қазақстан)	186
Бабаджанов Б.М. (Ташкент, Ўзбекистан, Алматы, Қазақстан) Социальная семантика эпиграфики надгробий золотоордынского Хорезма (по археологическим находкам XX в.)	203
Hermann L. (Stavelot, Belgium), Bazylkhan N. (Astana, Kazakhstan) Kazakh ethnographic petroglyphs and an Arabic inscription in Eshkiolmes (South-Eastern Kazakhstan)	222
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	232
Авторларға арналған ереже – Правила для авторов	236

CONTENT

ARCHAEOLOGY ISSUES

Z. Samashev (<i>Astana, Kazakhstan</i>), A. Chotbayev , B. Besetayev (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) New data on the horse equipment of the early Saka period (based on the materials of the burial mound no. 1 of the Akzhailau burial ground, East Kazakhstan) (in Russian)	9
S. Skoryi , R. Zymovets (<i>Kyiv, Ukraine</i>) Artifact from Akhtyrka: to the question of bimetallic pick-axes of the Scythian archaic era in Eurasia (in Russian)	30
S. Yarygin (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Engraved overlays of a bow from mound no. 4 of the burial ground of Ondyrys II (Northern Kazakhstan) (in Russian)	61

FIELD STUDIES

V. Loman , I. Kukushkin (<i>Karaganda, Kazakhstan</i>) Studies of the early Alakul necropolis Nurataldy-1 (Central Kazakhstan) (in Russian)	81
G. Bazarbayeva , G. Jumabekova , A. Seitov , K. Zhambulatov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) On archaeology of the Tobol river region: analysis of chance finds of arrowheads (6 th –4 th centuries BC) outside the town of Jitiqara (Northern Kazakhstan) (in Russian)	103
A. Astafiev (<i>Aktau, Kazakhstan</i>), E. Bogdanov (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Baylama Shaft (in Russian)	117
E. Bogdanov (<i>Novosibirsk, Russia</i>), A. Astafiev (<i>Aktau, Kazakhstan</i>) Slab with knockouts from the rubble of the «Baylama rampart» (Western Kazakhstan) (in Russian)	131

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

A. Amargazieva (<i>Esik, Kazakhstan</i>), N. Yelesbay (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) A theme of shaman in the Uzynkungei petroglyph (South-Eastern Kazakhstan) (in Kazakh)	148
T. Loshakova (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), A. Usachuk (<i>Donetsk</i>) Collection of bone artifacts of Toksanbai settlement (North-Eastern Caspian Region) (in Russian)	166
Ye. Akymbek , M. Shagyrbayev , N. Nurgali (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Medieval tortkul Akaryk: researchers of 2022 (South Kazakhstan) (in Kazakh)	186
B. Babadjanov (<i>Tashkent, Uzbekistan, Almaty, Kazakhstan</i>) Social semantics of the epigraphy of tombstones in Golden Horde Khorezm (according to archaeological finds of the 20 th century) (in Russian)	203
L. Hermann (<i>Stavelot, Belgium</i>), N. Bazylkhan (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Kazakh ethnographic petroglyphs and an Arabic inscription in Eshkiolmes (South-Eastern Kazakhstan) (in English)	222
List of Abbreviations	232
Submissions	235

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.9.29>

Новые данные о снаряжении лошади раннесакского времени (по материалам кургана № 1 могильника Акжайлау, Восточный Казахстан)

© 2023 г. Самашев З., Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б.

Keywords: archaeology, East Kazakhstan, Akzhailau, early Iron Age, treasure, horse equipment

Түйін сөздер: археология, Шығыс Қазақстан, Ақжайлау, ерте темір дәуірі, көмбе, ат-абзелдері

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, Акжайлау, ранний железный век, клад, конское снаряжение

Zainolla Samashev¹, Aidos Chotbayev¹ and Bauyrzhan Besetayev^{2*}

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. E-mail: archaeology_kz@mail.ru

¹Doctoral student, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. E-mail: archtopmail@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Master of Archaeology and Ethnology, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: bessetayev.b@kaznu.kz

New data on the horse equipment of the early Saka period

(based on the materials of the burial mound no. 1 of the Akzhailau burial ground, East Kazakhstan)

Abstract. The article introduces the results of the study of the mound no. 1 of the Akzhailau burial ground into scientific circulation. The aim of the study is to reconstruct the functional elements of horse equipment based on the archaeological findings. The novelty lies in the fact that for the first time materials are published, systematization is carried out and a detailed analysis of all the details that make up the complex of equipment for a riding horse of the Saka period is carried out. During the investigation of the monument, stratigraphic studies of the burial structure were performed, revealing its main structural elements (e.g., a stone shell, a tombstone structure). Aerial photos, orthophotos and topographic plans of the site were made. At the entrance to the burial space, a treasure was discovered containing numerous gold-foil-adorned horse equipment items. Of particular interest among them are objects of horse decoration, such as pendants, linings, bridle stripes, saddle belts, and the saddle itself. Through technical and typological analysis, which involved determining the functional and structural qualities of objects and subsequently classifying them, a graphic reconstruction of riding horse equipment was carried out. A comparative typological analysis of the finds revealed a circle of analogies that closely match morphological and technical characteristics, suggesting a connection to the Early Saka society. Taking into account the design features of the kurgan structure, as well as the functional and constructive characteristics of horse equipment artifacts, the studied monument is estimated to date back to the second half of the 7th–6th century BC.

Funding of source: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2022–2023, IRN BR11765630.

For citation: Samashev, Z., Chotbayev, A., Besetayev, B. 2023. New data on the horse equipment of the early Saka period (based on the materials of the burial mound no. 1 of the Akzhailau burial ground, East Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 9–29 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.9.29](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.9.29)

**Зайнолла Самашев¹,
Айдос Ерболатұлы Чотбаев¹,
Бауыржан Берканұлы Бесетаев^{2*}**

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана, Қазақстан

¹докторант, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы, Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, археология және
этнология магистрі, әл-Фараби атындағы
Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Ерте сақ уақытының ат-әбзелдері жайында жаңа мәліметтер

(Шығыс Қазақстан, Ақжайлау қорымының 1-обасы
материалдары негізінде)

Аннотация. Мақалада Ақжайлау қорымының 1-обасын зерттеу нәтижелері ғылыми айналымға енгізіледі. Зерттеудің мақсаты табылған археологиялық олжалар негізінде ат-әбзелдерінің қызметтік заттарының жаңғыртпасын жасау болып табылады. Ерте сақ уақытының ат-әбзелдері кешенін құрайтын барлық табылған бөлшектерге егжей-тегжейлі талдау және жүйелеу жұмыстары жүргізіліп, алғаш жариялануы зерттеудің негізгі жаңалығы. Ескерткішті зерттеу барысында жерлеу құрылысының стратиграфиялық қабаттарының бірқатар құрылымдық ерекшеліктері анықталды (мысалы: тас қабаты, қабір үсті құрылысы). Қорымның аэрофото-, ортофото түсірілімі және нысанның топографиялық жоспарлары жасалды. Қабір кеңістігінің кіреберісінен алтын фольгамен көмкерілген ат әбзелдерінің көптеген бөлшектерінен тұратын көмбе анықталды. Олардың ішінде ат-әбзелдері: жүген мен ердің қайыстары және қапталының әшекей бұйымдары, салпыншақтар, қаптамалар мен жапсырмалар ерекше қызығушылық тудырады. Техника-типологиялық талдау барысында бөлшектердің қызметтік және құрылымдық қасиеттері айқындалып, оларды жүйелеу мен жіктеу барысында ат-әбзелдерінің графикалық жаңғыртпасы жасалды. Табылған заттарды салыстырмалы-типологиялық талдау кезінде морфологиялық және техникалық сипаттамалары бойынша анағұрлым жақын аналогиялық шеңбері анықталды, олардың талдауы белгілі бір дәрежеде ерте сақ қоғамына жататындығын көрсетеді. Оба құрылысының ерекшеліктерін, сондай-ақ ат-әбзелдерінің қызметтік және құрылымдық қасиеттерінің ерекшеліктерін ескере отырып, ескерткіш б.д.д. VII ғ. екінші жартысы – VI ғ. мерзімделеді.

**Зайнолла Самашев¹,
Айдос Ерболатович Чотбаев¹,
Бауыржан Берканович Бесетаев^{2*}**

¹доктор исторических наук, профессор,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
Астана, Казахстан

¹докторант, Институт археологии имени
А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, магистр археологии
и этнологии, Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Новые данные о снаряжении лошади раннесакского времени

(по материалам кургана № 1
могильника Акжайлау, Восточный Казахстан)

Аннотация. В статье в научный оборот вводятся результаты изучения кургана № 1 могильника Акжайлау. Целью исследования является реконструкция функциональных элементов снаряжения лошади на основе полученных археологических находок. Новизна заключается в том, что впервые публикуются материалы, осуществлена систематизация и проведен подробный анализ всех деталей, составляющих комплекс снаряжения верхового коня сакского времени. В процессе изучения памятника проводились стратиграфические исследования погребального сооружения, в результате чего выявлены его основные конструктивные элементы (напр.: каменный панцирь, надмогильное сооружение). Выполнены аэрофото-, ортофото- и топографический планы объекта. У входа в могильное пространство был обнаружен клад со множеством деталей конского снаряжения, лакированных золотой фольгой. Среди них особый интерес вызывают предметы конского убранства: подвески, обкладки, нашивки уздечных, седельных ремней и, собственно, самого седла. В ходе технико-типологического анализа с определением функционально-конструктивных качеств предметов и последующей классификации предметов выполнена графическая реконструкция снаряжения верхового коня. При сравнительно-типологическом анализе находок выявлен круг наиболее близких по морфологическим и техническим характеристикам аналогий, анализ которых в определенной степени указывает на принадлежность к раннесакскому обществу. Учитывая конструктивные особенности курганного сооружения, а также функционально-конструктивные характеристики предметов конского снаряжения, исследуемый памятник датируется 2-й пол. VII–VI в. до н.э.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR11765630 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Самашев З., Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б. Ерте сақ уақытының ат-әбзелдері жайында жаңа мәліметтер (Шығыс Қазақстан, Ақжайлау қорымының 1-обасы материалдары негізінде). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 9–29-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.9.29](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.9.29)

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630.

Для цитирования: Самашев З., Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б. Новые данные о снаряжении лошади раннесакского времени (по материалам кургана № 1 могильника Акжайлау, Восточный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 9–29. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.9.29](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.9.29)

1 Введение (Самашев З.)

Один из ключевых компонентов «скифской триады» – снаряжение верхового коня – является значимым элементом в изучении традиционной раннесакской культуры Восточного Казахстана. Данные по истории формирования и развития конского снаряжения кочевников сакского времени региона встречаются в ряде работ, в которых затрагиваются отдельные аспекты хронологии, классификации некоторых элементов узды и сбруи [Грязнов 1947: 9–10; Киселев 1947: 157–172; Руденко 1949: 27, 29, 69, табл. II–IV, рис. 28; Сорокин 1966: 44, рис. 5; Членова 1967: 68; Кадырбаев 1968: 29–31, рис. 2; Черников 1975: 282–287; Боковенко 1986: 4–5; Арсланова 1981: 54–57; Тишкин 1998: 78–90; Марсадалов 1998: 14–21; Шульга 2008: 14–17; Самашев 2011: 148–156 и др.].

Новые данные по снаряжению верхового коня были получены в полевом сезоне 2022 г. на могильнике Акжайлау. Памятник расположен в одноименном урочище в 30 км на северо-восток от с. Теректы (рис. 1). От урочища далее на север в 20–25 км расположено оз. Маркаколь (Курчумский р-н, ВКО). Могильный комплекс находится на ровной, равнинной местности с малыми уклонами и неглубокими оврагами, протяженностью с запада на восток 5500 м и с юга на север – 4000 м, окруженной со всех сторон горными хребтами Соналы, Карамола и Шубарагаш. Памятники расположены преимущественно в северо-восточной половине урочища, к востоку и юго-востоку от с. Акжайлау, в междуречье Білезік и Сарқырама.

В могильнике условно выделено 16 групп курганов (рис. 2). Среди них преобладают курганы с каменной насыпью, в основном малых и средних размеров, кроме одного из 15-й группы, диаметр которого составляет 50 м. Объекты с земляной насыпью имеют диаметр от 10 м до 45 м. Практически все курганы содержат следы грабительских раскопок, т. н. воронки. Во всех каменных курганах имеются выемки – признак того, что камень из насыпи использовался для различных целей, в основном для сооружения более поздних погребений.

Цель статьи – введение в научный оборот материалов кургана № 1, представляющих собой предметы конского снаряжения раннесакского времени. Они служат хронологическим индикатором для определения относительной датировки памятника, а также для разрешения вопросов, связанных с социальной стратификацией – выявления статуса погребенного.

2 Материал и методы исследования (Самашев З., Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б.)

2.1 Методика исследования

Археологические комплексы рассматриваются как результат деятельности человека, обусловленной рядом внешних факторов (ролью географической среды, миграций, традиций в культуре и

Рис. 1. Расположение могильника Акжайлау на карте ©SAS. Planet. Release. 141212

1-сур. Ақжайлау қорымының картада орналасуы ©SAS. Planet. Release. 141212

Fig. 1. Location of the Akzhailau burial ground on the map ©SAS. Planet. Release. 141212

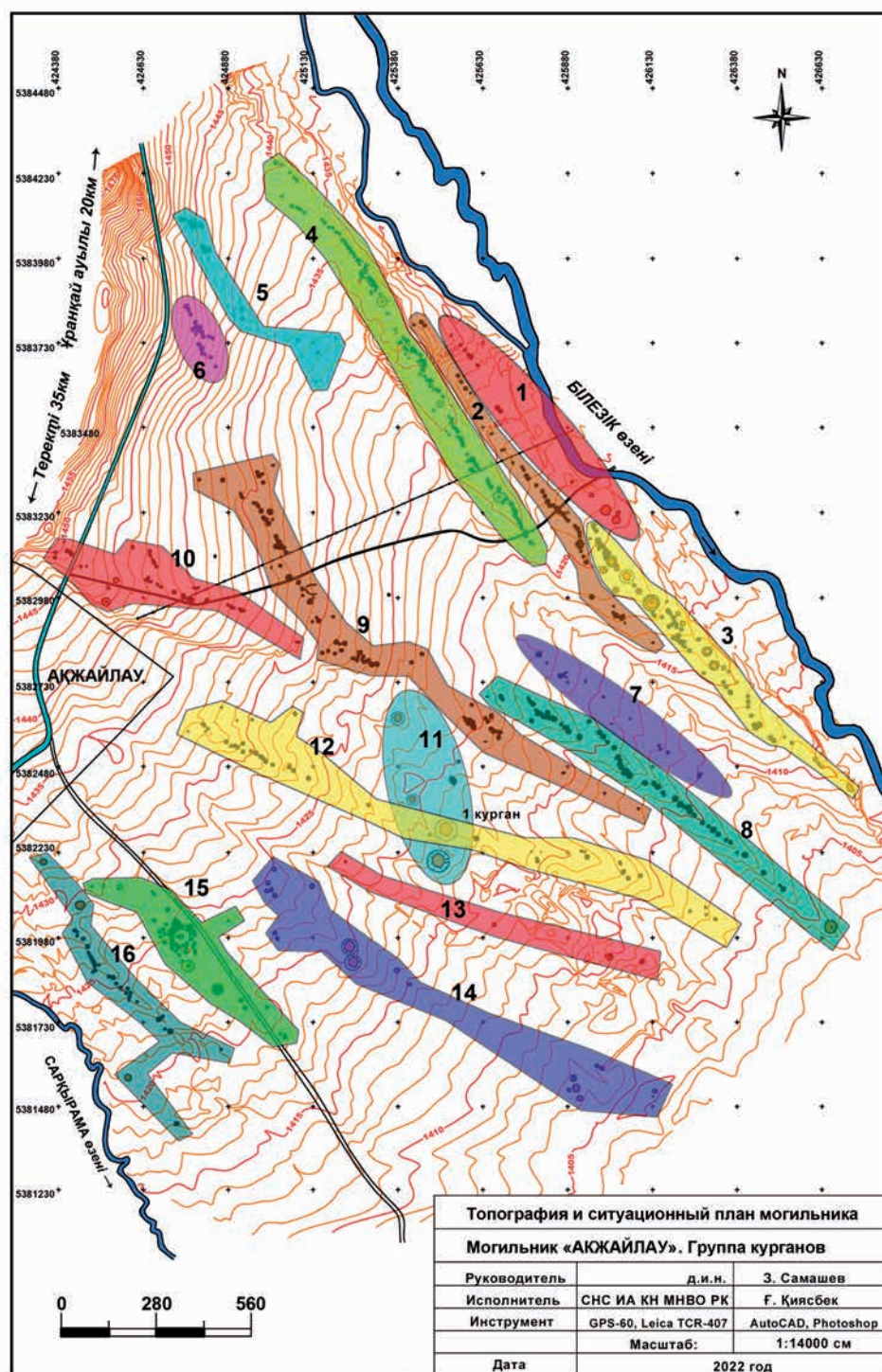
в исторических процессах). Методика конкретных исследований включает, прежде всего, традиционные археологические приемы изучения: раскопки и разведки, в т. ч. картографирование, изучение топографии и планиграфии комплексов, стратиграфические наблюдения, классификацию вещевого комплекса, метод датированных аналогий, формально-типологический анализ, элементы и приемы статистики, ретроспективный метод.

В ходе исследования применен технико-типологический анализ; определены способы изготовления элементов снаряжения верховой лошади и конструктивно-функциональные качества с последующей графической реконструкцией, где детально показаны конструкции соединения удила и псалиев, затягивания подпруги двучастными подпружными пряжками.

В большинстве случаев информация о принципах соединения ремней, механизмах фиксации функциональных и эстетических деталей снаряжения верховой лошади утрачивается. Однако в ряде работ П.И. Шульги представлены варианты реконструкции уздечных и седельных комплексов Алтая, обнаруженных в состоянии *in situ* [Шульга 2008; 2015; 2016].

2.2 Характеристика материала

Курган № 1 – самый крупный объект, зафиксированный в составе 11-й группы; находится в центральной части плато; сооружен из земли и камня (рис. 3) (диаметр – 37 м; высота – 3,2 м). Вокруг наземной части памятника отчетливо фиксируется ров, наибольшая его ширина равна 2 м,

A4

Рис. 2. Акжайлау. Топографический план могильника. Исполнитель: Галымжан Қиясбек
2-сур. Ақжайлау. Қорымының топографиялық жоспары. Орындаған: Ғалымжан Қиясбек
Fig. 2. Akzhailau. Topographic plan of the burial ground. Executor: Galymzhan Qiyasbek

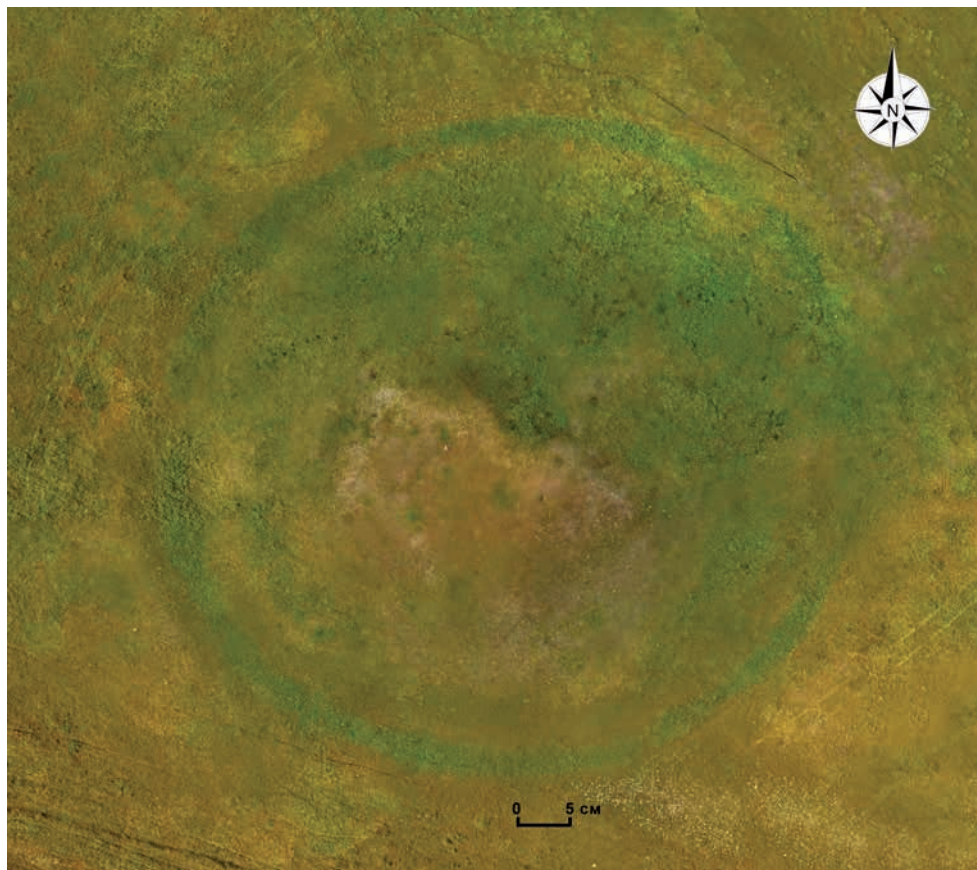

Рис. 3. Ақжайлау, курган № 1. Ортофотоплан. Исполнитель: Максим Половцев
3-сур. Ақжайлау, 1-оба. Ортофото жоспары. Орындаған: Максим Половцев
Fig. 3. Akzhailau, burial mound no. 1. Orthophotoplan. Executor: Maxim Polovtsev

глубина местами достигает 0,7 м. Юго-восточный участок рва разрушен талыми водами. Околокурганное пространство ровное, какие-либо структуры не фиксируются.

Для фиксации стратиграфии кургана была оставлена бровка шириной до 2 м, ориентированная по линии север–юг. В процессе изучения насыпи выяснилось, что конструкция состоит из нескольких слоев, отличающихся составом и цветом, а также чётко фиксировались очертания разрушения в центральной части с небольшим смещением на север, которое, как выяснилось позже, оказалось грабительским лазом.

Начиная с отметки 3 м от края насыпи постепенно стали фиксироваться мелкие и средние окатанные речные камни. На некоторых участках – крупные валуны, которые расположены выше последнего слоя наземной части кургана, системы в их расположении зафиксировано не было.

Судя по профилю, наземная конструкция состоит из нескольких слоев (рис. 4, 1–9):

- дерн, мощностью 5–10 см (рис. 4, 1).
- наносной гумус, проходящий по всей поверхности насыпи, утолщается к подножью. Толщина слоя различна на отдельных участках, но по краям достигает 20–30 см (рис. 4, 2).

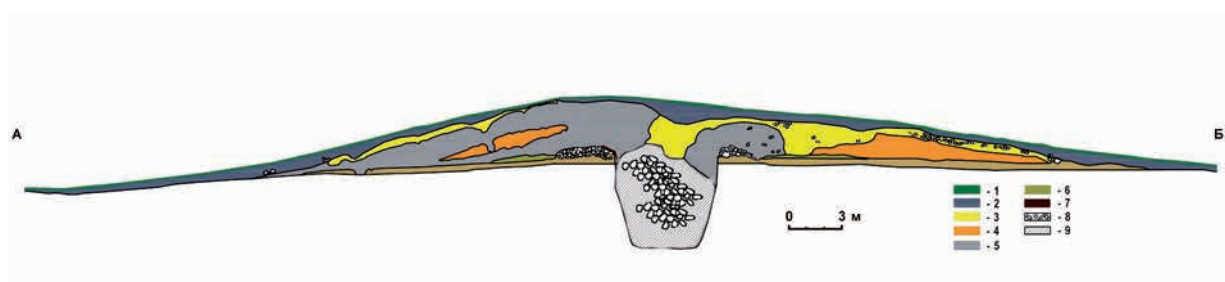

Рис. 4. Акжайлау, курган № 1. Разрез: 1 – дерн; 2 – гумус; 3 – смешанный слой; 4 – глина светло-коричневого цвета; 5 – основная насыпь; 6 – выкид из могильной ямы; 7 – дерево; 8 – камни; 9 – заполнение могильной ямы. Исполнитель: Максим Половцев

4-сур. Ақжайлау, 1-оба. Қима: 1 – шымтезек; 2 – қарашірік; 3 – аралас қабат;
4 – ашық қоңыр түсті саз; 5 – негізгі үйінді; 6 – қабір топырағы; 7 – ағаш; 8 – тастар;
9 – қабір ішінің толтырылуы. Орындаған: Максим Половцев

Fig. 4. Akzhailau, mound no. 1. Section: 1 – turf; 2 – humus; 3 – mixed layer;
4 – clay of light brown color; 5 – the main embankment; 6 – excavation from the grave pit; 7 – wood;
8 – stones; 9 – filling of the grave pit. Executor: Maxim Polovtsev

– гравий, суглинок бледно-желтого цвета, смешанный со щебнем. Его ширина в разрезе составляет 10,68 м, а толщина – 33 см. В данном слое также фиксируется тонкая прослойка светло-желтой, светло- и темно-коричневой глины. Он занимает весь склон конструкции кроме центральной его части, протяженность слоя составила с каждой стороны профиля 10 и 15 м, толщина 5–10 см. Данный слой содержит скопление камней, различающихся по размерам и породе, фиксируемое по краю насыпи. В разрезе оно четко прослеживается на северной стороне кургана, ширина его 10,37 м, толщина слоя составляет 24 см. Но сам гравийный слой ближе к центру сильно разрушен грызунами и грабителями (рис. 4, 3). По взаиморасположению гравия и камней можно предположить, что они образуют один слой, а камни удерживают гравийный слой от дальнейшего сползания по склону вниз.

– светло-коричневая глина (рис. 4, 4). Данный слой становится шире от края к центру конструкции. Такая ситуация характерна для северной половины. Здесь он зафиксирован как отдельный уровень. Ширина слоя 6,41 м, толщина 40 см. Но на южной непотревоженной стороне слой фиксируется внутри илистого слоя в виде линзы. Наибольшая толщина его 50 см. Уровень залегания их одинаковый.

– илистая глина темно-коричневого, серого, темно-серого цвета с включениями светло-коричневой глины (рис. 4, 5). Слой расширяется по мере приближения к центру, в северной части имеются следы разрушения, которые фиксируются с наклоном к центру. Ширина данного слоя составила 12,60 м, толщина 2,10 м. В слое присутствует суглинок с включениями дёрна.

– суглинок жёлтого цвета, смешанный со щебнем, примыкает к основанию воронки, является выкидом из могильной ямы. Ширина его 3,9 м, толщина 23 см (рис. 4, 6).

Под слоем 5 на уровне погребальной поверхности находилась надмогильная конструкция (рис. 4, 7). Она состоит из окатанных камней мелких и средних размеров (рис. 4, 8). На поверхности надмогильного сооружения местами фиксируются сохранившиеся части жердей, местами они значительно смещены с первоначального положения, в очень плохом состоянии, продавлены вниз,

толщина – 5 см. Такое состояние дерева не позволило полноценно отразить их в профиле. Судя по расположению сохранившихся частей, можно предположить, что жерди были использованы для перекрытия надмогильного сооружения, имевшего прямоугольную в плане форму, с восточной его стороны фиксируется вход, переходящий в короткий и неглубокий коридор-дромос (рис. 5).

Надмогильная конструкция возведена в центральной части кургана, сооружена преимущественно из окатанного камня, в плане прямоугольная; в виде ограды, ориентированной стенками по сторонам света. С северной стороны стена надмогильного сооружения имеет разрыв шириной около 1,7 м, с восточной стороны – вход, переходящий в дромос. Ширина стен 1–1,5 м, высота – 0,3–0,5 м, в западной части – 0,5 м.

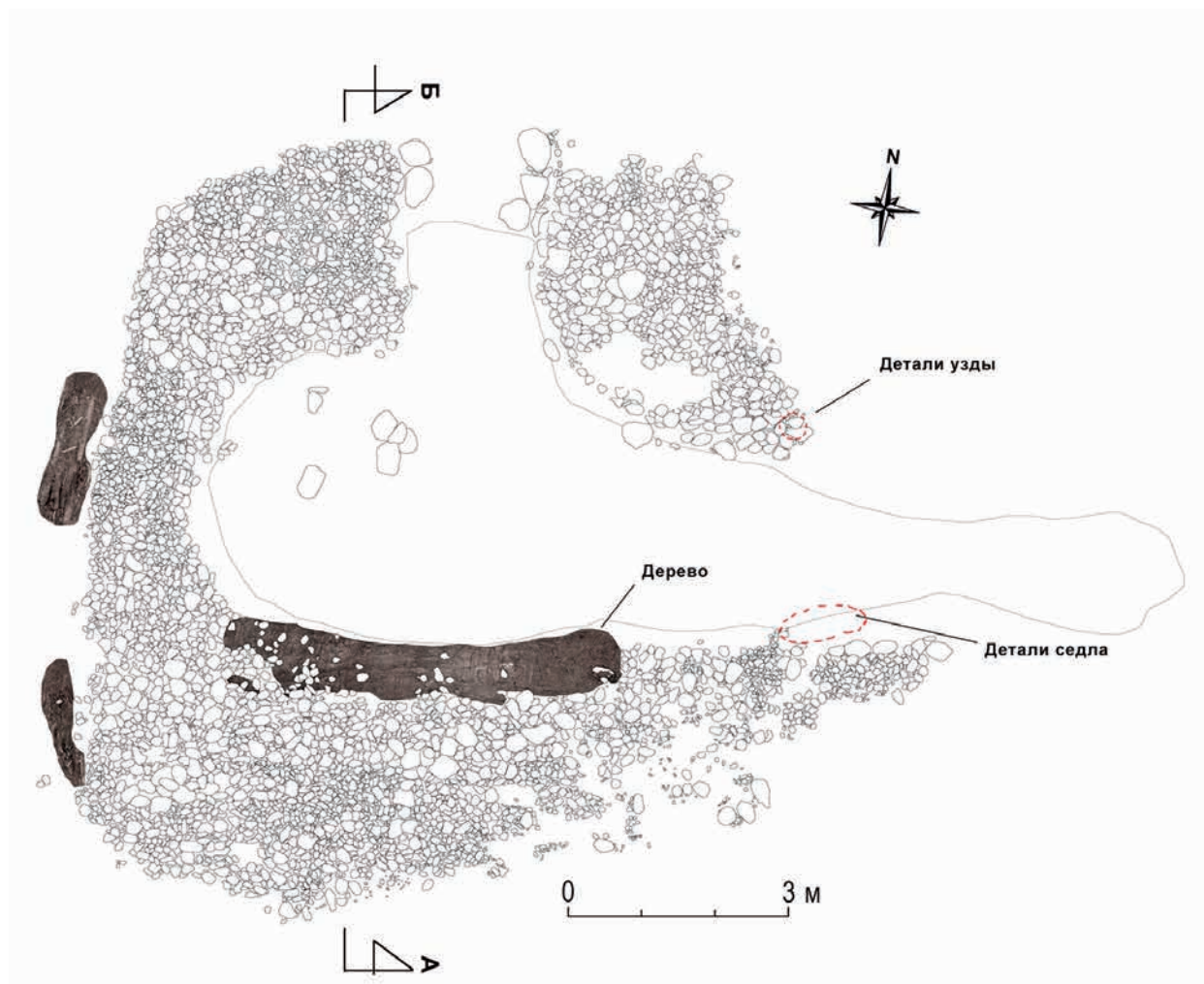

Рис. 5. Акжайлау, курган № 1. План надмогильного сооружения с дромосом.
Исполнитель: Максим Половцев

5-сур. Ақжайлау, 1-оба. Дромоспен қабір үсті құрылысының жоспары.
Орындаған: Максим Половцев

Fig. 5. Akzhailau, mound no. 1. Plan of a tombstone structure with a dromos.
Executor: Maxim Polovtsev

Коридор-дромос узкий и, как оказалось, неглубокий; стенки его сооружены из окатанных камней с небольшой долей плитняка. Длина дромоса – 4,5 м, наибольшая ширина – 2 м, глубина в начальной части – 0,2 м, у входа – 0,6 м, у могильной ямы – 1,2 м.

У входа в могильное пространство зафиксирован клад, состоящий из 222-х металлических изделий. Данные артефакты являются украшениями снаряжения верхового коня, специально положенного с двух сторон входа (рис. 6). Украшения различные, среди них: в виде полумесяца; треугольной формы; в виде головы хищной птицы; орнаментированные обкладки; колоколообразные подвески. Удила бронзовые стремечковидные, псалии железные «S»-видные, плакированы жёлтым металлом; бляха-застежка, плакирована золотой пластиной; подпружные пряжка и блок, также с плакировкой; бляшка в виде изображения архара. Подробное описание предметов приводится в

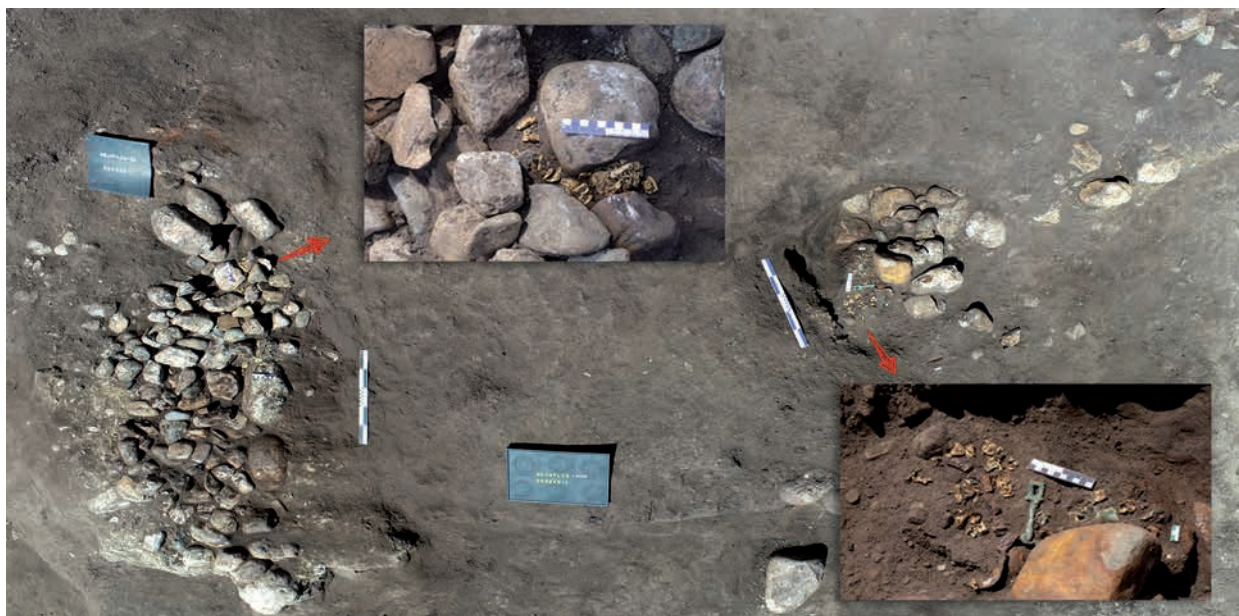

Рис. 6. Акжайлау, курган № 1. Предметы конского снаряжения. Фото Айдоса Чотбаева

6-сур. Ақжайлау, 1-оба. Ат-әбзелдерінің заттары. Сурет Айдос Чотбаевтікі

Fig. 6. Akzhailau, mound no. 1. Items of horse equipment. Photo by Aidos Chotbayev

следующем разделе. Судя по расположению изделий, на северной стороне представлен уздечный набор, а на южной – седельный.

Могильная яма прямоугольная в плане, размерами 5×3 м, глубиной 5 м. Заполнение смешанное: каменная забутовка, местами встречаются крупные валуны (рис. 4, 9). На глубине 5 м, в центральной части, зафиксировано два скомканных изделия, выполненных в виде изображений кошачьего хищника (рис. 7). Погребение ограблено. В придонной части могильной ямы костей погребенного человека не зафиксировано.

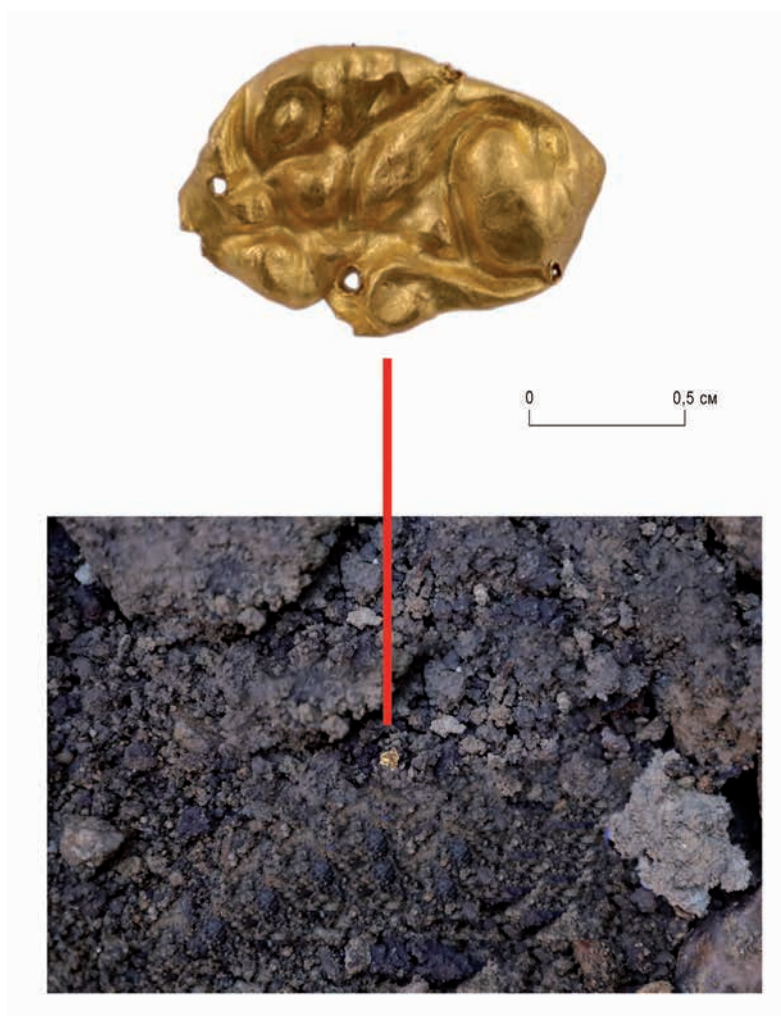

Рис. 7. Акжайлау, курган № 1. Золотая нашивка в виде кошачьего хищника. Фото Айдоса Чотбаева
7-сур. Ақжайлау, 1-оба. Мысық тектес жыртқыш түріндегі алтын жапсырма. Сурет Айдос Чотбаевтікі
Fig. 7. Akzhailau, mound no. 1. Gold stripe in the form of a feline predator. Photo by Aidos Chotbayev

3 Результаты исследования и обсуждение (Бесетаев Б.Б.)

3.1 Предметы уздечного комплекса

Удила бронзовые двусоставные, соединены двумя кольцами, расположенными на звеньях в перпендикулярных плоскостях. Выполнены способом литья с последующей обработкой, по краям в некоторых «нефункциональных» частях имеются литейные швы. По типологии относятся к категории «вставных» (рис. 8, 1). Стержни округлые в сечении, гладкие. Длина обоих звеньев почти одинакова. Общая длина удил составляет 18,6 см. Внешние концы удил отличаются редкой для Восточного Казахстана подквадратной формой. Внутренний проем внешних окончаний арочного очертания, без дополнительного отверстия. Окончания удил имеют своеобразный выступ в качестве фиксатора, который вставлялся при продевании в петельчатое отверстие псалиев.

Псалии железные, «S»-видные (рис. 8, 2–3), изгибы по вертикали, уплощенные, четырехугольные в сечении, толщиной 0,5–0,7 см, шириной в центральной части до 2 см, плавно сужаются к концам до 1,5 см, длина обоих псалиев по 24,5 см. Ближе к центру на широкой плоскости с тыльной стороны имеются полуовальные по форме выступы-петельки с отверстиями для соединения с нащёчными ремнями узды. В центральной части псалиев, между двумя перпендикулярно расположенными петельками, по всей видимости, должны были быть уплощённые петельчатые выступы прямоугольной формы с продолговато-овальными или прямоугольными отверстиями для продевания внешних концов удил. В данном случае анализируемые предметы можно отнести к категории «напускных». Псалии сохранились фрагментарно, коррозированы; были плакированы золотой фольгой.

Подобного типа удила и псалии встречаются в Центральном [Кадырбаев 1966: 316, рис. 7, 330, рис. 24; Бейсенов, Шаблавина 2015: 106–107, рис. 1], Восточном Казахстане [Бесетаев 2016: 42–44, рис. 2], в Южном Приаралье [Вишневская 1973: 156–157, табл. 26; Итина, Яблонский 1997: 114, 123, рис. 12, 27] и в Тыве [Чугунов и др. 2017: 479, табл. 141, 2–3].

Наибольшая концентрация таких находок известна в Южном Приаралье, где они датируются VII–VI вв. до н.э. [Вишневская 1973: 102]. По классификации Н.Г. Горбуновой бронзовые псалии с серединным боковым отверстием представляют типы I-6 и II-2б [Горбунова 2001: 198, рис. 1]. По

Рис. 8. Акжайлау, курган № 1. Детали узды: 1 – бронзовые удила; 2, 3 – железные псалии.
Фото Максима Половцева

8-сур. Ақжайлау, 1-оба. Жүгеннің бөліктері: 1 – қола ауыздық; 2, 3 – темір сулық.
Сурет Максим Половцевтікі

Fig. 8. Akzhailau, mound no. 1. Bridle details: 1 – bronze bit; 2, 3 – iron cheekpieces.
Photo by Maxim Polovtsev

мнению исследователей, центром окончательного формирования подобных типов узды являются южные регионы Казахстана [Кадырбаев 1966: 31; Вишневская 1973: 102; Членова 1993: 58].

Таким образом, находки деталей конского снаряжения IX–III вв. до н.э. свидетельствуют о поиске наилучших способов управления верховым конём и его соответствующей функциональной оптимизации. В эволюционном развитии конского снаряжения обнаруженные удила и псалии относятся ко второму этапу (VII–VI вв. до н.э.), который характеризуется усложнением в конструктивном плане соединения удил с псалиями. В отмеченное время происходила своеобразная локализация отдельных предметов конского снаряжения [Бесетаев 2015: 25].

3.2 Предметы седельного комплекса

Подпружная пряжка бронзовая (рис. 9, 1), в виде овального кольца с заострённым окончанием петли, арочная в сечении, размерами 5,3×5,5 см. Окончание в виде стремечковидной рамки подпрямоугольной формы, с приёмной петлёй и выраженными выступами-фиксаторами. Предмет имеет шпенёк с расширенной верхней частью в виде конского копыта для фиксации при затягивании ремня подпруги через петлю подпружного блока. Лицевая сторона полностью плакирована золотой фольгой, кроме перпендикулярной к центральной оси пряжки приёмной петли, куда продевался подпружной верхний ремень.

Подпружная пряжка-блок бронзовая (рис. 9, 2), идентичная по форме и размерам подпружной пряжке без шпенёка. Как и подпружная пряжка, выполнена способом литья с последующей обработкой. Аналогично подпружной пряжке лицевая поверхность плакирована золотой фольгой. Среди раннесакских седельных предметов конского снаряжения Восточного Казахстана, как правило, подпружные пряжки встречаются в паре с подпружными блоками, через которые пропускается левый конец подпружного ремня, а подпружная пряжка со шпенёком выступает в качестве фиксатора требуемого натяжения подпруги. По мнению П.И. Шульги, подпружные пряжки и блоки относительно «малых» размеров относятся к категории ранних и датируются VII–VI вв. до н.э. [Шульга 2008: 96].

Аналогии подпружной пряжке и блоку встречены в могильниках Тасмола V [Кадырбаев 1966: 136, рис. 26], Уйгарак [Вишнев-

Рис. 9. Акжайлау, курган № 1. Бронзовые детали седла:

1 – подпружная пряжка; 2 – подпружной блок;

3 – подпружная бляха-застежка.

Фото Максима Половцева

9-сур. Ақжайлау, 1-оба. Ердің қола бөлшектері:

1 – негізгі айылбас; 2 – тоға айылбас;

3 – бекітпе-қапсырма. Сурет Максим Половцевтікі

Fig. 9. Akzhailau, mound no. 1. Bronze details of the saddle:

1 – saddle girth buckle; 2 – saddle girth block;

3 – saddle girth buckle clasp. Photo by Maxim Polovtsev

ская 1973: 147, табл. 15], Измайловка [Ермолаева 1987: 159, рис. 3; 2012: 189, рис. 59], Герасимовка [Бесетаев, Кариев 2016: 75, рис. 2], Елеке сазы [Толеубаев и др. 2020: 186, рис. 15] и др.

Подпружная бляха-застежка бронзовая (рис. 9, 3), круглая, выпуклая, диаметром 5,4 см. Лицевая поверхность содержит частично сохранившуюся плакировку золотом. На тыльной стороне расположен ромбовидный щиток на шпенье. Предмет выполнен способом литья, с последующей обработкой. По типологии П.И. Шульги, бляху-застежку можно отнести ко второму варианту первого типа [Шульга 2008: 98].

В Восточном Казахстане такие бляхи-застежки встречаются редко. Возможно, это объясняется тем, что они могли заменяться ремненным соединением [Шульга 2008: 254, рис. 62]. Одна из них в Восточном Казахстане была зафиксирована еще в 1911 г. А.В. Адриановым [Адрианов 1916: 58]; другая – в материалах аварийного кургана могильника Герасимовка [Бесетаев, Кариев 2016: 75, рис. 2]. Такие бляхи-застежки обычно располагались на правом боку лошади, о чём свидетельствуют материалы могильника Гилево-10, где выявлены остатки седла с хорошо сохранившимися фрагментами кожаных подпружных ремней со следами крепления на бляху-застежку с правой стороны [Шульга 2008: 97, рис. 66]. Период их бытования VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев 1966: 330–332, рис. 24, 26; Вишневская 1973: 137, табл. 5].

3.3 Украшение конского снаряжения

Уздечные подвески (рис. 10, 1–108) относятся к категории эстетических деталей снаряжения верховой лошади, которые украшали конскую узду. Миниатюрные подвески-колокольчики имеют полую коническую форму, высотой от 1 до 1,4 см. В верхней части – сквозные отверстия для подвешивания. Вероятно, они фиксировались поверх щёчных, наносного, налобного ремней. Аналогичные подвески уздечных ремней были обнаружены в кургане № 7 могильника Елеке сазы IV [Toleubayev et al. 2021: 159–160].

Отметим, что обнаруженные подвески по способу изготовления и по форме очень схожи с коническими серьгами раннесакского времени [Бейсенов 2014: 122, рис. 1–2; Омаров и др. 2020: 151, рис. 5]. Это свидетельствует об устоявшейся традиции изготовления предметов вооружения, конского снаряжения и украшений древними мастерами.

Обкладки нагрудных ремней подквадратной формы (рис. 11, 1–48), размерами около 2×2 см. На лицевой поверхности в пространстве между выступающими ребристыми полосками в технике штамповки изображена пара стилизованных голов хищных птиц. Украшение крепилось к нагрудным ремням с помощью двух треугольно вырезанных зажимов на задней стороне, представляющих собой загнутые концы цельного листа со штампованными рисунками. На концах зажимов расположены отверстия для крепления изделия к ремню с помощью нитки или шпонки.

Бляха-подвеска (нагрудная?) бронзовая (рис. 12), выполнена в виде изображения архара, размерами 9,3×6 см. Животное показано с подогнутыми ногами, его голову венчают массивные, круто загнутые рога. Бляха изготовлена в технике литья. Лицевая поверхность плакирована золотой фольгой, сохранившейся частично. На тыльной стороне предмета имеются продольно расположенные, на одной линии по центру, две петельки для продевания нагрудного (возможно двойного?) ремня. В снаряжении данная бляха использовалась как деталь украшения верхового коня. Нагрудные бляхи-подвески обычно встречаются в виде голов животных (кабана, верблюда, оленя, орла). Подобного типа украшения конского снаряжения единичны. Они в основном происходят из кладов или случайных находок. Бляха в виде стилизованного оленя была обнаружена в олокурганном

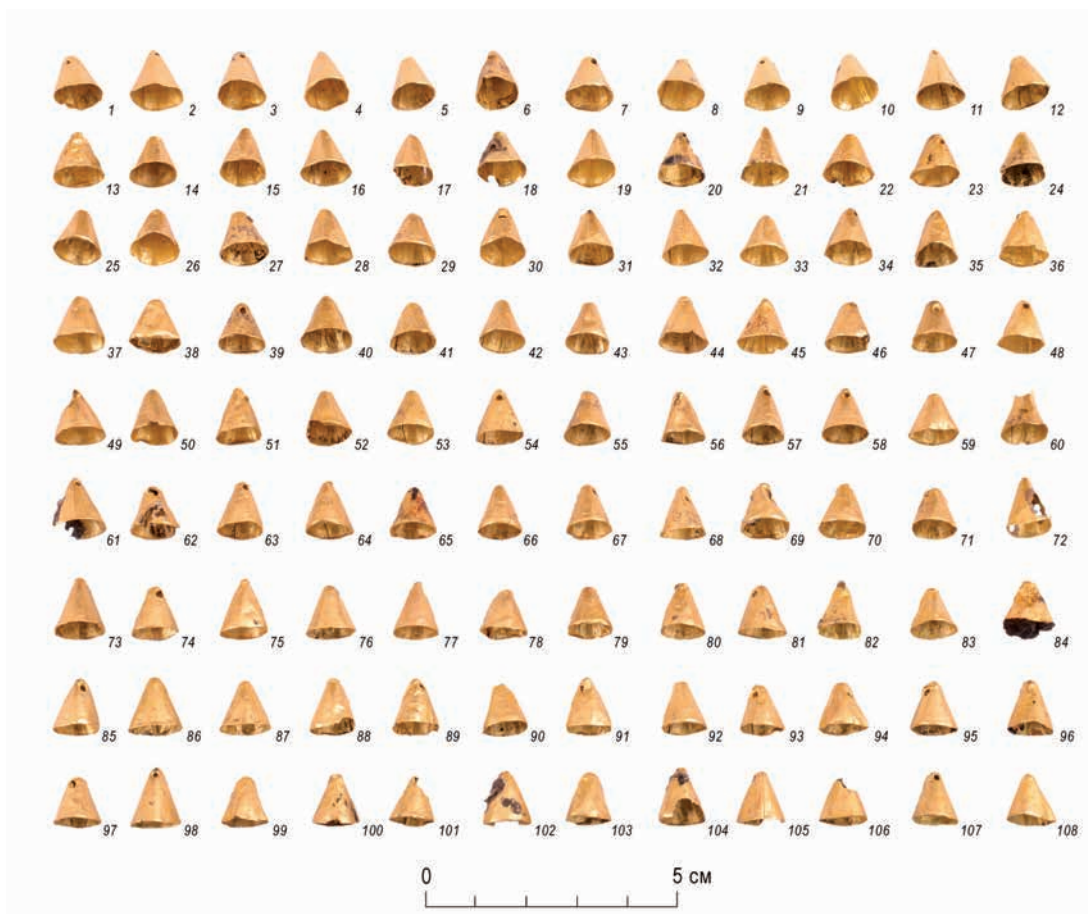

Рис. 10. Акжайлау, курган № 1. Золотые уздечные подвески конической формы. Фото Максима Половцева
10-сур. Ақжайлау, 1-оба. Жүгеннің конус пішіндегі алтын салпыншақтары. Сурет Максим Половцевтікі
Fig. 10. Akzhailau, mound no. 1. Golden bridle pendants of conical shape. Photo by Maxim Polovtsev

пространстве одного из объектов могильника Елеке сазы II [Толеубаев и др. 2020: 186, рис. 15].

Украшения в виде лунниц (рис. 13, 1–3), вырезанные из листового золота, скорее всего, нашивались на войлочную или кожаную основу передней части «мягкого» седла. Подобной формы нашивки в одном комплексе с предметами конского снаряжения были обнаружены в кургане № 7 могильника Елеке сазы IV [Toleubayev et al. 2021: 159–160], в кургане Аржан 2 [Чугунов и др. 2017: 483–485, табл. 145, 8; 146, 1; 147, 1].

Нашивки в виде стилизованных голов хищных птиц (рис. 13, 4–6), трактованные также как и на вышеуказанных обкладках нагрудных ремней, вырезаны на широких листах-нашивках, вероятнее всего, они могли украшать седельные принадлежности. Изображение головы хищной птицы, в т. ч. стилизованное, хорошо известно в материалах раннего железного века.

Снаряжение лошади в раннесакском обществе, как и воинский пояс, является одним из основных показателей высокого социального статуса воина. Относительно хорошая сохранность предметов, определение функционально-конструктивных качеств каждого из них стало основой для выполнения графической реконструкции (рис. 14).

Рис. 11. Акжайлау, курган № 1. Золотые обкладки седельных ремней.

Фото Максима Половцева; рисунок Аружан Асемгазы

11-сур. Ақжайлау, 1-оба. Ердің қайыстарының алтын қаптамалары.
Сурет Максим Половцевтікі; Салынған сурет Аружан Әсемғазыныкі

Fig. 11. Akzhailau, mound no. 1. Gold lining of saddle belts.
Photo by Maxim Polovtsev; illustration by Aruzhan Asemgazy

Рис. 12. Акжайлау, курган № 1. Бронзовая бляха-подвеска в виде архара. Фото Максима Половцева
12-сур. Ақжайлау, 1-оба. Арқар бейнесіндегі қола қапсырма-салпыншақ. Сурет Максим Половцевтікі
Fig. 12. Akzhailau, mound no. 1. Bronze pendant buckle in the form of argali. Photo by Maxim Polovtsev

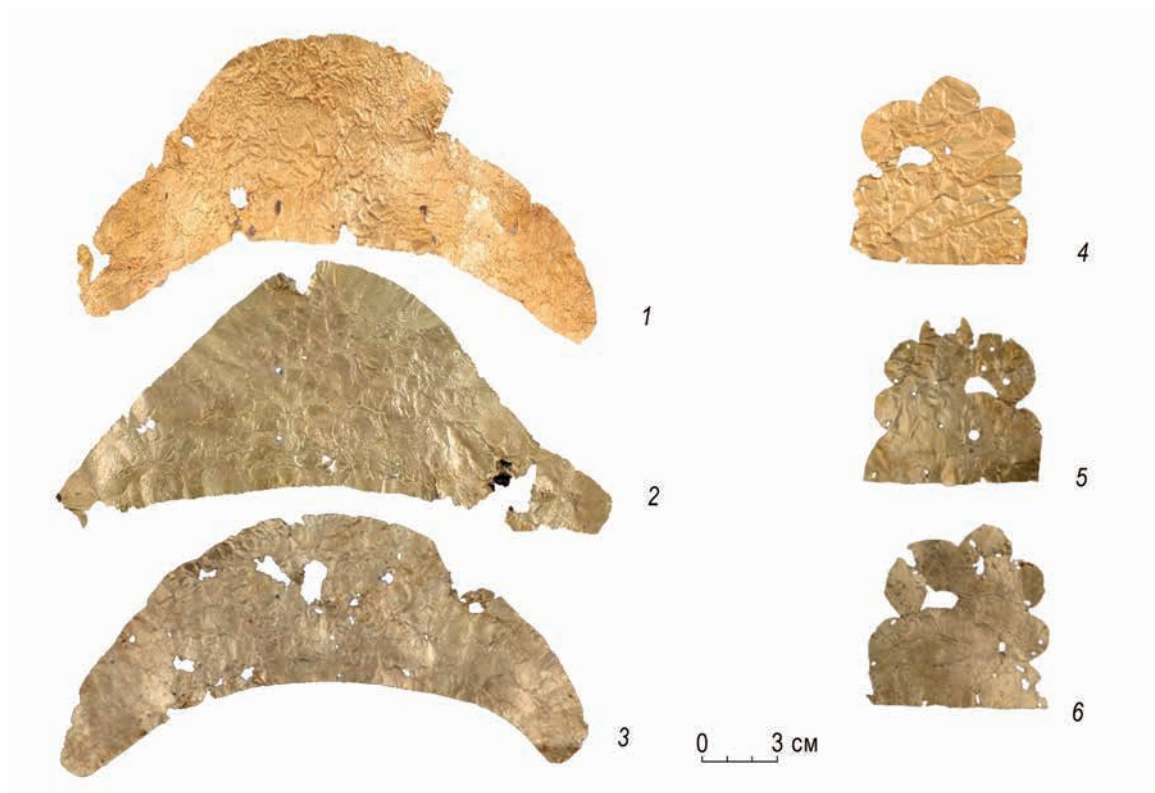

Рис. 13. Акжайлау, курган № 1. Золотые нашивки седла: 1–3 – украшения в виде лунницы;
4–6 – стилизованные головы хищной птицы. Фото Максима Половцева

13-сур. Ақжайлау, 1-оба. Ердің алтын жапсырмалары: 1–3 – ай тәрізді әшекейлер;
4–6 – жыртқыш құстың бастары. Сурет Максим Половцевтікі

Fig. 13. Akzhailau, mound no. 1. Gold saddle stripes: 1–3 – decoration in the form of a moon;
4–6 – stylized heads of a predatory bird. Photo by Maxim Polovtsev

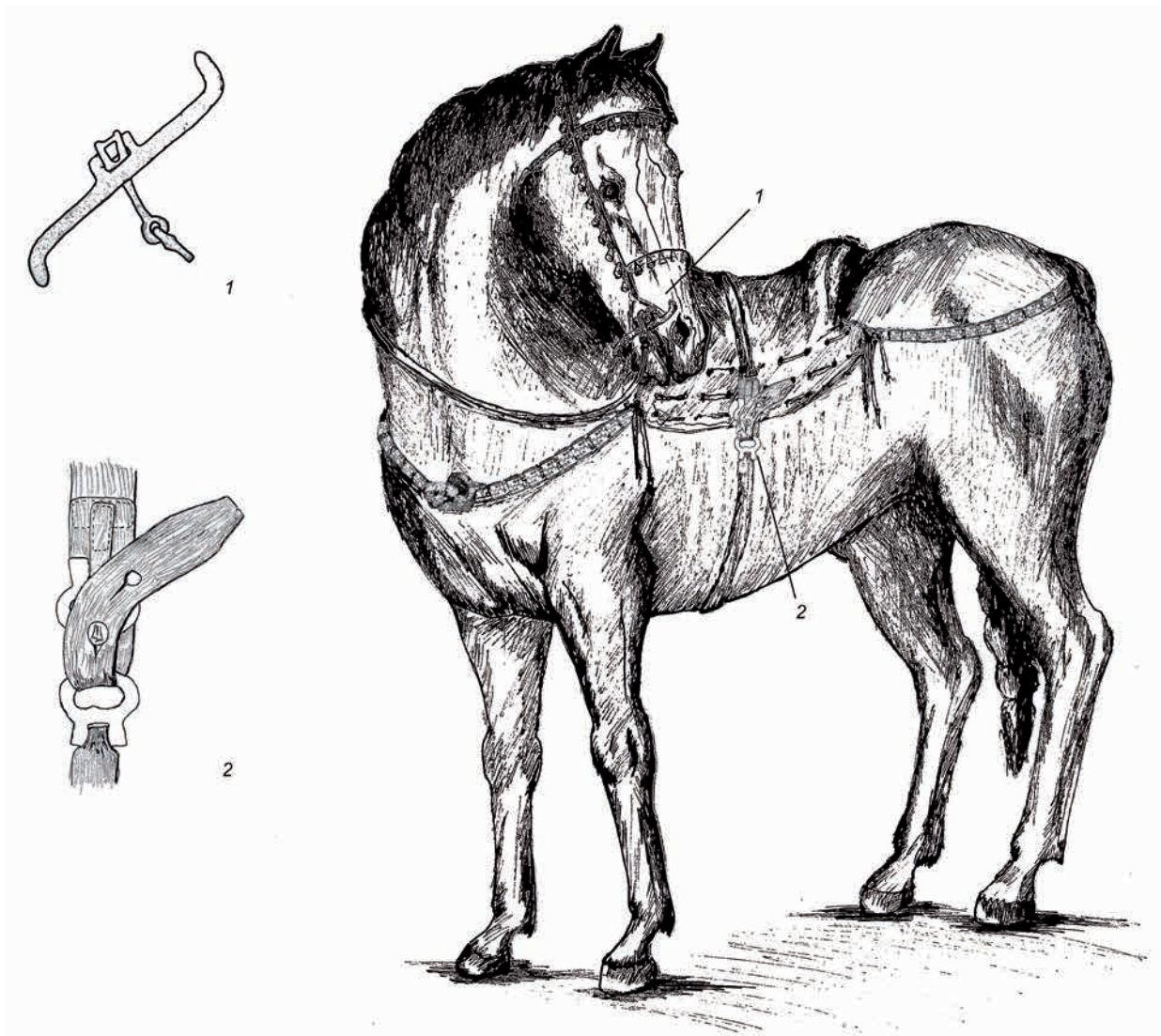

Рис. 14. Акжайлау, курган № 1. Графическая реконструкция снаряжения верховой лошади:
1 – соединение бронзовых удилов и железных псалиев; 2 – соединение подпружных ремней.
Реконструкция авторов. Художник – Адилхан Рахметов

14-сур. Ақжайлау, 1-оба. Ат-әбзелдерінің графикалық жаңғыртпасы:
1 – қола ауыздық пен темір сұлықтың байланысуы; 2 – айылдың байланысуы.
Авторлардың жаңғыртпасы. Суретші – Әділхан Рахметов

Fig. 14. Akzhailau, mound no. 1. Graphic reconstruction of riding horse equipment:
1 – the connection of bronze bit and the iron cheekpieces; 2 – the connection of the saddle girth belts.
Reconstruction by the authors. Artist – Adilkhan Rakhmetov

4 Заключение (Самашев З.)

Таким образом, начатые в 2022 г. археологические исследования на многокомпонентном памятнике у с. Акжайлау показали его перспективность в получении новых свидетельств о культуре и истории населения раннего железного века, особенно для разработки проблем формирования раннесакского культурного комплекса и выяснения их разноплановых контактов с внешним миром. В отмеченное время культуры раннего железного века были тесно взаимосвязаны между собой, где Восточно-Казахстанский регион принял определенное участие на раннем этапе формирования сакской культурной общности.

Погребение в могильной яме, несомненно, было очень богатым. Несмотря на почти полную разграбленность основного погребения, обнаруженный клад, состоящий из предметов конского снаряжения, представляет собой особую ценность, так как в раннесакских элитарных памятниках сложилась устойчивая традиция помещать в околomoгильное пространство предметы конского снаряжения.

В целом, детали конского снаряжения широко используются в хронологических построениях, при реконструкции миграционных процессов в древности и т. д. На основании анализа обнаруженных находок на данном уровне исследования удалось установить, что погребение в кургане № 1 могильника Акжайлау датируется 2-й пол. VII–VI в. до н.э. Решающее значение в определении датировки сыграли хронология конструкции узды, а также морфологические особенности двучастных подпружных пряжек. Изучение и анализ подобных предметов способствуют решению общих и частных проблем археологии сако-скифского времени, могут дать импульс новым полевым исследованиям и аналитическим разработкам.

Исследования в данном регионе запланированы на ближайшее будущее, которые более чем актуальны и необходимы, учитывая крайне малую изученность данной территории и региона в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. / Известия ИАК. 1916. Вып. 62. 94 с.
- 2 Арсланова Ф.Х. Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. 1981. № 167. С. 54–58.
- 3 Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2014. № 6 (32). С. 121–128.
- 4 Бейсенов А.З., Шаблавина Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 105–112.
- 5 Бесетаев Б.Б. Некоторые вопросы эволюции конского снаряжения скифо-сакского времени Восточного Казахстана // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 24–29.
- 6 Бесетаев Б.Б. Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 41–52.
- 7 Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М. Новые материалы по конскому снаряжению раннесакского времени из Восточного Казахстана // Археология, антропология и этнография Евразии. 2016. № 3 (44). С. 72–78.
- 8 Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград: ЛО ИА АН СССР, 1986. 24 с.
- 9 Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 8. М.: Наука, 1973. 160 с.

- 10 Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура: матер. межд. науч. конф., посвящ. 75-летию Б.А. Литвинского (г. Москва, 14–16 октября 1998 г.) / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Вост. лит., 2001. С. 179–200.
- 11 Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае (Доклад на секторе бронзы и раннего железа ИИМК 5.VII.1945) // КСИИМК. 1947. № 18. С. 9–17.
- 12 Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Сб. ст. / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд. Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1987. С. 154–163.
- 13 Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с.
- 14 Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 187 с.
- 15 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. С. 303–433.
- 16 Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. С. 21–36.
- 17 Киселев С.В. Алтай в скифское время (Майэмирская культура) // ВДИ. 1947. № 2 (20). С. 157–172.
- 18 Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удила и псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. науч. тр. / Под. ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 5–24.
- 19 Омаров Г., Бесетаев Б., Сагындыкова С. Археологические изыскания Алтайской археологической экспедиции в 2019 г. // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Сер.: Историч. 2020. № 1 (96). С. 144–154.
- 20 Самашев З. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- 21 Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник. 1966. № 8. С. 39–60.
- 22 Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. науч. тр. / Под. ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 78–90.
- 23 Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Омаров Г.К., Шакенов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е. Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке сазы 2 // Маргулановские чтения-2020: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 15–17 апреля 2020 г.). В 2-х т. Т. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 180–205.
- 24 Руденко С.И., Руденко Н.М. Искусство скифов Алтая. М.: ГМИИ, 1949. 92 с.
- 25 Черников С.С. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников (по археологическим материалам Западного Алтая) // Центральная Азия в кушанскую эпоху: тр. межд. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Т. II. (г. Душанбе, 27 сент. – 6 окт. 1968 г.) / Отв. ред. Б.Г. Гафуров. Москва: ГРВЛ, 1975. С. 282–287.
- 26 Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- 27 Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- 28 Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- 29 Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II: (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 322 с.

- 30 Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилево-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
- 31 Toleubayev A.T., Samashev Z.S., Roberts R. Appendix 1: The next Chapter. In “Gold of the Great Steppe”. Ed: R. Roberts. London: Paul Holberton Publishing, 2021. P. 158–161.

REFERENCES

- 1 Adrianov, A. V. 1916. In: *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (News of the Imperial Archaeological Commission)*, 62 (in Russian).
- 2 Arslanova, F. Kh. 1981. In: *Kratkie soobshsheniya Instituta arkheologii (Short messages of Institute of Archaeology)*, 163, 54-58 (in Russian).
- 3 Beisenov, A. Z. 2014. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya (Bulletin of Tomsk State University. Series: History)*, 6 (32), 121-128 (in Russian).
- 4 Beisenov, A. Z., Shablavina, E. A. 2015. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki (Bulletin of Tomsk State University. Historical Sciences)*, 4 (36), 105-112 (in Russian).
- 5 Besetayev, B. B. 2015. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology)*, 14, 7: Archaeology and Ethnography, 24-29 (in Russian).
- 6 Besetayev, B. B. 2016. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 2 (33), 41-52 (in Russian).
- 7 Besetayev, B. B., Kariyev, E. M. 2016. In: *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)*, 44 (3), 72-78 (in Russian and English).
- 8 Bokovenko, N. A. 1986. *Nachalnyy etap kultury rannikh kochevnikov Sayano-Altaya (po materialam konskogo snaryazheniya) avtoref. diss. kand. ist. nauk (The initial stage of the culture of early nomads Sayano-Altay (based on horse equipment): thesis of the dissertation Candidate of Historical Sciences)*. Leningrad (in Russian).
- 9 Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura saksikh plemen nizoviev Syrdarii v VII–V vv. do n.e. (po materialam Uigarak) (Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya in the 7th–5th centuries BC. (Based on the materials of Uygarak))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 10 Gorbunova, N. G. 2001. In: Sedov, A. V. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kultura (Ancient civilizations of Eurasia. History and culture)*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 179-200 (in Russian).
- 11 Gryaznov M. P. 1947. In: *Kratkie soobshsheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute of History for Material Culture)*, 18, 9–17 (in Russian).
- 12 Ermolaeva, A. S. 1987. In: Zdanovich, G. B. (ed.). *Ranniy zheleznyi vek i srednevekovie Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (The Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve)*. Chelyabinsk: Bashkir University (prepared by Chelyabinsk University), 154-163 (in Russian).
- 13 Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoy zony Kazakhskogo Altaya (epoha bronzy – rannee zhelezo) (Monument's of the foothill zone of Kazakh Altay (Bronze Age – Early Iron))*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 14 Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 1997. *Saki Nizhney Syrdarii (po materialam mogilnika Yuzhnyi Tagisken) (Saka of the Lower Syrdarya (based on the materials of the South Tagisken cemetery))*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (in Russian).
- 15 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 303-433 (in Russian).
- 16 Kadyrbayev, M. K. 1968. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana (New in the archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 21-36 (in Russian).
- 17 Kiselev, S. V. 1947. In: *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, 2 (20), 157-172 (in Russian).
- 18 Marsadolov, L. S. 1998. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekovie (Equipment of a riding horse in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University, 5-24 (in Russian).

- 19 Omarov, G., Besetayev, B., Sagyndykova, S. 2020. In: *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo universiteta im. Al-Farabi. Seriya: Istoricheskaya (KazNU Journal of history)*, 1 (96), 144-154 (in Russian).
- 20 Samashev, Z. 2011. *Berel*. Almaty: "Taimas" Publ. (in Kazakh, Russian and English).
- 21 Sorokin, S. S. 1966. In: *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological collection)*, 8, 39-60 (in Russian)
- 22 Tishkin, A. A. 1998. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekovie (Equipment of a riding horse in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages)*. Barnaul: Altai State University, 78-90 (in Russian).
- 23 Toleubayev, A. T., Zhumatayev, R. S., Omarov, G. K., Shakenov, S. T., Besetayev, B. B., Ergabylov, A. E. 2020. In: *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 180-205 (in Russian).
- 24 Rudenko, S. I., Rudenko, N. M. 1949. *Iskusstvo skifov Altaya (Altay Scythian art)*. Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts (in Russian).
- 25 Chernikov, S. S. 1975. In: Gafurov, B. G. (ed.). *Tsentralnaya Aziya v kushanskuyu epokhu (Central Asia in the Kushan period)*, vol. II, 282-287 (in Russian).
- 26 Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannyya istoriya plemen tagarskoy kultury (Origin and early history of the Tagar culture tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 27 Chugunov, K. V., Partzinger, G., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (The Royal burial mound of the Scythian time Arzhan-2 in Tuva)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- 28 Shulga, P. I. 2008. *Snaryazhenie verkhovoy loshadi i voinskie poyasa na Altae. Chast 1 (Riding horse equipment and military belts in Altai. Part 1)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- 29 Shulga, P. I. 2015. *Snaryazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priobie. Chast 2 (Horse riding equipment in the Altai Mountains and the Upper Ob river region. Part 2)*. Novosibirsk: Editorial and Publishing Center of Novosibirsk State University (in Russian).
- 30 Shulga, P. I. 2016. *Mogilnik ranneskifskogo vremeni Gilevo-10 v predgoriyakh Altaya (Gilevo-10 Early Scythian burial ground in the foothills of Altai)*. Novosibirsk: Publishing and Printing Center of Novosibirsk State University (in Russian).
- 31 Toleubayev, A. T., Samashev, Z. S., Roberts, R. 2021. In: Roberts, R. (ed.). *Gold of the Great Steppe*. London: Paul Holberton Publ., 158-161 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.05.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 27.05.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.05.2023.

Артефакт из Ахтырки: к вопросу о биметаллических чеканах эпохи скифской архаики в Евразии

© 2023 г. Скорый С.А., Зимовец Р.В.

Keywords: archaeology, Eurasia, Dnieper Forest-Steppe Left Bank, Scythian archaic, bimetallic pick-axes, military campaigns of northern nomads to East

Түйін сөздер: археология, Еуразия, Днепрлік Орманды далалық Солжағалау, ертескифтік дәуір, биметалдық чекан, солтүстік көшепенділердің шығысқа басқыншылығы

Ключевые слова: археология, Евразия, Днепровское Лесостепное Левобережье, раннескифская эпоха, биметаллические чеканы, походы северных номадов на восток

Sergey Skoryi¹ and Roman Zymovets²

¹*Corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine. E-mail: idanfirs@ukr.net

²Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Grigory Skovoroda Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine. E-mail: romanzymovets@gmail.com

Artifact from Akhtyrka: to the question of bimetallic pick-axes of the Scythian archaic era in Eurasia

Abstract. One of the objectives of the article is to introduce into scientific circulation the bimetallic pick-axe of the Scythian archaic era, found near the town of Akhtyrka, Sumy region, in the Vorskla River basin (Dnieper Forest-Steppe Left Bank). The place of discovery is located approximately 30 km away from the grandiose Belsk hillfort of the Scythian epoch. The pick-axe from Akhtyrka is the second authentically discovered example of such melee strike weapons in Ukraine after the pick-axe, which originates from Orekhovo (Donetsk region). The publication of this weapon served as an occasion for reflection on the place of bimetallic pick-axes in the circle of weapons of the population of Eurasia of the early Scythian era, their genesis, chronology, distribution routes in a huge area – the Kuban region, the North Caucasus, Transcaucasia, Asia Minor and possibly Western Asia, the Volga region, the Southern Urals, Central Asia (Aral Sea region), and Southwestern Siberia. Today, the Northern Black Sea Steppe and the Forest-Steppe of modern Ukraine can definitely be included in this area. The study confirms that bimetallic pick-axes are reliable markers of the routes of Eurasian nomads of the Scythian era, including the Scythians of the period of the famous Western Asia campaigns.

For citation: Skoryi, S., Zymovets, R. 2023. Artifact from Akhtyrka: to the question of bimetallic pick-axes of the Scythian archaic era in Eurasia. *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 3–60 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.30.60](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.30.60)

**Сергей Анатольевич Скорый¹,
Роман Витальевич Зимовец²**

¹корреспондент авторы, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Украина Ұлттық ғылым академиясының Археология институты, Киев қ., Украина

²философия ғылымдарының кандидаты, Украина Ұлттық ғылым академиясының Григорий Сковорода атындағы Философия институты, Киев қ., Украина

**Сергей Анатольевич Скорый¹,
Роман Витальевич Зимовец²**

¹автор-корреспондент, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина

²кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии им. Григория Сковороды Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина

**Ахтыркадан табылған артефакт:
Еуразиядағы скиф архаикасы кезеңінің
биметалдық чеканы жайындағы мәселеге**

Аннотация. Мақаланың мақсаттарының бірі Ворскла өз. бассейніндегі (Днепрлік Орманды далалық Солжағалау), Сумск облысындағы Ахтырка қ. жанынан табылған скифтік архаика кезеңінің биметалдық чеканын ғылыми айналымға енгізу болды. Табылымның орны скиф кезеңінің үлкен Бел қаласынан шамамен 30 км жерде орналасқан. Ахтыркадан табылған чекан – Ореховодан (Донецк облысы) алынған чеканнан кейінгі Украинадағы жақын соғыстың осындай ұру қаруының екінші нақты данасы. Осы қарудың жариялануы ерtesкиф кезеңіндегі Еуразия тұрғындарының қарулану ортасындағы биметалдық чекандардың орны, олардың генезисі, хронологиясы, өте кең ареалда – Кубан маңы, Солтүстік және Оңтүстік Кавказ, Кіші және, мүмкін, Алдыңғы Азия, Еділ бойы, Оңтүстік Орал бойы, Орталық Азия (Арал маңы), Оңтүстік-Батыс Сібірде таралуы жайлы ойлануға себепкер болды. Қазіргі таңда бұл ареалға Солтүстік қаратеңіз даласын және қазіргі Украинаның Орманды даласын қосуға болады. Биметалдық чеканның скиф кезеңіндегі еуразиялық көшпенділердің, оның ішінде атақты алдыңғы азиялық басқыншылық кезеңіндегі скифтердің бағыттарының сенімді маркері болғандығын зерттеулер дәлелдеп отыр.

Сілтеме жасау үшін: Скорый С.А., Зимовец Р.В. Ахтыркадан табылған артефакт: Еуразиядағы скиф архаикасы кезеңінің биметалдық чеканы жайындағы мәселеге. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 30–60-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.30.60](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.30.60)

**Артефакт из Ахтырки:
к вопросу о биметаллических чеканах эпохи
скифской архаики в Евразии**

Аннотация. Одной из целей статьи явилось введение в научный оборот биметаллического чекана эпохи скифской архаики, найденного возле г. Ахтырка Сумской области, в бассейне р. Ворскла (Днепровское Лесостепное Левобережье). Место находки расположено примерно в 30 км от грандиозного Бельского городища скифской эпохи. Чекан из Ахтырки – второй достоверно обнаруженный экземпляр подобного ударного вооружения ближнего боя в Украине после чекана, что происходит из Орехово (Донецкая область). Публикация этого оружия послужила поводом для размышлений о месте биметаллических чеканов в кругу вооружения населения Евразии раннескифской эпохи, их генезиса, хронологии, путей распространения в огромном ареале – Прикубанье, Северный Кавказ, Закавказье, Малая и, возможно, Передняя Азия, Поволжье, Южное Приуралье, Центральная Азия (Приаралье), Юго-Западная Сибирь. Сегодня в этот ареал однозначно можно включить Северопричерноморскую Степь и Лесостепь современной Украины. Исследование подтверждает, что биметаллические чеканы являются надёжными маркерами маршрутов евразийских кочевников скифской эпохи, в том числе скифов периода знаменитых переднеазиатских походов.

Для цитирования: Скорый С.А., Зимовец Р.В. Артефакт из Ахтырки: к вопросу о биметаллических чеканах эпохи скифской архаики в Евразии. *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 30–60. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.30.60](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.30.60)

1 Введение или немного о терминологии¹ (Скорый С.А., Зимовец Р.В.)

В кругу боевых топоров скифской эпохи и в паноплии собственно скифов встречаются, хотя и в небольшом количестве, экземпляры, достаточно отличные от иных предметов этой категории оружия ближнего боя. Их основная особенность – обязательное оформление одной из сторон боевой части топора в виде прямого или слегка изогнутого, довольно длинного, киркообразного, острого бойка. Другая сторона, чаще всего, – молоточковидная, в редких случаях – она в виде весьма широкого лезвия, свойственного боевым топорам. В основном, эти топоры имеют обычный проух, хотя некоторые отличаются наличием втулки для закрепления на топорнице. Иными словами, они могут быть проушные и втульчатые. Материалом для изготовления данной группы боевых топоров обычно служило железо (сталь), реже встречаются бронзовые или биметаллические (бронзовая втулка

¹ Сердечно благодарим коллег, оказавших содействие в подготовке настоящей работы: Вячеслава Подобеда, Юрия Полидовича, Андрея Тощева (Украина), Галию Базарбаеву (Казахстан), Дмитрия Черемисина, Марата Цагараты (Россия).

и железная боевая часть) экземпляры. Наличие острого бойка свидетельствует о том, что это было *ударное* вооружение ближнего боя.

При несомненном своеобразии данных боевых топоров (во всяком случае, в кругу вооружения культур скифского круга), по сей день нет единообразия в их наименовании.

И если на первых порах обнаружения подобного оружия исследователи не озадачивались терминологией, называя его просто топором или топориком (напр.: [Прушевская 1917: 53–54]), то впоследствии, зачастую, для одного и того же вооружения (или близкого морфологически) стали предлагаться разные термины. Так, для боевых топоров, известных на территории Сибири, особенно в Минусинской котловине, где они чрезвычайно широко представлены в тагарской культуре, а также в области ананьинской культуры Прикамья, стали использовать термин **клевец** (здесь и далее выделено авт.), зачастую распространяя это понятие и на весьма значительное число топоров, чаще всего, изготовленных из бронзы [Киселёв 1949: 115; Збруева 1952: 104, 107]. Единицы подобного оружия, встреченного в древностях савроматской культуры Поволжья и Приуралья, также стали именовать клевцами [Смирнов 1961: 75]. Близкая ситуация в терминологической оценке данного вида боевых топоров имела место и для сакских древностей Евразийской степи, например, Приаралья: их именуют клевцами-чеканами [Вишневская 1973: 98], либо клевцами [Яблонский 1996: 43].

Этот же термин был распространен, начиная с 1960-х гг., и на небольшую группу ударного оружия данного типа, известную в скифских древностях Северного Причерноморья [Іллінська 1961: 34; Мелюкова 1964: 6–68].

Говоря о своеобразии этого вооружения, В.А. Ильинская и А.И. Мелюкова отмечали наличие у клевцов *ромбовидного в сечении длинного клинка с более коротким молоточковидным обухом*.

Между тем, специалисты, изучающие культуры скифского времени Сибири, в частности карасукскую и особенно тагарскую, ударное оружие ближнего боя стали однозначно именовать **чеканами** [Членова 1967: 25, 357, табл. 7; 1981: 4–7]. При этом отмечали особенность указанного оружия: у него суживающееся, заострённое лезвие или боёк.

К слову сказать, наименование данного оружия именно чеканом – не случайно. Ещё ранее, в 1950-х гг., М.П. Грязнов предложил дифференцировать такие топоры на две группы: *чеканы* – оружие с *прямым* остриём, *клевы* – с остриём, *клювовидно загнутым* [Грязнов 1956: 39]. Именно это предложение было поддержано Н.Л. Членовой, отметившей, что в тагарской культуре оружия с загнутым бойком, т. е. клевцов, нет [Членова 1967: 25].

Впоследствии данный термин стал устойчиво использоваться при обозначении этого ударного оружия ближнего боя в культурах скифо-сибирского мира Евразии и особенно – упомянутой тагарской культуры Минусинской котловины (напр.: [Васильев 2001: Субботин 2014: 16–20]). Более того, им стали называть зачастую и ударное оружие, найденное, например, на Урале [Таиров 2010], Северном Кавказе [Пьянков 2005] и в Северном Причерноморье [Подобед, Ключнев 1993; Подобед 1994].

Ныне сложилась тенденция, когда некоторые образцы упомянутого вооружения скифской эпохи, трактуемые одними исследователями в качестве чеканов, другими, без всяких оговорок или с таковыми, называются клевцами [Алексеев 1992: 105–106; 2003: 50–52; Иванчик 2001: 42–43, 46–47; Балахванцев 2011; 2015; Папуашвили, Балахванцев 2016]. Так, А.Ю. Алексеев допускал, что термин «чекан», возможно, более точен применительно к данному оружию, но «по традиции» и учитывая наличие под бойком «клюва хищной птицы», его можно именовать «клевцом» [Алексеев 2003: 50, сноска 16].

Пожалуй, следует сказать ещё, что существует мнение и о тождестве понятий «чекан» и «клевец», нашедшее отражение в ряде работ [Кочеев 1988: 146–148; Горелик 1993: 53; Курочкин, Субботин 1993]. Собственно говоря, ещё ранее эта мысль в некоторой степени нашла отражение в монографии О.А. Вишневской [Вишневская 1973: 98].

И, всё же, очевидные морфологические отличия обуславливают целесообразность использования двух разных понятий для этих категорий оружия. По нашему мнению, подход М.П. Грязнова, предложенный ещё в 1956 г., вовсе не устарел. Так, Е.В. Черненко, работая над типологией боевых скифских топоров, выделял в группе однолезвийного оружия чеканы и клевцы-топоры. При этом, не останавливаясь на особенностях клевцов-топоров, он разделил чеканы на несколько подгрупп: *дуговидные, с расширяющимся обухом* (длиннообушные и короткообушные) и с *прямым обухом* [Черненко 1980: 88].

Исходя из конструктивных отличий, В.А. Кисель относит к чеканам ударное оружие ближнего боя со стержневидным бойком, *клевыми* же считает оружие с ножевидным бойком [Кисель 2008: 112].

Наконец, относительно недавно А.В. Шелехань также предложил выделять в совокупности боевых топоров скифского типа в Северном Причерноморье, наряду с иным оружием, две подгруппы – чеканы и клевцы. Чеканы, по мнению А.В. Шелеханя, это образцы оружия с прямой боевой частью (автор указывает лишь на одну находку подобного оружия – из Орехово), клевцы же имеют изогнутый профиль. В подгруппе «клевы» А.В. Шелехань выделяет три типа [Шелехань 2012: 6].

Примечательно, что Е.В. Черненко и А.В. Шелехань, по большому счёту, ориентировались на признаки чеканов и клевцов, предложенные – как уже отмечалось – ещё в 1950-х гг. М.П. Грязновым, однако без ссылки на первоисточник. Стоит отметить, что в статье А.В. Шелеханя на одной из иллюстраций приводится совершенно разное с точки зрения морфологических признаков оружие, но именуется при этом «чеканами» [Шелехань 2012: 5, рис. 2].

Подчеркнём, что сам по себе дифференцированный подход к ударному оружию ближнего боя с использованием терминов «чекан» и «клевец» представляется верным. Для нас **чекан** – это ударное оружие ближнего боя с *прямым*, в разной степени широким клинком, имеющим с одной стороны заострённый боёк, с другой – разной длины *молоточковидный обух*. У чекана *никогда* нет сочетания бойка и широкого лезвия, свойственного топору. **Клевец** же имеет *изогнутый* клювовидный профиль, обычно молоточковидный обух, хотя изредка он имеет широкую, рубящую часть обычную для топоров (напр., бронзовый экземпляр из Цукур-Лимана на Тамани и железный, найденный на Трахтемировском городище в бассейне р. Рось) [Прушевская 1917: 53–54, рис. 11; Ковпаненко 1971: 119, рис. 2, 41].

В любом случае данное ударное оружие ближнего боя (чеканы и клевцы) обладало единой функцией и было чрезвычайно эффективно в применении против отдельных категорий металлического доспеха. Наличие у него острого бойка (в сравнении с иным оружием ближнего боя) позволяло сосредоточить силу удара на минимальной площади поражения. Кстати, есть мнение, что появление у кочевников литых массивных шлемов типа кубанских, способных эффективно защитить голову воина, связано именно с использованием чеканов и клевцов [Варенов 1990: 58].

Чеканы и клевцы, как, впрочем, и вообще боевые топоры, являлись (судя, например, по изображениям на предметах торевтики) оружием пешего воина, используемым в рукопашном бою.

2 Материал исследования: методика, артефакт и контекст находки (Скорый С.А., Зимовец Р.В.)

2.1 Методика исследований

Чекан, которому посвящена настоящая публикация, относится к числу достаточно редких артефактов раннескифской поры, известных в евразийской ойкумене. По этой причине он явился своевременным поводом для размышлений в целом о данной группе вооружения ближнего боя в Евразии.

Для решения ряда вопросов, определяемых указанным подходом, в работе использованы различные, весьма традиционные методы осмысления археологического материала. В их числе – пространственно-географический, связанный с точным картографированием находок, что демонстрирует не только ареал, охватываемый ими, но и концентрацию находок в определенных регионах. При рассмотрении вопросов генезиса и хронологии чеканов применен метод критического анализа тех или иных точек зрения предшественников касательно указанной категории вооружения раннескифского времени. Он, в свою очередь, опирается на методы сравнительно-типологический и абсолютного датирования в археологии со свойственными им принципами. Так, при определении абсолютного возраста того или иного артефакта используются, в первую очередь, опорные, хорошо датированные, «закрытые» комплексы, где встречены подобные изделия.

В любом случае, привлечение того или иного метода диктуется самим характером изучаемого материала.

2.2 Характеристика материала. Артефакт и контекст находки

Чекан был передан нам для изучения харьковским коллекционером М.Н. Григорьянцем. Этот артефакт попал к нему в руки непосредственно от находчиков. С их слов, предмет был обнаружен в 2018 (или 2019?) г. на небольшой глубине с помощью металлодетектора в лесистой местности к западу–северо-западу от г. Ахтырка Сумской области. Это бассейн р. Ворскла в Днепровском Лесостепном Левобережье, весьма насыщенный древностями скифской эпохи. Район находки располагается примерно в 30 км к северо-востоку от грандиозного Бельского городища скифской эпохи (более 5000 га), находящегося, в основном, на территории Полтавской области и лишь в небольшой степени (северная часть) заходящего в Сумскую область.

По информации М.Н. Григорьянца, недалеко от места обнаружения чекана был найден также ряд изделий из бронзы скифской поры. Это – удила со стремячкovidными окончаниями (целое звено и два фрагмента, концы «стремячка» опущены вниз, грызла покрыты выпуклым орнаментом в виде «квадратиков»), 12 двулопастных наконечников стрел с высокой втулкой (два наконечника были поломаны), бронзовое зеркало с центральной ручкой-петелькой и высоким бортиком. Все эти предметы М.Н. Григорьянец осматривал лично.

Говорить о данных находках как инвентаре, происходящем из конкретного погребения воина раннескифской поры, в свете данной информации, увы, не приходится, хотя, судя по всему, предметы относятся к одному и тому же хронологическому горизонту. Есть ещё два момента, позволяющие отказаться от возможной версии погребения. Во-первых, смущает очень хорошая сохранность железа (стали) биметаллического чекана, что не свойственно оружию, найденному в погребениях, но является вполне обычным для железных изделий скифской поры (в том числе вооружения), обнаруженного на небольшой глубине. Во-вторых, в кругу исключительно «мужских» воинских аксессуаров присутствует бронзовое зеркало – инвентарь, свойственный женским захоронениям.

В качестве очень осторожной версии можно допустить, что все данные находки маркируют некое культовое место. Возможно, в пользу этой версии свидетельствуют сильно повреждённые бронзовые удила, что могло быть связано с проявлением ритуальной порчи [Скорый и др. 2022].

Публикуемый чекан изначально состоял из четырех основных деталей: металлических – боевой ударной части; бронзовой втулки; втока; и деревянной – несохранившейся рукояти (или топорща), на которую крепились первоначально металлические части (рис. 1–2).

Боевая, ударная часть изготовлена из одного железного (или стального), довольно прямого и узкого, хорошо прокованного, клинообразного бруска общей длиной 25,5 см с чётко выраженным ребром жесткости по центру, плавно сужающегося к острию.

Боевая часть включает в себя киркообразный боёк, ромбовидный в сечении, длиной 15,5 см, максимальной шириной до 2,0 см и молоточковидный обух, ромбовидный в сечении, длиной 7,5 и максимальной шириной до 1,5 см. Она была вставлена и закреплена в бронзовой втулке. Боевая часть чекана отличается весьма хорошей сохранностью. Вместе с тем, следует отметить, что острие бойка в определённой степени расклепано, возможно, при сильном ударе (или ударах) о какую-либо металлическую поверхность.

Втулка чекана – бронзовая, цилиндрическая, изготовленная в технике литья по утрачиваемой двухсторонней модели. Длина (высота) ее 6,8 см. В поперечном сечении имеет овальную форму диаметром 3,0×2,5 см. Сверху втулка перекрыта грибовидным навершием в виде выпуклого щитка овальной формы, лежащего краями на боевой ударной части. Ниже навершия расположен горизонтальный валик, точно совпадающий с ребром жёсткости на ударной части чекана. Почти прямой угол в месте сочленения втулки и бойка украшен стилизованным изображением объёмной головки хищной птицы. Глаза птицы моделированы двумя сквозными отверстиями, клюв – длинный, загнутый, похоже, со следами позднего облома. Этот декоративный элемент находился на самой втулке и, несомненно, был отлит вместе с ней. Длина головки – 1,4 см, ширина – 1,0 см.

Крепление боевой части клинка в бронзовой втулке осуществлялось следующим образом. Пластина вставлялась в двусоставную форму и заливалась бронзой. Затем втулка закрывалась сверху грибовидной шляпкой. Таким образом боевая часть чекана надёжно закреплялась в бронзовой втулке. В процессе коррозии образовались «наплывы» железа на бронзу втулки.

Основное крепление втулки чекана на топорщице осуществлялось в её нижней части с помощью круглого бронзового штифта, проходящего через древесину топорща и закреплённого с двух сторон в отверстиях. Кроме того, с одной из сторон, выше указанного крепления, примерно по центру втулки находится еще одно отверстие, возможно, также игравшее дополнительную крепёжную роль.

На этой же стороне втулки видны следы помятости в виде трёх продолговатых, косых углублений, нанесённых, вероятно, лопатой находчиков в момент расчистки металлического предмета. На одном из участков нижняя часть втулки имеет, судя по всему, древнее повреждение (рис. 1).

Вток, венчавший конец топорща, имеет вид продолговатого цилиндра, овального в сечении, с округлой нижней частью длиной 7,9 см и диаметром 2,6×2,0 см. В верхней части втока, на расстоянии 1,0 см от края расположен горизонтальный валик, подобный тому, что находится в верхней части бронзовой втулки. В центре указанного валика, с двух сторон круглые отверстия, в которых закреплён железный штифт, с помощью которого вток фиксировался на конце топорща. В районе крепления штифта видны налёты коррозии железа. В нижней части втока находится овальная лакуна (1,8×0,9–1,0 см), несомненно, литейный брак, образовавшийся при недоливе металла в форму (рис. 2).

При учёте различия диаметров отверстия втулки и втока складывается представление, что деревянное топорище в месте крепления втока слегка сужалось. Общая длина топорища, к сожалению, не ясна.

По поводу длины рукоятей боевых топоров (соответственно, чеканов и клевцов) существуют следующие представления. В.А. Ильинская и А.И. Мелюкова (принимавшие во внимание, в первую очередь, изобра-

Рис. 1. Биметаллический чекан из Ахтырки, Сумская область
1-сур. Ахтыркадан табылған биметалдық чекан, Сумск облысы
Fig. 1. Bimetallic pick-axe from Akhtyrka, Sumy region

Рис. 2. Бронзовый вток биметаллического чекана из Ахтырки

2-сур. Ахтыркадан табылған биметалдық чеканның қоладан жасалған ұңғысы

Fig. 2. Bronze counter-weight of bimetall pick-axe from Akhtyrka

жения данного оружия ближнего боя на предметах торевтики и монетах) полагали, что она соответствовала длине руки человека [Іллінська 1961: 43] или равнялась примерно 1/3 человеческого роста [Мелюкова 1964: 68].

В принципе, размер рукояти или топорища боевого топора, скорее всего, действительно определялся индивидуальными особенностями воина – его ростом и длиной руки. Похоже эти соображения подтверждают широко известный парадный топор с сохранившейся рукоятью из кургана 1/Ш Клермесского могильника (длина 73,3 см) [Кисель 1997: 4] и зафиксированная археологически длина рукояти тех же чеканов в некоторых погребениях, например, в кургане № 2 некрополя Джал-Арык II (Западный Тянь-Шань, Кыргызстан), где она равнялась 55 см [Ташбаева 2011: 45–46, рис. 9].

3 Рассуждения (Скорый С.А., Зимовец Р.В.)

3.1 Место изделия в кругу биметаллических чеканов Евразии

Публикуемый экземпляр оружия относится к группе биметаллических чеканов, боевая часть которых (боёк и обушок) имеют вид единой пластины, изготовленной из высококачественного железа или

стали. Трубчатая цилиндрическая втулка отлита из бронзы и, как правило, украшена птичьей головкой. В редких случаях биметаллические чеканы украшены двумя птичьими головками, «палочкой» на втулке или же вообще не имеют подобного рода украшений.

В своё время это оружие ближнего боя в *отдельную группу* чеканов выделила Н.Л. Членова [Членова 1981: 4–7]. Позже эту идею поддержал и развил А.С. Балахванцев, подчёркивающий, что именно сочетание *этих двух признаков (биметаллизм и наличие литой птичьей головки)* позволяет выделять данные экземпляры (в т. ч. среди биметаллических) в особую группу чеканов или **клецов** по его терминологии [Балахванцев 2015: 22].

Рис. 3. Карта находок биметаллических чеканов на территории Евразии
3-сур. Еуразиядағы биметалдық чекандардың табылу картасы
Fig. 3. Map of finds of bimetall pick-axes in Eurasia

Ареал таких чеканов обширен и охватывает следующие регионы Евразии: Прикубанье, Северный Кавказ, Закавказье, Малую (Анатолия) и, возможно, Переднюю Азию, Поволжье, Южное Приуралье, Центральную Азию (Приаралье), Юго-Западную Сибирь. Ныне можно говорить однозначно и о степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья (рис. 3). При этом число самих находок не особенно невелико.

Подобные чеканы вполне обоснованно многими исследователями рассматриваются в качестве одного из выразительных элементов древнейшей культуры кочевников раннего железного века, аутентичного или привнесённого извне: у собственно скифов (напр.: [Пиотровский 1989: 8; Подобед, Ключнев 1993; Подобед 1994: 161; Балахванцев 2011: 44–49; 2015: 24 и др.]) и племён скифского «круга» – саков, савроматов (напр.: [Смирнов 1961: 75; Курочкин, Субботин 1993: 61–62; Дударев 1998: 89]). Впрочем, есть мнение о них как элементах киммерийско-скифской панолии (напр.: [Алексеев 1992: 37; 2003: 50]) или одной из категорий материальной культуры собственно киммерийцев (напр.: [Иванчик 2001: 49]).

В любом случае, биметаллические чеканы, по мнению ряда исследователей, маркируют направления и маршруты древнейших номадов раннего железного века: исходные территории, места пребывания кочевников в ходе тех или иных военных акций, пути возвращения на историческую родину.

«Биметаллические чеканы, – совершенно справедливо подчёркивал А.Ю. Алексеев, – одна из немногих категорий, которая в *наибольшей степени* характеризует направление и маршрут ранней волны кочевников» [Алексеев 1992: 37; 2003: 50].

Картографирование данных артефактов, составление их каталогов уже имеют свою историю. Разумеется, со временем число чеканов данной группы несколько увеличилось, хотя и незначительно. Картографирование биметаллических чеканов с головкой хищной птицы осуществлено Г. Коссаком [Kossack 1983: 181, Karte], Б.Б. Пиотровским [Пиотровский 1989: 10, рис. 8], А.Ю. Алексеевым [Алексеев 1992: 202, рис. 1; 2003: 374, рис. 4]. Перечни различного количества находок даны в целом ряде работ, наиболее ранняя из которых принадлежит Н.Л. Членовой [Членова 1981: 5, рис. 1]. Позже они опубликованы С.В. Кузьминых, В.А. Подобедом – М.Н. Ключневым, А.И. Иванчиком, А.Ю. Алексеевым, А.В. Пьянковым, А.Д. Таириным, В.И. Козенковой, А.С. Балахванцевым [Кузьминых 1983: 142; Подобед, Ключнев 1993; Подобед 1994; Иванчик 2001; Алексеев 2003; Пьянков 2005; Таиринов 2010; Козенкова 2014; Балахванцев 2015].

Важны сводные таблицы иллюстраций чеканов, представленные в статьях Н.Л. Членовой, Б.Б. Пиотровского, В.И. Козенковой, монографиях А.И. Иванчика и А.Ю. Алексеева [Членова 1981: 5, рис. 1; Пиотровский 1989: 9, рис. 7; Козенкова 2014: 161, рис. 1; Иванчик 2001: 46–47, рис. 23; Алексеев 2003: 374, рис. 4].

Каталог А.С. Балахванцева является наиболее полным (15 находок) и обстоятельным, хотя и неисчерпывающим всего круга находок (о чём – далее), с довольно подробным описанием условий обнаружения, предлагаемыми датами и пр. [Балахванцев 2015: 23]. Отметим, что в каталогах Н.Л. Членовой фигурируют 6 биметаллических чеканов с головками хищных птиц, у Б.Б. Пиотровского – 8, у В.А. Подобед – М.Н. Ключнев – 11, А.В. Пьянкова и А.И. Иванчика – 12, А.Ю. Алексеева – 10, А.Д. Таирина – 14, В.И. Козенковой – 8 экз. (еще два изделия к чеканам не относятся).

Однако, принимая во внимание общую немногочисленность биметаллических чеканов, имеет смысл рассматривать не только экземпляры с головкой хищной птицы на втулке, но и биметаллические чеканы без подобных головок или имеющие под бойком выступ в виде «палочки». Еще один аргумент в пользу такого общего рассмотрения заключается в том, что литые втулки чеканов с головкой хищной птицы и без таковой изготовлены сходным образом и достаточно близки внешне, отличаясь лишь в деталях.

Вместе с тем, стоит согласиться с мнением В.А. Подобед о том, что практически все биметаллические чеканы обладают чертами индивидуальности и абсолютно идентичных экземпляров среди них нет [Подобед, Ключнев 1993: 45; Подобед 1994: 182]. Нужно также учесть, что у ряда найденных чеканов железная (или стальная) боевая часть сохранилась крайне плохо в результате коррозии. Эти обстоятельства не позволяют предложить какую-либо обоснованную *типологию* данного вооружения.

Приведём каталог находок чеканов, взяв за основу подборку А.С. Балахванцева, со ссылками, по возможности, на первоисточники (табл. 1)².

² Далее номера по тексту соответствуют номерам в Таблице 1.

Таблица 1 – Каталог биметаллических чеканов Евразии
1-кесте – Еуразия биметал чекандарының каталогы
Table 1 – Catalogue of bimetallic pick-axes of Eurasia

№	Место находки	Иллюстрация	Источник
1	Боровая, Западная Сибирь		Могильников 1992: с.466, табл. 116:10
2	Урочище Гора Сулак, Оренбург		Смирнов 1964: рис. 77:16; Иванчик 2001: с. 46, рис. 22: 2
3	Бугурусланский район, Оренбургская область		Балахванцев 2015: рис. 1
4	Шантарино, Челябинская область		Таиров 2010: с. 108
5	Ананьинский могильник, погребение "G", раскопки П.А.Пономарева 1877 г.		Васильев 2002: с.276, кат. II-49
6	Ананьинский могильник, погребения IX-X-XI, раскопки П.В.Алабина 1858 г.		Васильев 2002: с.278, кат. II-52
7	Ананьинский могильник, покупка И.Р.Аспелина в 1870-х годах		Васильев 2002: с.277, кат. II-51
8	Уйгарак, к. 84, Приаралье		Иванчик 2001: с. 46, рис. 22: 7
9	Имирлер, Центральная Анатолия		Иванчик 2001: с. 47, рис. 22: 8
10	Район Муша, Восточная Анатолия		Иванчик 2001: с. 47, рис. 22: 9
11	Турция, хранится в археологическом музее Стамбула		Иванчик 2001: с. 47, рис. 22: 12
12	Таманский полуостров		Мурзін, Шлайфер 2008: с. 51 рис. 9

Окончание таблицы 1

1-кестенің соңы

End of table 1

13	Цаиши, Колхида		Папуашвили, Балахванцев 2016, рис. 1:1
14	Западная Азия, хранится в Метрополитен музей (Нью-Йорк)		Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/325704 . (Accessed: 09.01.2022).
15	Турция, хранится в Британском музее (Лондон)		Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1969-0719-1 . (Accessed: 09.01.2022).
16	Ореховое, Донецкая область		Подобед, Ключнев 1993: с.45-46; Подобед 1994: с. 183-184
17	Ахтырка, Сумская область		Фото: Р.В. Зимовец
18	Перкальский могильник у Пятигорска		Иванчик 2001: с. 46, рис. 22: 5
19	Могильник Ергета II, Колхида		Папуашвили, Балахванцев 2016: рис. 1:2
20	Могильник Ергета II, Колхида		Папуашвили, Балахванцев 2016: рис. 1:3
21	Могильник Гунделен, Северный Кавказ		Виноградов 1972: с. 346, рис. 30:12; Иванчик 2001: с. 46, рис. 22: 6
22	Станица Пластуновская, Кубань		Пьянков 2005: рис. 1
23	Могильник Кичигино I, Южное Зауралье.		Таиров, Боталов 2012: рис. 2:6
24	Городище Нум-то III, Югра, Западная Сибирь		Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова 1994: с. 145, № 192

Чеканы с птичьей головкой под бойком

1) деревня *Боровая*, Нижнее Притоболье, **Западная Сибирь**. Случайная находка [Могильников 1992: табл. 116, 10]. В.А. Могильников датировал чекан по аналогии с экземпляром из кургана № 84 в Уйгараке VII–VI вв. до н.э. [Могильников 1992: 279], А.С. Балахванцев, указывая на сильную стилизацию птичьей головки западносибирского чекана, считает возможным ограничить его дату **VI в. до н.э.** [Балахванцев 2015: 23].

2) урочище *Гора Сулак* возле Оренбурга, **Приуралье**. Случайная находка [Смирнов 1964: рис. 77, 16]. По мнению К.Ф. Смирнова, оружие изготовлено ананьинским мастером и попало в савроматскую среду в качестве импорта [Смирнов 1961: 75].

3) *Бугурусланский район*, Оренбургская область, **Приуралье**. Случайная находка на распаханном поле. Раннескифское время. Частная коллекция [Балахванцев 2011; 2015]. Отличительной особенностью данного чекана является наличие двух птичьих головок – одна сверху бронзовой втулки, другая – под бойком. А.С. Балахванцев датирует бугурусланский экземпляр **2-й пол. VII – началом VI в. до н.э.** [Балахванцев 2011: 46].

4) *Село Шантарино*, Челябинская область, **Южное Зауралье**. Случайная находка 2010 г., в 3,2 км к югу от села, на левом берегу р. Каракулька [Таиров 2010].

5–7) Чеканы из *Ананьинского могильника*, **Поволжье**. Один найден в могиле «Г» [Збруева 1952: табл. XXII, 4], другой происходит из погребения № 9-10-11, ещё один чекан приобретен у местных крестьян [Кузьминых 1983: 142, 253, табл. LVI, 7–8, 10; Васильев 2001: рис. 2, 3]. Чеканы датировались **самым концом VI или началом V в. до н.э.** [Збруева 1952: 106; Кузьминых 1983: 142; Васильев 2001: 36]. Однако, А.Ю. Алексеев, учитывая датировку стрел из погребения «С», одновременного, по его мнению, с погребением «Г», предложил для них дату **VII в. до н.э.** [Алексеев 2003: 5]. Вопрос о дате данного захоронения будет рассмотрен нами специально.

8) *Уйгарак*, могильник, курган № 84, **Приаралье, Центральная Азия** [Вишневская 1973: табл. XX, 1]. Боёк чекана обломан. Изделие было в комплекте с бронзовым втоком. Погребение, в котором найден биметаллический чекан, по составу комплекса и, прежде всего, колчанному набору, датировалось О.А. Вишневской **ранним VI в. до н.э.** [Вишневская 1973: 123]. Впоследствии Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин предложили удревнить комплекс до **VIII–VII вв. до н.э.** [Курочкин, Субботин 1993: 59]. Подробнее на этом вопросе остановимся далее.

9) деревня *Имирлер* близ Амасьи, **Центральная Анатолия (Турция), Малая Азия**.

Кочевническое погребение обнаружено при грабительских раскопках в 1971 г. Сохранился представительный инвентарь: помимо биметаллического чекана с втоком, железный меч, колчаный набор, бронзовые удила от конской уздечки [Ünal 1982: 65–81].

По поводу даты этого погребения существуют различные мнения (от **1-й пол. VII до начала VI в. до н.э.**). Этот вопрос мы рассмотрим более подробно ниже.

10) Район *Муша*, к западу от озера Ван, **Восточная Анатолия**. Случайная находка [Пиотровский 1989: рис. 7, 8].

11) Чекан из собрания *Археологического музея в Стамбуле* [Иванчик 2001: 47, рис. 22, 12]. Точное место обнаружения предмета не известно. Скорее всего, данный чекан найден на территории **Турции** [Иванчик 2001: 48].

12) *п-ов Тамань, Прикубанье*, случайная находка [Мурзін, Шлайфер 2007: 112–113, рис. 3, 3; 2008: 49, 51, рис. 4, 3; 9]. Авторы относят данное оружие к **эпохе скифской архаики** [Мурзін, Шлайфер 2007: 111].

13) деревня *Цаиши*, р-н Зугдиди, Западная Грузия, Колхида, **Закавказье**. Случайная находка 2005 г. в районе грунтового разрушаемого могильника [Папуашвили, Балахванцев 2016: 291, рис. 1, 1; 2: 9].

На первых порах А.С. Балахванцев, указывая, что наиболее близкой аналогией цаишской находке является клевец из д. Боровая в Западной Сибири, склонен был относить его к **VI в. до н.э.** [Балахванцев 2015: 23], но позже, учитывая степень проработки головки хищной птицы под бойком, стал не исключать и **конец VII в. до н.э.** [Папуашвили, Балахванцев 2016: 203].

14) Чекан из собрания *Метрополитен Музея в Нью-Йорке* [Пиотровский 1989: рис. 7, 4; Иванчик 2001: рис. 22, 3; Алексеев 2003: рис. 4, 10]. Точное место находки *неизвестно*, однако в электронном каталоге музея указано происхождение: «**Западная Азия**» и дата **VI–V вв. до н.э.**³

Этот чекан имеет ряд особенностей. Во-первых, это единственный экземпляр, у которого втулка изготовлена из серебра, а не из бронзы, как у остальных. Во-вторых, на шляпке втулки изображен свернувшийся хищник. В-третьих, у данного экземпляра имеются две птичьи головки: одна – под бойком, а другая – под обушком. Датируется **2-й пол. VII – началом VI в. до н.э.** [Горелик 1993: табл. XXVIII, 84] или **VI–V вв. до н.э.** [Фаркаш 1992: 170]. Первая дата представляется более верной [Алексеев 2003: 51]. Следует подчеркнуть, что это единственный чекан с паспортом «Западная Азия», т. е. теоретически, он может происходить с территории Ирана и Ближнего Востока, хотя не исключено и его малоазийское происхождение.

15) Чекан из собрания *Британского музея в Лондоне* [Curtis, Kruszynski 2002: 74, fig. 43, № 178; *Forgotten Empire* 2005: 234, № 438]. Место находки – **территория Турции**. В электронном каталоге музея датирован около 600 г. до н.э.⁴

16) село *Орехово*, Антрацитовский район Донецкой области, **Украина**. Чекан – случайная находка. Был отнесён к **VIII–VII вв. до н.э.** [Подобед, Ключнев 1993: 45–46; Подобед 1994: 183–184].

17) *Ахтырка*, бассейн р. Ворскла, **Днепровское Лесостепное Левобережье**. Чекан обнаружен в лесистой местности, к западу – северо-западу от г. Ахтырка Сумской области. Случайная находка. Частная коллекция.

Чеканы без птичьей головки под бойком

18) *Перкальский могильник* кобанской культуры, **Северный Кавказ**. Чекан происходит из некоего разрушенного погребения, являясь, по сути, случайной находкой [Егоров 1955: 60, рис. 20, 3; Мелюкова 1964: табл. 21, 6]. Н.Л. Членова обратила внимание на сходство этого изделия с тагарскими бронзовыми чеканами, в частности, на наличие «палочки» между бойком и втулкой (на месте птичьей головки), являющейся характерной особенностью раннетагарских чеканов [Членова 1967: 26]. Перкальский могильник датируется VII в. до н.э. или концом VII–VI в. до н.э. В контексте удревнения ранних этапов тагарской культуры вероятной представляется более ранняя датировка (об этом – ниже).

19–20) Село *Эргета*, западная часть, район Зугдиди, Западная Грузия, Колхида, **Закавказье**, могильник Эргета II (расположен в 13,5 км от Цаиши), могильная яма № 11. В ней в сопровождении разнообразного инвентаря найдены два биметаллических чекана. Один – с сохранившейся боевой

³ Axe head. Scythian. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/325704> (accessed: 09.01.2022).

⁴ Pick-axe. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1969-0719-1 (accessed: 09.01.2022).

железной частью, хотя и сильно коррозированной. Второй представлен только бронзовой втулкой и фрагментом ударной части [Папуашвили, Балахванцев 2016: 200, рис. 1, 2–3]. По оформлению втулки оба чекана чрезвычайно похожи на экземпляр из Цаиши и, по-видимому, предположение авторов публикации, что они также имели головку хищной птицы под бойком, как и чекан из Цаиши, вполне резонное.

По хронологической шкале, разработанной Р.И. Папуашвили, могильники, содержащие инвентарь, сходный с инвентарем из Эргета, датируются **концом VII – началом VI в. до н.э.** [Папуашвили, Балахванцев 2016: 200].

21) *Могильник Гунделен*, верховья р. Баксан, Кабардино-Балкария, **Северный Кавказ**. Сохранилась круглая бронзовая втулка с двумя валиками в верхней части, а также не идентифицируемые фрагменты металла в верхней части [Виноградов 1972: 125, рис. 30, 12].

22) *Станица Пластуновская*, Краснодарский край, случайная находка. Фрагментированный чекан (уцелела бронзовая втулка с фрагментом железной пластины) обнаружен на пахотном поле. Втулка – конической формы, нерегулярной огранки (этой деталью она проявляет сходство с чеканом из Орехово). Сверху закрыта грибовидной шляпкой, под которой – два валика. Судя по линии облома в верхней части втулки, там располагалась птичья головка [Пьянков 2005: 280–281].

23) *Могильник Кичигино I*, курган № 5, могила № 1, **Южное Зауралье**. Биметаллический чекан обнаружен в богатом мужском воинском захоронении, единственном в кургане. Чекан располагался с правой стороны от костяка, в верхней части бедра боевой частью к ногам. Инвентарь погребения, в который входили зеркало с длинной заостренной ручкой, архаический набор стрел, поясные обоймы и бляхи-застежки, подкововидные бляхи, бронзовые и золотые бляхи, выполненные в зверином стиле (идуший хищник кошачьей породы, хищник кошачьей породы анфас, мотив сложного завитка и т. д.) позволили авторам раскопок включить его в состав «аржано-кичигинского хронологического горизонта» памятников Азиатской части степной Евразии, датируемого **2-й пол. VII – 1-й пол. VI в. до н.э.** [Таиров, Боталов 2010: 55–68].

24) *Городище Нум-то III*, **Западная Сибирь**. Дата при публикации: середина – 2-я пол. I тыс. до н.э. [Зыков и др. 1994: 145, № 193]. Учитывая заметную «стилизацию птичьей головки, увенчивающей втулку клевца», А.С. Балахванцев предложил для чекана дату **конец VII – 1-я пол. VI в. до н.э.** [Балахванцев 2015: 23].

Можно ли рассматривать плавный изгиб верхней части втулки в качестве стилизованной птичьей головки (что предполагают публикаторы чекана и А.С. Балахванцев) – вопрос не простой. Однако, в любом случае, это изделие не относится к группе биметаллических чеканов, имеющих литую головку хищной птицы под бойком.

Итак, в настоящее время мы располагаем достоверными сведениями о **24** биметаллических чеканах, у **17** из которых под бойком – скульптурное изображение головки хищной птицы. Следует отметить, что эта наиболее тонкая деталь биметаллических чеканов в наибольшей степени подвержена повреждениям: обломам, окислениям со стороны бойковой части. Она также являлась наиболее сложной деталью для отливки. Поэтому не исключено, что у части клевцов (в частности, из станицы Пластуновской, Гунделена, Эргета) головки птиц утрачены в силу различных причин. То есть с высокой долей вероятности можно утверждать, что биметаллические чеканы без птичьей головки под бойком являются, скорее, *исключением* из общего правила: у подавляющего большинства экземпляров скульптурная головка птицы присутствует.

По информации, размещенной в статье Р.И. Папуашвили и А.С. Балахванцева, есть сведения ещё, как минимум, о **5** биметаллических чеканах с головкой птицы под бойком. Один экземпляр

найден на Северном Кавказе и находится в частной коллекции в Москве, иллюстрации ещё четырёх, обнаруженных в Харьковской и Винницкой областях, появлялись на сайтах Интернета [Папуашвили, Балахванцев 2016: 202, ссылка 2]⁵. Разумеется, эти факты требуют проверки, но сбрасывать со счёта сведения о том, что подобные чеканы могут быть встречены и в Днепровском Правобережье Украины, не стоит.

Публикуемый нами чекан из окрестностей г. Ахтырка по форме боевой железной части – в виде прямого, довольно узкого бруска с зауживающимся бойком и молоточковидным обушком, а также по оформлению верхней части бронзовой втулки и головке хищной птицы под бойком более всего напоминает чекан из Имирлера (Анатолия). Отличие представляется незначительным: у нашего чекана в верхней части втулки имеется один горизонтальный валик, а у экземпляра из Имирлера – два. Впрочем, объективности ради, нужно указать, что боевая часть из железа имирлерского оружия повреждена коррозией. В любом случае эти два чекана не являются абсолютно идентичными, хотя чрезвычайно подобны. По внешнему виду боевой части – узкий прямой брусок – ахтырскому чекану близок экземпляр, найденный на Тамани и хранящийся в Музее оружия в Запорожье (впрочем, прямой железный брусок весьма сильно повреждён коррозией).

Стоит отметить, что комплектность – боевая металлическая часть чекана и бронзовый вток для топорища, подобно тому, как это имеет место в Ахтырке, встречена ещё лишь в четырёх случаях: в кургане № 84 могильника Уйгарак, при чеканах в Имирлере, погребении “G” Ананьинского могильника и кургане № 5 могильника Кичигино I. Внешне все эти втоки различаются. Однако их объединяет одна черта, видимо, присущая всем чеканам. Судя по диаметрам втулок боевой части и втоков, деревянные рукояти сужались к концу, на котором закреплялся вток.

Нужно особо подчеркнуть, что чекан из Ахтырки – это вторая, после Орехово, достоверная находка данного вида оружия в Украине. При этом ахтырский чекан достаточно отличается от ореховского экземпляра. Последний имеет довольно широкий боёк и обушок в сечении в виде сильно вытянутого ромба (рис. 4).

3.2 Датировка биметаллических чеканов

Большинство биметаллических чеканов являются *случайными находками (12 экз.)*. Один чекан найден *на городище*, т. е. вне закрытого комплекса. Ещё 11 обнаружены на территории могильников, однако среди них в закрытых комплексах – только 6 чеканов: в кургане № 84 могильника Уйгарак, в Имирлере, кургане «G» в Ананьино, в могильной яме № 11 могильника Эргета II (2 экз.), в погребении № 1 кургана № 5 могильника Кичигино I.

Таким образом, можно говорить лишь о 5 захоронениях, являющихся *закрытыми комплексами*, имеющими особое значение для определения времени бытования биметаллических чеканов. Весьма важно, что эти опорные комплексы расположены на различных территориях Евразии: в За-

⁵ В последнее время в социальных сетях, в частности в ФБ, выставляются фото ряда биметаллических чеканов, как правило, хорошей сохранности. Это копии иллюстраций изделий, появляющихся на различных аукционах. Нам удалось учесть примерно *около десятка* подобных артефактов. При этом все они имели литую головку хищной птицы под бойком. К сожалению, достоверно (для всех изделий) не известно: а) из *каких регионов Евразии они происходят*, б) *их нынешняя судьба*. В любом случае для *всестороннего* научного исследования данные находки нам не доступны. По указанным причинам, считаем невозможным включить их в настоящую работу в качестве *полноценного* исторического источника. Вместе с тем, сам факт находок и внешний вид чеканов свидетельствуют, по-видимому, о *более широком, чем считалось ранее*, распространении данного вооружения в евразийском ареале и о его определённой *типологической вариативности*.

Рис. 4. Биметаллический чекан из Орехово, Донецкая область.
Фото из архива Донецкого краеведческого музея,
публикуется впервые

4-сур. Донецк облысы, Ореховодан табылған биметалдық чекан.
Сурет Донецк өлкетану музейінің архивінен алынды,
бірінші рет жариялануда

Fig. 4. Bimetallic pick-axe from Orekhovo, Donetsk region.
Photo from the archive of the Donetsk Museum of Local History,
published for the first time

кавказье, Колхида, Грузия (могильник Эргета II); Поволжье (Прикамье) (могила «G» Ананьинского могильника); Южном Зауралье (курган № 5 могильника Кичигино I); Приаралье (погребение в кургане № 84 могильника Уйгарак); Малой Азии (захоронение в Имирлере близ Амасьи).

На основании дат трёх из упомянутых комплексов, наиболее ярких и значимых (Имирлер, Уйгарак, Ананьино), бытование биметаллических чеканов определяется рядом исследователей в рамках VIII–VII вв. до н.э. [Курочкин, Субботин 1993; Подобед 1994; Подобед, Ключнев 1993].

Но так ли это? Обратимся ещё раз к погребальному инвентарю указанных захоронений – маркёров и выясним, на чём основаны представления об их хронологии.

Но вначале отметим следующие моменты. Два чекана из могильной ямы в некрополе

Эргета II (Колхида, Закавказье) убедительно датируются **концом VII – началом VI в. до н.э.** [Папуашвили, Балахванцев 2016: 200].

Могила № 1 кургана № 5 могильника Кичигино I по совокупности инвентаря также весьма аргументировано датируется **2-й пол. VII – 1-й пол. VI в. до н.э.** [Таиров, Боталов 2010: 55–68].

Чекан, происходящий из разрушенного погребения Перкальского могильника кобанской культуры, достаточно определенно отнесён В.И. Козенковой к одному из кенотафов, который вполне аргументировано может датироваться **VII в. до н.э. или концом VII–VI в. до н.э.**, учитывая чётко определённые хронологические позиции самого могильника [Козенкова 2014: 101].

Итак, рассмотрим 3 основных закрытых погребальных комплекса, которые стали основанием для определения хронологии биметаллических чеканов раннего железного века в Евразии.

1) Имирлер, к северу от г. Амасья, Анатолия, Малая Азия.

Кочевническое погребение обнаружено при грабительских раскопках. Однако сохранился разнообразный инвентарь. В него входят: длинный железный меч с почковидным перекрестьем и брусковидным навершием (78,8 см), колчаный набор – 28 бронзовых наконечников стрел (для на-

учного изучения доступными стали лишь семь из них), биметаллический чекан (втулка бронзовая) с рифленным уплощённым втоком, бронзовые удила со стремячкovidными окончаниями и золотой браслет, который был продан неизвестному лицу [Ünal 1982: 65–81].

По поводу даты этого яркого погребального кочевнического комплекса существуют разные точки зрения. В. Юнал, публикатор материалов погребения, отнёс указанный набор стрел к VII – началу VI в. до н.э. [Ünal 1982: 81]. А.Ю. Алексеев датировал данный комплекс на первых порах 1-й пол. – сер. VII в. до н.э. [Алексеев 1992: 85–86], далее – сер. VII в. до н.э. [Алексеев и др. 1993: 84], наконец – 2–3-й четв. VII в. до н.э., ориентируясь на позиции С.В. Полина, касаемые хронологии скифских архаических наконечников стрел [Алексеев 2003: 149]. И.Н. Медведская отнесла комплекс из Имирлера ко 2-му этапу по предложенной ею периодизации скифской архаики, что в абсолютных датах соответствует 700–650 гг. до н.э. [Медведская 1992: 95].

Отталкиваясь от хронологических разработок И.Н. Медведской, версию о том, что могила в Имирлере должна датироваться не позднее 1-й пол. VII в. до н.э. поддержали Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин [Курочкин, Субботин 1993: 59]. С.Л. Дударев предложил в качестве даты погребения в Имирлере **середину VII в. до н.э.** [Дударев 1998: 89]. А.И. Иванчик полагает, что данный комплекс следует относить к «раннему этапу келермесского периода, видимо, несколько раньше Келермесских курганов Веселовского» [Иванчик 2003: 48]. Наконец, С.В. Махортых, основательно проанализировавший комплекс из Имирлера, в первую очередь стрелковый набор, на наш взгляд, вполне справедливо датирует его **концом VII или началом VI в. до н.э.** [Makhortykh 2022: 64].

Действительно, из сохранившихся семи бронзовых наконечников стрел пять относятся к двулопастным с лавролистной или остролистной головкой т. н. келермесского типа, дата которых – конец VII – начало VI в. до н.э. Естественно, при датировании комплекса находок методически верно ориентироваться на самые поздние из них. Не относится к числу древнейших и железный меч довольно больших размеров с почковидным перекрестьем и брусковидным навершием, уплощенной в сечении ручкой. Подобное оружие характерно для VII–VI вв. до н.э. [Алексеев и др. 1993: 84] и ограничивать его дату исключительно рамками VII в. до н.э. было бы неверным.

2) Село Ананьино близ Елабуги, Татарстан, *Прикамье*. Грунтовый могильник, **погребение «Г»**.

Раскопки П.А. Пономарёва. Мужское погребение, костяк сохранился плохо. Из инвентаря – каменные плитки в головах, биметаллический чекан с бронзовой втулкой и железным остриём, глиняный сосуд, на краю которого сохранилась железная сильно ржавая пластинка (вероятно, нож). На черепной кости – бронзовая круглая бляха с орнаментом, слева от неё – *серебряная спираль*. Справа – оселок. Возле челюсти – серебряная гривна, справа от неё – железный наконечник копья очень плохой сохранности. В средней части могилы – два обломанных кремневых наконечника стрел и бронзовый вток (от чекана). Ниже – большой железный кинжал очень плохой сохранности. В нижней части могилы – две каменные плитки, на одной из них – кость быка.

Большое количество железных предметов, наличие гривны и оселка, по справедливому мнению А.В. Збруевой, позволяет считать это погребение синхронным могиле «С» [Збруева 1952: 39]. Добавим, что эти погребения сближает и наличие совершенно одинаковых серебряных спиралей. Среди предметов вооружения в могиле «С» найдено семь бронзовых наконечников стрел: шесть втульчатых и один черешковый.

На основании особенностей данных наконечников А.В. Збруева датировала обе могилы временем не раньше **конца VI или начала V в. до н.э.** [Збруева 1952: 39]. Впоследствии эта дата нашла отражение и в иных работах [Кузьминых 1983: 142].

Однако позже А.Ю. Алексеев предложил для данного погребения «С» (а, соответственно, и «G») намного более низкие хронологические рамки, опираясь на «современную дату наконечников», а именно – **VII в. до н.э.**, возможно, даже **начало этого столетия** [Алексеев 2003: 52].

Между тем, упомянутый комплекс наконечников стрел не выглядит слишком архаичным. Из шести втульчатых экземпляров четыре являются двулопастными, три из них – с лавролистной головкой и в разной степени высокой втулкой, на одном из которых – шип [Збруева 1952, табл. XIX: 6–12]. Такие наконечники широко известны, особенно в древностях скифской поры Восточной Европы, в конце VII – 1-й пол. VI в. до н.э. Еще более поздними выглядят два трёхлопастных наконечника с треугольной головкой и невысокой втулкой [Збруева 1952: табл. XIX, 11–12]. Даже с большой натяжкой их сложно ограничить **рамками VII в. до н.э.**, тем более первой половиной этого столетия.

Таким образом, оснований для столь резкого удревнения данного ананьинского комплекса, по сути, нет. Скорее всего, по времени он близок погребению в Имирлере.

3) Курган № 84 могильника Уйгарак, Приаралье, Центральная Азия, Казахстан.

Воинское мужское погребение, *ограбленное*. От покойника сохранились лишь кости левой ноги. По ним видно, что погребённый лежал вытянуто, на спине, головой на запад–юго-запад.

На дне грабительской воронки найден бронзовый вток, полусферическая бляшка от конской уздечки и керамическое лепное изделие в виде совка без ручки. В изголовье умершего лежала часть непотревоженного погребального инвентаря: биметаллический клевец с бронзовой втулкой (на ней отлита головка хищной птицы) и железным обломанным клинком. Рядом – бронзовый черешковый трехгранный наконечник стрелы. Слева в изголовье лежала конская сбруя. От неё остались бронзовые удила со стремячковидными окончаниями, четыре пронизи для перекрещивающихся ремней. На уровне бедра покойника лежал пучок бронзовых наконечников стрел, обращённых остриями вниз (колчаный набор). Всего в пучке 34 наконечника: девять черешковых двухлопастных, 18 черешковых трёхлопастных и трёхгранных, три втульчатых трёхлопастных, два втульчатых двухлопастных и два четырехгранных втульчатых. Рядом в норке грызуна найден ещё один трёхгранный черешковый наконечник стрелы. Таким образом, колчан включал 36 наконечников [Вишневская 1973: 58–59, 152, табл. XX].

О.А. Вишневская датировала погребение в кургане № 84 **ранним VI в. до н.э.**, опираясь, в первую очередь, на наконечники колчанного набора. К тому же она полагала, что данный чекан по времени аналогичный ананьинским [Вишневская 1973: 123]. Позже для данного погребения в Уйгараке были предложены иные даты. Н.Л. Членова, ориентируясь также, в основном, на набор втульчатых и черешковых наконечников стрел, предложила для уйгаракского кургана **VII–VI вв. до н.э.** [Членова 1981: 7], С.В. Кузьминых – **1-ю пол. VI в. до н.э.** [Кузьминых 1983: 142].

Однако, уже в конце 1980-х гг. Р.Б. Исмагилов, публикуя комплекс Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье, в который входил и представительный колчаный набор с большим числом довольно архаических наконечников (88 бронзовых экз. и один – железный), включающий 17 черешковых трёхлопастных наконечников, по поводу последних отметил буквально следующее. «Черешковые наконечники, – подчеркнул исследователь, – встречаются во многих, но отнюдь не во всех азиатских комплексах VIII–VII вв. до н.э.» и привёл в качестве примеров курган Аржан I в Туве (сер. VIII в. до н.э.) и 5 Чиликтинский (Золотой) курган в Восточном Казахстане (конец VIII в. до н.э.) [Исмагилов 1988: 40]. Черешковые наконечники стрел из Большого Гумаровского кургана весьма близки тем, что найдены в могильнике Уйгарак, в т. ч. в кургане № 84 [Исмагилов 1988: 38,

рис. 7, 58–74]. Сам же Большой Гумаровский курган, который исследователь вполне правомерно рассматривает как относящийся к древнейшей скифской группе памятников, он датировал 1-й пол. VII в. до н.э. [Исмагилов 1988: 46]. Таким образом, уже в конце 1980-х гг. наметилась тенденция в сторону удревнения Уйгарацкого могильника, во всяком случае, речь о VI в. до н.э. для большинства погребений этого некрополя саков уже не шла.

Между тем, скорее по традиции, в некоторых обобщающих работах, примерно по началу 1990-х гг., для кургана № 84 Уйгарака, как, впрочем, и вообще для могильника в целом, по-прежнему имела место дата **VII–VI вв. до н.э.**: погребения V в. до н.э. в Уйгараке – единичны [Итина 1992: 37].

В начале 1990-х гг. идея удревнения кургана № 84 Уйгарака получила развитие в работе Г.Н. Курочкина и А.В. Субботина. Ссылаясь на мнение И.Н. Медведской, нашедшее отражение в её работе, вышедшей двумя десятилетиями раньше и не получившей поддержку у специалистов в области археологии раннего железа, о том, что набор стрел из кургана № 84 (втульчатых и черешковых) характерен для VIII и частично VII в. до н.э. [Медведская 1972: 84, 89], исследователи приняли тезис о ранней дате уйгарацкого комплекса [Курочкин, Субботин 1993: 59]. При этом они указывали на погребение в Имирлере, где также найден биметаллический чекан, и оно, якобы, не может датироваться временем позже 1-й пол. VII в. до н.э. Как мы знаем, состав артефактов указанного погребения не позволяет датировать данный комплекс столь ранним временем.

Черешковые трёхлопастные наконечники типа найденных в Уйгараке Л.Т. Яблонский склонен был считать сугубо местной центральноазиатской формой, дата которых не выходит за пределы VII в. до н.э. [Яблонский 1996: 39].

Несколько позже С.Л. Дударев, ссылаясь на уже упоминавшееся мнение И.Н. Медведской о хронологии наконечников стрел, также высказал версию о том, что курган № 84 в Уйгараке относится к раннему времени, во всяком случае, он древнее захоронения в Имирлере, которое в его представлении – сер. VII в. до н.э. [Дударев 1998: 89].

Началом VII в. до н.э., традиционно ориентируясь на колчаный набор, датировал могилу в кургане № 84 Уйгарака А.Ю. Алексеев [Алексеев 2003: 52].

При этом автор отмечал, что в широком смысле даты «клецов», т. е. чеканов из евразийского региона, располагаются в пределах VII в. до н.э, однако, справедливо указывал, что важна микрохронология комплексов, содержащих данное оружие [Алексеев 2003: 51–52].

В современной казахстанской археологии хронологические рамки могильника Уйгарака по-прежнему определяют **VII–VI вв. до н.э.** И для этого есть серьёзные основания. В ряде могил здесь найдены импортные сосуды различных типов, которые надёжно датируются указанным временем [Лукпанова 2017: 182–183].

Что же касается черешковых трёхлопастных наконечников, найденных в кургане № 84 Уйгарака и иных погребениях данного некрополя, то таковые вообще свойственны началу раннесакской эпохи. Они получили распространение в разных регионах Казахстана в VIII–VII вв. до н.э. [Хабдулина 2017]. Однако, при определении даты конкретного погребального комплекса нужно обращать внимание и на иные вещи погребального инвентаря, и на сочетание указанных черешковых наконечников с втульчатыми. Нередко дата раннесакских комплексов опирается именно на характер втульчатых наконечников, входящих в колчаные наборы наряду с черешковыми, среди которых могут быть как весьма ранние, так и более поздние. В качестве примера можно привести колчаный набор из кургана № 9 могильника Бакубулак, где соседствуют бронзовые черешковые и весьма ран-

ние втульчатые наконечники с ромбической или овально-ромбической головкой и длинной втулкой, и четырёхлопастные экземпляры с овальной головкой и скрытой втулкой. Дата комплекса – VIII в. до н.э. [Бейсенов 2018: 390–391, рис. 1, 1–42]. С другой стороны, наличие подобного наконечника в погребении кургана № 1 могильника Айыртас-1 в Центральном Казахстане вовсе не явился определяющим для отнесения погребения к VIII в. до н.э. Основную роль здесь сыграли детали обряда и, в целом, хронологический контекст могильника, что и позволило отнести курган к VII–VI вв. до н.э. [Бейсенов, Шашенов 2020: 273–274].

Таким образом, в свете всего сказанного, дата кургана № 84 могильника Уйгарака не заходит в VIII в. до н.э., ограничиваясь, скорее всего, **1-й пол. VII в. до н.э.** или, возможно, **началом столетия.**

Принципиально то, что курган № 84 Уйгарака (а, следовательно, и найденный в нём биметаллический чекан) древнее Имирлера и захоронений в Ананьино (где также найдены биметаллические клевцы с головкой хищной птицы под бойком), вероятно, весьма близких по времени.

Что касается дат биметаллических чеканов без птичьей головки, то их хронологические позиции вполне совпадают с определёнными для чеканов, украшенных головками хищных птиц. Это подтверждают чеканы из Перкальского могильника, Эргеты II и особенно – могильника Кичигино I.

4 Результаты: генезис биметаллических чеканов и значение их западных находок (Скорый С.А., Зимовец Р.В.)

Изложенное выше позволяет, на наш взгляд, сделать два немаловажных вывода, которые могут быть некой основой для последующих соображений.

Во-первых, внимательное рассмотрение, в первую очередь, погребальных закрытых комплексов, в которых встречены биметаллические чеканы, убедительно свидетельствует: датировать такие чеканы **VIII–VII вв. до н.э.** оснований нет. Нижний хронологический рубеж данного оружия не выходит за рамки **VII в. до н.э.** Следовательно, и известную ранее находку биметаллического чекана из Орехово в Украине относить к VIII–VII вв. до н.э. нет должных оснований.

Во-вторых, наиболее ранние биметаллические чеканы (либо ещё до начала переднеазиатских скифских походов, или в его начальной фазе), судя по кургану № 84 Уйгарака, зафиксированы в **Центральной Азии**. Остальные экземпляры, найденные в иных погребальных комплексах – Имирлере (Малая Азия), Кичигино I (Южное Зауралье), Ананьино (Поволжье), Эргете II (Закавказье, Колхида), по времени *вторичны* по отношению к центральноазиатским чеканам.

И здесь вполне уместно вспомнить мнение М.В. Горелика о том, что родиной «классического евразийского чекана является Центральная Азия». По мнению исследователя, формирование данного оружия произошло, вероятно, в Южной Сибири или Ордосе **в VII в. до н.э.**, откуда чеканы очень быстро распространились по всему ареалу культур скифского типа [Горелик 1993: 55].

В определённой степени сходные соображения, хотя и несколько отличные в деталях, были высказаны в это же время Г.Н. Курочкиным и А.В. Субботиным. Исследователи полагали, что древнейший (первичный) очаг формирования биметаллических чеканов с головкой хищной птицы под бойком расположен в Центральной Азии, в первую очередь, в Хакасии и Туве, возможно, плохо изученных, прилегающих к Туве районах Монголии. Прототипами для них послужили тагарские литые чеканы с головкой птицы под бойком. По мнению авторов, район ананьинской культуры являлся вторичным очагом распространения чеканов с изображением головы хищной птицы. Остальные

известные ныне биметаллические чеканы данного типа как бы «*рассеяны в пространстве между тагарским и ананьинским очагами*» [Курочкин, Субботин 1993: 61].

Однако, видимо, здесь нужно учесть более позднее мнение Н.Л. Членовой о том, что сибирские бронзовые чеканы и биметаллические чеканы с птичьей головкой под бойком – это *две разные ветви чеканов*. Отличие их не только в материале, а, прежде всего, в том, что у биметаллических чеканов боёк и обушок – плоские, а у бронзовых – круглые или многогранные [Членова 1997: 15].

Стоит также подчеркнуть, что Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин рассматривали Западную Сибирь, Казахстан, Южное Приуралье, Кавказ и Переднюю Азию в качестве территорий, для которых биметаллические чеканы являются не характерными «транзитными» элементами культуры [Курочкин, Субботин 1993: 61].

Необходимо упомянуть и высказанное недавно мнение А.С. Балахванцева о том, что центром возникновения и производства данного оружия был регион между Камой и Уралом: «ведь именно отсюда происходит большинство клевцов (Ананьино, Бугуруслан, Оренбург, Боровая (?), Уйгарак), места находок которых нам известны» [Балахванцев 2014: 24].

Отсюда, по мнению исследователя, они могли попасть в Сибирь, где послужили прототипами для изготовления бронзовых литых чеканов с птичьими головками [Балахванцев 2014: 24]. Тезис этот весьма спорный и нуждается в более подробном критическом анализе. Во-первых, упомянутые чеканы, найденные между Камой и Уралом, отнюдь не принадлежат к числу ранних экземпляров этого вида оружия (см. табл. 1). Курган же в Уйгараке, наиболее ранний из названных памятников, расположен в Центральной Азии, Приаралье, а вовсе не в регионе между Камой и Уралом. Во-вторых, основным аргументом А.С. Балахванцева является дата «наиболее раннего», по мнению автора, бронзового чекана с птичьей головкой под бойком из погребения № 20 кургана Аржан 2, относящегося к сер. – 2-й пол. VII в. до н.э. Действительно, курган Аржан 2 является точным хроноиндикатором, в отличие от подавляющего большинства памятников тагарской культуры, ранние этапы которой датируются в широком диапазоне VII–VI вв. до н.э. Однако в начале XXI в. К.В. Чугуновым была предложена схема синхронизации тагарских древностей по радиоуглеродным датировкам скифских курганов Аржан 1 и 2. В соответствии с ней раннетагарские (подгорновские) комплексы оказываются синхронными кургану Аржан 1 (VIII в. до н.э.). Удревняются и сарагашенские комплексы, наиболее ранние из которых также могут быть отнесены к раннескифскому времени [Чугунов 2005: 102–104]. Бронзовые чеканы с головой хищной птицы обнаружены как на эпонимном памятнике [Горелик 1993: 272, рис. 43], так и в более поздних комплексах VII в. до н.э. в ареале как тагарской [Марсадолов 2015: рис. 1, 4], так и алды-бельской [Виноградов 1980: 64, рис. 1, 9] культуры. Таким образом, бронзовые чеканы с головкой птицы под бойком из раннетагарских памятников *нельзя считать более поздними* по отношению к биметаллическим чеканам.

В-третьих, тагарские чеканы являются производными от более ранних карасукских. Одной из характерных особенностей последних является размещение петельки между бойком и втулкой – признак, который доживает до раннетагарского времени. Для ранних тагарских бойков характерно также размещение на этом месте «палочки» [Членова 1967: 27–28]. Единственный биметаллический экземпляр с «палочкой», как уже было сказано выше, происходит из Перкальского могильника на Северном Кавказе и тут сложно не усматривать влияние тагарской культуры, где эта черта преобладает. Вполне возможно, что такие детали как «петелька» или «палочка» под бойком в раннескифское время трансформируются в головку хищной птицы (учитывая визуальное сходство этих элементов с птичьей головкой или клювом).

Также следует отметить, что на ранних тагарских ножах, датируемых Н.Л. Членовой VII в. до н.э., маленькие рельефные головки хищных птиц размещались между ручкой и лезвием [Членова 1967: 113, табл. 22, 9–12], т. е. они заполняли то же функциональное пространство, что и на чеканах. Головки хищных птиц украшают верхушки рукоятей на двух очень схожих карасукских (по иной версии – ордосских) бронзовых кинжалах из Байфу, район Великой Китайской стены [Matsumoto 2021: 299, fig. 8, 12] и из Sawyer Collection [Loehr 1949: 34, № 9, 36], датирующихся по особенностям морфологии XI–X вв. до н.э. Т. е. этот мотив, как украшение оружия, известен в восточной части Центральной Азии еще с позднего бронзового века. Стилизованные птичьи головки или клювы (правда, не под бойком, а со стороны обушка) зафиксированы и на карасукских чеканах [Членова 1967: 28].

В-четвертых, территории Западной Сибири, Минусинской котловины, Алтая, Тувы, Сынцзяна в раннем железном веке демонстрируют разнообразие форм бронзовых втульчатых чеканов с головой птицы под бойком. Варьируют сечения клинка (многогранные, крестовидные, круглые, ромбовидные), длина втулки, форма обуха. Помимо традиционных тагарских форм чеканов в каждом из этих регионов обнаружены и уникальные экземпляры, датирующиеся раннескифским временем. Таковы бронзовые чеканы с птичьей головкой под бойком из Элекмонара, Горный Алтай [Членова 1995: 91, рис. 1, 1]; р. Большой Пит, бассейн Енисея; Канска [Членова 2002: рис. 4, 7–9]; кургана № 14 могильника Сазнсаи, недалеко от г. Урумчи [Шульга П.И., Шульга Д.П. 2015: 515–516, ил. 2, 5]⁶. Все эти факты делают крайне сомнительным тезис о заимствовании тагарских или иных центральноазиатских чеканов от довольно однотипной и количественно ограниченной серии биметаллических чеканов.

В-пятых, бронзовые чеканы с головкой хищной птицы продолжают бытовать в восточной части Центральной Азии и в более позднее время (VI–V вв. до н.э.), в то время как биметаллические чеканы более западных регионов существуют на протяжении очень ограниченного периода, исчезая из употребления к сер. VI в. до н.э. То есть в восточной части Центральной Азии мы можем наблюдать преемственность бронзовых чеканов с головкой хищной птицы на протяжении, по меньшей мере, трех веков, в то время как на Западе – это относительно кратковременный всплеск, связанный, скорее всего, с миграцией какой-то части центрально-азиатского населения во 2-й пол. VII – начале VI в. до н.э.

5 Заключение (Скорый С.А., Зимовец Р.В.)

Коснёмся вопроса о «механизме» *распространения биметаллических чеканов* на огромных территориях Евразии.

В середине – начале второй пол. XX в. находки чеканов данной группы в области ананьинской культуры Прикамья связывали с проникновением их из Западной Сибири – области распространения карасукской культуры [Збруева 1952: 107]. Редкие же находки такого оружия у савроматов объясняли проникновением ананьинских импортов [Смирнов 1961: 75]. Следует сказать, что несколькими десятилетиями позже, когда круг находок биметаллических чеканов с птичьими головками расширился в евразийских пределах, ряд авторов объяснял их распространение – не только традиционно в Поволжье и Приуралье у савроматов, но и в Центральной Азии (Уйгарак) [Вишневская 1973: 98], и

⁶ Бронзовый чекан из Сынцзяна особенно интересен тем, что на его втулке присутствует как птичья головка, так и характерная раннетагарская «палочка». Захоронения могильника Сазнсаи датируются 2-й пол. VIII – VII в. до н.э. [Шульга П.И., Шульга Д.П. 2015: 529].

на Северном Кавказе [Виноградов 1972: 125] культурными и торговыми контактами с **населением ананьинской культуры** Прикамья, аргументируя это тем, что биметаллические чеканы наиболее присущи именно ананьинской культуре [Кузьминых 1983: 142]. Сравнительно недавно это мнение было поддержано А.Д. Таировым [Таиров 2010: 114].

Между тем, Б.Б. Пиотровский не исключал распространение биметаллических чеканов в евразийском пространстве со скифами, допуская, что за ним могли стоять не только военные акции кочевников, но и культурные связи различного уровня [Пиотровский 1989: 8].

Однако, Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин, видя (на наш взгляд вполне справедливо) древнейший очаг формирования чеканов с головкой хищной птицы под бойком в Центральной Азии, основным пользователем и распространителем данного ударного оружия ближнего боя с востока на запад считали не скифов, а их центральноазиатских союзников, принимавших с ними участие в эпохальных переднеазиатских походах [Курочкин, Субботин 1993: 62], т. е. саков. Именно с сакским этническим элементом связывал проникновением биметаллических чеканов в Малую Азию и С.Л. Дударев [Дударев 1998: 89–90].

Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин предложили и весьма заманчивую версию, объясняющую некую концентрацию и бытование биметаллических чеканов в области племён ананьинской культуры. В её основе – гипотеза, выдвинутая в своё время М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским о том, что в какой-то части ананьинских племён следует видеть скифов-кочевников, отделившихся (отложившихся) по Геродоту (IV, 22) от основного ядра скифской коалиции во главе со скифами царскими [Погребова, Раевский: 1989]. Именно они принесли в Прикамье яркие черты скифской материальной культуры, в том числе биметаллические чеканы.

Это отделение, по версии Г.Н. Курочкина и А.В. Субботина, могло произойти *после переднеазиатских походов*, т. е. где-то на рубеже VII–VI вв. до н.э. [Курочкин, Субботин 1993: 62]. Данная идея кажется абсолютно плодотворной, поскольку хронологически синхронизируется с датами погребений, во всяком случае, могилы «Г».

Как нам представляется, существующая гипотеза о решающей роли ананьинских племён в распространении биметаллических чеканов с птичьей головкой под бойком в пределах Евразии, в том числе на Кавказе, нуждается в критическом подходе. В.И. Козенкова, проанализировав материалы Перкальского могильника кобанской культуры, где был найден подобный чекан, убедительно показала, что они (а, следовательно, и чекан) датируются не VI–V вв. до н.э., как считалось ранее (что могло свидетельствовать в пользу «ананьинской версти»), а **концом VII – началом VI в. до н.э.** Иными словами, перкальский и ананьинские чеканы абсолютно синхронны [Козенкова 2014: 161]. К тому же, как уже было сказано ранее, ближайшие аналогии перкальскому чекану происходят не из Поволжья, а именно с территории тагарской культуры, что проявляется в таком диагностическом признаке, как наличие «палочки» между втулкой и бойком [Членова 1967: 26]. К слову сказать, именно к этому времени относятся и два биметаллических чекана из некрополя Эргета II (Колхида, Закавказье), о чём речь шла ранее.

В.И. Козенкова, на наш взгляд, вполне убедительно связывает появление единичных экземпляров данного оружия у кавказских племён, не свойственного их паноплии, участием их представителей в переднеазиатских акциях под эгидой кочевых скифов. По завершению походов они могли принести этот вид оружия на историческую родину [Козенкова 2014: 161].

Найденные достоверно в Украине пока два биметаллических чекана с птичьей головкой под бойком (Орехово, Ахтырка), по нашему мнению, также как и кавказские экземпляры, относятся к

завершающему периоду переднеазиатских походов – **концу VII – началу VI в. до н.э.** Наше мнение основывается на большом сходстве экземпляра из Ахтырки с чеканом, найденным в имирлерском погребении в Анатолии, дата которого – конец VII – начало VI в. до н.э. – сомнений не вызывает. Видимо, к этому же времени нужно относить и чекан, обнаруженный на Тамани (хранящийся ныне в Музее оружия в Запорожье), весьма сходный внешне с чеканами из Имирлера и Ахтырки. Данные чеканы являются надёжным маркёром участия их владельцев, обитавших на тех или иных территориях, в переднеазиатских походах северных номадов, а также маршрутов перемещения ранних скифов, соединявших территории Северного Кавказа со Степным и Лесостепным Поднепровьем [Зимовец 2017: 119].

Резюмируя всё сказанное, можно предложить следующую версию распространения биметаллических чеканов с птичьей головкой под бойком в евразийском ареале.

Появление втульчатых бронзовых чеканов с головкой птицы под бойком необходимо связывать с территориями Южной Сибири, Алтая, Тувы, возможно, других смежных регионов восточной части Центральной Азии (Синцзяна, Монголии, Ордоса). Преемственность тагарских чеканов по отношению к карасукским, а также морфологическое подобие некоторых тагарских экземпляров биметаллическим чеканам более западных регионов Евразии, позволяет усматривать некую магистральную линию развития этого вида оружия. Хотя некоторые отличия, на которые обращала внимание Н.Л. Членова, безусловно, еще нуждаются в дополнительных объяснениях.

Однако наиболее ранний и один из самых восточных экземпляров биметаллических чеканов засвидетельствован, по данным археологии, в Приаралье у саков в могильнике Уйгарак (**начало – 1-я пол. VII в. до н.э.**). Видимо в 1-й пол. VII в. до н.э. происходит технологическая инновация, в результате которой бронзовый боек и обух заменяются металлической пластиной, вставленной в бронзовую втулку. Где территориально была осуществлена эта инновация пока однозначно утверждать сложно. Доступные на данное время археологические источники позволяют связывать ее с Приаральским регионом и историческими саками, хотя не исключены и более восточные регионы Евразии.

Саками, участниками скифских походов в страны Древнего Востока, они были принесены в Малую и, возможно, Переднюю Азию.

Распространение биметаллических чеканов в Прикамье в области ананьинской культуры в **конце VII – начале VI в. до н.э.** хорошо объясняется версией о приходе на эту территорию какой-то части скифов (саков), участников переднеазиатских походов, имевших в составе паноплии указанное «сакское» оружие. Савроматы Нижнего Поволжья и Приуралья, находясь между Приаральем и территорией распространения ананьинской культуры, естественным образом стали реципиентами этого вида вооружения.

Два чекана, происходящие с востока Геродотовой Скифии, являются на сегодняшний день наиболее западными из достоверно зафиксированных экземпляров этого довольно немногочисленного «сакского» оружия ближнего боя. Их малочисленность и краткий период бытования (чеканы не получили дальнейшего развития в Северном Причерноморье и на Кавказе) свидетельствуют в пользу того, что они фиксируют пути миграции воинских группировок саков из Центральной Азии непосредственно в «походное» и «послепоходное» время. Появление редкого вида этого вооружения на Кавказе и в Северном Причерноморье (Украина) также можно трактовать в качестве следов реального участия населения скифской эпохи, живущего в указанных регионах, в знаменитых походах в страны Древнего Востока. Наряду с собственно преднеазиатскими предметами, встречаемы-

ми в захоронениях номадов скифской поры на указанных территориях, они являются надёжными археологическими маркерами важных событий раннескифской истории, в которых принимали участие не только собственно скифы, но и конгломерат кочевых и оседлых племён, втянутый скифами-кочевниками в орбиту своих военных, довольно продолжительных по времени, акций.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алексеев А.Ю. Скифская хроника. Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк. СПб.: Петербургкомстат, 1992. 206 с.
- 2 Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV в. до н.э. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 416 с.
- 3 Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.: Информационно-исследовательский институт «Ермаков», 1993. 121 с.
- 4 Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и некоторые проблемы раннескифской истории // Древность: историческое знание и специфика источника / Отв. ред. А.С. Балахванцев. Вып. V. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 14-49.
- 5 Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры // Война и военное дело в скифо-сарматском мире / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов – на – Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 21-25.
- 6 Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // АДГУ. 2018. Вип. 2 (23). С. 386-396.
- 7 Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. Тасмолинские курганы в урочище Айыртас в Центральном Казахстане // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 1. С. 268-284.
- 8 Варенов А.В. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 56-72.
- 9 Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в Ананьинскую эпоху (истоки и формирование): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.
- 10 Васильев Ст.А. Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? // Вестник молодых ученых. Сер.: историч. науки. 2001. № 1. С. 30-37.
- 11 Виноградов А.В. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев / Ред. А.П. Окладников. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 60-64.
- 12 Виноградов В.Б. Северо-Восточный Кавказ в скифское время (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 390 с.
- 13 Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.
- 14 Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н.э. М.: Наука; Восточная литература, 1993. 352 с.
- 15 Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби. По раскопкам близ с. Большая речка. (МИА. № 48). М.: АН СССР, 1956. 226 с.
- 16 Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. 1998. № 4. С. 77-93.
- 17 Егоров Н.М. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды // КСИА. 1955. № 58. С. 53-62.
- 18 Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V (МИА. № 30). М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- 19 Зимовец Р.В. Крым в контексте раннескифских миграций (по материалам звериного стиля) // АДГУ. 2017. Вип. 2 (23). С. 118-136.
- 20 Зыков А.П., Кокиаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.

- 21 *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001. 324 с.
- 22 *Іллінська В.А.* Скіфські сокири // Археологія. 1951. XII. С. 27-52.
- 23 *Исмагилов Р.Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. № 29. С. 29-47.
- 24 *Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1992. С. 3-47.
- 25 *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири (МИА. № 9). М.: АН СССР, 1949. 364 с.
- 26 *Кисель В.А.* Священная секира скифов (об одной находке из Келермеса). СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1997. 111 с.
- 27 *Кисель В.А.* Σαῦαρις Геродота в арсенале древних кочевников // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (Суздаль, 20–25 октября 2008 г.). В 3-х т. Т. 2. / Отв. ред. А.П. Деревянко. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 110-112.
- 28 *Ковпаненко Г.Т.* Памятники раннескифского времени Каневщины // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177) / Отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 115-120.
- 29 *Козенкова В.И.* Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 160-162.
- 30 *Кочеев В.А.* Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 145-162.
- 31 *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983. 257 с.
- 32 *Курочкин Г.Н., Субботин А.В.* Боевые чеканы (клевы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. М-лы III-го археол. семинара / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск, 1993. Ч. II. С. 59-64.
- 33 *Лукпанова Я.А.* Раннесакские памятники Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 179-190.
- 34 *Марсадалов Л.* Новая датировка Большого Салбыкского кургана // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1(9). С. 35-53.
- 35 *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 76-89.
- 36 *Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3. С. 88-107.
- 37 *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4. М.: Наука, 1964. 114 с.
- 38 *Могильников В.А.* Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 274-311.
- 39 *Мурзін В.Ю., Шлайфер В.Г.* Ще раз про скіфські сокири-скіпетри // Ранній залізний вік Євразії. До 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна. М-ли Міжнар. наукової конф. (Чигирин, 16–19 травня 2007 р.) / Відп. ред. С.А. Скорий. Київ; Чигирин: ІА НАН України, Національний історико-культурний заповідник «Чигирин», 2007. С. 111-113.
- 40 *Мурзін В.Ю., Шлайфер В.Г.* Скіфські сокири-скіпетри з Музею історії зброї у м. Запоріжжі // Історія зброї. 2008. № 1. С. 45-53.
- 41 *Папуашвили Р.И., Балахванцев А.С.* 2016. Металлические клевцы из могильников Колхиды (Эргета II, Цаиши) // Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. М-лы междунар. научн. конф., посвящ. памяти М.Н. Погребовой (г. Москва, 25–27 апреля 2016 г.) / Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 199-206.
- 42 *Пиотровский Б.Б.* Скифы и Урарту // ВДИ. 1989. № 4. С. 3-10.
- 43 *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* К вопросу об «отложившихся скифах» // ВДИ. 1989. № 1. С. 45-65.
- 44 *Подобед В.А.* К вопросу о биметаллических чеканах // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) / Отв. ред. Е.А. Яровой. Тирасполь: Изд-во ПГУ, 1994. С. 181-185.

- 45 Подобед В.А., Ключнев М.Н. Биметаллический чекан // Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк, 1993. № 1. С. 45-46.
- 46 Прушевская Е. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 31-58.
- 47 Пьянков А.В. Биметаллический чекан из окрестностей ст. Пластуновской (Краснодарский край) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир, 2005. № 5. С. 280-282.
- 48 Скорый Сергей, Зимовец Роман, Орлик Алексей. Об «умерщвлении» предметов на тризне скифских курганов (по материалам Орликовой Могилы) // Revista Arheologică, serie nouă. 2022. Vol. XVIII. Nr. 2. С. 35-46.
- 49 Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов (МИА. № 101). М.: Наука, 1961. 162 с.
- 50 Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- 51 Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры. СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.
- 52 Таиров А.Д. Биметаллический чекан из Южного Зауралья // Челябинский гуманитарий. 2010. № 4 (13). С. 101-108.
- 53 Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребения сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 339-354.
- 54 Таибаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим, 2011. 274 с.
- 55 Фаркаш Э. М.И. Ростовцев и скифское искусство // ВДИ. 1992. № 3. С. 163-171.
- 56 Хабдулина М.К. Итоги изучения улубай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 35-58.
- 57 Черненко Е.В. Скифские боевые топоры (типология и происхождение) // Археологические исследования на Украине в 1978–1979. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980. С. 88.
- 58 Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- 59 Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4-42.
- 60 Членова Н.Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. М-лы научн.-практ. конф. / Отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 91-96.
- 61 Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: Институт археологии РАН, 1997. 98 с.
- 62 Членова Н.Л. Добывали ли золото в восточносибирской тайге в скифскую эпоху? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1 (9). С. 131-141.
- 63 Чугунов К.В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Отв. ред. Г.Г. Король. Красноярск: Редакционно-издат. отдел Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2005. С. 102-104.
- 64 Шелехань О.В. Бойові сокири скіфського типу з Північного Причорномор'я // Археологія. 2012. № 2. С. 3-13.
- 65 Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Саэнсаи раннескифского времени у г. Урумчи (Синьцзян, Китай) // ТГЭ. 2015. Т. 77. С. 512-533.
- 66 Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ТИМП, 1996. 18 с.
- 67 Curtis J.E., Kruszyński M. Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. London, 2002. 136 p.
- 68 Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. Catalogue of the Exhibition. British Museum, London / Curtis J.E., Tallis N. (eds.). London, 2005–2006. 272 p.
- 69 Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des Skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // BAVA. 1983. Bd. 5. S. 89-186.
- 70 Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München: BadW. 1987. S. 24-86.

- 71 Loehr M. Ordos Daggers and Knives. New materials, Classification and Chronology. First Part: Daggers // *Artibus Asiae*. 1949. Vol. 12, no. 1–2. P. 23–83.
- 72 Makhortykh S.V. “Cimmero-Scythian” antiquities from Central Anatolia // *АДИУ*. 2022. Вып.1 (42). С.56–74.
- 73 Matsumoto K. The Bronze Age in the Eurasian Steppes // *Japanese Journal of Archaeology*. 2021. № 8. P. 287–328.
- 74 Ünal V. Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nördlichen Zentralanatolien // *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. 1982. № 4. S. 65–82.

REFERENCES

- 1 Alekseyev, A. Yu. 1992. *Skifskaya khronika. Skify v VII–IV vv. do n.e.: istoriko -arkheologicheskii ocherk (Scythian chronicle. Scythians in 7th–4th BC: historical-archaeological essay)*. Saint Petersburg (in Russian).
- 2 Alekseyev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Yevropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n.e. (Chronography of the European Scythia of the 7th–4th centuries BC)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum Publ. (in Russian)
- 3 Alekseyev, A. Yu., Kachalova, N. K., Tokhtasyev, S. R. 1993. *Kimmeriytsy: etnokulturnaya prinadlezhnost (Cimmerians: ethno-cultural belonging)*. Saint Petersburg (in Russian).
- 4 Balakhvantsev, A. S. 2011. In: Balakhvantsev, A. S. (ed.). *Drevnost: istoricheskoye znaniye i spetsifika istochnika (Antiquity: historical knowledge and specific of source)*. Vol. 5. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 14–49 (in Russian).
- 5 Balakhvantsev, A. S. 2015. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire (War and military affairs in the scythian sarmatian world)*. Rostov on Don: Southern Scientific Center of the RAS, 21–25 (in Russian).
- 6 Beisenov, A. Z. 2018. In: *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and Early history of Ukraine)*, 2 (23), 386–396 (in Russian).
- 7 Beisenov, A. Z. Shashenov, D. T. 2020. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik (The Lower Volga archaeological bulletin)*, 19, 1, 268–284 (in Russian).
- 8 Varenov, A. V. 1990. In: Larichev, V. E. (ed.). *Kitay v epokhu drevnosti. Istoriya i kultura vostoka Azii (China in the epoch of antiquity. History and culture of east of Asia)* Novosibirsk: “Nauka” Publ., 56–72 (in Russian).
- 9 Vasiliev, St. A. 2001. In: *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: istoricheskoye nauki (Announcer of young scientists. Series: historical sciences)*. Saint Petersburg, 1, 30–37 (in Russian).
- 10 Vasiliev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniya Volgo-Kamiya v Ananinskuyu epokhu (istoki i formirovaniye). Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk (The Art of ancient population of Volga-Kama in Anan'ino epoch (sources and forming). Dissertation on the competition of graduate degree of Candidate of historical sciences)*. Saint Petersburg (in Russian).
- 11 Vinogradov, V. B. 1972. *Severo-Vostochnyy Kavkaz v skifskoye vremya (voprosy politicheskoy istorii, evolyutsii kultur i etnogeneza) (North-eastern Caucasus in scythian time (issues of political history, evolution of cultures and ethnogenesis)*. Groznyy: Chechen-Ingush Book Publishing House (in Russian).
- 12 Vinogradov, A. V. 1980. In: Okladnikov, A. P. (ed.). *Novejshie issledovaniya po arheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev (Newest researches on archaeology of Tuva and ethnogenesis of tuvins)*. Kyzyl: Tuva Research Institute of Language, Literature and History, 60–64 (in Russian).
- 13 Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskikh plemen nizovyev Syr-Dari v VII–V vv. do n.e. Po materialam Uigaraka (The culture of Sakas tribes of lower reaches of Syr-Dariya in 7th–5thBC. By materials of Uigarak)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 14 Gorelik, M. V. 1993. *Oruzhiye Drevnego Vostoka. IV tysyacheletiy – IV v. do n.e. (Weapon of Ancient East. 4th millennium – 4th century BC)*. Moscow: “Nauka” Publ., “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- 15 Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi. Po raskopka bliz s. Bolshaya rechka (History of ancient tribes of Upper Ob river region. By excavations near the village Bolshaya rechka)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 16 Dudarev, S. L. 1998. In: *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, 4, 77–93 (in Russian).
- 17 Egorov, N. M. 1955. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief reports of Institute of archaeology)*, 58, 53–62 (in Russian).

- 18 Zbruyeva, A. V. 1952. *Istoriya naseleniya Prikamya v ananinskuyu epokhu* (History of population of Kama river region in Anan'ino epoch). Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 19 Zymovets, R. V. 2017. In: *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy* (Archaeology and Early history of Ukraine), 2 (23), 118-136 (in Russian).
- 20 Zykov, A. P., Koksharov, S. F., Terekhova, L. M., Fedorova, N. V. 1994. *Ugorskoye naslediye. Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Uralskogo universiteta* (Ugors heritage. Antiquities of Western Siberia from collections of the Ural university). Ekaterinburg: "Vneshtorgizdat" Publ. (in Russian).
- 21 Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kulturno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni* (Cimmerians and scythians. Cultural and historical and chronologic problems of archaeology of east Europe steppes and Caucasus before and to early Scythian time). Moscow: "Paleograph" Publ. (in Russian).
- 22 Illinska, V. A. 1961. In: *Arkheologiya* (Archaeology), 12, 27-52 (in Ukrainian).
- 23 Ismagilov, R. B. 1988. In: *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* (Archaeological collection of the State Hermitage Museum), 29, 29-47 (in Russian).
- 24 Itina, M. A. 1992. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* (Archaeology of the USSR. Steppe stripe of Asian part of the USSR in scythian-sarmatian time). Moscow: "Nauka" Publ., 31-47 (in Russian).
- 25 Kiselev, S. V. 1949. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* (Ancient history of South Siberia). Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 26 Kisel, V. A. 1997. *Svyashchennaya sekira skifov* (Sacred poleaxe of Scythians). Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (in Russian).
- 27 Kisel, V. A. 2008. In: Derevjanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trydi II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Suzdale. T. 2. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russian archaeological convention in Suzdal)*. Vol. 2. Moscow: Institute of Archaeology of RAS, 110-112 (in Russian).
- 28 Kovpanenko, G. T. 1971. In: Liberov, P. D., Gulyaev, V. I. (eds.). *Problemy skifskoy arkheologii* (Problems of Scythian archaeology) (MIA 77). Moscow: "Nauka" Publ., 115-120 (in Russian).
- 29 Kozenkova, V. I. 2014. In: Korobov, D. S. (ed.). *E.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskiye chteniya* (E.I. Krupnov and development of archaeology of North Caucasus. 28th Krupnov readings). Moscow: Institute of Archaeology of RAS, 160-162 (in Russian).
- 30 Kocheev, V. A. 1988. In: Surazakov, A. S. (ed.) *Problemy izucheniya kultury naseleniya Gornogo Altaya* (Problems of study of culture of population of Mountain Altai). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Research Institute of History, Language and Literature, 145-162 (in Russian). USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 31 Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kamya v rannem zheleznom veke* (Metallurgy of Volga-Kama rivers region in an early iron age). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 32 Kurochkin, G. N., Subbotin, A. V. 1993. In: Raev, B. A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir* (Ancient civilization and barbarian world). Novocherkassk, II, 59-64 (in Russian).
- 33 Lukpanova, Ya. A. 2017. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v sakskuyu epokhu* (Kazakhstan in the Sakas epoch). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 179-190 (in Russian).
- 34 Marsadolov, L. 2015. In: *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* (The Scientific review of Sayano-Altay), 1 (9), 35-53 (in Russian).
- 35 Medvedskaya, I. N. 1972. In: *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet archaeology), 3, 76-89 (in Russian).
- 36 Medvedskaya, I. N. 1992. In: *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), 3, 88-107 (in Russian).
- 37 Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov* (Armament of the Scythians). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 38 Mogilnikov, V. A. 1992. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* (Archaeology of the USSR. Steppe stripe of Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time). Moscow: "Nauka" Publ., 274-311 (in Russian).
- 39 Murzin, V. Yu., Shlayfer, V. G. 2007. In: Skoryi, S. A. (ed.). *Rannii zaliznii vik Evrazii* (Early iron age of Eurasia). Kyiv; Chigirin: Institute of Archaeology of the NAS Ukrainy; National Historical and cultural reserve "Chigirin", 111-113 (in Ukrainian).

- 40 Murzin, V. Yu., Shlayfer, V. G. 2008. In: *Istoriia zbroi (History of Armament)*, 1, 45-53 ((in Ukrainian).
- 41 Papuashvili, R. I., Balakhvantsev, A. S. 2016. In: Balakhvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (eds.). *Kavkaz i Step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza (The Caucasus and the Steppe at the turn of the Late Bronze and early Iron Ages)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 199-206 (in Russian).
- 42 Piotrovskiy, B. B. 1989. *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, 4, 3-10 (in Russian).
- 43 Pogrebova, M. N., Rayevskiy, D. S. 1989. *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, 1, 45-65 (in Russian).
- 44 Podobed, V. A. 1994. In: Yarovoy, E. A. (ed.). *Drevneyshiye obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomoria (V tys. do n.e. – V v. n.e. (Most ancient communities of farmers and cattle breeders of North black sea region (5th millennia BC – 5th century AD)*. Tiraspol: T. Shevchenko Pridnestrovian State University, 181-185 (in Russian).
- 45 Podobed, V.A., Klyuchnev, M.N. 1993. In: Kolesnik, A. V. (ed.) *Katalog sluchaynykh nakhodok iz arkheologicheskikh sobraniy Donetskoy oblasti. Almanakh 1 (Catalogue of come-by-chances from archaeological collections of the Donetsk area. Archaeological almanac 1)*. Donetsk, 45-46 (in Russian).
- 46 Prushevskaya, E. 1917. In: *Izvestiya arheologicheskoy Komissii (News of the Archaeological commission)*, 63, 31-58 (in Russian).
- 47 Piankov, A. V. 2005. In: Vinogradov, V. B. (ed.) *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and researches on archaeology of North Caucasus)*. Armavir, 5, 280-282 (in Russian).
- 48 Skoryi, Sergey, Zymovets, Roman, Orlik, Aleksey. 2022. In: *Revista Arheologică, serie nouă, XVIII*, 35-46 (in Russian).
- 49 Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzheniye savromatov (Armament of savromats)*. (MIA 101). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 50 Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Rannaya istoriya i kultura sarmatov (Savromats. Early history and culture of sarmats)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 51 Subbotin, A. V. 2014. *Nelineyniy kharakter razvitiya tagarskoy kultury (Nonlinear character of development of tagar culture)*. Saint Petersburg: Institute for the history of material culture RAS (in Russian).
- 52 Tairov, A. D. 2010. In: *Chelyabinskii gumanitarniy (Chelyabinsk humanitarian)*, 4 (13), 101-108 (in Russian).
- 53 Tairov, A. D., Botalov, S. G. 2010. In: Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredelnykh territoriy (Archaeology and paleoanthropology of Eurasian steppes and contiguous territories)*. Moscow: “Taus” Publ., 339-354 (in Russian).
- 54 Tashbayeva, K. I. 2011. *Kultura rannikh kochevnikov Tyan-Shanya i Alaya (Culture of early nomads of Tien Shan and Alay)*. Bishkek: “Ilim” Publ. (in Russian).
- 55 Farkash, E. M. 1992. *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*, 3, 163-171 (in Russian).
- 56 Khabdulina, M. K. 2017. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v saskuyu epokhu (Kazakhstan in the Sakas epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 35-58 (in Russian).
- 57 Chernenko, E. V. 1980. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1978–1979 (Archaeological researches on Ukraine in 1978–1979)*. Dnepropetrovsk, 88 (in Russian).
- 58 Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdeniye i rannaya istoriya plemen tagarskoy kultury (Origin and early history of tribes of Tagar culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 59 Chlenova, N. L. 1981. In: Troitskaya, T. N. (ed.) *Problemy Zapadno-Sibirskoy arkheologii. Epokha zheleza (Problems Western Siberian archaeology. The epoch of iron)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 4-42 (in Russian).
- 60 Chlenova, N. L. 1995. In: Demin, M. A., Shcheglova, T. K. (ed.). *Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altajskogo kraya (Maintenance and study of cultural heritage of the Altaian edge. Materials of research and practice conference)*. Vol. 5. 2nd part. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 91-96 (in Russian).
- 61 Chlenova, N. L. 1997. *Tsentralnaya Aziya i skify. I. Data kurgana Arzhan i ego mesto v sisteme kultur skifskogo mira (Central Asia and scythians. I. Date of burial mound of Arzhan and his place in the system of cultures of the Scythian world)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 62 Chlenova, N. L. 2002. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 1 (9), 131-141 (in Russian).

- 63 Chugunov, K. V 2005. In: Korol, G. G. (ed.) *Arheologiya Yuzhnoy Sibiri: idei, metody, otkrytiya (Archaeology of South Siberia: ideas, methods, opening)*. Krasnoyarsk: Editorial and Publishing Department of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 102-104 (in Russian).
- 64 Shelekhan, O. V. 2012. In: *Arkheologiya (Archaeology)*, 2, 3-13 (in Ukrainian).
- 65 Shulga, P. I., Shulga, D. P. 2015. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)*, 77, 512-533 (in Russian).
- 66 Yablonskiy, L. T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaralia (antropologiya mogilnikov) (Sakas of South Aral sea region (archaeology and anthropology burial mounds))*. Moscow: TIMP (in Russian).
- 67 Curtis, J. E., Kruszynski, M. 2002. *Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum*. London (in English).
- 68 *Forgotten Empire. The world of Ancient Persia*. Catalogue of the Exhibition. British Museum, 2005–2006 / J.E. Curtis, N. Tallis (eds.). London (in English).
- 69 Kossack, Georg. 1983. In: *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 5, 89-186 (in German).
- 70 Kossack, Georg. 1987. In: *Skythika*. München: BAdW, 24-86 (in German).
- 71 Loehr, M. 1949. In: *Artibus Asiae*, 12, 1-2, 23-83 (in English).
- 72 Matsumoto, K. 2021. In: *Japanese Journal of Archaeology*, 8, 287-328 (in English).
- 73 Makhortykh, S. V. 2022. In: *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and Early history of Ukraine)*, 1 (42), 56-74 (in English).
- 74 Ünal, V. 1982. In: *Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*, 4, 65-82 (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.03.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.61.80>

Гравированные накладки на лук из кургана № 4 могильника Ондырыс II (Северный Казахстан)

© 2023 г. Ярыгин С.А.

Keywords: archaeology, Northern Kazakhstan, Ondyrys II, turn of the eras, burial, bow overlays, engraving

Түйін сөздер: археология, Солтүстік Қазақстан, Өндіріс II, дәуір шекарасы, жерлеу, садақ қаптамалары, ойылған өрнек

Ключевые слова: археология, Северный Казахстан, Ондырыс II, рубеж эр, погребение, накладки на лук, гравировка

Sergey Yarygin¹

¹PhD, Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana, Astana, Kazakhstan.

E-mail: sergeyyarygin80@gmail.com

Engraved overlays of a bow from mound no. 4 of the burial ground of Ondyrys II (Northern Kazakhstan)

Abstract. The article presents the results of the study of engravings on two middle side overlays of a compound bow from the burial mound no. 4 of the Ondyrys II burial ground. The mound with a male military burial belonged to the circle of rare monuments of Northern Kazakhstan of the turn of the era. The engravings on the overlays were first found in the region. They are paired schematic images of animals with a different design of the upper part. While inspecting the overlays under a microscope, all the details of individual images, the sequence of application were revealed, conclusions were drawn regarding the carving tool. The shape and size of the overlays allow us to compare them with similar items used at the turn of the era in the southern regions of Central Asia, as well as by the representatives of the Middle Sarmatian and Bulan-Koba archaeological cultures. The origin of the tradition of drawing signs and drawings on bow parts in Northern Kazakhstan is probably connected with cultural impulses from the Hunnu area. Engraved overlays are known in Transbaikalia, Tuva and Altai. The images are either a decoration of overlays, or an illustration of mythological representations that existed in the culture of the nomads of Northern Kazakhstan at the first stage of the Hun-Sarmatian period (2nd century BC – 1st century AD). The semantics of the drawings can vary from the meaning of benevolence to the owner to the illustration of an ethnogonic legend.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175.

For citation: Yarygin, S. 2023. Engraved overlays of a bow from mound no. 4 of the burial ground of Ondyrys II (Northern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 61–80 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.61.80](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.61.80)

Сергей Александрович Ярыгин¹

¹PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының филиалы, Астана қ., Қазақстан

Өндіріс II қорымының 4 обасынан табылған
садақтың ойылған өрнекті қаптамалары
(Солтүстік Қазақстан)

Аннотация. Мақалада Өндіріс II қорымының 4-обасынан табылған күрделі құралған садақтың екі

Сергей Александрович Ярыгин¹

¹PhD, Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

Гравированные накладки на лук из кургана № 4
могильника Ондырыс II
(Северный Казахстан)

Аннотация. В статье представлены результаты изучения гравировок на двух срединных боковых

ортаңғы бүйір қаптамаларындағы ойылған өрнекті зерттеу нәтижелері келтірілген. Әскери ер адам жерлеуі бар оба дәуір шекарасындағы Солтүстік Қазақстанның сирек ескерткіштері шеңберіне жатқызылады. Қаптамадағы ойылған өрнектер аймақта алғаш рет кездесті. Олар жоғарғы жағы әртүрлі әрленген жануарлардың жұптасқан схемалық бейнелері болып табылады. Қаптаманы микроскоппен қарау нәтижесінде жекелеген бейнелердің барлық бөлшектері, салу реті анықталды, оятын құралға байланысты қорытындылар жасалды. Қаптаманың пішіні мен өлшемі Орталық Азияның оңтүстік аймағындағы дәуір шекарасындағы көшпенділер пайдаланған ұқсас бұйымдармен, сонымен қатар ортасарматтық және бұлан-қобы археологиялық мәдениетімен салыстыруға мүмкіндік береді. Солтүстік Қазақстандағы садақ бөлшектеріне белгілер мен суреттерді салу дәстүрінің шығу тегі хунн ареалынан шыққан мәдениет импульсімен байланысты болуы мүмкін. Ойылып өрнектелген қаптамалар Байқал сыртында, Тывада және Алтайда белгілі. Суреттер ғұн-сармат (б.д.д. II ғ. – б.д. I ғ.) уақытының бірінші кезеңіндегі Солтүстік Қазақстан көшпенділері мәдениетінде болған мифологиялық қойылым суретін немесе қаптама әшекейін ұсынады. Суреттердің семантикасы иесінің қалауынан бастап этногониалық аңыздар суреттеріне дейін өзгереді алады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҰҖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Ярыгин С.А. Өндіріс II қорымының 4 обасынан табылған садақтың ойылған өрнекті қаптамалары (Солтүстік Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 61–80-бб. (Орысша). DOI: 10.52967/akz2023.2.20.61.80

накладках сложносоставного лука из кургана № 4 могильника Ондырыс II. Курган с мужским воинским погребением относился к кругу редких памятников Северного Казахстана рубежа эр. Гравировки на накладках впервые встречены в регионе. Они представляют собой парные схематические изображения животных с различным оформлением верхней части. В результате осмотра накладок под микроскопом выявлены все детали отдельных изображений, последовательность нанесения, сделаны выводы относительно инструмента резьбы. Форма и размеры накладок позволяют сравнить их с аналогичными изделиями, использовавшимися на рубеже эр в южных регионах Центральной Азии, а также представителями среднесарматской и булан-кобинской археологических культур. Происхождение традиции нанесения знаков и рисунков на детали лука в Северном Казахстане, вероятно, связано с культурными импульсами из хуннского ареала. Гравированные накладки известны в Забайкалье, Туве и на Алтае. Изображения представляют собой либо украшение накладок, либо иллюстрацию мифологических представлений, которые бытовали в культуре кочевников Северного Казахстана на первом этапе гунно-сарматского периода (II в. до н.э. – I в. н.э.). Семантика рисунков может варьироваться от значения благопожелания владельцу до иллюстрации этногонической легенды.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175.

Для цитирования: Ярыгин С.А. Гравированные накладки на лук из кургана № 4 могильника Ондырыс II (Северный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 61–80. DOI: 10.52967/akz2023.2.20.61.80

1 Введение

Курган № 4 могильника Ондырыс II (Астраханский р-н, Акмолинская обл.) открыт и исследован сотрудниками Ишимской стационарной археологической экспедиции НИИ археологии им. К.А. Акишева ЕНУ им. Л.Н. Гумилева под руководством М.К. Хабдулиной в 2008 г. (рис. 1).

Одной из причин проведения разведочных работ послужила случайная находка кинжала эпохи поздней бронзы в окрестностях поселка Ондырыс, переданного в НИИ археологии им. К.А. Акишева. В результате осмотра местности обнаружена и исследована группа разновременных археологических памятников, датирующихся от эпохи бронзы до раннего железа. Во время работ внимание привлёк небольшой аварийный курган, расположенный в хозяйственной зоне посёлка, позже исследованный раскопками. Результаты полевых исследований опубликованы в том же году¹ [Свиридов 2008].

¹ В раскопках кургана принимали участие научные сотрудники НИИ археологии имени К.А. Акишева – С.А. Ярыгин, М.С. Калдыбаев, Д.А. Гаврилов (1983–2021), волонтеры – Н.С. Лапин и студенты ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.)

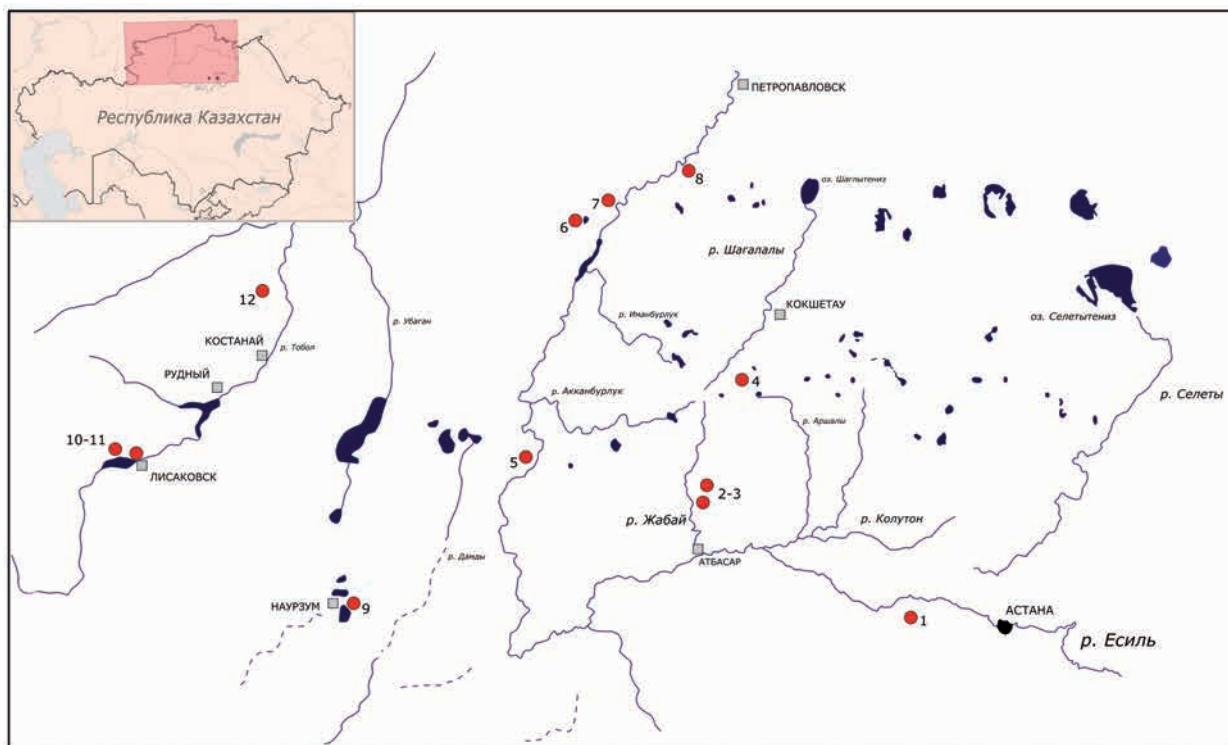

Рис. 1. Памятники рубежа эр в Северном Казахстане: 1 – м. Ондырыс II, к. 4; 2 – м. Саркара, к. 3, к. 4, п. 2, к. 5; 3 – м. Жабай-Покровка, п. 32; 4 – м. Айдарлы, к. 1; 5 – м. Конырсу, к. 1; 6 – к. Жалтырь, яма 2; 7 – м. Берлик II, к. 6; 8 – м. Явленка, к. 5; 9 – м. Наурзум, к.; 10 – к. Лисаковский; 11 – м. Лисаковский-2, к. 12; 12 – Надеждинка-4, п. (м. – могильник; к. – курган; п. – погребение). Исполнитель Сергей Ярыгин

1-сур. Солтүстік Қазақстандағы дәуірлер шекарасының ескерткіштері: 1 – Өндіріс II қ., 4-оба; 2 – Сарқара қ., 3-оба, 4-оба, 2-ж., 5-оба; 3 – Жабай-Покровка қ., 32-ж.; 4 – Айдарлы қ., 1-оба; 5 – Қоңырсу қ., 1-оба; 6 – Жалтыр обасы, 2-шұңқыр; 7 – Бірлік II қ., 6-оба; 8 – Явленка қ., 5-оба; 9 – Наурзым қ., оба; 10 – Лисаковский обасы; 11 – Лисаковский-2 қ., 12-оба; 12 – Надеждинка-4, ж. (қ. – қорым; ж. – жерлеу). Орындаған Сергей Ярыгин

Fig. 1. Monuments of the turn of the eras in Northern Kazakhstan: 1 - b.g. Ondyrys II, m. 4; 2 - b.g. Sarkara, m. 3, m. 4, b. 2, m. 5; 3 - b.g. Zhabai-Pokrovka, b. 32; 4 - b.g. Aidarly, m. 1; 5 - b.g. Konyrsu, m. 1; 6 - Zhaltyr m., pit 2; 7 - b.g. Berlik II, m. 6; 8 - b.g. Yavlenka, m. 5; 9 - b.g. Naurzum, m.; 10 - m. Lisakovskiy; 11 - b.g. Lisakovskiy-2, m. 12; 12 - Nadezhdinka-4, b. (b.g. – burial ground; m. – mound; b. – burial). Performed by Sergey Yarygin

Описание памятника. Могильник расположен на коренной террасе правого берега р. Ишим, на окраине поселка Ондырыс. Курган № 4 имел сильно повреждённую каменно-земляную насыпь (диаметр – 8,7 м, высота – 0,2 м). Судя по находкам в заполнении могильной ямы фрагментов керамики эпохи бронзы и фрагментов костей человека, первоначальная конструкция относилась к погребению конца II тыс. до н.э.

Погребение рубежа эр было совершено по центру кургана в могильной яме глубиной 2,05 м. Погребенный находился на деревянной раме или носилках с берестяным дном, вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Слева, вдоль бедра, располагался железный меч (длина – 95 см), без перекрестия

и наверх, с линзовидным в сечении лезвием. В районе стыка рукояти и лезвия находилась продолговатая костяная пряжка. Пряжка декорирована циркульным орнаментом и специально сделанными сбоку пропилами. Возле тазовых костей фиксировались следы коррозированного железного предмета. Справа, около ступней, обнаружен оселок в виде бруска с чёткими ровными

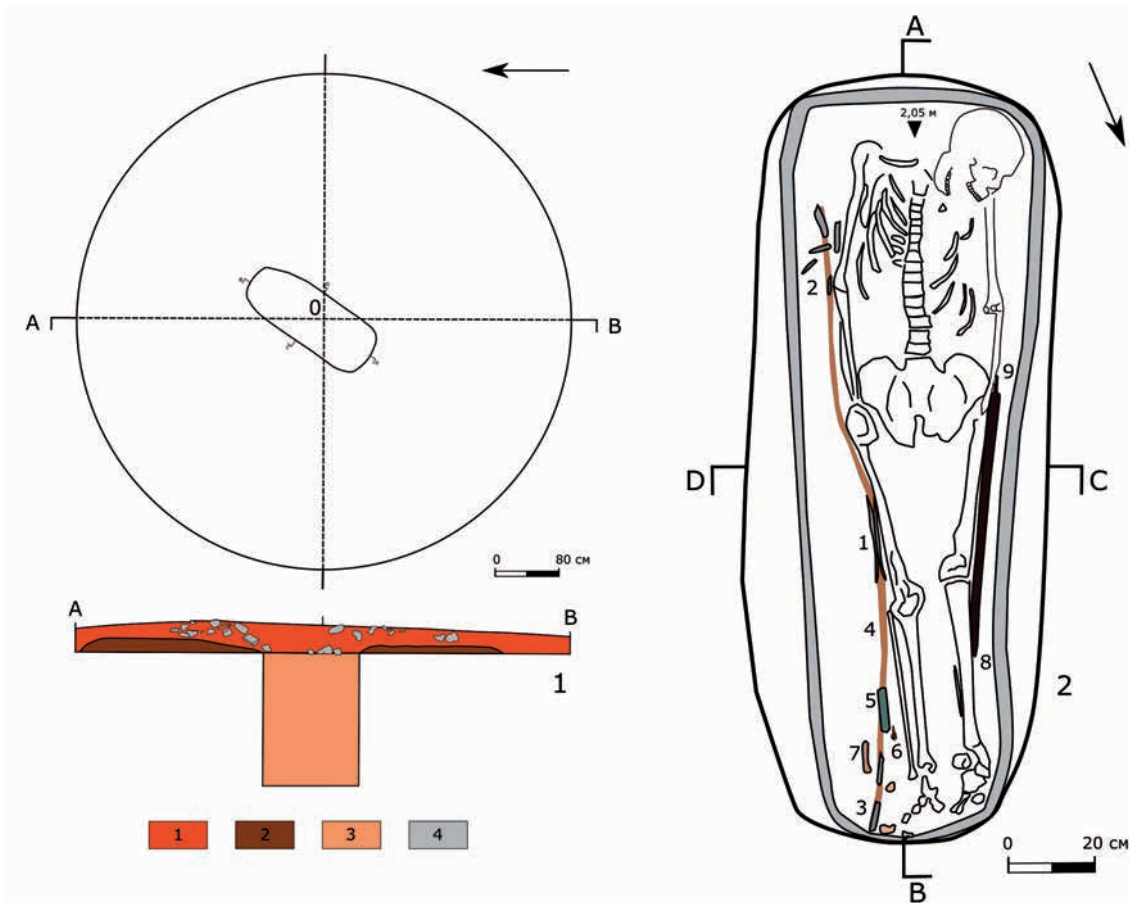

Рис. 2. Ондырыс II, курган № 4: 1 – план и разрез кургана (1 – супесь коричневого цвета; 2 – супесь тёмно-коричневого цвета; 3 – супесь светло-коричневого цвета; 4 – камни); 2 – план погребения (1 – срединные боковые накладки; 2–3 – концевые боковые накладки; 4 – древесный тлен от кибити; 5 – оселок; 6 – наконечники стрел; 7 – жертвенные кости; 8 – железный меч; 9 – портупейная пряжка). Исполнитель Сергей Ярыгин

2-сур. Өндіріс II, 4-оба: 1 – обаның жоспары мен қимасы (1 – қоңыр құмды топырақ; 2 – қара қоңыр құмды топырақ; 3 – ашық қоңыр құмды топырақ; 4 – тастар); 2 – жерлеу жоспары (1 – ортаңғы бүйірлік қаптамалар; 2–3 – соңғы бүйірлік қаптамалар; 4 – садақтың ағашының шірігі; 5 – қайрақ тасы; 6 – жебе ұштары; 7 – құрбандық сүйектері; 8 – темір қылыш; 9 – портупеялық тоға). Орындаған Сергей Ярыгин

Fig. 2. Ondyrys II, mound no. 4: 1 – plan and stratigraphy of the mound (1 – brown sandy soil; 2 – dark brown sandy soil; 3 – light brown sandy soil; 4 – stones); 2 – burial plan (1 – middle side overlays; 2–3 – end side overlays; 4 – wood decay from the arc; 5 – grinding stone; 6 – arrowheads; 7 – sacrificial bones; 8 – iron sword; 9 – harness buckle). Performed by Sergey Yarygin

гранями, изготовленный из зеленоватого камня. Рядом находились три железных черешковых, трехлопастных наконечника стрел, со срезанной под острым углом нижней частью лопастей. В ногах находились остатки жертвенной пищи – кости барана (рис. 2, 1–2).

Справа от погребенного выявлены костяные накладки от сложносоставного лука (рис. 3; 4). Целыми сохранились лишь парные срединные боковые, лежавшие около большой берцовой кости. Парные верхние и нижние концевые накладки распались на несколько фрагментов. Верхние лежали россыпью в районе локтевого сустава, нижние – в районе ступней. Между верхними и нижними накладками фиксировался слой древесной трухи, очевидно, от кибиты. Расстояние между концевыми накладками составляет 137–140 см, от верхних концевых накладок до срединных – 50 см, от нижних концевых до срединных – 40 см. Судя по всему, в погребение был помещен лук со снятой тетивой. Внешняя сторона срединных накладок гравирована изображениями парных животных (рис. 3).

Зафиксированный погребальный обряд характерен для памятников Северного Казахстана и Южного Приуралья, датирующихся рубежом эр (рис. 1). Топографически памятники этого периода привязаны к гидрологической системе региона – рекам Тобол, Есиль (Ишим), Шагдалалы и распределены в регионе достаточно равномерно. Некоторая их концентрация (порядка четырех объектов) фиксируется в районе Сергеевского водохранилища и к северу от него, на южной границе распространения саргатских памятников. Остальные пункты представляют собой небольшие группы в 2–3 кургана (не более двух групп) и одиночные курганы со следующей локацией: возле г. Лисаковска; в среднем течении р. Жабай; у села Айдарлы. Известны одиночные объекты на могильниках предшествующего времени: мог. Ондырыс II, курган № 4; мог. Конырсу, курган № 1; погребение в кургане мог. Наурзум; грунтовое погребение Надеждинка-4 (рис. 1) [Хабдулина 1994: 57, 121–122, табл. 39, 11; 42–43; Сеитов 2017: 194–196; Сакенов и др. 2019: 378–384].

В это время распространяются курганы малых и средних размеров. Могильные ямы могут достигать глубины от 1 до 3 м. Умершие уложены вытянуто на спине, головой в южный сектор. Фиксируются следы берестяной подстилки, деревянной рамы или гробовища. В головах и ногах покойных находятся остатки заупокойной тризны в виде костей барана [Хабдулина 1994: 26–27, табл. 8, 3; 38, 3; Сеитов 2017: 194–196]. Железные мечи без перекрестия и навершия обнаружены в кургане № 3 урочища Саркара, в погребении № 32 мог. Жабай-Покровка, в кургане Жалтырь, в кургане № 23 мог. Лисаковский-2. В курганах из Саркары и Жабай-Покровки также выявлены костяные накладки сложносоставных луков. Близкие по форме железные наконечники стрел найдены в кургане № 12 могильника Лисаковский-2 и в кургане Жалтырь. В последнем на рукояти меча лежали две накладки, одна из которых украшена циркульным орнаментом, идентичным узору на пряжке из кургана могильника Ондырыс [Хабдулина 1994: 57, 121–122, табл. 39, 11; 42–43; Сеитов 2017: 194–196].

2 Материалы и методы исследования

2.1 Методика исследования

Для изучения гравировок использован бинокулярный микроскоп «Альтами ПС II». Исследование проводилось в филиале Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астана. Дополнительно использовано цифровое макрофотографирование всех изображений и их деталей. Это дало возможность понять тип инструмента и способ нанесения изображений, определить

закономерность и последовательность нанесения линий выявить некоторые детали и элементы рисунков, а также включить в гравировки отдельные линии на накладках, которые сделаны тем же инструментом.

В теоретической части исследования использованы компаративные методы, включающие метод датированных аналогий, которые позволяют сравнивать близкие по типу памятники на удаленных друг от друга территориях. На заключительном этапе работы применен метод графической реконструкции в виде рисунка-схемы сложносоставного лука, что дало возможность восприятия и демонстрации конкретного предмета материальной культуры наглядно.

2.2 Характеристика накладок лука

Длинные концевые накладки не сохранились в целом виде. Они фиксировались в виде групп фрагментов. Накладки тонкие, слегка изогнутые, с заостренным нижним краем и округлой, немного выделенной верхней кромкой, где расположен арочный вырез для тетивы. Поверхность накладок отполирована, но на одной верхней накладке и одной нижней по бокам со стороны арочных прорезей имеются следы нарезки, идущие по всей длине накладки. Средняя ширина накладок: 0,5 см; 1 см; 1,7 см. Толщина - порядка 0,3–0,4 см. Реконструируемая длина накладок 17–18 см (рис. 4, 1–2)* (*в погребении концевые накладки были расположены таким образом, что понять, какая из них левая и правая не было возможности, поэтому нумерация дана общая для пары верхних и нижних).

Рис. 3. Оңдырыс II, курган № 4. Роговые накладки на лук: 1 – верхние концевые; 2 – нижние концевые; 3 – левая срединная боковая; 4 – правая срединная боковая. Исполнитель Сергей Ярыгин

3-сур. Өндіріс II, 4-оба. Садақтың мүйізді қаптамалары: 1 – жоғарғы шеткі; 2 – төменгі шеткі; 3 – сол жақ ортаңғы бүйірі; 4 – оң жақ ортаңғы бүйірі. Орындаған Сергей Ярыгин

Fig. 3. Ondyrys II, mound no. 4. Horn overlays for a bow: 1 – upper end; 2 – bottom end; 3 – left middle side; 4 – right middle side. Performed by Sergey Yarygin

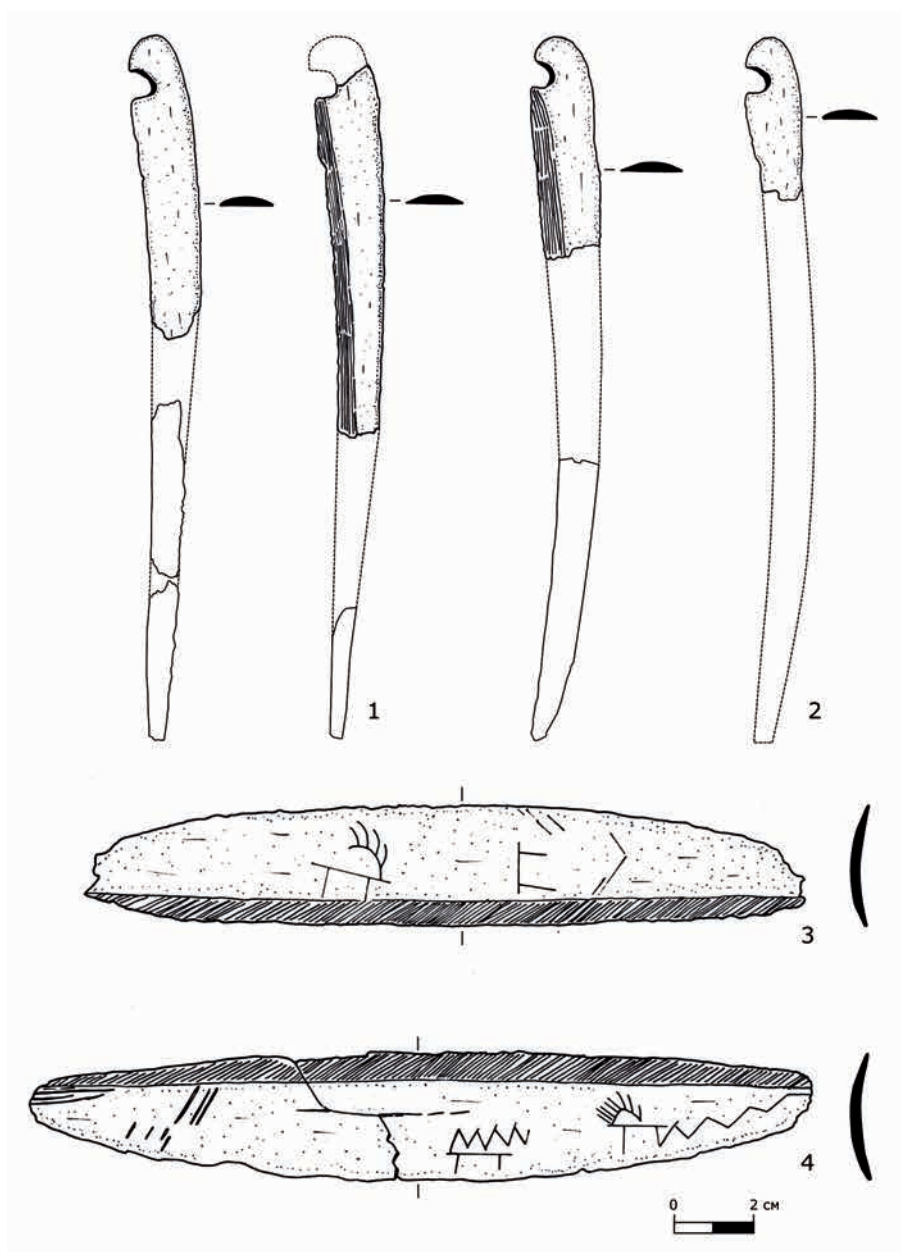

Рис. 4. Ондырыс II, курган № 4. Срединные боковые накладки: 1 – правая; 2 – левая.
Исполнитель Сергей Ярыгин

4-сур. Өндіріс II, 4-оба. Ортаңғы бүйірлік қаптамалар: 1 – оң жақ; 2 – сол жақ.
Орындаған Сергей Ярыгин

Fig. 4. Ondyrys II, mound no. 4. Middle side overlays: 1 – right; 2 – left.
Performed by Sergey Yarygin

Срединные боковые накладки вытянуто-овальной формы можно отнести к категории трапециевидных. Одна длинная сторона, у которой по краю идут следы косой нарезки шириной 1 см, более ровная, вторая дуговидная. Узкие края пластин закруглены. В разрезе обе сегментовидные. На внешние отполированные поверхности нанесены изображения. Накладки разных размеров: левая, что ближе к погребенному, 19,4×3,2 см, правая - 21×3,5 см. Толщина обеих пластин примерно 0,4 см. Правая пластина расколота поперёк почти посередине (рис. 3; 4, 3–4).

На двух внешних поверхностях накладок зафиксированы четыре гравировки и отдельные насечки. Гравировки представляли собой попарные схематичные фигурки животных с различным оформлением верхней части. Для удобства описания они пронумерованы следующим образом – на малой накладке изображения № 1 и 2, на крупной – № 3 и 4* (*Подробное описание см. в Приложении 1 к наст. статье) (рис. 5).

Изображение № 1. Фигура оленя, состоящая из линии туловища, двух параллельных линий ног, большого дугообразного рога с четырьмя изогнутыми лучами, отходящими вверх от главной линии. Линия туловища показана наклонной от центра накладки к нижнему краю. Ноги изображены параллельно и с небольшим наклоном, они касаются участка с нарезкой.

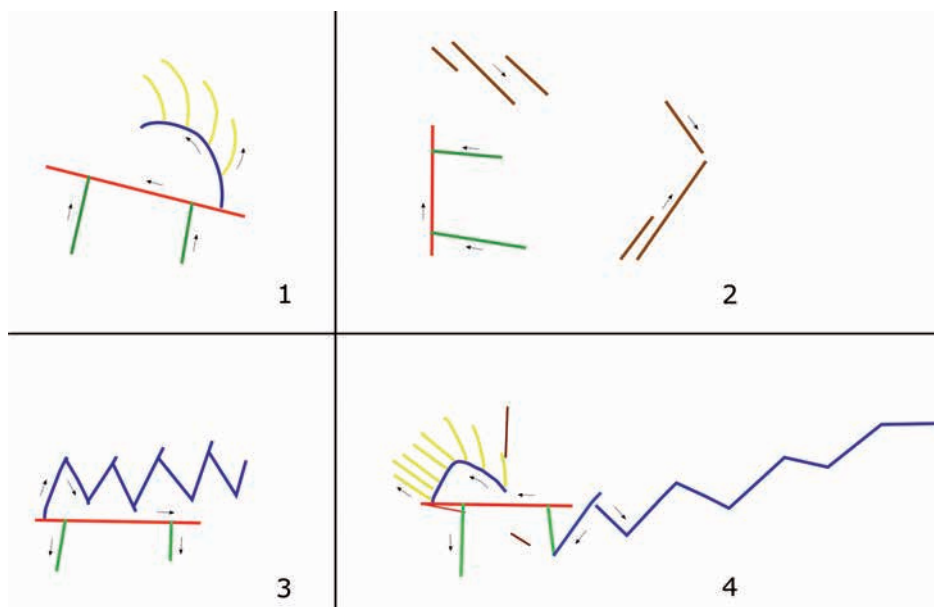

Рис. 5. Ондырыс II, курган № 4. Полихромная трасология изображений:

1–2 – фигуры на левой накладке; 3–4 – фигуры на правой накладке.

Исполнитель Сергей Ярыгин

5-сур. Өндіріс II, 4-оба. Кескіннің полихромды трасологиясы:

1–2 – сол жақ қаптамадағы фигуралар; 3–4 – оң жақ қаптамадағы фигуралар.

Орындаған Сергей Ярыгин

Fig. 5. Ondyrys II, mound no. 4. Polychrome traceology of images:

1–2 – figures on the left overlay; 3–4 – figures on the right overlay.

Performed by Sergey Yarygin

В 3,4 см правее расположено изображение № 2. Оно представлено фигурой без головной части; состоит из трёх ровных линий – туловища и двух ног. Перевернута торцом так, что первая фигура ориентирована на её спину. Ноги параллельны друг другу. Сбоку и ниже фигуры имеются шесть тонких резных линий: три расположены сбоку от фигуры и три – в 1–2 см ниже линий ног.

На правой накладке две фигуры с разным оформлением головной части ориентированы в одну сторону – справа налево. Однако они показаны одна ниже другой, так что виртуальная ось, проходящая по линии туловища изображения № 4, касается верхних точек головной части изображения № 3. Резные фигуры помещены под полосой со штрихами нарезки, это позволяло при простом развороте лука в руках видеть фигуры в необходимой проекции, аналогичной фигурам на малой пластине. Штриховка имеет практическое назначение и сделана для крепления накладок на кибить.

Изображение № 3 представлено фигурой, состоящей из четырёх элементов: линия туловища, параллельные линии ног, голова и рог в виде зигзага. Длина туловища 1,8 см. Длина левой ноги 0,7 см, правой – 0,4 см. Край линии туловища и край третьего угла находятся на одном уровне. Ноги показаны с небольшим наклоном от оси туловища к краю пластины справа налево.

В 2,1 см правее расположено изображение № 4. Оно представлено фигурой, которая примыкает задней частью к изломанной линии. Длина всей гравюры 5,5 см. Изломанная линия изображена в виде четырех углов разных градусов – от 80° до 120°, которые начинаются от узкого края пластины и стыкуются с правой ногой фигуры животного. Последняя, как и изображение № 1, состоит из линии туловища, двух линий ног и дугообразного рога, от которого отходят восемь лучей. Пять лучей на левой стороне дуги, прямые. Три имеют небольшой изгиб влево. Они ориентированы идентично лучам изображения № 1, но вследствие этого у них обратное направление относительно хода движения животного.

Гравировки выполнены после полировки поверхности пластин. Наблюдения, сделанные при помощи микроскопа, позволили определить последовательность нанесения основных линий и направление хода инструмента (рис. 5). Первоначально на всех гравировках прорезалась линия тела, от которой впоследствии выстраивался расчёт каждого изображения.

На изображении № 1 реконструируется движение инструмента справа налево. Далее резчик нанёс линии ног, инструмент двигался снизу вверх. Отдельно вырезана дуга рога, резьба сделана справа налево. Четыре луча прорезаны снизу вверх (рис. 5, 1). Линия туловища изображения № 2 также прорезана снизу вверх. После этого резчик сделал две линии ног справа налево, след от их резьбы пересекает линию туловища. Дополнительные шесть линий, идущие сбоку и снизу, выполнены в одной манере – без сильного нажима, под наклоном от краёв пластины к её центру (рис. 5, 2). Линия туловища изображения № 3 прорезалась слева направо, вниз от неё проведены линии ног. Углы, которые связаны с головной частью фигуры, прорезаны по порядку: первая линия вверх, последующая вниз. Каждый отрезок сделан отдельно, при этом правые линии угла начинались всегда ниже уровня завершения предыдущей линии (рис. 5, 3). Линия туловища изображения № 4 нанесена справа налево. После неё сделана тонкая линия, идущая от конца вниз и в обратном направлении до уровня левой ноги. Ноги прорезаны сверху вниз, линия дуги рога – справа налево. Линии лучей идут снизу вверх. Заметно, что при нанесении трёх лучей в центре резчик немного наклонил инструмент, отчего линии стали шире. Первая линия горной гряды у фигуры оленя прорезана снизу вверх, она сделана отдельно. Далее мастер прорезал одним движением зигзаг вправо (рис. 5, 4).

Судя по изображению рогов, мастер в двух случаях достаточно схематично вырезал оленей – фигуры № 1 и 4. Фигуры № 2 и 3 изображены в той же манере, но № 1 вырезана без головы и иначе ориентирована, а рога фигуры № 3 оформлены в виде углов.

Гравировки выполнены очень тонким и острым V-образным лезвием. Можно предположить, что это острие ножа со стандартной двусторонней заточкой и узкими подводами. Лезвие не погружалось глубоко в пластину – толщина и глубина линий менее 1 мм, однако на разных элементах сила нажатия отличается. Резьба проводилась один раз, следов доработки или исправлений не зафиксировано.

3 Обсуждение

На территории Северного Казахстана к предметам, схожим по форме с накладками из Ондырыса, можно отнести роговые пластины из кургана № 3 урочища Саркара. При этом основное типологическое сходство показывают только концевые накладки. Однако подобные изделия с формой, варьирующейся от удлинённо-прямой до слабовыраженной дуги, фиксируются со II в. до н.э. по V в. н.э. на территории от Забайкалья до юга Центральной Азии. Артефакты, идентичные находкам из Ондырыса, встречаются в хуннских памятниках Забайкалья – в могильниках Ильмовая падь и Черемуховая падь [Коновалов 1976: табл. III–V]. Они широко распространены в памятниках булан-кобинской культуры Алтая – в могильниках Усть-Бийке, Яломан-II, Кок-Паш [Горбунов 2006: 145, рис. 3, 1, 2, 6–9, 13–16, 26, 27].

Форма, подобная срединным боковым накладкам из Ондырыса, встречается редко. В качестве отдалённой аналогии можно предложить накладку на лук из среднесарматского погребения № 4 в кургане № 5 Иштугановского могильника на р. Белая в Южном Приуралье (Российская Федерация) [Мышкин 2021: 374–391; рис. 9, 13]. Похожие по форме накладки встречаются в погребениях II–V вв. н.э. на территории Центрального Алтая. Тонкая срединная накладка толщиной 0,3–0,4 см, шириной 2,6, длиной 26 см, трапецевидной формы со скруглёнными окончаниями обнаружена в кургане № 1 мог. Степушка-I [Матренин и др. 2014: 154–164, рис. 1, 4]. Более близкую форму демонстрируют парные накладки из кургана Кг-2 мог. Орлат (Самаркандская обл., Республика Узбекистан). Памятник широко известен по находке отполированных поясных костяных пластин с художественно выполненными батальными сценами и изображениями битв диких животных. Первоначально объекты были датированы II в. до н.э. – I в. н.э. [Пугаченкова 1989: 128, 147–150, рис. 56, 69–71]. Впоследствии ряд исследователей скорректировал дату до I в. до н.э. – II в. н.э., что было связано с детальным анализом изображений и сравнением их с изображениями охоты и другими сценами на роговом предмете из городища Калалы-гыр 2 в левобережном Хорезме [Ильясов 2013: 96–104, рис. 1].

Напрямую сравнивать гравировки из Орлата и Калалы-гыр 2 с обнаруженными в Ондырысе невозможно, у авторов этих изделий совершенно разный художественный метод. Гравировки из Ондырыса, по сути, представляют собой схематичные фигуры, которые в большей мере являются знаками образов, чем непосредственно образами. При этом нельзя не отметить само наличие близких форм декоративно-прикладного искусства. Связи двух регионов подтверждают и другие материалы. Показательным являются импортные одноручные кувшины с шаровидным туловом и высокой цилиндрической горловиной и изображенные на них знаки [Хабдулина 1994: табл. 59, 40; Смагулов, Яценко 2008: рис. 13, 3; Подушкин 2017: 63, рис. 2, 18; Сакенов и др. 2019: 378–384, рис. 4, 6].

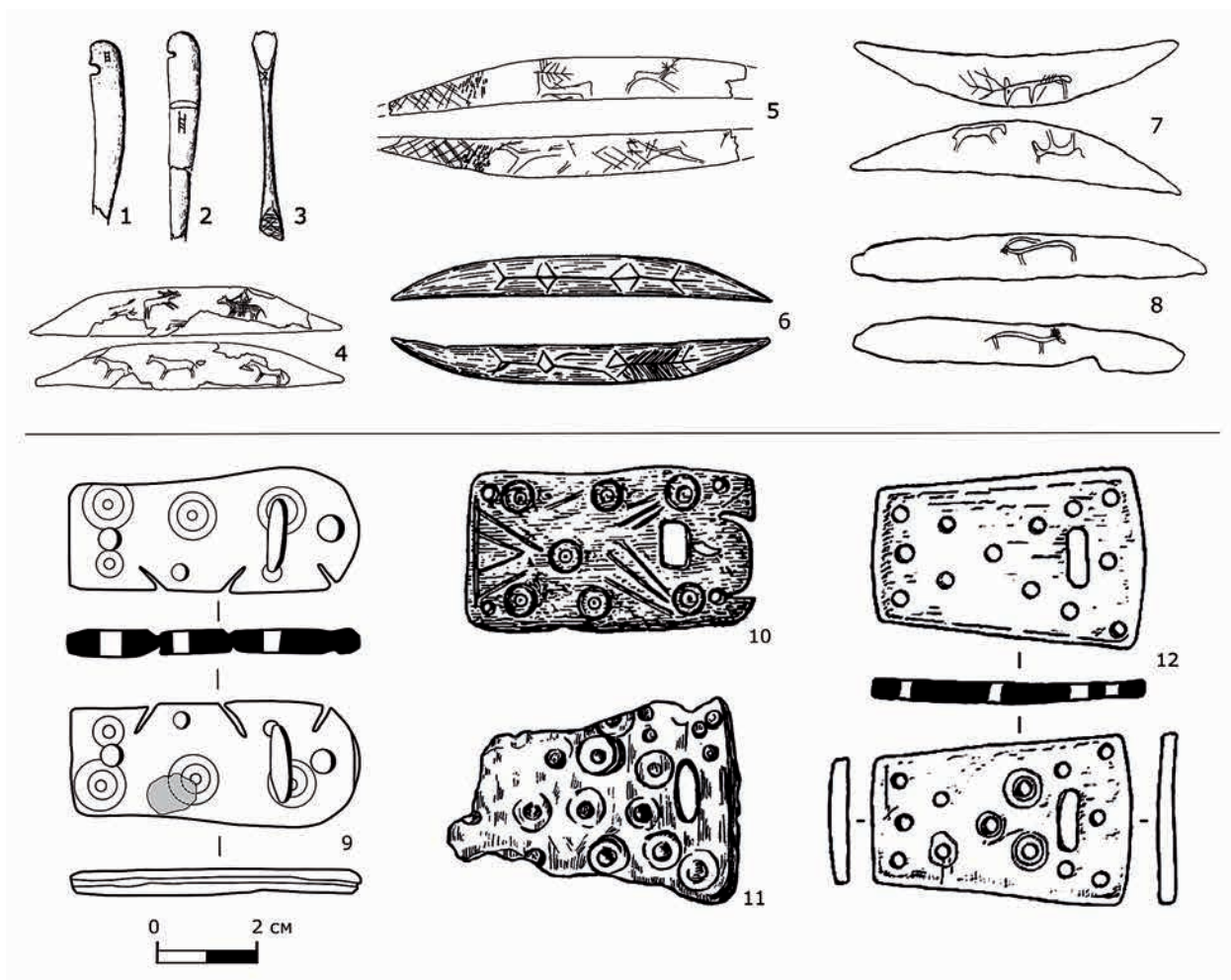

Рис. 6. Аналогии накладкам и пряжке: 1–2 – Дырестуйский могильник (по: [Миняев 2007]); 3 – Терезин (по: [Килуновская, Леус 2022]); 4 – Кара-Даг (по: [Стамбульник 1979]); 5–6 – Аймырлыг (по: [Мандельштам, Стамбульник 1992]); 7 – Яломан-II (по: [Штанов 2008]); 8 – Кок-Паш (по: [Штанов 2008]); 9 – Ондырыс II; 10 – Кую-Мазар (по: [Мандельштам, Стамбульник 1992]); 11 – Суглуг-Хем (по: [Килуновская, Леус 2021]); 12 – Терезин (по: [Килуновская, Леус 2021])

6-сур. Қаптамалар мен ілмектердің ұқсастықтары: 1–2 – Дырестуй қорымы ([Миняев 2007] бойынша); 3 – Терезин ([Килуновская, Леус 2022] бойынша); 4 – Қара-Даг ([Стамбульник 1979] бойынша); 5–6 – Аймырлыг ([Мандельштам, Стамбульник 1992] бойынша); 7 – Яломан-II ([Штанов 2008] бойынша); 8 – Көк-Паш ([Штанов 2008] бойынша); 9 – Өндіріс II; 10 – Кую-Мазар ([Мандельштам, Стамбульник 1992] бойынша); 11 – Суглуг-Хем ([Килуновская, Леус 2021] бойынша); 12 – Терезин ([Килуновская, Леус 2021] бойынша)

Fig. 6. Analogies to overlays and a buckle: 1–2 – Dyrestuy burial ground, after – Minyaev 2007; 3 – Terezin, after – Kilunovskaya, Leus 2022; 4 – Kara-Dag, after – Stambulnik 1979; 5–6 – Aymyrlyg, after – Mandelshtam, Stambulnik 1992; 7 – Yaloman-II, after – Shtanov 2008; 8 – Kok-Pash, after – Shtanov 2008; 9 – Ondyrys II; 10 – Kuyu-Mazar, after – Mandelshtam, Stambulnik 1992; 11 – Suglug-Khem, after – Kilunovskaya, Leus 2021; 12 – Terezin, after – Kilunovskaya, Leus 2021

Значительно ближе к вышеуказанным гравировкам находки из восточных областей Центральной Азии. Гравировка в виде знака на концевых накладках на лук зафиксирована для культуры хунну Забайкалья. В погребениях № 120 и 123 Дырестуйского могильника несколько изображений в виде одинаковых знаков типа иероглифа «жи» выявлены на внешней поверхности боковых концевых накладок. Памятник относится к опорным могильникам хунну Забайкалья II–I вв. до н.э. (рис. 6, 1–2) [Миняев 2007: 101–102, табл. 108, 18; 112, 2]. Достаточно рано, одновременно с распространением влияния хунну, традиция нанесения знаков на накладки появляется в Туве. В погребении № 2 могильника Терезин на верхней части фронтальной накладки на лук был нанесен сложный тамгообразный знак. Памятник датирован II–I вв. до н.э. (рис. 6, 3) [Килуновская, Леус 2022: 103–118, рис. 5, 3].

От рубежа эр до начала I тыс. н.э. датируются три парные срединные боковые накладки из двух могильников – Кара-Даг и Аймырлыг в Центральной Туве (рис. 6, 4–5). На первой накладке из могильника Кара-Даг изображены всадник и олень, стоящие напротив друг друга. За спиной оленя нанесены несколько стрел. На второй накладке нарисованы три оленухи, следующие друг за другом. На первой паре накладок из могильника Аймырлыг передана похожая сцена. На одной накладке показаны два оленя, скачущие в разные стороны; на второй – небрежно и схематично запечатленный всадник с луком преследует убегающего оленя. На второй паре накладок из Аймырлыга изображены разного типа знаки в виде длинных центральных линий с пересекающими их углами и ромбами, в одном случае край линии плотно заштрихован наподобие оперения стрелы (рис. 6, 6) [Стамбульник 1979: 145–147, рис. 1; Мандельштам, Стамбульник 1992: 200, 432, табл. 82, 21].

Традиция нанесения изображений на накладки существовала и в Средневековье. В тюркском погребении кургана № 1 из группы V мог. Аймырлыг 3 в Туве обнаружены трапециевидные срединные накладки с рисунком. По мнению исследователей, на накладке, вероятно, изображено дерево с отходящими от него корнями. Далее чуть выше и правее идет длинная линия с отростками, на конце которой изображен флаг или шкура. Справа, на заштрихованном конце накладки, едва заметно изображение, похожее на птицу. Лук отнесён к уйгурскому, который отличается от собственно тюркских и восходит к более ранним хуннским типам [Овчинникова 1982: 210–218, рис. 4, 1]. Близким территориально и по времени может считаться пейзаж с юртой, изображенный на накладке из могильника Дыттыг-Чарык-Аксы [Овчинникова 2003: 267–269, рис. 1, 6–7].

Заметим, что эта традиция нашла отражение в тувинском эпосе: «Тугой чёрный лук богатыря сделали его предки из рогов семидесяти горных козлов: эти рога соединили вместе, скрепили прочно и покрыли лаком; нижний конец лука украсили изображениями шестидесяти козлов, а верхний – изображениями тридцати драконов. Тетива была сделана из целой кожи чёрного козла» (цит. по: [Липец 1984: 70]).

Одновременно с территорией верхнего течения Енисея традиция нанесения изображений на накладки приходит на Алтай. В кургане № 62 из ранней группы могильника Яломан-II (II–I вв. до н.э.) зафиксирован комплект из шести роговых накладок, в центральной части срединных хорошо отполированных пластин выгравированы разные фигурки (рис. 6, 7) [Горбунов, Тишкин 2006: 79–85, рис. 2–4]. На одном из них изображён олень. Животное находится в состоянии покоя, динамика движения не выражена. Голова наклонена, шея и туловище вытянуты. Вероятно, здесь запечатлена добыча охотника. Судя по отросткам рогов, это уже зрелое животное, пригодное для охоты. Вновь мы наблюдаем вытянутое туловище, показанное двумя параллельными линиями. Задние ноги

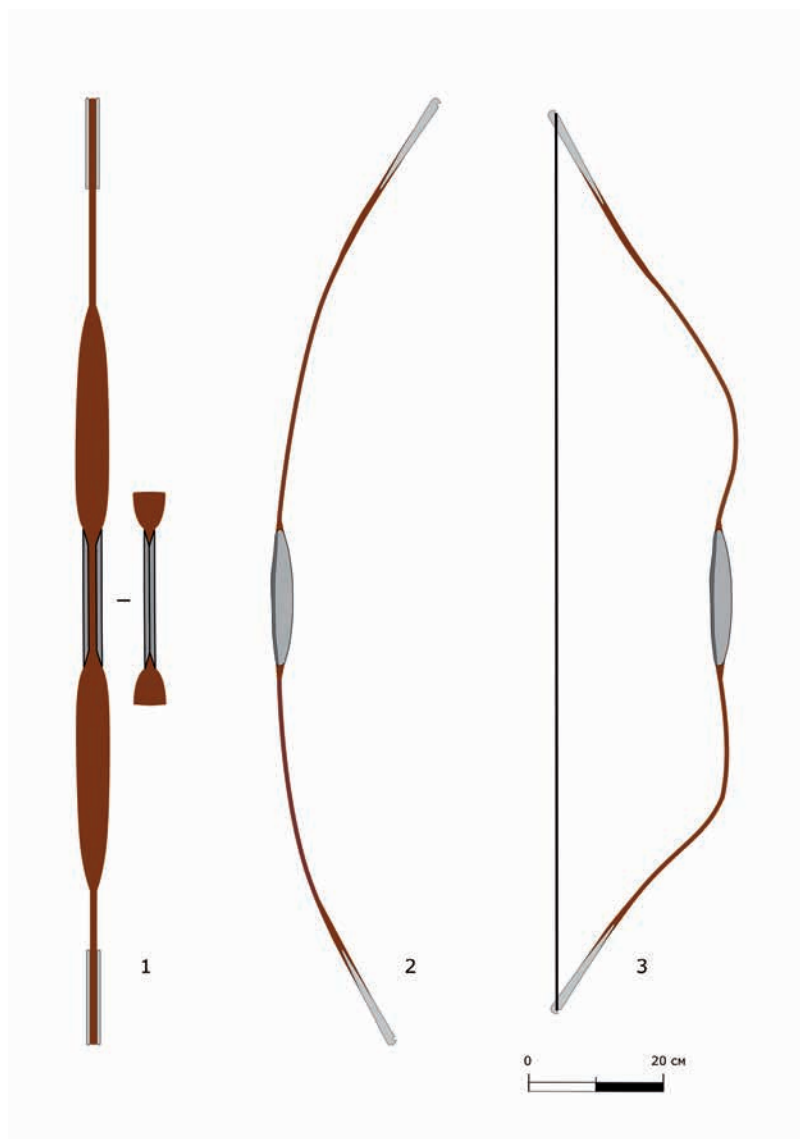

Рис. 7. Ондырыс II, курган № 4. Графическая реконструкция лука: 1 – вид с внешней стороны без тетивы; 2 – вид сбоку без тетивы; 3 – вид сбоку с надетой тетивой. Исполнитель Сергей Ярыгин

7-сур. Өндіріс II, 4-оба. Садақты графикалық қайта құру:

1 – адырнасыз сыртқы жағынан көрінісі;

2 – адырнасыз бүйірінен көрінісі; 3 – кигізілген адырнамен бүйірден көрініс. Орындаған Сергей Ярыгин

Fig. 7. Ondyrys II, mound no. 4. Graphic reconstruction of a bow: 1 – view from the outside without a bowstring; 2 – side view without a bowstring; 3 – side view with a bowstring.

Performed by Sergey Yarygin

перпендикулярны туловищу и намечены двумя параллельными чертами, копыта отсутствуют. На другой накладке для лука из того же могильника представлена жанровая сценка игры собак. Животные смотрят друг на друга. Характерно изображение тела с помощью двух параллельных линий, переходящих в линии ног. Морды вытянутые, тупые. У одной из собак хвост загнут вверх.

На могильнике Кок-Паш в Юго-Восточном Алтае (III–IV вв.) обнаружены две костяные накладки от лука. На одной из них показано стилизованное изображение горного козла, на другой – стилизованное изображение оленя (рис. 6, 8). Гравировки на накладках выполнены в одном стиле с петроглифами рубежа эр и первой половины I тыс. в Сары-Сараке, Елангаше, Ахты-Катындое, Бичикту-Боме. Видовые признаки животных отмечены характерным изображением морды и рогов [Штанов 2008: 232–235, рис. 1–3]. Под подобное определение стилистики петроглифов вполне подпадают схематичные изображения на накладках из кургана могильника Ондырыс.

В Казахском Алтае тамгообразные знаки выявлены на роговых накладках из погребения в объекте № 113 мог. Берел (II–III вв. н.э.). Первый предмет идентифицировать сложно, а второй, содержащий особые метки, являлся срединной накладкой на лук, состоящей из двух фрагментов [Самашев, Сиражева 2022: 32–42, рис. 5–7].

Южные и восточные связи можно обнаружить для портупейной пряжки из Ондырыса с циркульным орнаментом. Аналогичная находка известна по материалам раскопок мог. Кую-Мазар (рис. 6, 9–10) [Мандельштам 1992: 109, 392, табл. 42, 54]. Больше количество пряжек из кости или рога с циркульным орнаментом зафиксировано в материалах озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры (III–II вв. до н.э.) и последующей улуг-хемской культуры Тувы. Костяные пряжки с близким по типу декором обнаружены при исследовании объекта № 6 мог. Суглуг-Хем и объекта № 27 мог. Терезин (рис. 6, 11–12) [Килуновская, Леус 2021: 430–448, рис. 1, 3а, 4а; 6, 7].

4 Результаты

В целом сложносоставной лук из кургана № 4 могильника Ондырыс II относится к хорошо известному типу таких изделий, которые состояли из деревянной кибиты и шести боковых накладок (две пары концевых и одна срединная). Судя по разнице расстояний между срединными и концевыми накладками, нижняя часть кибиты была меньше верхней примерно на 10 см, лук, следовательно, был асимметричным. Его размеры порядка 137–140 см вполне соответствуют длине луков «гуннского» типа, достигавшей в среднем от 1,2 до 1,6 м [Хазанов 1966: 34].

Источником для визуальной реконструкции лука из Ондырыса служат находки хорошей сохранности из Таримского бассейна. К наиболее близким формам относятся асимметричные луки из погребений M19 в Инпане, недалеко от Лобнора (III в.) и из 95MN1M4b в Ние (конец III – II в. до н.э.) [Hall, Farrell 2008: 89–98; fig. 14, 17]. Другим образом выступает реконструкция лука из кургана № 31 мог. Яломан-II [Горбунов 2006: 154, рис. 11]. Сравнивая артефакты, можно уверенно утверждать, что лук из Ондырыса принадлежал к С-М-образному типу. Форма лука со снятой тетивой напоминала слабоизогнутую букву «С». Со снятой тетивой плечи были немного изогнуты на внешнюю сторону. С надетой тетивой лук принимал форму буквы «М», это сходство, вероятно, усиливалось при натянутой тетиве. Лук представлял собой региональный тип подобного оружия дистанционного боя, который появляется в Северном Казахстане на рубеже эр под влиянием восточных воинских традиций (рис. 7).

Изображение на накладках имеет свой сюжет, прочтение которого зависит от понимания последовательности расположения фигур, а его семантика связана с разнообразными проявлениями мифо-ритуальных представлений или практик. Учитывая связи кочевников рубежа эр Северного Казахстана с сарматами, хунну или племенами, находившимися под влиянием хунну, семантика может быть объяснена при обращении к кругу фольклорных и письменных источников, связанных с ними.

В нартовском эпосе часто встречаются сюжеты с охотой на оленя, оленуху или лань, которые долго преследуются одним или несколькими охотниками. Присутствует мотив принесения оленя в жертву, а в обрядовой охотничьей песне фигурирует табуированное название сбросившего рога оленя – «ихсидсær» (осет. «стёртая голова») [Дарчиева 2020: 139–153]. Это можно сопоставить с последовательным движением фигуры оленя на накладке – с гор, через водный барьер. В последнем случае вертикальная постанова фигуры, изображённой без головы, обозначает принесение жертвы, а весь сюжет представляет сцену охоты.

Заслуживают внимания параллели, прослеживаемые при сравнении с гуннской легендой, описанной в нескольких вариантах. Одна из них приведена у Иордана, который, ссылаясь на сообщение Приска, приводит такое её изложение: «Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошёл в озеро и, то ступая вперёд, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое (до тех пор) считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез» (Getica, 123–124, цит. по: [Скржинская 2001]).

Чтение изображений на пластинах из Ондырыса в данном случае может начинаться с фигуры оленя, спускающегося с гор, далее идёт фигура оленя, пересекающего озеро (Мэотиду). На малой пластине чтение идет в обратном порядке: фигура оленя, который выбрался и повернулся к виртуальным преследователям; на последнем изображении показан момент таинственного исчезновения животного. Гуннская легенда отражена в источниках, датирующихся V–VI вв. Хронологическая разница между рисунком на накладках и легендой составляет 500 лет. Однако легенда имеет сходство с генеалогическими преданиями восточных областей Центральной Азии. В одном из них повествуется о сяньби, перед которыми во время тяжёлого перехода через горы на юг появился некий священный зверь, похожий на лошадь, но с голосом, как у быка, который повёл народ за собой [Миклашевич 2004: 320–325]. В хронике «Вэй шу» о наследниках сяньби и племенах тоба повествуется следующее: основатель династии Тоба Ливэй родился чудесным образом. Отец его Цзефэнь встретил на охоте небесную деву, спустившуюся на землю; от их связи и родился Ливэй. А случилось это так: Цзефэнь «приказал передвигаться на юг, горы были высоки, ущелья глубоки, девять трудностей, восемь препятствий. В это время он выразил пожелание остановиться. Некий дух-животное с обликом коня и рёвом быка пошёл впереди и повёл [тоба за собой]. Только через несколько лет (тоба) вышли (из гор) и стали жить на древних землях гуннов» (Вэй шу, цз. 1, 16–2а, цит. по: [Таскин 1984]). Как видно из текста, легенда о том, что олень вывел гуннов через Мэотиду, принадлежит к одному кругу преданий, в которых ключевую роль играет мифологема «указующий зооморф» или «благовещий зверь». Легенда о сяньби и тоба относится к рубежу эр или первым векам н.э. Прародина европейских гуннов находилась в непосредственной близости от зоны

расселения сяньби, с которыми их предки состояли в тесных культурных контактах. Соответственно на рубеже эр разные варианты генеалогической легенды вполне могли существовать у самих хунну или близких к ним племён и распространяться с их перемещением или под их влиянием.

Продолжение исследований в данном направлении возможно при расширении коллекции памятников изобразительного искусства кочевников Северного Казахстана рубежа эр. Это предоставит материал для реконструкции мифологических и религиозных представлений и позволит более чётко определить наиболее активные векторы культурных связей.

5 Заключение

Исследованное в 2008 г. в окрестностях пос. Ондырыс погребение позволяет ещё раз обратить внимание на культуру военизированных групп кочевников Северного Казахстана рубежа эр. Аналогии находке лука обнаруживаются в памятниках последних веков до н.э. на территории Алтая, Восточного Туркестана, Южного Казахстана. Гравированные накладки из Ондырыса, судя по находкам в восточных областях Центральной Азии, входят в круг декоративно-прикладного искусства, которое связано с хунну или формировалось под их влиянием. Основной ареал находок подобного типа – на территории Алтая и Тувы. Они принадлежат кочевникам булан-кобинской и улуг-хемской культур. Однако их появление в Северном Казахстане может быть связано с данными очагами культурогенеза не напрямую, а посредством тесных контактов с кочевниками, которые на рубеже эр расселились в Южном Казахстане и Средней Азии.

Приложение 1

Параметры изображений на накладках

В процессе изучения накладок под биноклем были сняты измерения изображений, отмеченные в тексте номерами от 1-го до 4-х. В данном Приложении приводится более подробное описание содержательной части накладок. Некоторые фразы продублированы для целостного восприятия текста.

Изображение № 1. Фигура оленя, состоящая из линии туловища, двух параллельных линий ног, большого дугообразного рога с четырьмя изогнутыми лучами, отходящими вверх от главной линии. Основной отрезок туловища достигает 2,2 см. Длина хорды дуги рога 1 см, высота сегмента 0,3 см. Рог стыкуется с линией туловища в центре отрезка, выступающего за край от передней ноги. Длина хорд лучей-рогов варьируется от 0,4 до 0,6 см. Расстояние между лучами по несущей линии 0,2–0,3 см. От середины второго рожка через третий и четвертый к краю пластины прослеживается тонкий надрез длиной 1,6 см. Длина правой ноги 0,65 см, левой – 0,85 см. Расстояние между ногами равно 1 см. Линия туловища показана наклонной от центра накладки к нижнему краю. Ноги изображены параллельно и с небольшим наклоном, они касаются участка с нарезкой.

Изображение № 2 представлено фигурой без головной части. Состоит из трёх ровных линий – туловища и двух ног. Перевернута торцом так, что первая фигура ориентирована на её спину. Основная линия туловища составляет 1,7 см. Ноги параллельны друг другу. Длина нижней ноги 1,1 см, верхней – 0,9 см. Расстояние между ногами равно 1,2 см. Сбоку и ниже фигуры имеются шесть тонких резных линий: три расположены сбоку от фигуры и три – в 1–2 см ниже линий ног.

Изображение № 3 представлено фигурой, состоящей из четырёх элементов: линия туловища, параллельные линии ног, голова и рог в виде углов. Длина туловища 1,8 см. Длина левой ноги

0,7 см, правой – 0,4 см. Расстояние между ногами равно 1,1 см. Головная часть начинается практически от края линии туловища. Она оформлена в виде четырех полных углов порядка 40° каждый, связанных по нижним точкам. От последнего угла отходит дополнительная линия. Длина элемента от начальной точки у линии туловища до окончания дополнительной линии составляет 2,3 см. Максимальная высота порядка 0,7 см. Край линии туловища и край третьего угла находятся на одном уровне. Ноги показаны с небольшим наклоном от оси туловища к краю пластины справа налево.

Изображение № 4 представлено фигурой, которая примыкает задней частью к изломанной линии. Длина всей гравюры 5,5 см. Изломанная линия изображена в виде четырёх углов разных градусов – от 80° до 120°, которые начинаются от узкого края пластины и стыкуются с правой ногой фигуры животного. Последняя, как и изображение № 1, состоит из линии туловища, двух линий ног и дугообразного рога, от которого отходят восемь лучей. Длина линии туловища 1,6 см. Правая нога равна 0,65 см, левая – 0,6 см; они слегка расставлены, стопы повернуты в противоположные стороны. Расстояние между ногами по туловищу 0,7 см, по окончаниям – 0,9 см. Длина хорды дуги основного рога 0,8 см. Высота сегмента 0,5 см. Дуга начинается на краю линии туловища и практически смыкается с ней в центре отрезка. Длина лучей, отходящих от него, колеблется от 0,5 до 0,8 см. Расстояние между ними 0,1–0,3 см. Пять лучей на левой стороне дуги, прямые. Три имеют небольшой изгиб влево. Они ориентированы идентично лучам изображения № 1, но вследствие этого у них обратное направление относительно хода движения животного.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие): монография / науч. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2006. 237 с.
- 2 Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4. С. 79-85.
- 3 Дарчиева М.В. Образ оленя (саг, хьуаз / гъауанз) в осетинской нартиаде // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 139-153.
- 4 Ильясов Дж.Я. Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2 // РА. 2013. № 2. С. 96-104.
- 5 Скржинская Е.Ч. – Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2001. 506 с.
- 6 Килуновская М.Е., Леус П.М. Костяные пластины-пряжки эпохи хунну в Туве // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. научн. статей, посвящ. 80-летию проф. Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 430-448.
- 7 Килуновская М.Е., Леус П.М. Лук и стрелы эпохи хунну в Туве // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2022. № 2. С. 103-118.
- 8 Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. 248 с.
- 9 Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
- 10 Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР. Т. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 107-115.
- 11 Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР. Т. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 196-205.

- 12 Матренин С.С., Тишкин А.А., Плетнева Л.М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2014. № 4/2 (84). С. 154-164.
- 13 Миклашевич Е.А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. М-лы тематич. научн. конф. (СПб., 1–4 декабря 2004 г.). СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2004. С. 320-325.
- 14 Миняев С.С. Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 233 с.
- 15 Мышкин В.Н. Среднесарматская культура // Археология Волго-Уралья. В 7-ми т. Т. 3. Ранний железный век / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 374-391.
- 16 Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА. 1982. № 3. С. 210-218.
- 17 Овчинникова Б.Б. Косторезное искусство древних тюрков Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье: м-лы Междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова (СПб., март 2002 г.). Кн. II / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 267-270.
- 18 Подушкин А.Н. Тамгообразные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до н.э. – IV в. н.э. // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 60-102.
- 19 Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- 20 Сакенов С.К., Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. Погребение рубежа эр на могильнике Айдарлы // Маргулановские чтения – 2019: м-лы Междунар. археол. научн.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 378-384.
- 21 Самашев С.К., Сиражева Б.А. Роговые предметы с тамгообразными знаками: по материалам сяньбийских погребений некрополя Берел // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 3 (17). С. 32-42.
- 22 Свиридов А.Н. Исследование погребения рубежа эр в Акмолинском Приишимье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 240-248.
- 23 Сеитов А.М. Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 182-206.
- 24 Смагулов Е.А., Яценко С.А. Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V – нач. VIII в.) // Transoxiana. 2008. № 13. URL: http://www.transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary-rus.php (дата обращения: 10.05.2023).
- 25 Стамбульник Э.У. Новые памятники изобразительного искусства послескифского времени из Центральной Тувы // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. Всесоюзн. археол. конф. (г. Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.) / Отв. ред. В.Н. Добжанский. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1979. С. 145-147.
- 26 Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскин. М.: Наука, 1984. 486 с.
- 27 Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
- 28 Хазанов А.М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966. С. 29-44.
- 29 Штанов Е.С. О методике выделения наскальных изображений Горного Алтая хуннского времени // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4–5 (60). С. 232-235.
- 30 Hall A., Farrell J. Bows and Arrows from Miran, China // Originally published in the Journal of The Society of Archer-Antiquaries. 2008. № 51. Pp. 89-98.

REFERENCES

- 1 Gorbunov, V. V. 2006. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Voyennoye delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. (Military affairs of the Altai population in the 3rd–14th centuries). Part. II: Nastupatelnoye vooruzheniye (oruzhiye): monografiya (Offensive weapons (weapons): monograph)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- 2 Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2006. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 4, 79-85 (in Russian).
- 3 Darchiyeva, M. V. 2020. In: *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i social'nykh issledovaniy (Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research)*. 38 (77), 139-153 (in Russian).
- 4 Ilyasov, J. Ya. 2013. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 2, 96-104 (in Russian).
- 5 Jordan. 2001. In: Skrzhinskaya, E. Ch. (ed.). *O proishozhdenii i deyaniyah getov (Getica) (On the Origin and Deeds of the Getae)*. 2nd ed., corrected. and additional. Saint Petersburg: "Aletheia" Publ. (in Russian).
- 6 Kilunovskaya, M. E., Leus, P. M. 2021. In: Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvoretz kultury. Materialnaya kultura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arkheologii. istorii i etnografii (Creator of culture. Material culture and human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, 430-448. (in Russian).
- 7 Kilunovskaya, M. E., Leus, P. M. 2022. In: *Multidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary research in archaeology)*, 2, 103-118 (in Russian).
- 8 Kononov, P. B. 1976. *Hunnu v Zabaykaliye (Pogrebalnyye pamyatniki) (Xiongnu in Transbaikalia (Funeral Monuments))*. Ulan-Ude: "Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).
- 9 Mandel'shtam, A. M., 1992. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Seriya Arheologiya SSSR. T. 10. (The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Series: Archaeology of the USSR. V. 10)*. M.: Nauka Publ. 107-115. (in Russian).
- 10 Mandel'shtam, A. M., Stambul'nik, E. U. 1992. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Seriya Arheologiya SSSR. T. 10. (The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Series: Archaeology of the USSR. V. 10)*. M.: Nauka Publ. 196-205. (in Russian).
- 11 Matrenin, S. S., Tishkin, A. A., Pletneva, L. M. 2014. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Altai State University)*, 4/2 (84), 154-164 (in Russian).
- 12 Lipets, R. S. 1984. *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose (Images of the batyr and his horse in the Turkic-Mongol epic)*. M.: Nauka Publ. (in Russian).
- 13 Miklashevich, E. A. 2004. In: *Izobrazitelnyye pamyatniki: stil, epoha, kompozitsii (Fine monuments: style, era, compositions)*. Saint Petersburg: Faculty of History, St. Petersburg State University, 320-325 (in Russian).
- 14 Minyaev, S. S. 2007. *Dyrestuyskiy mogilnik. 2-e izd. dop. (Dyrestuy burial ground. 2nd ed., add.)*. Saint Petersburg: Faculty of History, St. Petersburg State University (in Russian).
- 15 Myshkin, V. N. 2021. In: Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). In: *Arheologiya Volgo-Uralia. V 7 t. T. 3. Ranniy zheleznyy vek (Archaeology of the Volga-Urals. In 7 vol. Vol. 3. Early Iron Age)*. Kazan: Academy of Sciences Republic of Tatarstan, 374-391 (in Russian).
- 16 Ovchinnikova, B. B. 1982. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 3, 210-218 (in Russian).
- 17 Ovchinnikova, B. B. 2003. In: Piotrovsky, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekovye. Kniga II (Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Book II)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 267-270 (in Russian).
- 18 Podushkin, A. N. 2017. In: *Mir Bolschogo Altaya (World of Great Altay)*, 3 (4), 60-102 (in Russian).
- 19 Pugachenkova, G. A. 1989. *Drevnosti Miankalya. (Antiquities of Miankal)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- 20 Sakenov, S. K., Sviridov, A. N., Yarygin, S. A. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskiye chteniya – 2019 (Margulan Readings – 2019)*. Nur-Sultan: Gumilyov Eurasian National University, 378-384 (in Russian).
- 21 Samashev, S. K., Sirazheva, B. A. 2022. In: *Kazakstan arheologiasy (Kazakhstan archeology)*, 3 (17), 32-42 (in Russian).

- 22 Sviridov, A. N. 2008. In: *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan)*, 2, 240-248 (in Russian).
- 23 Seitov, A. M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). In: *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha. Kollektivnaya monografiya (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and era. Collective monograph)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 182-206 (in Russian).
- 24 Smagulov, E. A., Yatsenko, S. A. 2008. In: *Transoxiana. 13*. URL: http://www.transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary-rus.php (accessed 10.05.2023) (in Russian).
- 25 Stambulnik, E. U. 1979. In: Dobzhansky, V. N. (ed.). *Problemy skifo-sibirskogo kulturno-istoricheskogo edinstva (Problems of the Scythian-Siberian cultural and historical unity)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 145-147 (in Russian).
- 26 Taskin, V. S. 1984. *Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu. (Materials on the history of ancient nomadic peoples of the Donghu group)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 27 Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoye Priishimye v epokhu rannego zheleza (The steppe near the Ishim in the early iron epoch)*. Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).
- 28 Khazanov, A. M. 1966. In: *Materialnaya kultura narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Material culture of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ., 29-44 (in Russian).
- 29 Shtanov, E. S. 2008. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)*, 4-5 (60), 232-235 (in Russian).
- 30 Hall, A., Farrell, J. 2008. In: *Originally published in the Journal of The Society of Archer-Antiquaries*, 51, 89-98 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.05.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 08.06.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.06.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.81.102>

Исследования раннеалакульского могильника Нураталды-1 (Центральный Казахстан)

© 2023 г. Ломан В.Г., Кукушкин И.А.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, necropolis, Bronze Age, Alakul culture, Fedorovka culture, treasure, radiocarbon dating

Түйін сөздер: археология, Орталық Қазақстан, қорым, қола дәуірі, алакөл мәдениеті, федоров мәдениеті, қазына, радиокеміртекті мерзімдеу

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, могильник, эпоха бронзы, алакульская культура, фёдоровская культура, клад, радиоуглеродное датирование

Valeriy Loman^{1*} and Igor Kukushkin¹

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Director of the Saryarka Archaeological Institute at the Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: lv77@yandex.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Saryarka Archaeological Institute at the Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: sai@ksu.kz

Studies of the early Alakul necropolis Nurataldy-1 (Central Kazakhstan)

Abstract. The article is devoted to the publication of materials of the early Alakul necropolis Nurataldy-1, located 84 km southeast of Karaganda. Expedition of the Saryarka Archaeological Institute at the Buketov Karaganda University investigated five enclosures made of stone slabs. The materials of enclosure no. 5, one of the graves of which contained a copper vessel, were published earlier. Ten vessels and fragments of another ten copies represent the ceramic collection of enclosures no. 1–4. Metal jewelry, pendants made of shells and animal fangs, a stone amulet, bone and bronze arrowheads were also found. Paired horse sacrifices characteristic of the early stage of the Alakul culture were found in two structures. A unique find is a ritual hoard of metal objects that were made by masters of the Fedorovka culture. New data are being introduced into scientific circulation, showing that the interaction between the Fedorovka and Alakul population also took place in the sphere of the exchange of metal products. According to the results of radiocarbon analysis, the dating of the site fits into two intervals – 19th–18th and 18th–17th centuries BC.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2021–2023, project IRN AP09260879.

For citation: Loman, V., Kukushkin, I. 2023. Studies of the early Alakul necropolis Nurataldy-1 (Central Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 81–102 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.81.102](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.81.102)

Валерий Григорьевич Ломан^{1*},
Игорь Алексеевич Кукушкин¹

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті жанындағы Сарыарқа археологиялық институтының директоры, Қарағанды қ., Қазақстан

Валерий Григорьевич Ломан^{1*},
Игорь Алексеевич Кукушкин¹

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова, г. Карағанды, Казахстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты, академик
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті
жанындағы Сарыарқа археологиялық институтының
жетекші ғылыми қызметкері,
Қарағанды қ., Қазақстан

**Ерте алакөлдік Нұраталды-1
қорымының зерттелуі
(Орталық Қазақстан)**

Аннотация. Мақала Қарағанды қаласынан оңтүстік-шығысқа қарай 84 км жерде орналасқан ерте алакөлдік Нұраталды-1 қорымының материалдарын жариялауға арналған. Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті жанындағы Сарыарқа археологиялық институтының экспедициясы тас тақталардан қаланған бес қоршауды зерттеді. Қабірлердің бірінен мыс ыдыс табылған № 5 қоршауының материалдары бұған дейін жарияланған. № 1–4 қоршаулардың керамикалық коллекциясы 10 ыдыспен және тағы 10 дана ыдыс сынықтарымен ұсынылған. Сонымен қатар металдан жасалған әшекейлер, ұлулар мен жануарлардың тістерінен жасалған салпыншақтар, тастан жасалған амулет, сүйек және қола жебе ұштары табылды. Екі құрылыстан Алакөл мәдениетінің ерте кезеңіне тән жұптасқан жылқы құрбандықтары табылған. Федоров мәдениетінің шеберлері жасаған метал бұйымдарының ғұрыптық қазынасы ерекше олжа болып табылады. Федоров және алакөл тұрғындарының арасында және метал бұйымдарымен алмасу саласында да өзара қатынастың болғандығын көрсететін жаңа деректер ғылыми айналымға енгізілуде. Радиокөміртекті талдау нәтижелері бойынша ескерткіштің мерзімделуі – б.д.д. XIX–XVIII және XVIII–XVII ғғ. аралығына жатады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2021–2023 жж. гранттық қаржыландыру аясында орындалды, жобаның ЖТН АР09260879.

Сілтеме жасау үшін: Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Ерте алакөлдік Нұраталды-1 қорымының зерттелуі (Орталық Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 81–102-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.81.102](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.81.102)

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан

**Исследования раннеалакульского
могильника Нураталды-1
(Центральный Казахстан)**

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов раннеалакульского могильника Нураталды-1, расположенного в 84 км к ЮВ от г. Караганды. Экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова было исследовано пять оград из каменных плит. Материалы ограды № 5, одна из могил которой содержала медный сосуд, были опубликованы ранее. Керамическая коллекция оград № 1–4 представлена 10-ю сосудами и фрагментами еще от 10 экз. Также были найдены металлические украшения, подвески из раковин и клыков животных, каменный амулет, костяные и бронзовый наконечники стрел. В двух сооружениях обнаружены парные жертвоприношения лошадей, характерные для раннего этапа алакульской культуры. Уникальной находкой является ритуальный клад металлических изделий, которые были изготовлены мастерами фёдоровской культуры. В научный оборот вводятся новые данные, показывающие, что взаимодействие между фёдоровским и алакульским населением проходило и в сфере обмена металлическими изделиями. По результатам радиоуглеродного анализа датировка памятника укладывается в два интервала – XIX–XVIII и XVIII–XVII вв. до н.э.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2021–2023, ИРН проекта АР09260879.

Для цитирования: Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Исследования раннеалакульского могильника Нураталды-1 (Центральный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 81–102. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.81.102](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.81.102)

1 Введение (Ломан В.Г., Кукушкин И.А.)

Могильник Нураталды-1 находится в 84 км к ЮВ от г. Караганды (рис. 1, 1)¹, в 0,6 км к Ю от пос. Нураталды, на левом берегу р. Талды. Памятник был обнаружен при разведочном обследовании территории вокруг земляного кургана диаметром 28 м, высотой 2 м.

¹ Иллюстрации к статье подготовлены В.Г. Ломаном, прорисовки находок выполнены Д.К. Даку.

Раскопки проводились археологической экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова под руководством авторов.

Всего было изучено пять сооружений вокруг кургана и отдельный ящик в 0,2 км к ЮВ от него (рис. 1, 2). Результаты исследований ограды № 5 были опубликованы ранее [Кукушкин и др. 2016].

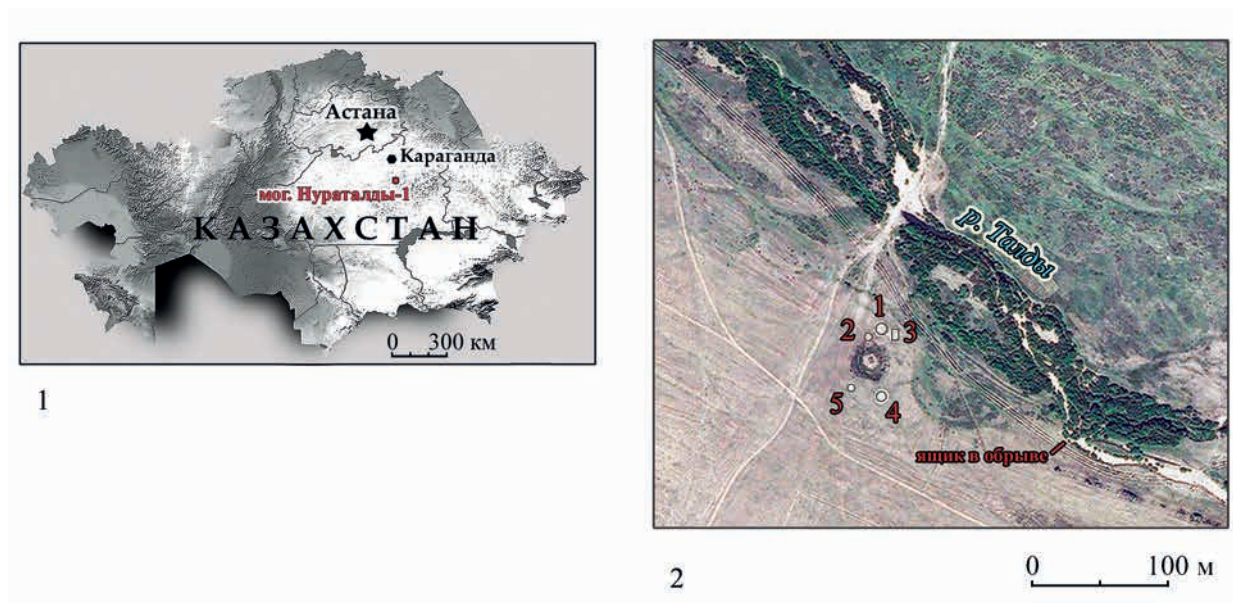

Рис. 1. Нураталды-1: 1 – месторасположение; 2 – план
1-сур. Нұраталды-1: 1 – орналасқан жері; 2 – жоспар
Fig. 1. Nurataldy-1: 1 – location; 2 – plan

2 Материалы и методы исследования (Ломан В.Г., Кукушкин И.А.)

2.1 Методы исследования

Были выполнены анализы металлического инвентаря – металлографический анализ (к.и.н. А.Д. Дегтярева, ВНС Тюменского научного центра СО РАН), рентгенофлуоресцентный анализ (к.и.н. С.В. Кузьминых, ВНС лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН).

Определения антропологического материала сделаны к.и.н. К.Н. Солодовниковым, СНС сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера СО РАН. Археозоологические определения – к.г.-м.н. Л.Л. Гайдученко (1948–2021), СНС Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ.

Радиоуглеродное AMS-датирование проведено в Curt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie gGmbH (CEZA), г. Мангейм, Германия и в Poznan Radiocarbon Laboratory (PRL), г. Познань, Польша.

2.2 Характеристика материала

Первоначальный раскоп в форме круга диаметром 11 м был заложен в 14 м к СВ от кургана над небольшим возвышением, вокруг которого частично фиксировались каменные плиты ограды погребального сооружения.

После выборки дерна выявилась **ограда № 1** из вертикально вкопанных каменных плит (рис. 2, 1, 2), имевшая в плане подквадратную форму (размеры 7,5×8 м) и ориентированная по линии ВСВ–ЗЮЗ. Ограда содержала четыре могилы.

В центре ограды находилась каменная выкладка эллипсоидной формы размерами 1,5×2,4 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Под выкладкой, на глубине 0,25 м от современной поверхности, обозначились подпрямоугольные контуры ямы размерами 1,9×3 м, глубиной 0,3 м, заполненной обломками каменных плит. Под плитами выявился прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,96×2,5 м), ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ (*могила 1* – рис. 3, 1), впущенный в яму глубиной 0,8 м. На дне ящика находился костяк человека, положенного на спину, с руками, вытянутыми вдоль тела; череп был наклонен лицевой частью к правому плечу. По всей видимости, для устройства данного, более позднего погребения, в центре ограды была выкопана яма, в результате чего обнаружился ящик эпохи бронзы, в который и был помещён усопший. Погребение было засыпано землей, затем заложено фрагментами разбитого перекрытия ящика эпохи бронзы, после этого сверху была устроена выкладка из более мелких камней.

Могила 2 (рис. 3, 2): прямоугольная (0,9×1,5 м) яма, ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. В торцах ямы вертикально установлены две каменные плиты. В поперечном разрезе яма, глубиной 0,5 м от древней поверхности, имела ступенчатую форму. На уступах, поперек могилы, лежали плиты перекрытия, под которыми оказалось погребение ребенка 3–7 лет, ориентированного головой на СЗ и лежавшего на левом боку с руками, сложенными кистями перед лицом. На локтевых костях лежали 20 бараньих астрагалов, над головой стояли два керамических сосуда (рис. 3, 5, 6), в одном из которых (рис. 3, 6) были найдены левые плечевая и бедренная кости взрослой овцы.

Между могилами 1 и 2 обнаружены два костяка лошадей, лежавших один на другом на древней поверхности ногами к могиле 1 и головами к ЮЗ (рис. 2, 2, 3).

Могила 3 (рис. 3, 3): прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,35×1,1 м), установленный в яме глубиной 0,3 м от древней поверхности и ориентированный по линии СВ–ЮЗ. Западная стенка ящика была составлена из двух плит. Над южным концом ящика находились два фрагмента плит перекрытия. Около северной стенки стоял керамический сосуд (рис. 3, 7), рядом с которым были найдены неорнаментированные фрагменты еще двух.

Могила 4 (рис. 3, 4): прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,42×1,45 м), ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ. На восточной половине ящика сохранились плиты перекрытия. У северной стенки были найдены фрагменты керамического сосуда (рис. 3, 9) и подвеска из раковины (рис. 3, 8).

При подготовке погребения предварительно было сделано углубление размерами 1,1×1,55 м, глубиной до 0,2 м от древней поверхности, в котором для установки каменного ящика была вырыта яма глубиной 0,4 м. Таким образом, в разрезе яма имела ступенчатую форму, причём на уступы (заплечики) опирались плиты перекрытия. В ямах с заплечиками были совершены погребения в могиле 2, и, по-видимому, в могиле 1. Подобная конструкция могил отмечена в могильниках Самара [Ткачев 2002б: рис. 156], Майтан [Ткачев 2019: 222, рис. 30, 42].

В СЗ углу ограды зафиксирована площадка (размеры 0,6×0,75 м), выложенная из небольших камней (рис. 2, 2). Около площадки, с внешней стороны ограды, был обнаружен клад металлических предметов: свёрток из ленты (рис. 4, 1), два слитка (рис. 4, 2, 3), шило (рис. 4, 4), два наконечника копий (рис. 4, 5, 6), три кинжала (рис. 4, 7–9). Все предметы были вертикально воткнуты в землю (рис. 4, А). Два кинжала располагались клинками перпендикулярно к стенке ограды, малый

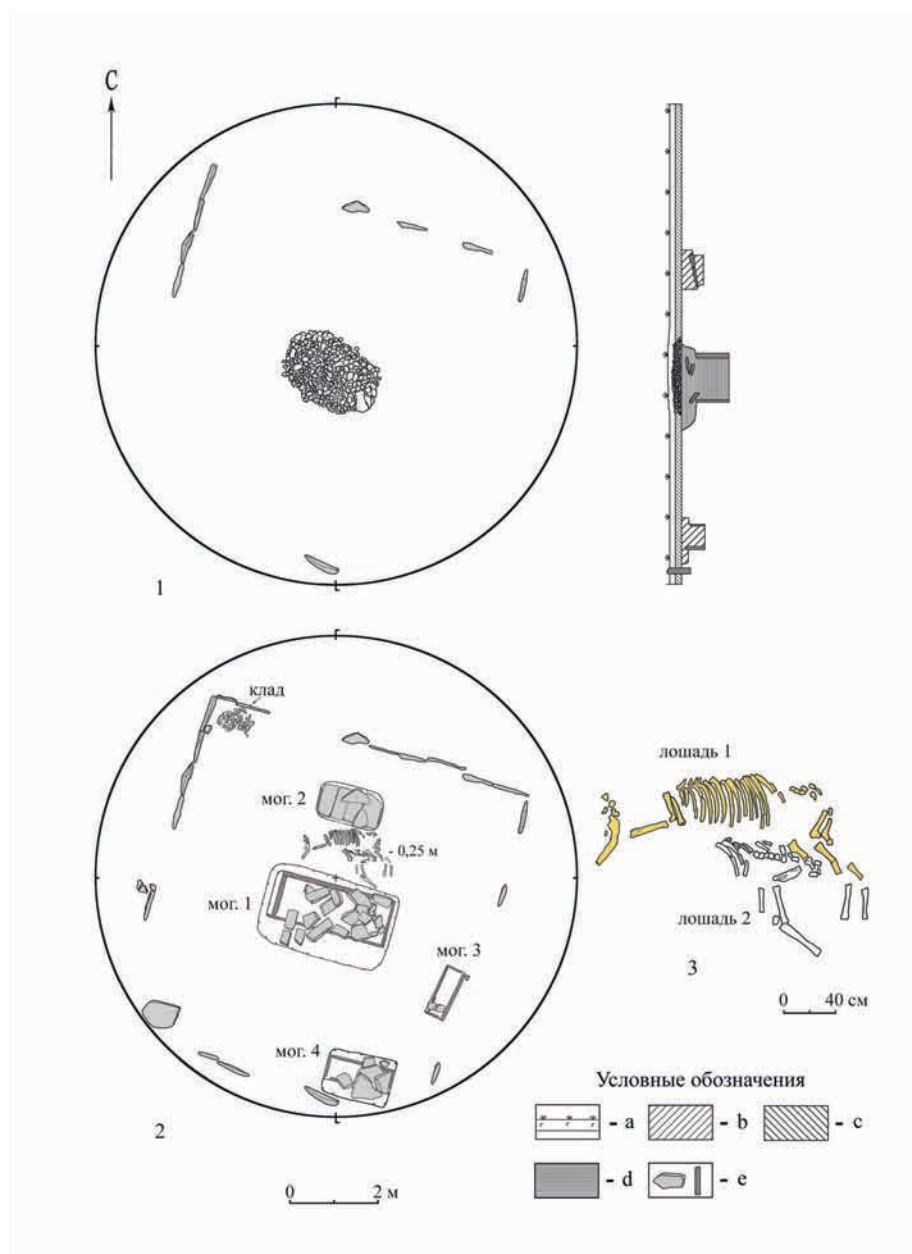

Рис. 2. Нураталды-1. Ограда № 1, планы и разрез: 1 – план после снятия дерна; 2 – план после расчистки; 3 – расположение костяков лошадей. Условные обозначения (общие для всех рисунков):

a – дерн; *b* – серая супесь; *c* – светло-коричневая супесь; *d* – коричневая супесь; *e* – камни и плиты

2-сур. Нұраталды-1. № 1 қоршау, жоспарлар және қима: 1 – шымтезек алынғаннан кейінгі жоспар;

2 – тазартудан кейінгі жоспар; 3 – жылқылар сүйектерінің орналасуы.

Шартты белгілер (барлық суреттерге ортақ): *a* – шымтезек; *b* – сұр құмды саз; *в* – ашық қоңыр құмды саз; *d* – қоңыр құмды саз; *e* – тастар мен тақталар

Fig. 2. Nurataldy-1. Enclosure No. 1, plans and section: 1 – plan after removal of the sod; 2 – plan after clearing; 3 – location of horse bones. Symbols (common for all figures): *a* – sod; *b* – gray sandy loam; *c* – light brown sandy loam; *d* – brown sandy loam; *e* – stones and slabs

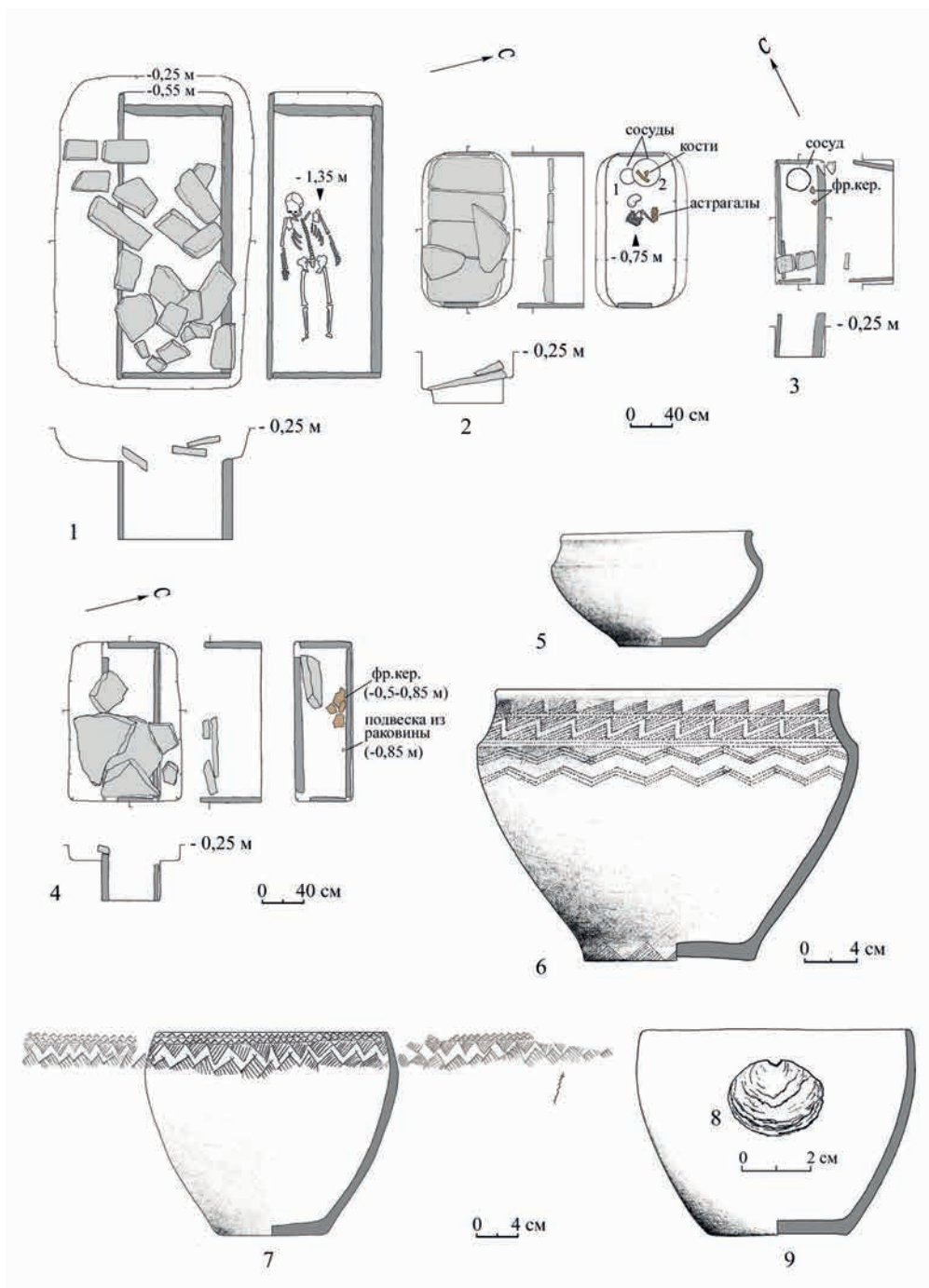

Рис. 3. Нураталды-1. Ограда № 1, планы и разрезы могил, инвентарь:

1 – мог. 1; 2, 5, 6 – мог. 2; 3, 7 – мог. 3; 4, 8, 9 – мог. 4

3-сур. Нұраталды-1. № 1 қоршау, қабірлердің жоспарлары мен қималары, бұйымдар:

1 – қабір 1; 2, 5, 6 – қабір 2; 3, 7 – қабір 3; 4, 8, 9 – қабір 4

Fig. 3. Nurataldy-1. Enclosure No. 1, plans and sections of graves, inventory:

1 – grave 1; 2, 5, 6 – grave 2; 3, 7 – grave 3; 4, 8, 9 – grave 4

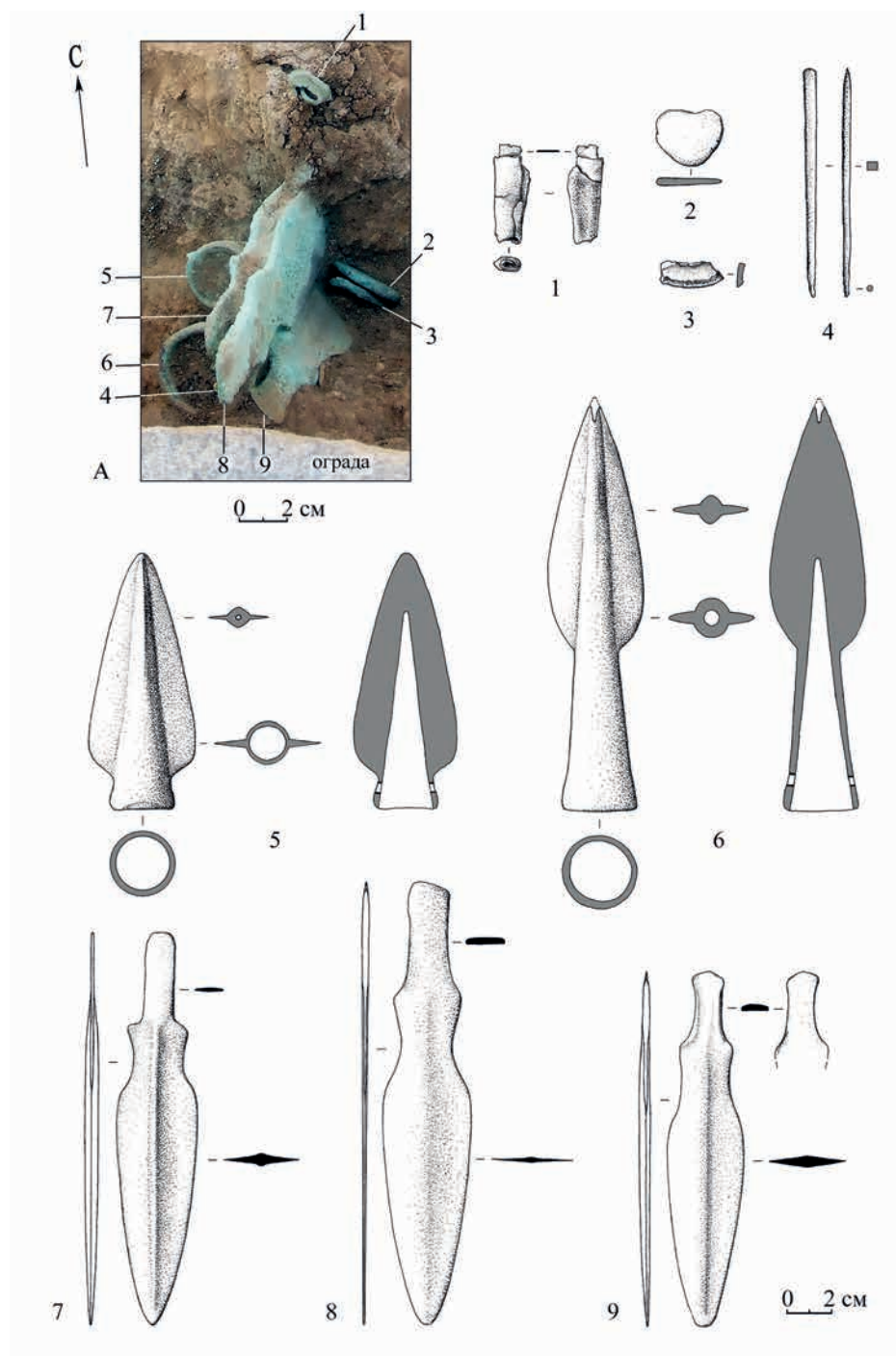

Рис. 4. Нураталды-1. Ограда № 1, клад металлических изделий: А – расположение предметов; 1 – свёрток; 2, 3 – слитки; 4 – шило; 5, 6 – наконечники копий; 7–9 – кинжалы. 1, 4–9 – бронза, 2, 3 – медь
4-сур. Нұраталды-1. № 1 қоршау, металдан жасалған бұйымдар қазынасы: А – заттардың орналасуы; 1 – орам; 2, 3 – құймалар; 4 – біз; 5, 6 – найза ұштары; 7–9 – қанжарлар. 1, 4–9 – қола, 2, 3 – мыс

Fig. 4. Nuratady-1. Enclosure No. 1, treasure of metal items: A – location of objects; 1 – roll; 2, 3 – ingots; 4 – awl; 5, 6 – spearheads; 7–9 – daggers. 1, 4–9 – bronze, 2, 3 – copper

наконечник копья – с лопастями, параллельными ограде. Шило было вставлено во втулку большого наконечника копья заострённым концом кверху, что означает изначальное отсутствие древка.

Ограда № 2 (рис. 5, 1) расположена в 8 м к ЮЗ от ограды № 1. В плане имела форму круга диаметром 6 м и была сооружена из вертикально вкопанных плит. Ограда, вскрытая раскопом диаметром 7 м, содержала две могилы.

Могила 1 (рис. 5, 5). Находилась в яме (размеры 1,3×2,2 м) с заплечиками (общая глубина ямы – 0,85 м, глубина до уровня заплечиков – 0,2 м) и представляла собой трапециевидный ящик (внутренние размеры 0,75×2,8 м), сооруженный из каменных плит, ориентированный по линии З–В. На западном и восточном концах сохранились плиты перекрытия. Около могильной ямы, под дёрном, были обнаружены фрагменты керамического сосуда (рис. 5, 18), выброшенные грабителями. При вскрытии ящика на глубине 0,1–0,2 м найдены остальные фрагменты от того же сосуда и фрагмент ещё одного (рис. 5, 16). На дне ящика обнаружены останки взрослой женщины, судя по которым она была уложена на левый бок головой на запад. У западной стенки стоял керамический сосуд (рис. 5, 17), содержащий несколько костей взрослой овцы (левые передние лопатка и плечевая кость, остатки левой половины таза). Рядом с сосудом найдены четыре медные скобы (рис. 5, 12–15), у северной стенки ящика обнаружен слиток меди. По всей глубине ящика встречались разрозненные пастовые бусы (57 шт.– рис. 5, 7–11).

Могила 2 (рис. 5, 6): трапециевидный каменный ящик (внутренние размеры 0,7×2,05 м), ориентированный по линии СВ–ЮЗ, был установлен в яме с заплечиками (1,3×2,2 м). Над восточным концом ящика сохранились плиты перекрытия, снаружи, около северной стенки, под дёрном, найдены фрагменты двух сосудов (рис. 5, 3, 4). На дне ящика, у его западной стенки, зафиксированы обломки костей взрослого человека.

В 0,75 м к югу от могилы 2, на уровне древней дневной поверхности, был обнаружен жертвенный сосуд (рис. 5, 2), лежавший устьем на юг.

Ограда № 3 (рис. 6, 1, 2) была вскрыта прямоугольным раскопом площадью 49,5 кв.м. Ограда имеет в плане прямоугольную форму (внутренние размеры 3,75×8 м), сооружена из вертикально вкопанных плит. В 2,9 м к Ю от северной стенки ограда разделена поперечной плитой на два отсека, в одном из которых расположена могила 6, а в другом находятся могилы 1–5. В ограде обнаружено два жертвенника: № 1 – керамический сосуд (рис. 6, 3) около западной стенки ограды напротив могилы 4, № 2 – находился около западной стенки могилы 2 (рис. 6, 2) и состоял из керамического сосуда (рис. 6, 4), лежавшего устьем к СВ на костях черепа и нижних отделов конечностей взрослой овцы. Параллельно западной стенке могилы 2 лежала нижняя часть левой передней конечности взрослой коровы, южнее сосуда располагалась выкладка из зубов коровы (рис. 7, 1).

Для погребений, расположенных в южном отсеке ограды, была вырыта общая яма глубиной 0,65 м от древней поверхности, в которую были установлены ящики с общими продольными стенками (рис. 6, 2). Возле ящиков 4 и 5, где длина продольных плит оказалась меньше размеров ямы, помещены распорки из камней или обломков плит. Погребения были совершены, скорее всего, одновременно, поскольку имели общее перекрытие из массивных каменных плит (размеры 0,2–0,45 м × 0,25–0,8 м, толщина до 0,1 м) и блоков (размеры 0,4–1,9 м × 0,15–0,25 м, толщина 0,1–0,15 м). Все могилы ориентированы по линии З–В.

Могила 1 (рис. 7, 1): трапециевидный каменный ящик (внутренние размеры 0,6×1,9 м). В заполнении найдены кости подростка 15–16 лет, фрагменты керамического сосуда (рис. 7, 8), обломок медной пластинки с волнистыми краями (рис. 7, 2) и 65 медных колечковидных бусин (рис. 7, 3–7).

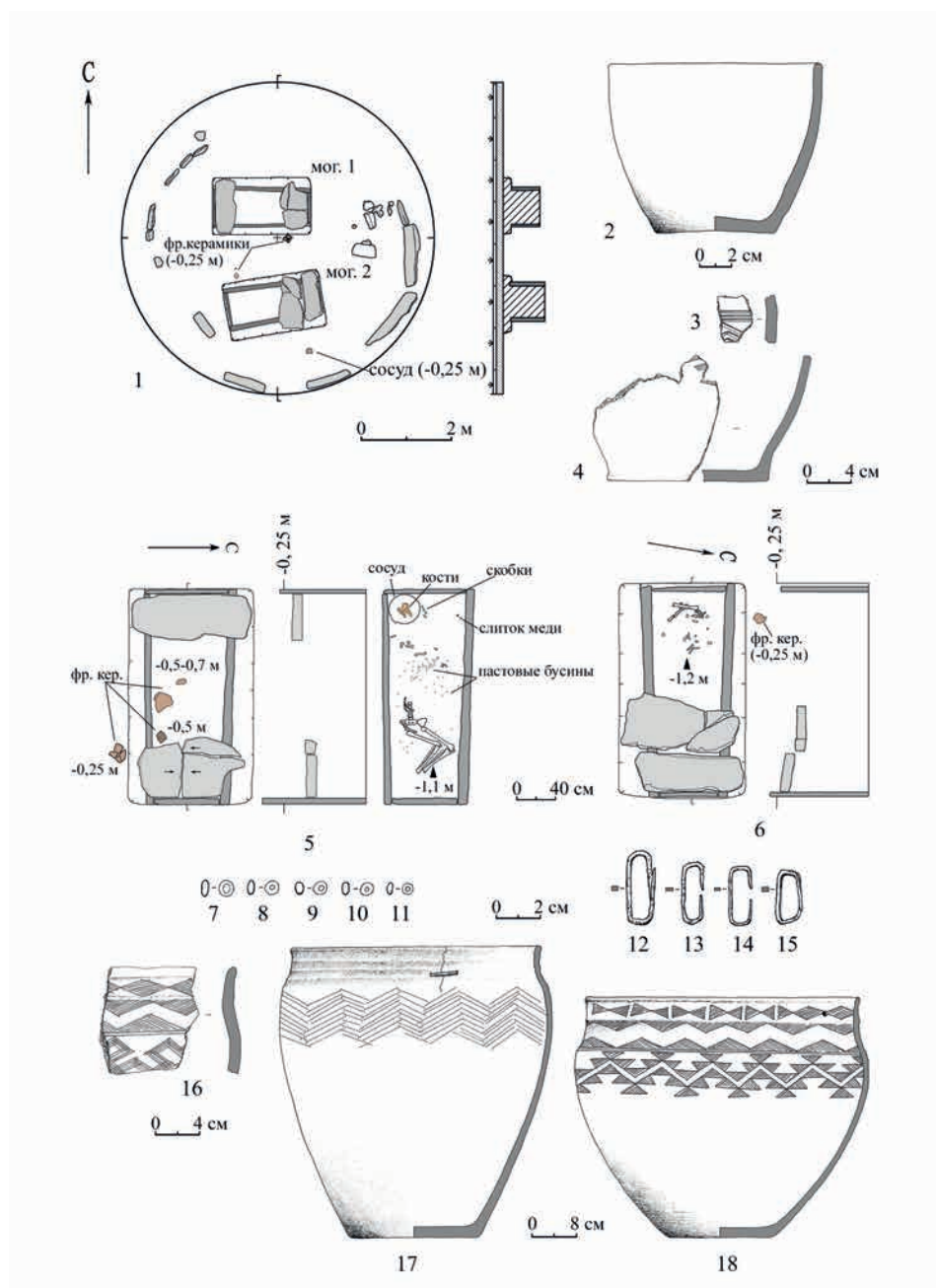

Рис. 5. Нураталды-1. Ограда № 2, планы и разрезы, инвентарь:
1 – раскоп; 2 – жертвенный сосуд; 3–4 – фрагменты сосудов около мог. 2; 5, 7–18 – мог. 1;
6 – мог. 2. 2–4, 16–18 – керамика, 7–11 – паста, 12–15 – медь

5-сур. Нұраталды-1. № 2 қоршау, жоспарлар мен қималар, бұйымдар:
1 – қазба; 2 – құрбандық ыдысы; 3–4 – қабір маңындағы ыдыстардың сынықтары 2; 5, 7–18 – қабір 1;
6 – қабір 2. 2–4, 16–18 – керамика, 7–11 – паста, 12–15 – мыс

Fig. 5. Nurataldy-1. Enclosure No. 2, plans and sections, inventory:
1 – excavation; 2 – sacrificial vessel; 3–4 – fragments of vessels near grave 2; 5, 7–18 – grave 1;
6 – grave 2. 2–4, 16–18 – ceramics, 7–11 – paste

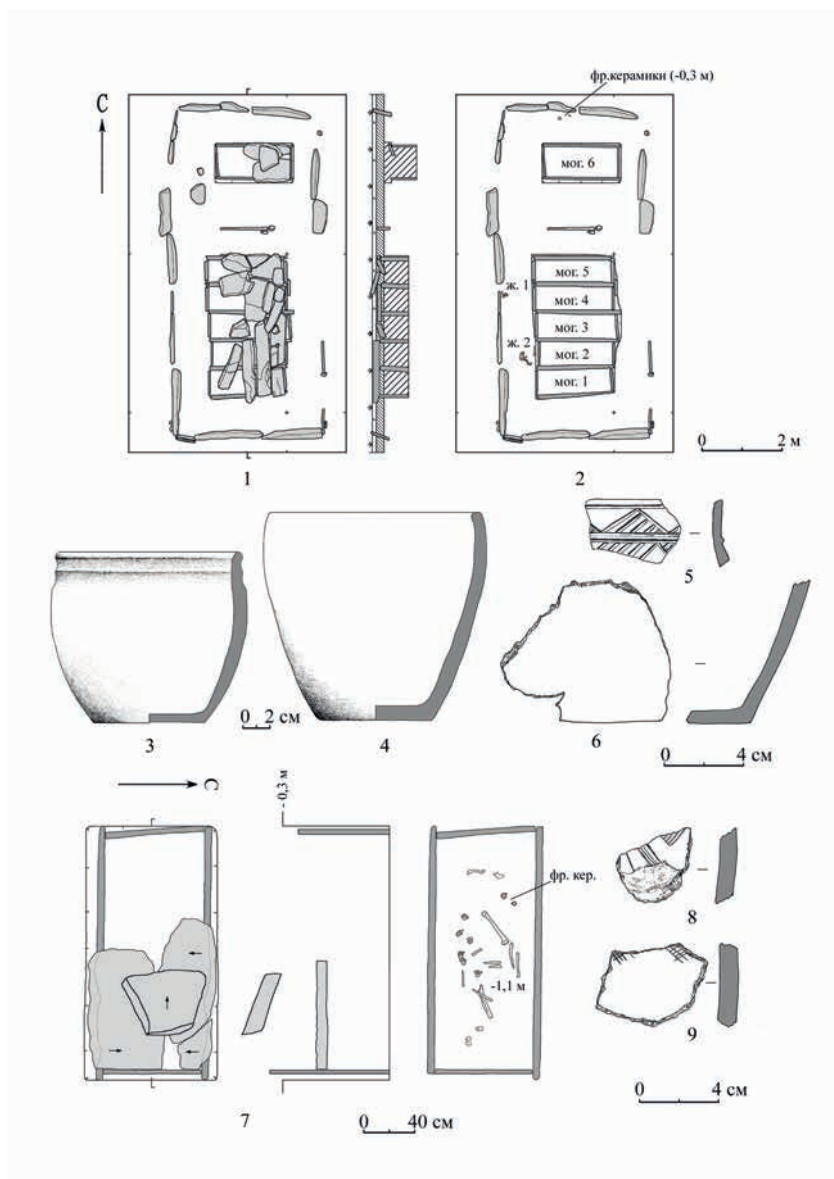

Рис. 6. Нұраталды-1. Ограда № 3, планы и разрезы, инвентарь: 1 – ограда до вскрытия могил; 2 – ограда после вскрытия могил; 3 – жертвенник № 1, сосуд; 4 – жертвенник № 2, сосуд; 5, 6 – фрагменты керамики около северной стенки; 7–9 – мог. 6

6-сур. Нұраталды-1. № 3 қоршау, жоспарлар мен қималар, бұйымдар: 1 – қабір ашылғанға дейінгі қоршау; 2 – қабір ашылғаннан кейінгі қоршау; 3 – № 1 құрбандық, ыдыс; 4 – № 2 құрбандық, ыдыс; 5, 6 – солтүстік қабырға маңындағы керамика сынықтары; 7–9 – қабір 6

Fig. 6. Nurataldy-1. Enclosure No. 3, plans and sections, inventory: 1 – enclosure before opening the graves; 2 – enclosure after opening the graves; 3 – altar no. 1, vessel; 4 – altar no. 2, vessel; 5, 6 – fragments of ceramics near the northern wall; 7–9 – grave 6

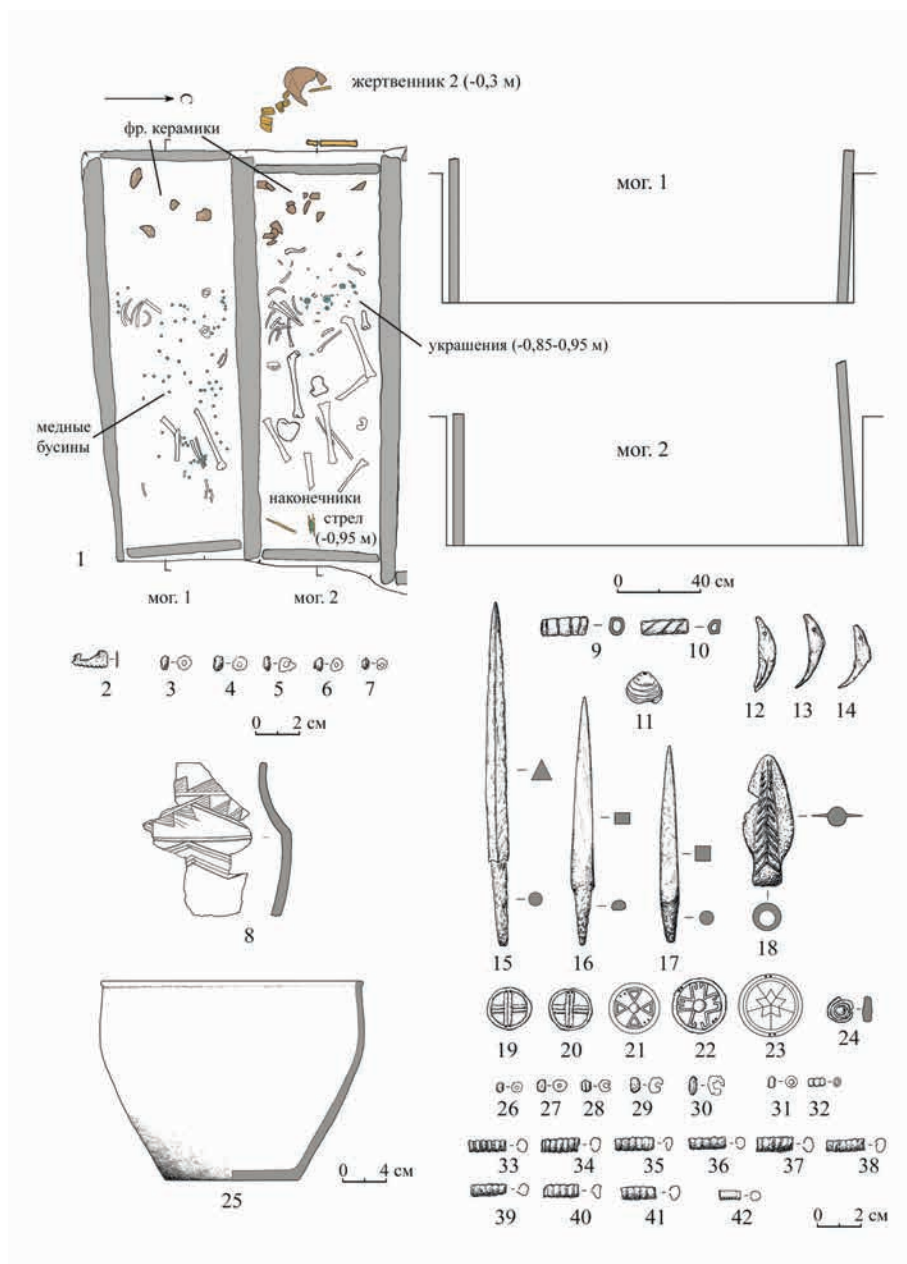

Рис. 7. Нураталды-1. Ограда № 3, мог. 1, 2, инвентарь: 1 – планы и разрезы; 2–8 – мог. 1; 9–42 – мог. 2. 2–7, 19–24, 26–30, 33–42 – медь; 8, 25 – керамика; 9, 10, 15–17 – кость; 18 – бронза; 11 – раковина; 12–14 – подвески из клыков животных; 31, 32 – паста

7-сур. Нұраталды-1. № 3 қоршау, 1, 2 қабір, бұйымдар: 1 – жоспарлар мен қималар; 2–8 – қабір 1; 9–42 – қабір 2. 2–7, 19–24, 26–30, 33–42 – мыс; 8, 25 – керамика; 9, 10, 15–17 – сүйек; 18 – қола; 11 – раковина; 12–14 – жануарлардың азу тістерінен жасалған салпыншақтар; 31, 32 – паста

Fig. 7. Nurataldy-1. Enclosure No. 3, graves 1, 2, inventory: 1 – plans and sections; 2–8 – grave 1; 9–42 – grave 2. 2–7, 19–24, 26–30, 33–42 – copper; 8, 25 – ceramics; 9, 10, 15–17 – a bone; 18 – bronze; 11 – a shell; 12–14 – pendants made of animal fangs; 31, 32 – paste

Могила 2 (рис. 7, 1): прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,6×1,8 м). В заполнении и на дне найдены кости взрослой женщины и подростка 15–17 лет, фрагменты керамического сосуда (рис. 7, 25), три костяных (рис. 7, 15–17) и один бронзовый (рис. 7, 18) наконечники стрел, медные гофрированные (9 шт. – рис. 7, 33–41) и одна гладкая (рис. 7, 42) пронизки, две костяных (рис. 7, 9, 10) и одна пастовая (рис. 7, 32) пронизки, бусины: пять медных колечковидных (рис. 7, 26–30) и одна пастовая (рис. 7, 31), одна подвеска из раковины (рис. 7, 11) и три из клыков животных (рис. 7, 12–14), фрагменты спиралевидного окончания медного браслета (рис. 7, 24) и пять медных дисковидных бляшек с пуансонным орнаментом (рис. 7, 19–23).

Могила 3 (рис. 8, 1): прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,6×1,9 м). На дне ящика расчищено непотревоженное захоронение женщины 25–30 лет. Костяк лежал на левом боку, руки согнуты в локтях с кистями перед лицом, ноги поджаты. На месте ушных раковин с правой стороны зафиксированы четыре медные подвески в 1,5 оборота, плакированные золотой фольгой (рис. 8, 7–10) и одна медная подвеска без плакировки (рис. 8, 11), с левой стороны – четыре плакированные золотом подвески в 1,5 оборота (рис. 8, 12–15), пастовые бусина и пронизка. На черепе и под ним обнаружено пять пастовых бусин (рис. 8, 2–6). На запястье правой руки находилось два медных браслета (рис. 8, 16, 17) и четыре медные обоймы (рис. 8, 18–21), на запястье левой руки – один браслет (рис. 8, 29) и три медные обоймы (рис. 8, 30–32). Кроме того, вокруг запястий найдено 55 пастовых бусин и пронизок (рис. 8, 22–28). Под правой бедренной костью, в 0,1 м от колена отмечена низка из трёх медных колечковидных бусин. Около нижней части голеней и щиколоток собраны 72 медные колечковидные бусины (рис. 8, 33–40), а также обломки медной пронизки (рис. 8, 41).

Могила 4 (рис. 8, 1): прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,58×1,9 м). При выборке заполнения найдены подвеска из раковины (рис. 8, 42) и фрагмент спиралевидного окончания медного браслета (рис. 8, 43). На дне ящика находились *in situ* большая берцовая кость и несколько фаланг пальцев стопы взрослой женщины. На уровне щиколотки зафиксированы две низки медных колечковидных бусин. Всего в заполнении ящика собрано 74 таких бусины (рис. 8, 44–47).

Могила 5 (рис. 8, 1): прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,6×1,9 м). При выборке заполнения ящика были встречены медные украшения: браслет (рис. 8, 54), 16 колечковидных бусин (рис. 8, 48–52), одна обойма (рис. 8, 53) и обломки еще как минимум двух, каменный амулет (рис. 8, 55), 17 бараньих астрагалов, фрагменты керамики (рис. 8, 56), разрозненные кости двух подростков женского и мужского пола.

Могила 6 (рис. 6, 7) находится в северном отсеке ограды, представляет собой прямоугольный ящик (внутренние размеры 0,78×1,85 м), установленный в яме с заплечиками (размеры 1×1,98 м). Над восточной половиной ящика сохранилась часть плит перекрытия. В заполнении найдено два фрагмента керамики (рис. 6, 8, 9), остатки скелета взрослой женщины (?), в 0,6 м к северу от ящика, у стенки ограды обнаружены фрагменты двух сосудов (рис. 6, 5, 6), возможно, выброшенных из погребения.

Ограда № 4 в плане имела форму круга диаметром 9 м и была сооружена из вертикально вкопанных на глубину 0,2 м плит. Ограда, вскрытая раскопом диаметром 10 м, содержала две могилы (рис. 9, 1).

Могила 1 (рис. 9, 2), располагавшаяся в центре ограды, полностью разрушена. К настоящему времени она представляла наброс камней, под которым были обнаружены вывороченные из могильной ямы крупные обломки трёх плит каменного ящика. Могильная яма была перекопана

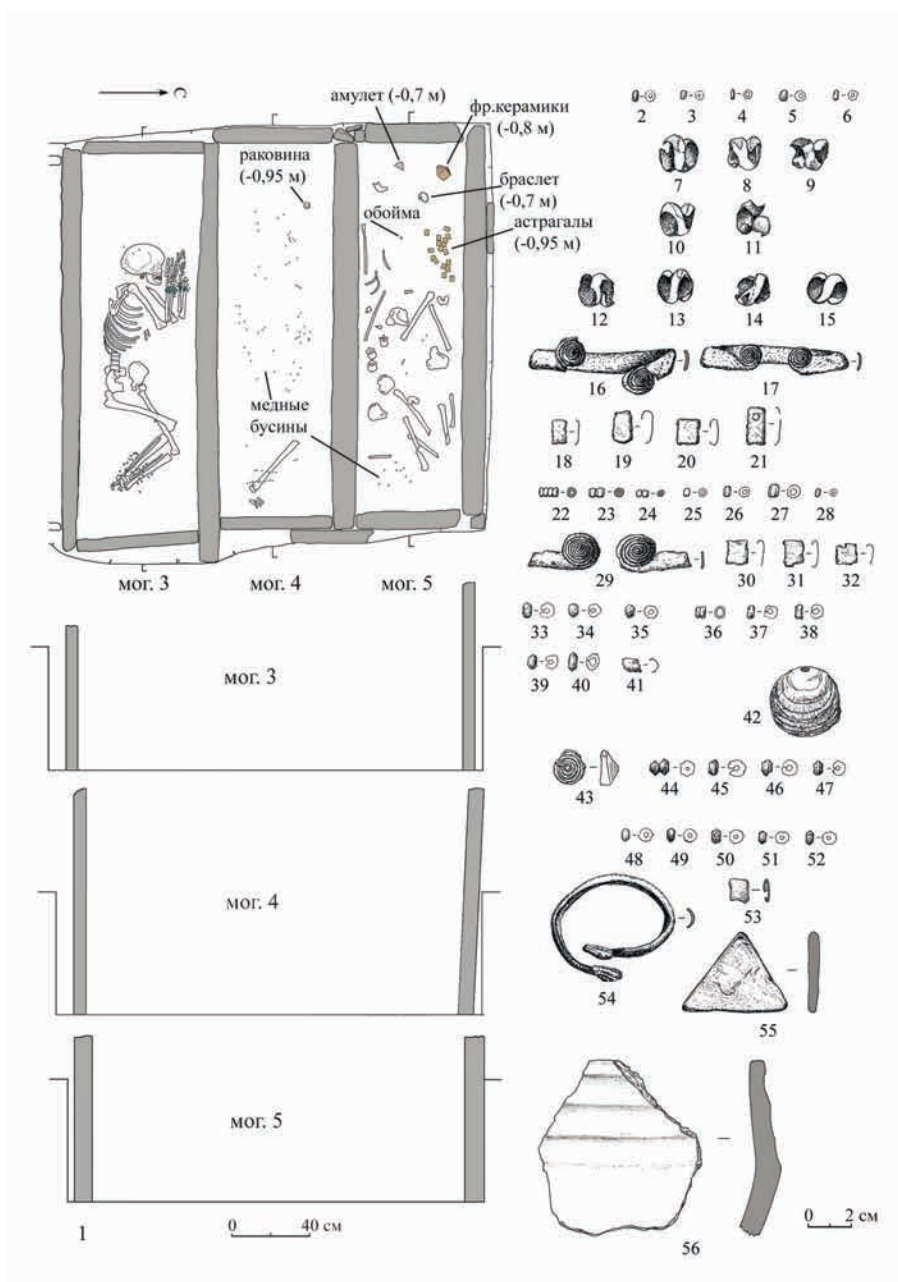

Рис. 8. Нураталды-1. Ограда № 3, мог. 3–5, инвентарь: 1 – планы и разрезы; 2–41 – мог. 3; 42–47 – мог. 4; 48–56 – мог. 5. 2–6, 22–28 – паста; 7–10, 12–15 – медь, золото; 11, 16–21, 29–41, 43–54 – медь; 42 – раковина; 55 – камень; 56 – керамика

8-сур. Нұраталды-1. № 3 қоршау, 3–5 қабір, бұйымдар: 1 – жоспарлар мен қималар; 2–41 – қабір 3; 42–47 – қабір 4; 48–56 – қабір 5. 2–6, 22–28 – паста; 7–10, 12–15 – мыс, алтын; 11, 16–21, 29–41, 43–54 – мыс; 42 – раковина; 55 – тас; 56 – керамика

Fig. 8. Nurataldy-1. Enclosure No. 3, graves 3–5, inventory: 1 – plans and sections; 2–41 – grave 3; 42–47 – grave 4; 48–56 – grave 5. 2–6, 22–28 – paste; 7–10, 12–15 – copper, gold; 11, 16–21, 29–41, 43–54 – copper; 42 – a shell; 55 – a stone; 56 – ceramics

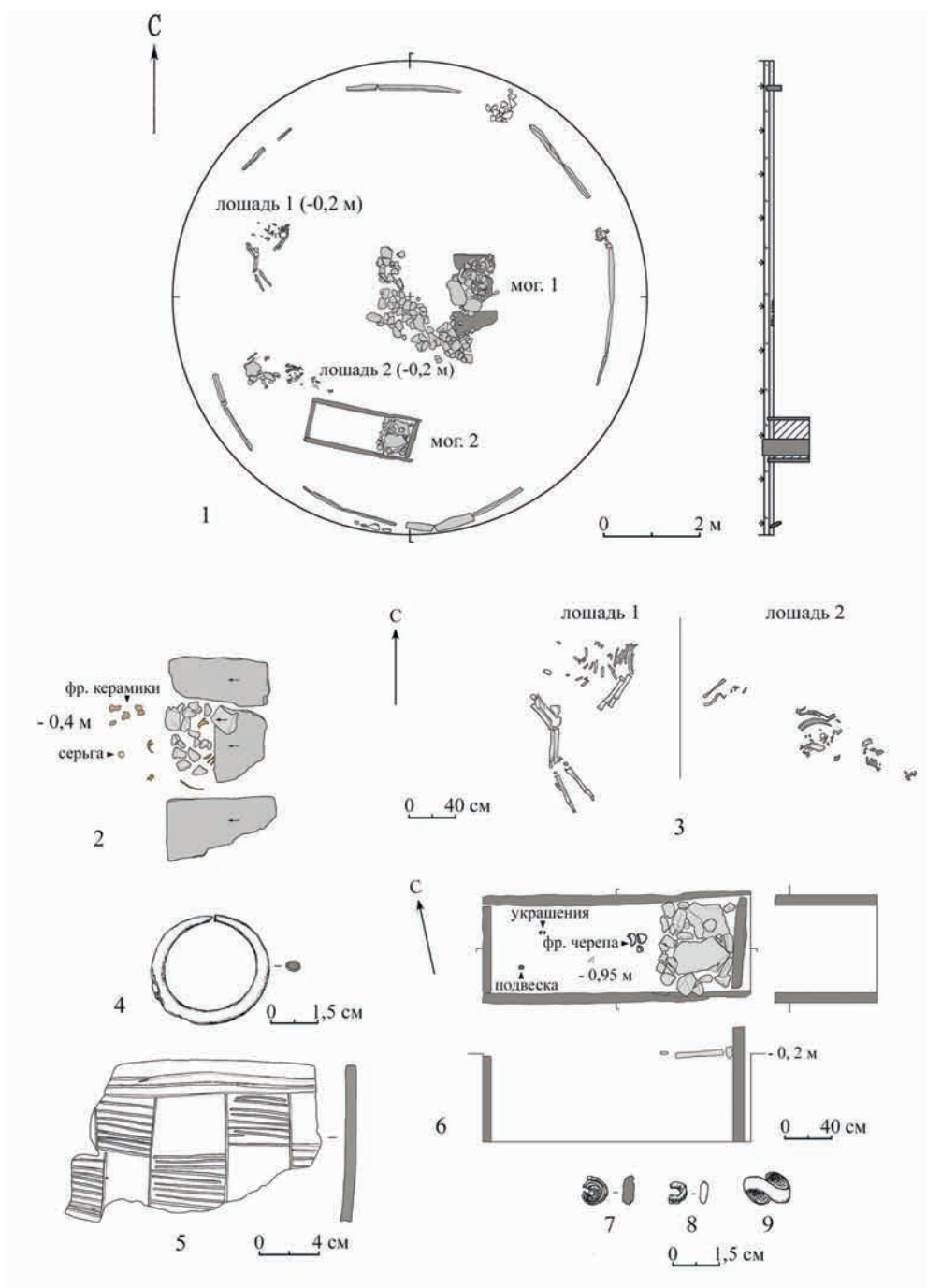

Рис. 9. Нураталды-1. Ограда № 4, планы и разрезы, инвентарь: 1 – ограда; 2, 4, 5 – мог. 1; 3 – кости лошадей; 6–9 – мог. 2 (4, 9 – медь, золото; 5 – керамика; 7, 8 – медь)
9-сур. Нұраталды-1. № 4 қоршау, жоспарлар мен қималар, бұйымдар: 1 – қоршау; 2, 4, 5 – қабір 1; 3 – жылқылардың сүйектері; 6–9 – қабір 2 (4, 9 – мыс, алтын; 5 – керамика; 7, 8 – мыс)
Fig. 9. Nurataldy-1. Enclosure No. 4, plans and sections, inventory: 1 – the enclosure; 2, 4, 5 – grave 1; 3 – bones of horses; 6–9 – grave 2 (4, 9 – copper, gold; 5 – ceramics; 7, 8 – a copper)

грабителями, на её месте, на уровне 0,4 м от древней дневной поверхности, были найдены фрагменты керамического сосуда (рис. 9, 5), медная кольцевидная серьга, плакированная золотой фольгой (рис. 9, 4), лопатка и обломки рёбер человека.

Могила 2 (рис. 9, 6): прямоугольный каменный ящик (внутренние размеры 0,75×2,1 м), ориентированный по линии СЗ–ЮВ. Под дёрном в восточном конце ящика зафиксировано скопление камней и обломков плит. На дне обнаружены фрагменты черепа и рёбер женщины зрелого-старческого возраста. При выборке заполнения найдены обломок спиралевидного окончания медного браслета (рис. 9, 7), медная колечковидная бусина (рис. 9, 8), медная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой (рис. 9, 9).

В западной половине ограды, под дёрном, на расстоянии 1,5 м друг от друга, были расчищены остатки двух лошадей (рис. 9, 1, 3). Лошадь 1, взрослая, с высотой в холке 138 см, лежала головой (череп не сохранился) к ЮЗ, вытянутыми ногами на ЮВ. Судя по расположению зубов и остатков костей конечностей, лошадь 2 лежала головой на ЮВ.

Представление о первоначальных размерах могильника даёт местонахождение каменного ящика в осыпавшемся берегу р. Нураталды. Прямоугольный в плане ящик (рис. 10, 1), ориентированный по линии СЗ–ЮВ, расположен в 0,23 км к ЮВ от ограды № 1, имел внутренние

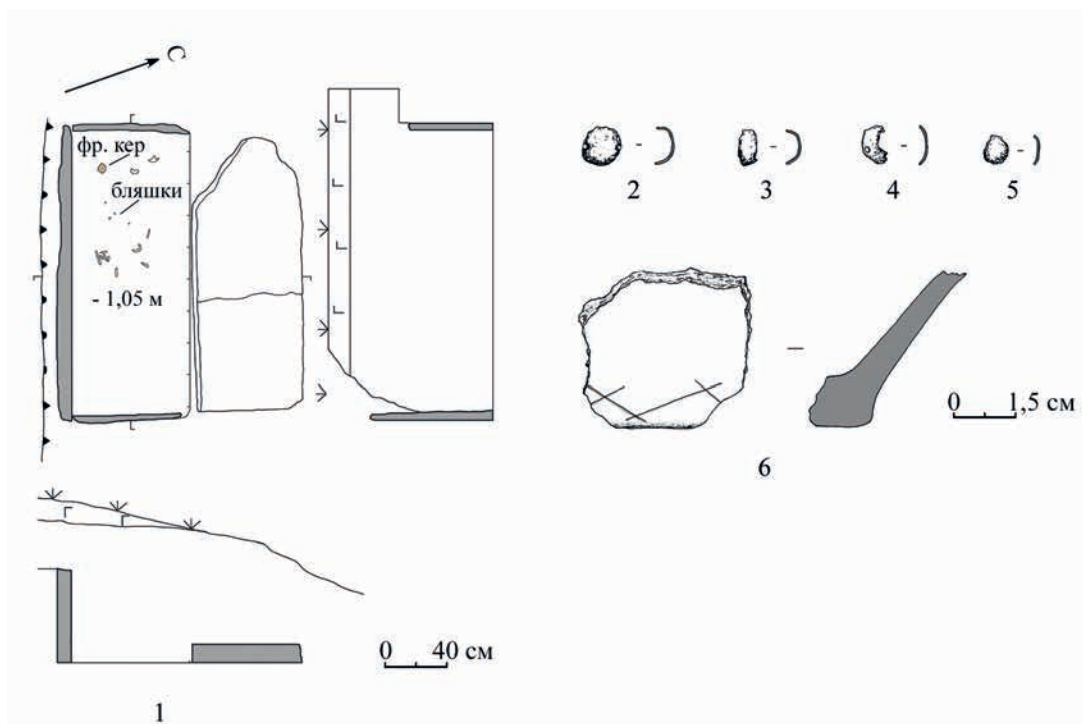

Рис. 10. Нураталды-1. Ящик в обрыве берега:
1 – план и разрезы; 2–5 – медные изделия; 6 – фрагмент сосуда

10-сур. Нұраталды-1. Жағалау жиегіндегі қорап:
1 – жоспар және қималар; 2–5 – мыс бұйымдар; 6 – ыдыстың сынығы

Fig. 10. Nurataldy-1. A box in a shore break:
1 – plan and sections; 2–5 – copper items; 6 – a fragment of a vessel

размеры 0,76×1,84 м. Северная плита ящика упала и лежала в береговой осыпи. В заполнении найдены обломки нижней челюсти и рёбер человека, фрагмент придонной части керамического сосуда (рис. 10, 6), медная полусферическая бляшка с отверстиями для пришивания (рис. 10, 2) и три обломка таких же бляшек (рис. 10, 3–5).

Инвентарь

Предметы из клада около ограды № 1:

1. Свёрток из бронзовой ленты (рис. 4, 1), размерами 1,5×4,5 см, толщиной 0,7 см. Сама лента имела ширину 4 см, толщину 0,1 см.

2. Медный слиток (рис. 4, 2) сердцевидной формы, размерами 2,5×3 см, толщиной 0,3 см.

3. Медный слиток (рис. 4, 3) трапецевидной формы, размерами 1,1×3 см, толщиной 0,2 см.

4. Бронзовое шило (рис. 4, 4) длиной 10,5 см, четырёхгранное (0,5×0,5 см), один из концов, заострённый и слегка загнутый, имеет округлое сечение (диаметр 0,2 см), второй конец заточен с двух сторон на две фаски.

5. Бронзовый наконечник копья (рис. 4, 5), с округло-ромбическим в сечении стержнем пера. Общая длина 11,6 см, длина втулки 1,5 см, диаметр основания втулки 3 см, глубина насада 8,9 см, максимальная ширина пера 4,8 см. Внизу втулки расположены два отверстия диаметром 0,4 см для крепления к древку.

6. Бронзовый наконечник копья (рис. 4, 6), с округло-ромбическим в сечении стержнем пера. Общая длина 18,8 см, длина втулки 7,5 см, диаметр основания втулки 3,3 см, глубина насада 11,5 см, максимальная ширина пера 4,2 см. Внизу втулки расположены два отверстия диаметром 0,5 см для крепления к древку.

7. Бронзовый нож-кинжал (рис. 4, 7), имеет длину 17,7 см, наибольшую ширину клинка 3,5 см. Клинок с выраженной нервюрой, толщиной в средней части 0,6 см. Черенок, толщиной 0,2 см, линзовидный в сечении.

8. Бронзовый нож-кинжал (рис. 4, 8), имеет длину 19,7 см, наибольшую ширину клинка 3,7 см. Сечение клинка – линзовидное, толщиной в средней части 0,2 см. Черенок толщиной 0,3 см, плоский, с закруглёнными краями.

9. Бронзовый нож-кинжал (рис. 4, 9) имеет длину 16 см, наибольшую ширину клинка 3,5 см. Сечение клинка – ромбическое, толщиной в средней части 0,5 см. Черенок толщиной 0,3 см, плоский, с закруглёнными краями, причём на одной стороне имеется фаска. Форма пятки черенка близка к ромбической².

Изделия из оград № 2–4:

Предметы из меди: скобки, 4 шт. (ограда № 2, мог. 1 – рис. 5, 12–15). Такой же скобкой была скреплена трещина на сосуде, найденном в этой же могиле.

Дисковидные бляшки с пуансонным орнаментом, 5 шт. (ограда № 3, мог. 2 – рис. 7, 19–23).

Гофрированные пронизки, 9 шт. (ограда № 3, мог. 2 – рис. 7, 33–41).

Пронизка с гладкой поверхностью, 1 шт. (ограда № 3, мог. 2 – рис. 7, 42).

Браслеты, с концами, закрученными в уплощённую спираль. Три браслета найдено в мог. 3 ограды № 3 (рис. 8, 16, 17, 29) и один – в мог. 5 ограды № 3 (рис. 8, 54). Кроме этого, обломки спиралевидных наверший от браслетов найдены в могилах 2 (рис. 7, 24) и 4 (рис. 8, 43) ограды № 3, в могиле 2 ограды № 4 (рис. 9, 7).

² Культурной атрибуции предметов клада и результатам их аналитических исследований посвящены отдельные публикации [Дегтярева и др. 2022; Ломан и др. 2022].

Пластинчатые обоймы прямоугольной формы, 8 шт., в т. ч. 7 шт. найдены в мог. 3 ограда № 3 и одна – в мог. 5 ограда № 3 (рис. 8, 53).

Подвеска в 1,5 оборота, без плакировки (ограда № 3, мог. 3 – рис. 8, 11).

Подвески в 1,5 оборота, плакированные золотой фольгой, 9 шт., в т. ч. 8 шт. найдены в мог. 3 ограда № 3 (рис. 8, 7–10, 12–15) и одна – в мог. 2 ограда № 4 (рис. 9, 9).

Серьга в виде кольца (диаметр 5 см) с несомкнутыми концами, один из которых слегка приострѐн (ограда № 4, мог. 1 – рис. 9, 4). Изготовлена на медной основе, плакированной золотой фольгой.

Полусферические бляшки (ящик в обрыве реки), в обломках. Один экземпляр целый, с двумя отверстиями для пришивания (рис. 10, 2) и обломки как минимум еще трёх (рис. 10, 3–5).

Обломок изделия из меди в виде плоской прямоугольной пластинки с зубчатым краем (ограда № 3, мог. 1 – рис. 7, 2).

Бронзовый наконечник стрелы (ограда № 3, мог. 2 – рис. 7, 18), втульчатый, с округло-ромбическим в разрезе стержнем пера. Общая длина 6 см, диаметр втулки 1,3 см, ширина пера 2,3 см, глубина насада 2,2 см. Стержень пера с обеих сторон орнаментирован рельефной ёлочкой.

Каменный амулет в форме треугольника (ограда № 3, мог. 5 – рис. 8, 55), со сторонами 4; 4,5 и 4,8 см, толщиной 0,5 см, темно-серого цвета.

Костяные пронизки, 2 шт. (ограда № 3, мог. 2), с резным орнаментом на поверхности – параллельные кольца (рис. 7, 9) и спираль (рис. 7, 10).

Костяные черешковые наконечники стрел (ограда № 3, мог. 2), 3 шт. (рис. 7, 15–17).

Кроме этого, найдены 37 игральные бараньих астрагалов (ограда № 1, мог. 2 – 20 шт.; ограда № 3, мог. 5 – 17 шт.), три амулета из клыков корсака (ограда № 3, мог. 2 – рис. 7, 12–14), три подвески из ископаемых раковин (ограда № 1, мог. 4 – рис. 3, 8; ограда № 3, мог. 2 – рис. 7, 11 и мог. 4 – рис. 8, 42), одна из которых (ограда № 3, мог. 2) была окрашена в фиолетовый цвет, а также многочисленные медные колечковидные бусы, свернутые из проволоки, пастовые бусы и пронизки.

Керамический комплекс могильника представлен 10 сосудами и фрагментами ещё от 10 экз., в т. ч. 6 горшковидной, 8 банковидной, 5 неопределенной формы и 1 неорнаментированный мисковидный сосуд, поверхности которого были окрашены краской вишнёвого цвета (ограда № 1, мог. 2, сосуд 1 – рис. 3, 5). Среди элементов орнамента пальцевые желобки, однорядовые и многорядовые зигзаги, горизонтальные цепочки прямоугольных треугольников, равносторонних треугольников, обращённых вершинами друг к другу, ромбов или треугольников, соединённых попарно вершинами, меандр, горизонтальные линии, квадраты, расположенные в шахматном порядке, зигзаги с фестонами из треугольников. Все геометрические фигуры имеют наклонную или, в одном случае (рис. 9, 5), горизонтальную штриховку. На сосуде из мог. 3, ограда № 1 треугольники заштрихованы разнонаправленно, под их нижним рядом гладким штампом нанесен короткий наклонный отрезок однорядового зигзага (рис. 3, 7).

В основном орнамент на сосудах выполнен техникой прочерчивания и гладкого штампа, в отдельных случаях отмечено применение гребенчатого штампа (ограда № 1: сосуд 2 из мог. 2 – рис. 3, 6; сосуд из мог. 3 – рис. 3, 7), отпечатков тонкой бечёвки (ограда 2, мог. 1 – рис. 5, 17)³.

3 Обсуждение и результаты (Ломан В.Г., Кукушкин И.А.)

В ходе исследований на могильнике Нураталды-1 были получены уникальные артефакты, среди которых ритуальный клад металлических изделий около ограда № 1 и медный сосуд из могилы ограда № 5 [Кукушкин и др. 2016].

³ Керамике могильника будет посвящена отдельная статья.

Немногочисленные клады металлических вещей известны в могильниках начальных этапов эпохи бронзы. Например, в синташтинской могиле 1 кургана 24 могильника Большекараганский была устроена в стенке ниша с оружием и инструментами [Боталов и др. 1996: рис. 17], в синташтинском же кургане Халвай III клад бронзовых предметов также находился в стенке ямы [Шевнина, Логвин 2015: рис. 36–38]. В нашем случае вышеописанное скопление металлических изделий было найдено вне могилы и даже за пределами погребальной ограды. Очевидно, оно было ритуальным приношением, а площадка рядом с ним с внутренней стороны ограды, вероятно, предназначалась для жертвенных возлияний.

Признаки подобного ритуала отмечены на сейминско-турбинском могильнике Ростовка [Матющенко, Сеницына 1988: 64]: в кв. Ж-20 найдены два бронзовых наконечника копий, кельт, стамеска и долото [Матющенко, Сеницына 1988: рис. 51], в кв. Г-15 – бронзовый наконечник копья [Матющенко, Сеницына 1988: 16–17], в кв. Д-17 – бронзовые нож и кельт [Матющенко, Сеницына 1988: рис. 53], в кв. 3-16 – два бронзовых наконечника копий и кельт [Матющенко, Сеницына 1988: 34]. Все изделия, как и в могильнике Нураталды-1, были воткнуты в землю остриями вниз. Также и на самих могильниках Турбино 1 и Сейма были найдены воткнутые остриями в дно могил обломки кинжала [Бадер 1964: 32], копье [Бадер 1964: 43] и кинжал [Бадер 1970: 97].

Бронзовое шило из клада, возможно, использовалось и как шило, и как стамеска. Впервые подобные изделия были найдены в начале XX века в Сейминском могильнике [Бадер 1970: рис. 56, 1–4]. Они были широко распространены в эпоху бронзы на Южном Урале, в Средней Азии и Казахстане [Кузьмина 1966: 64; Ткачев 2019: 294–295], встречаются также в фёдоровских материалах на территории Юго-Западного Алтая [Киришин, Клюкин 1985: рис. 16, 2, 7; 19, 2], Западной Сибири [Матющенко 2004: рис. 153, 4; 160, 4; 161, 3; 416, 34, 35], в могильниках кротовской культуры [Молодин 1985: рис. 30, 17, 19, 22].

К редким находкам можно отнести заготовку каменного амулета из могилы 5 ограды № 3 (рис. 8, 55). Подобные изделия встречаются на раннеалакульских могильниках (например, могильник Нуртай, курган 2, мог. 2 [Ткачев 2002а: рис. 69, 33]; могильник Ижевский 1, мог. 6 [Ткачев 2000б: рис. 175, 3].

Бронзовые наконечники стрел с ёлочным орнаментом на стержне пера, подобные наконечнику из мог. 2 ограды № 3 (рис. 7, 18), обнаруживаются в целом ряде могильников раннеалакульского времени [Дегтярева и др. 2020: 102], а в сейминско-турбинском могильнике Ростовка была найдена литейная форма для отливки такого изделия [Матющенко, Сеницына 1988: рис. 36, 3].

Костяные пронизки с орнаментом, подобные нураталдинским (рис. 7, 9, 10), найдены в раннеалакульских комплексах могильников Нуртай [Ткачев 2002а: рис. 69, 7, 13, 20], Актобе II [Ткачев 2002а: рис. 121, 15], Майтан [Ткачев 2019: рис. 24, 10].

Весь остальной инвентарь могильника, форма и орнамент керамических сосудов также находят свои аналогии в материалах раннеалакульских памятников Центрального Казахстана. Из общего ряда выбивается только миска из мог. 2 ограды № 1 (рис. 3, 5). Форма и способ обработки поверхности, не свойственные ни алакульским, ни фёдоровским сосудам, указывают на её импортное происхождение, очевидно, из более южных регионов. Аналогичные изделия были найдены в алакульском кургане могильника Михайловка-II [Рафикова, Фёдоров 2017: 48, рис. 34, 2], находящемся в 1140 км к СЗ, в Южном Зауралье, на территории нынешней Башкирии. Свидетельства южного направления межкультурных связей алакульцев наблюдаются, таким образом, и в самых северных их общинах.

Внутри двух сооружений могильника (ограды № 1 и № 4) обнаружены парные жертвоприношения лошадей. Эта характерная особенность погребального обряда зафиксирована к настоящему времени уже в целом ряде могильников раннего этапа алакульской культуры, исследованных на территории Центрального Казахстана [Кукушкин, Дмитриев 2022: 119].

По костям человека из четырёх могил двух погребальных сооружений были получены AMS даты, в целом укладывающиеся в интервал XIX–XVII вв. до н.э. (табл.; рис. 11⁴).

Таблица – Могильник Нураталды-1. Калиброванные значения дат
Кесте – Нұраталды-1 қорымы. Калибрленген мерзім мәндері
Table – Nurataldy-1 Necropolis. Calibrated date values

Лабораторный номер	Комплекс	Материал	¹⁴ C возраст, BP	Калиброванные даты (до н.э.)	
				68.2% (1 σ)	95.4% (2 σ)
MAMS-55550 (CEZA)	Ограда № 1, мог. 2	Кость человека	3465±25	1874-1743	1717-1693 (10.0%), 1881-1836 (29.2%), 1831-1736 (56.3%)
MAMS-55551 (CEZA)	Ограда № 2, мог. 1	Кость человека	3466±25	1874-1743	1716-1694 (9.2%), 1881-1736 (86.2%)
MAMS-55552 (CEZA)	Ограда № 3, мог. 2	Кость человека	3410±25	1743-1641	1864-1854 (2.0%), 1768-1623 (93.4%)
Poz-004 R (PRL)	Ограда № 3, мог. 3	Кость человека	3425±30	1765-1685	1875-1842 (7.9%), 1817-1799 (2.8%), 1780-1638 (84.7%)

По первой сигме ограды № 1 (мог. 2 – MAMS-5550) и № 2 (мог. 1 – MAMS-5551) датируются XIX–XVIII вв. до н.э. Ограда № 3 дала несколько более позднюю дату – XVIII–XVII вв. до н.э. (мог. 2 – MAMS-5552; мог. 3 – Poz-004 R).

4 Заключение (Ломан В.Г., Кукушкин И.А.)

Раннеалакульская принадлежность могильника Нураталды-1 уже аргументировалась [Кукушкин и др. 2016: 90]. Задачей данной статьи была полная характеристика остальных сооружений и публикация радиоуглеродных дат могильника, определяющих его место среди памятников эпохи бронзы Казахстана.

Материалы могильника Нураталды-1 с новой стороны демонстрируют взаимодействие алакульского и фёдоровского населения, которое чаще всего обосновывалось синкретизмом в формах и орнаментике керамических сосудов.

В ранее опубликованной ограде № 5 [Кукушкин и др. 2016] был найден медный сосуд с поддоном, имевший форму алакульского керамического горшка. При этом технология соединения его частей [Дегтярева и др. 2020: 103] полностью подражает фёдоровским керамическим традициям, типичному только для них ёмкостному начину [Ломан 2003: 150], когда отдельно изготавливается тулово, а затем в него вставляется дно [Бобринский 1978: 131]. Отметим, что и сами фёдоровские гончары, попадая в результате брачных связей в алакульские общины, изготавливали керамику с

⁴График калибровки был создан с помощью программного обеспечения OxCal v4.4.4.

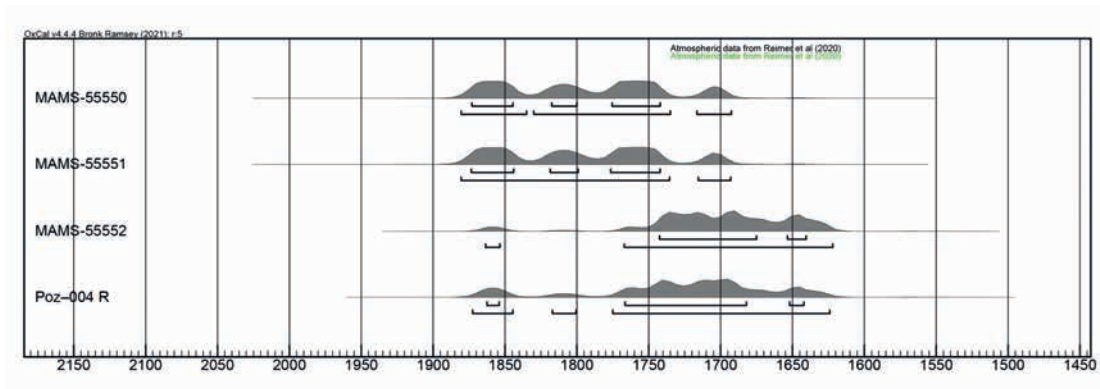

Рис. 11. Нураталды-1: суммарная вероятность радиоуглеродных дат
11-сур. Нұраталды-1: радиокөміртекті мерзімдеудің жиынтық ықтималдығы
Fig. 11. Nurataldy-1: total probability of radiocarbon dates

внешним алакульским обликом, не меняя своих субстратных навыков её конструирования [Ломан 1993: 30].

Медный сосуд был изготовлен фёдоровскими металлургами, по-видимому, специально для алакульцев, в привычной им форме. Ими же были сделаны и предметы из ритуальногоклада около ограды № 1 [Дегтярева и др. 2022: 64, 66, 69], по крайней мере, часть из них. Типология изделий не характерна для раннеалакульского времени [Ломан и др. 2022: 99], поэтому сам клад мог быть спрятан позже алакульцами в качестве подношения потусторонним силам или предку, похороненному в ограде № 1 [Дегтярева и др. 2022: 69, 70; Ломан и др. 2022: 99]. При этом способ размещения предметов клада (втыкание остриями в землю) всё ещё связан с сейминско-турбинскими реминисценциями. Интересно отметить, что металл изделий отличается по своему происхождению, это было установлено в результате анализа состава микроэлементов, прежде всего изотопов свинца, проведённого немецкими исследователями [Stöllner, Gontscharov 2020]. Часть предметов была изготовлена из металла, происходящего из Восточного Казахстана (рис. 4, 1, 6–8), другая часть имеет центральноказахстанское происхождение (рис. 4, 2, 4, 5, 9), один из медных слитков (рис. 4, 3) связан с месторождениями меди Урала или Северного Казахстана [Stöllner, Gontscharov 2020: 60].

В.В. Евдокимов высказывал предположение о том, что фёдоровцы монополизировали добычу олова в Восточном Казахстане и являлись металлургами «в широком смысле этого слова» [Евдокимов 2000: 115]. Свой металл они обменивали у алакульцев на продукты животноводства [Евдокимов 2000: 116]. Очевидно, в этом обмене участвовал не только металл, но и металлические изделия фёдоровцев.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.
- 2 Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 175 с.
- 3 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- 4 Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация археологических раскопок 1988 года // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. / Науч. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. С. 64-88.

- 5 Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Металл в ритуалах эпохи бронзы Казахстана (по материалам могильника Нураталды 1) // Российская археология. 2022. № 2. С. 60-75.
- 6 Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 98-116.
- 7 Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2000. 140 с.
- 8 Кирюшин Ю.Ф., Ключин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: изд. Алтайского ун-та, 1985. С. 73-117.
- 9 Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука, 1966. 150 с.
- 10 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Могильник Котыртас — новый памятник эпохи бронзы Центрального Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Сер. История. Философия. 2022. № 3 (107). С. 112-121.
- 11 Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 85-92.
- 12 Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.
- 13 Ломан В.Г. Общие принципы выделения историко-культурной информации по данным гончарной технологии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. / Гл. ред. М. Жолдасбеков. Астана: Күлтегін, 2003. С. 146-151.
- 14 Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Вотивный клад бронзовых изделий федоровской культуры в Центральном Казахстане // Степные миры в зеркале археологии / Гл. ред. Т.С. Садыков. Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022. С. 93-103.
- 15 Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
- 16 Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: изд-во ТомГУ, 1988. 136 с.
- 17 Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- 18 Рафикова Я.В., Фёдоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. 244 с.
- 19 Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. 289 с.
- 20 Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002б. 243 с.
- 21 Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: СО РАН, 2019. 529 с.
- 22 Шевнина И., Логвин А. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII. Астана: ФИА, 2015. 248 с.
- 23 Stöllner Th., Gontscharov A. Social Practice and the Exchange of Metals and Metallurgical Knowledge in 2nd Millennium Central Asia // Metalla. 2020. Vol. 25, No. 2. P. 45-76.

REFERENCES

- 1 Bader, O. N. 1964. *Drevneishie metallurgi Priuraliya (Ancient metallurgists of the Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 2 Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epohu bronzy (The Oka basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya. (Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 4 Botalov, S. G., Grigoriev, S. A., Zdanovich, G. B. 1996. In: Tairov, A. (ed.). *Materialy po arheologii i etnografii Yuzhnogo Urala (Materials on archaeology and ethnography of the Southern Urals)*. Chelyabinsk: "Kamennyi poyas" Publ., 64-88 (in Russian).
- 5 Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V., Loman, V. G., Kukushkin, I. A. 2022. In: *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 2, 60-75 (in Russian).
- 6 Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V., Loman, V. G., Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A. 2020. In: *Povolzhskaya Arheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (31), 98-116 (in Russian).

- 7 Evdokimov, V. V. 2000. *Istoricheskaya sreda epohi bronzy stepey Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana* (The historical environment of the Bronze Age of the Central and Northern Kazakhstan steppes). Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 8 Kiryushin, Yu. F., Klyukin, G. A. 1985. In: Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Altay v epohu kamnya i rannego metalla* (Altai in the era of stone and early metal). Barnaul: "Altai University" Publ., 73-117 (in Russian).
- 9 Kuzmina, E. E. 1966. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Sredney Azii* (Metal products of the Eneolithic and Bronze Age in Central Asia). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 10 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2022. In: *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya* (Bulletin of Karaganda University. Series History. Philosophy), 3 (107), 112-121 (in Russian).
- 11 Kukushkin, I. A., Loman, V. G., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A. 2016. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Bulletin), 4 (53), 85-92 (in Russian).
- 12 Loman, V. G. 1993. *Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentralnogo Kazakhstana vtoroy poloviny II-go tysyacheletiya do n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* (Pottery technology of the population of Central Kazakhstan in the second half of the 2nd millennium BC. Abstract thesis ... candidate of historical sciences). Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 13 Loman, V. G. 2003. In: Zholdasbekov, M. (ed.). *Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoy Evrazii. T. I. Drevnie epohi* (Steppe civilization of Eastern Eurasia. Vol. I. Ancient eras). Astana: "Kultegin" Publ., 146-151 (in Russian).
- 14 Loman, V. G., Kukushkin, I. A., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V. 2022. In: Sadykov, T. S. (ed.). *Stepnye miry v zerkale arheologii* (Steppe worlds in the mirror of archaeology). Nur-Sultan: "ARD-Print" Publ., 93-103 (in Russian).
- 15 Matyushchenko, V. I. 2004. *Elovskiy arheologicheskiy kompleks. Chast 2. Elovskiy II mogilnik. Doirmenskie komplekсы* (Elovsky archaeological complex. Part 2. Elovsky II burial ground. Pre-Irmen complexes). Omsk: Omsk State University Publ. (in Russian).
- 16 Matyushchenko, V. I., Sinitsyna, G. V. 1988. *Mogilnik u derevni Rostovka vblizi Omska* (Burial ground near the village of Rostovka near Omsk). Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
- 17 Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epohu bronzy* (Baraba in the Bronze Age). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 18 Rafikova, Ya. V., Fedorov, V. K. 2017. *Kurgany Yuzhnogo Zauraliya. Kn. 1. Uchalinskiy i Abzelilovskiy raiony Respubliki Bashkortostan* (Kurgans in Southern Trans-Urals. Book 1. Uchalinsky and Abzelilovsky district of the Republic of Bashkortostan). Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).
- 19 Tkachev, A. A. 2002a. *Tsentralnyi Kazahstan v epohu bronzy. Chast 1* (Central Kazakhstan in the Bronze Age. Part 1). Tyumen: Industrial University of Tyumen (in Russian).
- 20 Tkachev, A. A. 2002b. *Tsentralnyi Kazahstan v epohu bronzy. Chast 2* (Central Kazakhstan in the Bronze Age. Part 2). Tyumen: Industrial University of Tyumen (in Russian).
- 21 Tkachev, A. A. 2019. *Mogilnik epohi bronzy Maytan* (Maitan Bronze Age burial ground). Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS Publ. (in Russian).
- 22 Shevnina, I., Logvin, A. 2015. *Mogilnik epohi bronzy Halvay III v Severnom Kazahstane. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazakhstana. T. VII. (The burial ground of the Bronze Age Khalvay III in Northern Kazakhstan. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan. Vol. VII)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 23 Stöllner, Th., Gontcharov, A. 2020. In: *Metalla*, 25, no. 2, 45-76 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.03.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 04.04.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 04.04.2023.

**К археологии Притоболья:
анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.)
из окрестностей г. Житикара
(Северный Казахстан)**

© 2023 г. Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К.

Keywords: archaeology, Northern Kazakhstan, Tobol river region, Jitiqara, early Iron Age, chance finds, arrowheads

Түйін сөздер: археология, Солтүстік Қазақстан, Тобыл бойы, Жітіқара, ерте темір ғасыры, кездейсоқ табылған олжалар, жебе ұштары

Ключевые слова: археология, Северный Казахстан, Притоболье, Житикара, ранний железный век, случайные находки, наконечники стрел

Galiya Bazarbayeva¹, Gulnara Jumabekova¹, Abay Seitov¹ and Kairat Zhambulatov^{1*}

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: galiya2002@gmail.com

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: gdzhuma@mail.ru

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: sajrim@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: kairo_88@inbox.ru

**On archaeology in the Tobol river region:
analysis of chance finds of arrowheads (6th–4th centuries BC) outside the town of Jitiqara
(Northern Kazakhstan)**

Abstract. The article for the first time introduces data on the artifacts of the early Iron Age from the vicinity of the city of Jitiqara. It also presents preliminary results obtained in the course of exploratory archaeological work on the territory of the Jitiqara district, where 39 monuments of the era of early nomads and the Middle Ages were recorded, including 173 objects: single mounds, burial mounds, including with stone ridges, cult and ritual structures. In addition, the detachment recorded eight Kazakh cemeteries of Modern times. In the future, this material will become the basis for mapping and revealing the features of the process of sacralizing the landscape in time. During the work, it was possible to get acquainted with the collection of lifting material collected on the surface of the kurgans of the Besoba 1 burial mound, the Besoba 1 single kurgan and the Karatobe 1 burial mound, which are mainly represented by bronze arrowheads. Most of the arrowheads are three-bladed, one copy is marked as triangular and another one as rhombic two-bladed. Preliminary analysis of the material allows us to attribute the collection of arrows to the Savromatic and Early Sarmatian time in the range of 6th–4th centuries BC. In general, the obtained material shows the prospects and expediency of further archaeological research in the region.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2024, project IRN AP 14870373.

For citation: Bazarbayeva, G., Jumabekova, G., Seitov, A., Zhambulatov, K. 2023. On archaeology of the Tobol river region: analysis of chance finds of arrowheads (6th–4th centuries BC) outside the town of Jitiqara (Northern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 103–116 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.103.116](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.103.116)

Галия Базарбаева¹, Гүлнар Жұмабекова¹,
Абай Сеитов¹, Қайрат Жамболатов^{1*}

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы, Қазақстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы, Қазақстан

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Тобыл бойы археологиясына:

Жітіқара қаласының маңынан кездейсоқ табылған жебе ұштарына талдау (б.д.д. VI–IV ғғ.)
(Солтүстік Қазақстан)

Аннотация. Мақалада Жітіқара қаласының маңынан табылған ерте темір дәуірінің жәдігерлері жайында ақпарат алғаш рет ғылыми айналымға енгізілуде, сонымен қатар Жітіқара ауданының аумағында жүргізілген іздестіру-барлау археологиялық жұмыстары барысында 173 нысанынан: жалғыз обалар, тас тізбектері бар обалы қорымдар, мәдени ғұрыптық құрылыстардан тұратын ерте көшпенділер мен орта ғасырлар дәуірінің 39 ескерткіші есепке алынып, олардың алдын ала нәтижелері ұсынылды. Бұдан бөлек Жаңа заманның сегіз қазақ зираты тіркелді. Ары қарай осы материалдар картаға түсіру және уақыт бойынша ландшафтың киелі болу үрдісінің ерекшелігін ашу негіз бола алады. Жұмыстарды жүргізу барысында Бесоба 1 қорымының обаларының, Бесоба 1 жалғыз обасынан және Қаратөбе 1 қорымының үстінен жинап алынған, негізінен қола жебе ұштарынан тұратын көтерме материалдардың жинағымен танысуға мүмкіндік туды. Жебе ұштарының көп бөлігі үшжүзді, үшқырлы және ромб тәрізді-екіжүзділер бір бір данадан ғана. Материалдарды алдын ала талдау жебелер жинағын б.д.д. VI–IV ғғ. савромат және ерте сармат уақытына жатқызуға мүмкіндік береді. Жалпы алғанда, алынған материалдар аймақта археологиялық зерттеулерді ары қарай жүргізудің қажеттілігі мен орындылығын көрсетеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2024 жж. гранттық қаржыландыру аясында орындалды, жобаның ЖТН АР 14870373.

Сілтеме жасау үшін: Базарбаева Ғ., Жұмабекова Г., Сеитов А.М., Жамболатов Қ.А. Тобыл бойы

Галия Базарбаева¹, Гульнара Джумабекова¹,
Абай Сеитов¹, Кайрат Жамбулатов^{1*}

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

¹научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

К археологии Притоболья:

анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара
(Северный Казахстан)

Аннотация. В статье впервые в научный оборот вводится информация о находках раннего железного века из окрестностей г. Житикара, также представлены предварительные результаты, полученные в процессе поисково-разведочных археологических работ на территории Житикаринского района, где было зафиксировано 39 памятников эпохи ранних кочевников и средних веков, включающих в себя 173 объекта: одиночные курганы, курганные могильники, в т. ч. с каменными грядами, культово-ритуальные сооружения. Кроме того, отрядом было зафиксировано восемь казахских кладбищ Нового времени. В дальнейшем этот материал станет основой для картографирования и раскрытия особенностей процесса сакрализации ландшафта во времени. В ходе проведения работ удалось ознакомиться с коллекцией подъемного материала, собранного на поверхности курганов могильника Бесоба 1, одиночного кургана Бесоба 1 и могильника Каратөбе 1, которые представлены преимущественно бронзовыми наконечниками стрел. Большая часть наконечников – трехлопастные, по одному экземпляру отмечены трехгранный и ромбическо-двухлопастной. Предварительный анализ материала позволяет отнести коллекцию стрел к савроматскому и раннесарматскому времени в диапазоне VI–IV вв. до н.э. В целом, полученный материал показывает перспективность и целесообразность дальнейшего проведения археологических исследований в регионе.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2024, ИРН проекта АР 14870373.

археологиясына: Жітіқара қаласының маңынан кездейсоқ табылған жебе ұштарына талдау (б.д.д. VI–IV ғғ.) (Солтүстік Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 103–116-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.103.116](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.103.116)

Для цитирования: Базарбаева Г., Джумабекова Г., Сеитов А., Жамбулатов К. К археологии Притоболья: анализ случайных находок наконечников стрел (VI–IV вв. до н.э.) из окрестностей г. Житикара (Северный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 103–116. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.103.116](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.103.116)

1 Введение (Базарбаева Г., Джумабекова Г., Жамбулатов К.)

Впервые на территории Житикаринского района Костанайской области группа отдела по археологии раннего железа Института археологии имени А.Х. Маргулана побывала летом 2020 г. по инициативе общественного деятеля, краеведа, уроженца этих мест – Куанышбая Туребековича Орманова, обратившегося к руководству НИИ и высказавшего тревогу, вызванную состоянием древностей региона.

В полевом сезоне 2020 г. группа археологов Института археологии имени А.Х. Маргулана также выполняла обследование памятников на территории Камыстинского и Денисовского районов Костанайской области. Следует отметить географическое расположение Денисовского района, граничащего и с Камыстинским, и с Житикаринским районами. В п. Денисовка функционирует историко-краеведческий музей (рук. Н.И. Таран), с сотрудниками которого поддерживаются научные контакты в плане обмена информацией. В фонды музея археологами Института была сдана случайная находка бронзового зооморфно декорированного навершия, обнаруженного в местности Жарык (Денисовский р-н, Костанайская обл.), анализ которого в настоящее время готовится к публикации. Отсюда также происходит уникальное каменное изваяние древнетюркского времени* (*готовится к публикации).

Результаты предварительного обследования памятников Житикаринского района в 2020 г. показали ряд разрушений, зафиксированных на могильниках, образованных большими курганами. Поэтому для более тщательного мониторинга состояния объектов, а также с целью составления карты памятников археологии и казахских кладбищ Нового времени в контексте преемственности сакрализации пространства Казахского Притоболья¹ осенью 2022 г. археологическим отрядом Института археологии имени А.Х. Маргулана были проведены поисково-разведочные работы в Житикаринском районе Костанайской области. В результате на первом этапе поисковых работ зафиксированы, обследованы различные памятники археологии, предварительно датированные ранним железным веком и средневековьем. Всего было зафиксировано 39 местонахождений, включающих в себя 173 объекта. Из них 29 памятников – курганные могильники, пять одиночных курганов. Также были зафиксированы 11 курганов с «усами», расположенных как в составе могильников, так и одиночно. На восьми объектах рядом с курганами раннего железного века были зафиксированы казахские могилы, в большинстве отнесенные к родам Младшего жуза.

Особый интерес представляют культово-ритуальные сооружения («геоглифы»), распространенные на территории Костанайской области [Логвин А.В. и др. 2018]. Это три линии цепочек, состоящие из отдельных курганов, насчитывающих от 17 до 23 насыпей, вытянутые в меридиональном направлении. В составе могильника Домбар 2 был зафиксирован «геоглиф» в виде «трехлучевой свастики».

¹ Под термином «Казахское Притоболье» подразумевается казахстанский участок р. Тобол, за которым закрепились такие названия, как: Верхнее Притоболье, Казахстанское Притоболье, Степное Притоболье (см. напр.: [Логвин В.Н. 1991; Базарбаева и др. 2016; Бейсенов и др. 2017; Евдокимов, Сеитов 2021; и др.]).

Во время обследования территории Житикаринского района участники экспедиции ознакомились с коллекцией металлических наконечников стрел, собранных с поверхности курганов № 1–3 могильника Каратобе 1, кургана № 4 могильника Бесоба 1 и одиночного кургана Бесоба 1. Указанные памятники расположены на левом берегу р. Тобол, на вершине трех возвышенностей, приуроченных к водоразделу между реками Шортанды и Бирсуат (рис. 1).

Коллекция насчитывает 22 единицы² разнотипных бронзовых наконечников стрел. По сообщению информатора, наконечники были собраны на вершине курганов и рядом с ними. На насыпи кургана № 4 могильника Бесоба 1 наконечники лежали на поверхности россыпью, рядом с относительно недавней грабительской воронкой. На могильнике Каратобе 1 наконечники выявлены на склоне насыпи кургана № 1, а также рядом с соседними небольшими курганами, примыкающими к насыпи центрального, на котором был установлен триангуляционный знак со следами прокопки и обновления геодезической отметки, выполненной специалистами соответствующей службы. На кургане Бесоба 1 единственный наконечник был найден вблизи насыпи, на проселочной дороге, проходящей через его широкую полу.

Публикация данного материала, расцениваемого как подъемный, вне археологического контекста, является актуальной и своевременной в виду немногочисленности сведений по археологии ранних кочевников Житикаринского района и, в целом, Костанайской области. Следует отметить, что территория Житикаринского района была обследована на предмет выявления и фиксации памятников археологии ранее [Мошкова 2017а; 2017б; Логвин В.Н. 1987; Логвин А.В. 2019].

2 Материал и методы исследования (Жамбулатов К., Сеитов А.)

2.1 Методы исследования

Методологическая основа работы, главным образом, базировалась на общепринятых археологических методах и принципах. Полевая часть археологической работы включала в себя предварительную подготовку, в т. ч. просмотр библиографического, архивного материала и спутниковых снимков. Фиксация и документация выявленных памятников проводились согласно утвержденным правилам ведения полевой документации [Закон РК от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗРК; Приказ Министра культуры и спорта РК от 17 апреля 2020 года № 95]. Названия археологических объектов были даны согласно топографическим особенностям местности, в соответствии с употребляемыми местным населением топонимами.

Анализируемые наконечники стрел были разделены на типы в соответствии с общепринятой типологией К.Ф. Смирнова. Группа выделена по форме насада, отделы – по форме поперечного сечения головки, типы – по форме головки и насада, а варианты – по второстепенным признакам [Смирнов 1961: 37].

2.2 Характеристика материала

В исследуемом регионе археологические памятники раннего железного века расположены, главным образом, на господствующих участках увалистых возвышений, а также практически на каждой вершине холма или сопки. Обращает на себя внимание то, что большинство курганов крупных размеров, диаметром в среднем от 15 до 30 м. Вероятнее всего, это наблюдение стоит увязать

² Коллекция наконечников стрел передана в фонды Денисовского историко-краеведческого музея Управления культуры акимата Костанайской области (кп 3195-3216).

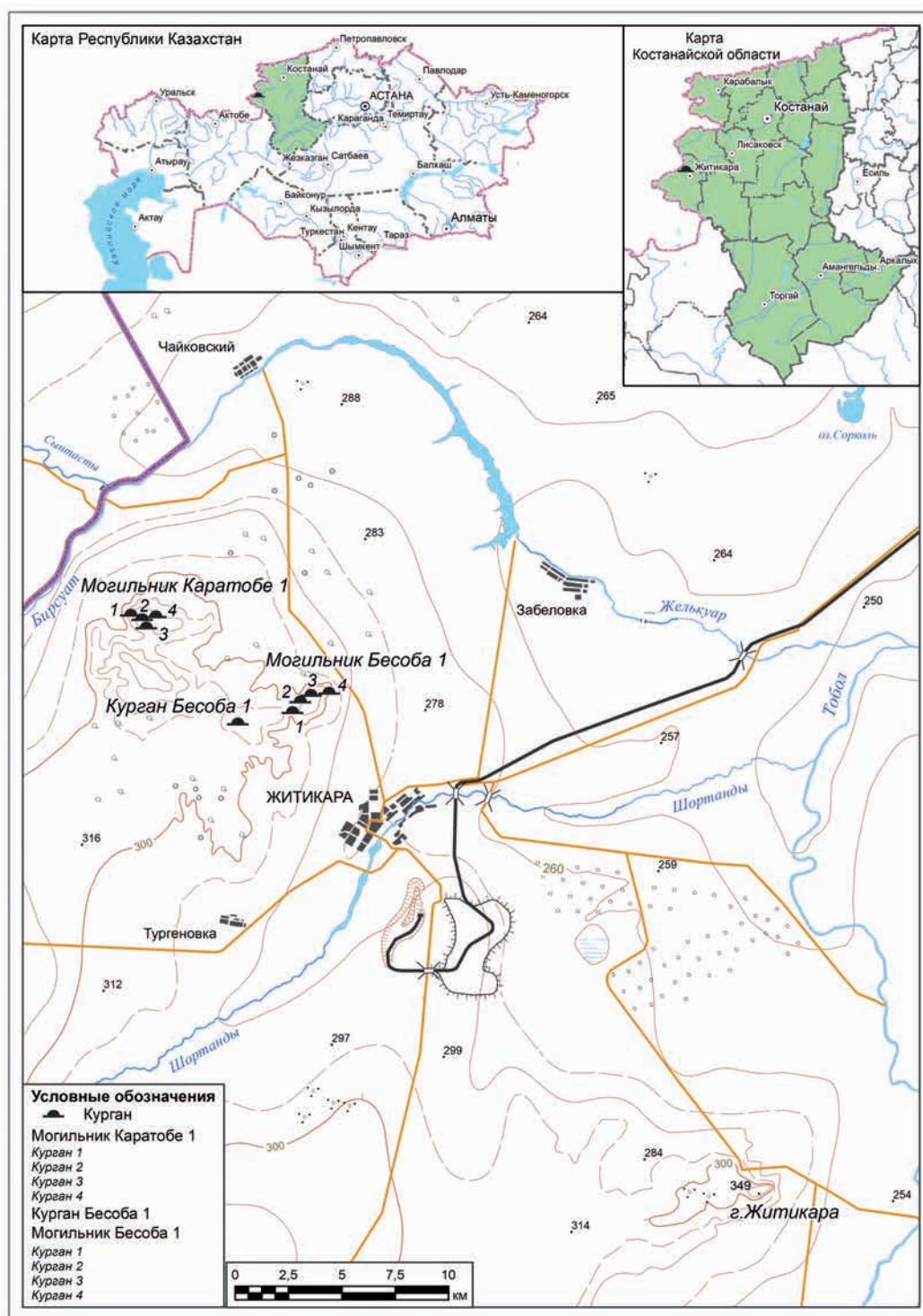

Рис. 1. Карта расположения памятников. Исполнитель: Айша Казизова
1-сур. Ескерткіштердің орналасу картасы. Орындаушы: Айша Қазизова
Fig. 1. Map of the location of sites. Prepared by: Aisha Kazizova

с активной сельскохозяйственной распашкой, под воздействием которой большинство небольших курганов было сnivelировано. Насыпи курганов возведены преимущественно из земли, лишь с небольшим добавлением колотого мелкого и среднего камня. Форма насыпей усечено-коническая. Верх уплощен, а чаще всего имеет следы грабительских раскопов. На кургане № 2 могильника Бесоба 1, кургане № 2 могильника Каратобе 3 зафиксированы свежие грабительские следы, оставленные по центру насыпи.

Погребальные памятники казахского населения Нового времени в регионе практически повторяют топографические особенности расположения памятников раннего железного века, занимая господствующие вершины холмов и увалов. Однако крупные казахские кладбища, используемые еще с дореволюционного периода и до Новейшего времени, расположены на открытых ровных участках, тяготеющих к берегам р. Тобол и его притоков – Шортанды, Желкуар, и др.

Курган Бесоба 1. Расположен на вершине пологой возвышенности. Диаметр земляной насыпи – 30 м, высота 1 м.

Найден один бронзовый двулопастной массивный наконечник стрелы с выступающей втулкой и сводчатой головкой (рис. 2, 1). Длина наконечника – 2,9 см, ширина – 1,2 см. Боек в сечении ромбической формы, переходит в две массивные лопасти, заканчивающиеся шипами. Лопасти отделяются от втулки парой продолговатых выемок на каждой стороне головки. На втулке крупное продолговатое отверстие от недоливки.

Могильник Бесоба 1. Расположен на господствующей высоте, с которой открывается вид на примыкающую к ней с востока долину. Могильник состоит из четырех курганов, расположенных неровной цепочкой в меридиональном направлении. Диаметр курганов от 30 до 40 м, высота от 1,5 до 3 м. На всех курганах зафиксированы грабительские воронки.

Курган № 4

Всего обнаружено девять бронзовых наконечников стрел с выступающей втулкой (рис. 2, 2–10). Длина от 2,2 до 3,3 см, ширина головки от 0,75 до 1,1 см. Из них восемь экземпляров однотипные с трехлопастной сводчатой головкой (рис. 2, 2–9). Стрел длиной от 2,3 до 2,8 см – семь, один – длиной 3,3 см. Большинство из них – это немассивные экземпляры, лишь у одного ширина головки составляет более трети всей длины. Шесть наконечников с опущенными ниже основания концами лопастей, у остальных они прямые. Один наконечник – трёхгранный, длиной 2,2 см, шириной 0,7 см с узкой непрофилированной головкой (рис. 2, 10). Большинство стрел отлито некачественно, на втулках отверстия от недоливок и раковины.

Могильник Каратобе 1. Расположен на возвышенности с перспективой на долину реки Бирсуат. Господствующее положение в могильнике занимает курган № 1 диаметром 35 м, высотой 2,2 м. Ниже, на склоне холма, расположены курганы № 2–4 диаметром 22, 12 и 15 м.

Курган № 1

Обнаружено три бронзовых наконечника с выступающей втулкой и трехлопастной сводчатой головкой (рис. 2, 11–13). Один из них сохранился не полностью, отсутствует острие и часть лопасти. Наконечники немассивные среднего размера. Длина от 2,9 до 3,5 см. Ширина головки от 0,75 до 1 см. Концы лопастей опущены ниже основания или прямые.

Курган № 2

Всего найдено пять бронзовых трехлопастных наконечников стрел с внутренней втулкой, сводчатой головкой и опущенными вниз шипами (рис. 2, 18–22). Длина от 2,9 до 3,5 см, ширина – 0,8–0,9 см. Четыре экземпляра с трехгранными в сечении втулками и слабовыраженными лопастями.

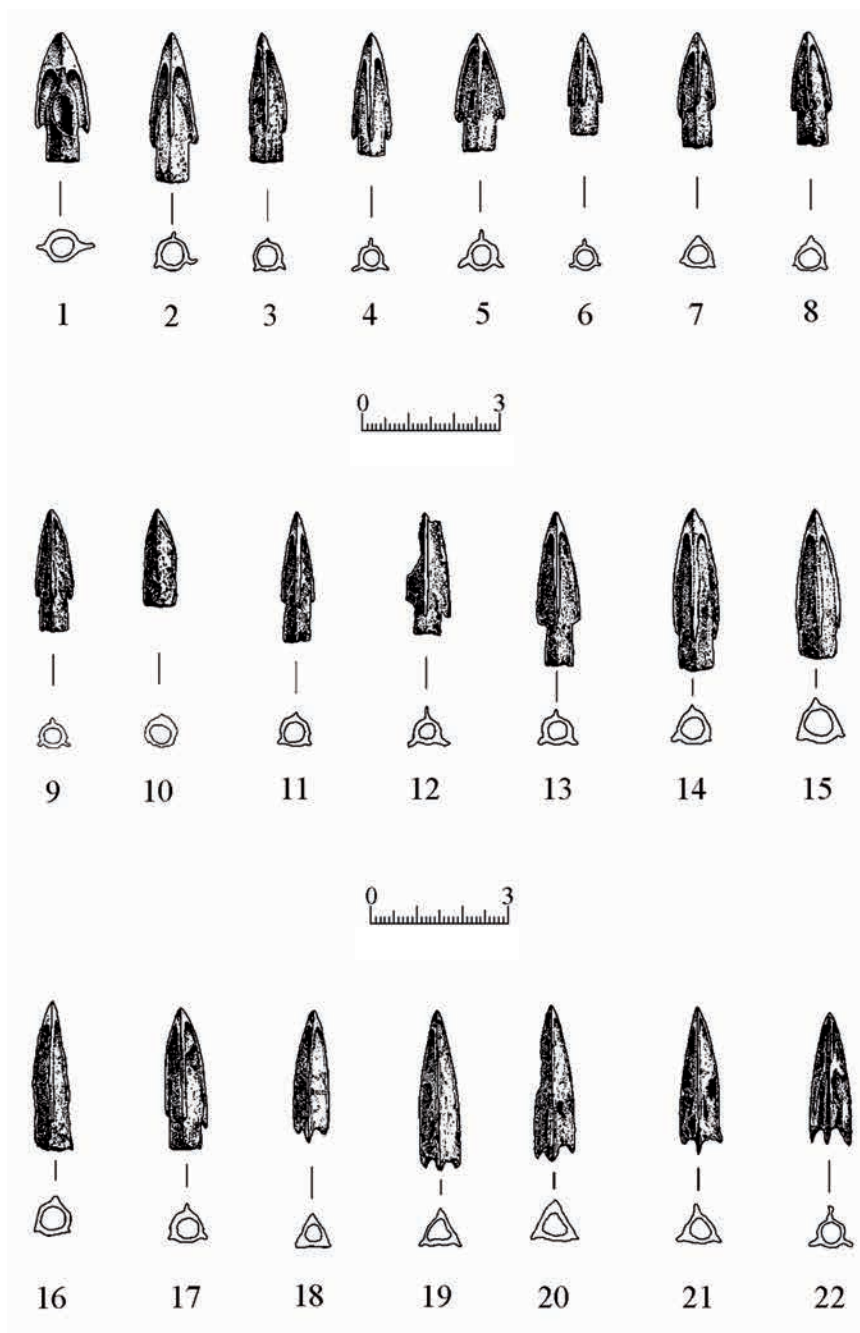

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел. Костанайской обл., Житикаринский р-н:

1 – курган Бесоба 1; 2-10 – могильник Бесоба 1, курган 4;
11-22 – могильник Каратобе 1 (11-13 – курган 1, 18-22 – курган 2, 14-17 – курган 3)

2-сур. Қола жебе ұштары. Қостанай облысы, Жітіқара ауданы: 1 – Бесоба 1 обасы; 2-10 – Бесоба 1 қорымы,
4 обасы; 11-22 – Қаратөбе 1 қорымы (11-13 – 1оба, 18-22 – 2 оба, 14-17 – 3 оба)

Fig. 2. Bronze arrowheads. Kostanay region, Jitiqara district: 1 – Besoba 1 kurgan; 2-10 – Besoba 1 burial mound,
kurgan 4; 11-22 – Karatobe 1 burial mound (11-13 – kurgan 1, 18-22 – kurgan 2, 14-17 – kurgan 3)

ми (рис. 2, 18–21). Стрелы отлиты некачественно, на втулках видны отверстия.

Курган № 3

Всего обнаружено четыре бронзовых трехлопастных наконечника с выступающей втулкой (рис. 2, 14–17). Длина от 0,8 до 1 см, ширина головки – 3,2–3,5 см. Наконечники грубой отливки с неровными краями. Головки сводчатой формы. Два экземпляра имеют концы лопастей, опущенные ниже основания. Лопастей остальных наконечников внизу косо срезаны к втулке.

Всего рассмотрено 22 наконечника стрел. Все экземпляры из бронзы, относятся к группе втульчатых. Выделены три отдела, пять типов и четыре варианта (табл. 1).

Отдел I. Трехлопастные наконечники стрел (20 экз.)

Тип 1. Наконечники стрел со сводчатой головкой и выступающей втулкой (13 экз.);

Вариант 1. Концы лопастей опущены ниже основания головки в виде шипов (8 экз.);

Вариант 2. Концы лопастей прямые (5 экз.)

Тип 2. Наконечники стрел с выступающей втулкой, сводчатой головкой и косо срезанными внизу лопастями (2 экз.)

Тип 3. Наконечники стрел с внутренней втулкой, сводчатой головкой и опущенными вниз шипами (5 экз.)

Вариант 1. Округлая в сечении втулка и отчетливо выделенные лопасти (1 экз.);

Вариант 2. Трехгранная в сечении втулка и узкие слабовыраженные лопасти (4 экз.)

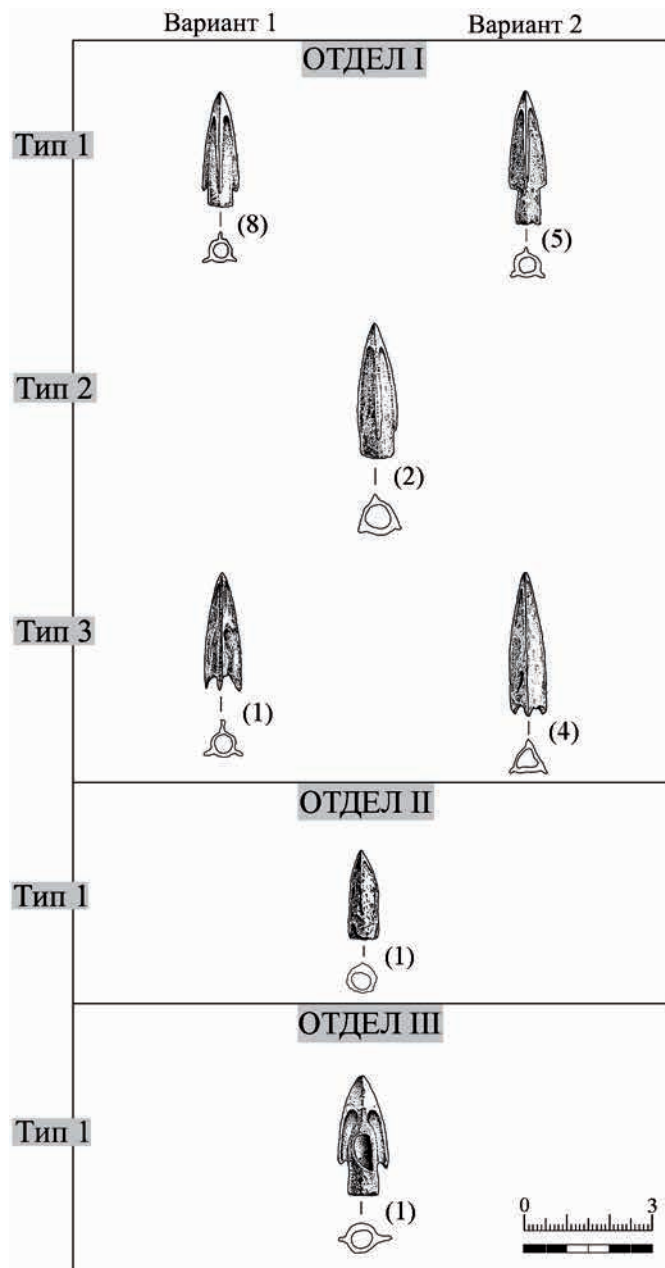
Отдел II. Трехгранный наконечник стрелы (1 экз.)

Тип 1. С выступающей втулкой и узкой непрофилированной головкой

Таблица 1 – Классификация наконечников стрел. Житикаринский р-н, Костанайская обл.

1-кесте – Жебе ұштарының жіктелуі. Жітіқара ауданы, Қостанай облысы

Table 1 – Classification of arrowheads. Jitiqara district, Kostanay region

Отдел III. Ромбическо-двухлопастной наконечник стрелы (1 экз.)

Тип 1. С выступающей втулкой, сводчатой головкой и опущенными ниже основания концами лопастей. Ромбическое в сечении острие, занимает 1/3 головки.

3 Обсуждение (Сеитов А.М.)

Среди рассматриваемых наконечников большинство составляют немассивные стрелы среднего размера со сводчатой головкой и выступающей втулкой, лопасти которых прямые или опущены ниже основания (отдел I, тип 1). Такой тип наконечников широко распространён у ранних кочевников Евразии, особенно у савроматов и ранних сарматов VI–IV вв. до н.э. Наиболее массово представлен в колчанах V в. до н.э., позже производство и качество стрел этого типа снижается [Смирнов 1961: 46–47, табл. III].

Наконечники с внутренней втулкой, сводчатой головкой и опущенными вниз шипами (отдел I, тип 3) разделены нами на два варианта по форме втулки и ширине лопастей. Это вариант 1 (округлая в сечении втулка и отчетливо выделенные лопасти) и вариант 2 (трехгранная в сечении втулка и узкие слабовыраженные лопасти). К.Ф. Смирнов относил такие варианты наконечников к разным отделам и типам: трехлопастные (тип 12) и трехгранные (тип 18) [Смирнов 1961: 50, 58, табл. III, V]. М.А. Очир-Горяева обратила внимание на их однотипность и отнесла к одному отделу трёхлопастных [Очир-Горяева 2014: 270, 275].

Наконечники варианта 1 в основном встречаются в колчаных наборах южно-уральских савроматов и ранних сарматов с VI по II в. до н.э. В V в. до н.э. они получают широкое распространение. В IV–II вв. до н.э. изготовление стрел такого типа приобретает общую для бронзовых наконечников тенденцию уменьшения размеров и грубость отливки [Смирнов 1961: 50, табл. III].

Стрелы варианта 2 характерны для Южного Урала с V в. до н.э. [Смирнов 1961: 58, табл. V]. С.Ю. Гуцалов отмечает их типичность для погребений конца V–IV в. до н.э. [Гуцалов 2004: 23].

Наконечники с выступающей втулкой, сводчатой головкой и косо срезанными внизу лопастями (отдел I, тип 2) редко встречаются в колчанах савроматов и ранних сарматов. Они более свойственны скифским памятникам. На Южном Урале встречаются в погребениях VI–V вв. до н.э. [Смирнов 1961: 45, табл. II; Гуцалов 2004: 20]. М.А. Очир-Горяева объединяет этот тип с лавролистными стрелами, отмечая отсутствие принципиальной разницы между ними [Очир-Горяева 1996: 46].

Трёхгранный наконечник стрелы с узкой непрофилированной головкой (отдел II, тип 1) близок к экземплярам из Южного Приуралья и Поволжья VI–IV вв. до н.э. [Смирнов 1961: 51, табл. IV; Гуцалов 2004: 22].

Точные аналогии ромбическо-двухлопастному наконечнику нам не известны. Типологически близкие экземпляры единично встречаются в разных памятниках степных племен. Из савроматских – это один наконечник из кургана у хут. Черниговский под Магнитогорском и три из кургана 3 курганной группы Три Мара близ г. Орск в Южном Зауралье, датированные VI – рубежом VI–V вв. до н.э. [Смирнов 1961: 60, рис. 15, А5; 1981, рис. 6, 6]. Определённую близость имеет наконечник из поселения Михайловка в Правобережной Украине, отнесенный к VII – началу VI в. до н.э. Он отличается от бесобинского (курган Бесоба 1) наличием вытянутой башневидной головки, а ромбическое острие также занимает 1/3 головки [Дараган 2015: 141, 146, ил. 11, 2].

Другие аналогии бесобинскому наконечнику происходят из раннесакских погребений из Восточного Приаралья (VII–VI вв. до н.э.). Это экземпляры из кургана 37 могильника Уйгарак [Вишневская 1973: 32, табл. I, 11; XIV, 12] и кургана 32 могильника Южный Тагискен [Итина, Яблонский 1997: 15, рис. 14, 5; 706, 23]. Они отличаются тем, что ромбическая часть занимает половину или более половины длины головки. Сходный наконечник из Северного Казахстана, датированный VI–V вв. до н.э., отличается прямыми концами лопастей [Хабдулина 1994: 49, табл. 50, 4]. Еще один близкий по форме экземпляр с очень короткой втулкой происходит из погребения 2 кургана 1 мог. Шатрово в Южном Зауралье [Таиров 2000: рис. 35, 1]. В этом же регионе известны еще несколько похожих наконечников из раннесакского погребения 3 кургана 2 курганной группы Иртыш-14. Однако иртышские стрелы – с внутренней втулкой [Гаврилюк, Таиров 2006: 232, рис. 3.5, 1].

Возможно, другой вариант развития ромбическо-двухлопастных стрел такого типа – это черешковый насад. Ряд близких по форме экземпляров, только с черешком, происходят также из раннесакских памятников. Это могильники Приаралья (Уйгарак, Сакар-чага 6, курган 23) [Вишневская 1973: табл. XVIII, 27–29; XX, 14, 18–20, 22; XXV, 34–35; Яблонский 1996: рис. 19, 7; 35, 3] и Центрального Казахстана (Карамурун I, курган 5ж) [Кадырбаев 1966: 376, рис. 58].

4 Результаты (Сеитов А.М.)

Таким образом, наконечники, собранные с поверхности курганов Бесоба 1 (курган 4) и Каратобе 1, относятся к савроматскому и раннесарматскому типам стрел VI–IV вв. до н.э. Аналогичные типы наконечников известны и в других погребальных памятниках Тоболо-Тургайского региона (Кеныш-3, курган 1; Халвай-3, яма № 7; Перелески-II, курган 3; Каратомар, курган 1; Бестамак, погребения 102, 138; Белкарагай-2; Атчергат; Карсакбас, курган 2; Саба, курган 1) [Сеитов и др. 2021: рис. 3, 10–13; Сеитов 2017: рис. 2, 8, 11, 23; 3, 12, 26; 2013, рис. 1; Евдокимов, Сеитов 2021: рис. 4; Логвин А.В. и др. 2020: рис. 3; 2008, рис. 1, 4–16; 5, 9–13; 2012, рис. 2, 4; Таиров, Боталов 1996: рис. 2, 4; Онгарулы и др. 2020: рис. 6]. Только экземпляр из кургана Бесоба 1, надо полагать, раннесакского происхождения.

5 Выводы (Джумабекова Г., Базарбаева Г.)

Предварительные рекогносцировочные работы на территории Житикаринского района показывают, что в Казахском Притоболье, несмотря на современную интенсивную хозяйственную деятельность, сохранилось достаточное количество памятников археологии, показывающее плотность заселения человеком этого края в раннем железном веке и средневековье. Здесь сосредоточены курганные памятники, сооруженные как из земляного грунта, так и с добавлением колотого камня. Также были зафиксированы разнотипные культово-ритуальные сооружения, хронологические рамки, этнокультурную принадлежность и предназначение которых ещё предстоит выяснить.

Также согласно целям экспедиции были выявлены памятники Нового времени, которые главным образом были приурочены к курганным могильникам раннего железного века, что, на наш взгляд, отражает процесс сакрализации участков пространства и преемственность в использовании одних и тех же экологических ниш в кочевых обществах.

Анализ бронзовых наконечников стрел, собранных на курганах трех памятников, выделяющихся своими крупными параметрами, с погребениями явно элитарного характера, дают определенные представления о хронологической и культурно-исторической позиции могильников.

Казахское Притоболье занимает уникальную географическую позицию, расположившись на пограничной территории, где обитали представители различных археологических культур, что делает регион интересным для дальнейшего изучения.

Благодарности. Выражаем благодарность краеведу, жителю г. Житикара Владимиру Анатольевичу Лопатину за предоставленный материал. Также мы признательны Нурхожаеву Ерболу Сапарбаевичу – председателю правления АО «Костанайские минералы» за оказанное содействие в организации полевых работ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С., Швец И.Н. Казахское Притоболье в судьбе археолога О.А. Кривцовой-Граковой // VIII Оразбаевские чтения: м-лы междунар. научн.-метод. конф. «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования», приур. к 25-летию независимости Республики Казахстан (г. Алматы, 1–2 апреля 2016 г.) / Отв. ред. А.Б. Калыш. Алматы: Қазақ университеті, 2016. С. 75-84.
- 2 Бейсенов А.З., Логвин А.В., Базарбаева Г.А., Грудочко И.В., Сеитов А.М. Курганы с «усами» Улытау, Тургая и Казахского Притоболья // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 135-156.
- 3 Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М.: Наука, 1973. 160 с.
- 4 Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Иртыш-14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. С. 225-245.
- 5 Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.
- 6 Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Труды Государственного Эрмитажа. 2015. Т. 77. С. 127-170.
- 7 Евдокимов В.В., Сеитов А.М. Савроматские погребения могильника Перелески II в Верхнем Притоболье // Археология Казахстана. 2021. № 3 (13). С. 49-65. DOI: [10.52967/akz2021.3.13.49.65](https://doi.org/10.52967/akz2021.3.13.49.65)
- 8 Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI ЗРК. Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия.
- 9 Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 187 с.
- 10 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303-428.
- 11 Логвин А.В. Отчёт о полевых исследованиях ТОО «Тургайская археологическая экспедиция» в 2019 г., по составлению свода археологических памятников Житикаринского района Костанайской области. Костанай, 2019. 175 с.
- 12 Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. Сарматские материалы на могильнике Бестамак // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 155-169.
- 13 Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Сарматские материалы с кургана Халвай 3 // Маргулановские чтения–2012: М-лы ежегодной научн.-практ. конф. (г. Кокшетау, 21–23 мая 2012 г.) / Отв. ред. В.Ф. Зайберт. Астана: ФИА, 2012. С. 199-201.
- 14 Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Погребения ранних кочевников кургана 1 могильника Каратомар // Маргулановские чтения–2020: М-лы Междунар. научн.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. Т. 2. С. 264-273.
- 15 Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В. Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая. Костанай: б/и, 2018. 132 с.
- 16 Логвин В.Н. Разведочные работы в Кустанайской области. В: Отчет Тургайской археологической экспедиции о раскопках на территории Кустанайской области летом 1986 года // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 2138, 27 л.
- 17 Логвин В.Н. Каменный век Казахского Притоболья (мезолит–энеолит): учебное пособие. Алма-Ата: Каз. гос. пед. ун-т, 1991. 63 с.

- 18 Мошкова М.Г. О работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции летом 1964 г. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017а. С. 240-249.
- 19 Мошкова М.Г. О работе Казахстанского отряда Южно-Уральской экспедиции в 1966 г. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017б. С. 250-270.
- 20 Онгарулы А., Каирмагамбетов А.М., Нускабай А.А., Рахимжанова С.Ж. Курган военной элиты саков Торгая // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 233-247. DOI: [10.24852/pa2020.3.33.233.247](https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.233.247)
- 21 Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. № 1. С. 41-54.
- 22 Очир-Горяева М.А. Колчанные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. М-лы Междунар. научн. конф. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 265-281.
- 23 Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 17 апреля 2020 года № 95. Об утверждении Правил и условий осуществления археологических работ. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 20 апреля 2020 года № 20430.
- 24 Сеитов А.М. Наконечники стрел скифо-сарматского времени Торгайских степей // Труды ФИА. Т. II / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Изд. гр. ФИА, 2013. С. 61-65.
- 25 Сеитов А.М. Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / Отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 182-206.
- 26 Сеитов А.М., Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Раннесарматское погребение курганной группы Кеныш 3 в Казахском Притоболье // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 37-48. DOI: [10.24852/pa2021.1.35.37.48](https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.37.48)
- 27 Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
- 28 Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: БФАН, 1981. С. 68-90.
- 29 Таиров А.Д. Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 494 с.
- 30 Таиров А.Д., Боталов С.Г. Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара: Актюбинская обл. Гос. инспекция историко-культурного наследия, 1996. С. 164-175.
- 31 Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым, 1994. 170 с.
- 32 Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН, 1996. 186 с.

REFERENCES

- 1 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S., Shvets, I. N. 2016. In: Qalysh, A. B. (ed.). *VIII Orazbayevskie chteniya (8th Orazbayev readings)*. Almaty: “Qazaq University” Publ., 75-84 (in Russian).
- 2 Beisenov, A. Z., Logvin, A. V., Bazarbayeva, G. A., Grudochko, I. V., Seitov, A. M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A. and Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 135-156 (in Russian).
- 3 Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskikh plemen nizoviev Syrdarii v VII–V vv. do n.e. (Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya river region in the 7th–5th centuries BC)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 4 Gavrilyuk, A. G., Tairov, A. D. 2006. In: *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step (problemy kulturogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural genesis)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ., 225-245 (in Russian).
- 5 Gutsalov, S. Yu. 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuralya VII–I vv. do n.e. (Ancient nomads of the Southern Urals of the 7th–1st centuries BC)*. Uralsk: Zapadno-Kazahstanskiy tsentr istorii i arheologii (in Russian).

- 6 Daragan, M. N. 2015. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)*, 77, 127-170 (in Russian).
- 7 Evdokimov, V. V., Seitov, A. M. 2021. In: *Kazakstan arkeologiyasy (Kazakhstan archeology)*, 3 (13), 49-65. DOI: 10.52967/akz2021.3.13.49.65 (in Russian).
- 8 *Zakon Respubliki Kazahstan ot 26 dekabrya 2019 goda № 288-VI ZRK. Ob ohpane i ispolzovanii ob'ektov istoriko-kulturnogo naslediya (Law of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2019 No. 288-VI LRK. On the protection and use of objects of historical and cultural heritage)* (in Kazakh, Russian).
- 9 Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 1997. *Saki Nizhney Syrdarii (po materialam mogilnika Yuzhnyi Tagisken) (Saki of the Lower Syr Darya river region (based on the materials of the Southern Tagisken burial ground))*. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya" Publ. (in Russian).
- 10 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303-428 (in Russian).
- 11 Logvin, A. V. 2019. *Otchyot o polevyh issledovaniyah TOO «Turgajskaya arheologicheskaya ekspeditsiya» v 2019 g., po sostavleniyu svoda arheologicheskikh pamyatnikov Zhitikarinskogo rajona Kostanayskoy oblasti. Kostanay (Report on the field research of "Turgay Archaeological Expedition" LLP in 2019, on the compilation of an official list of archaeological sites of the Zhitikara district of Kostanay region)* (in Russian).
- 12 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Kolbina, A. V., Neteta, A. V. 2008. In: *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik (The Lower Volga archaeological bulletin)*, 9, 155-169 (in Russian).
- 13 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M. 2012. In: Zaibert, V. F. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2012 (Margulan readings–2012)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 199-201 (in Russian).
- 14 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M. 2020. In: *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 264-273 (in Russian).
- 15 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Seitov, A. M., Neteta, A. V. 2018. *Ritualno-sakralnye geometricheskie komplekсы («geoglify») Turgaya (Ritual-sacred geometric complexes ("geoglyphs") of Turgay)*. Kostanay (in Russian).
- 16 Logvin, V. N. 1986. In: *Archive of the Margulan Institute of Archaeology*, f. 11, d. 2138, op. 2 (in Russian).
- 17 Logvin, V. N. 1991. *Kamennyi vek Kazakhstanskogo Pritoboliya (mezolit–eneolit) (Stone Age of the Kazakhstan Tobol river region (Mesolithic–Eneolithic))*. Alma-Ata: Kazakh State Pedagogical University (in Russian).
- 18 Moshkova, M. G. 2017a. In: Bazarbayeva, G. A. and Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 240-249 (in Russian).
- 19 Moshkova, M. G. 2017b. In: Bazarbayeva, G. A. and Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 250-270 (in Russian).
- 20 Onggaruly, A., Kairmagambetov, A. M., Nuskabay, A. A., Rakhimzhanova, S. Zh. 2020. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River region archaeology)*, 3 (33), 233-247. DOI: 10.24852/pa2020.3.33.233.247 (in Russian).
- 21 Ochir-Goryaeva, M. A. 1996. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 1, 41-54 (in Russian).
- 22 Ochir-Goryaeva, M. A. 2014. In: Lukiyashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and military affairs in the Scythian-Sarmatian world)*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 265-281 (in Russian).
- 23 *Prikaz Ministra kultury i sporta Respubliki Kazahstan ot 17 aprelya 2020 goda № 95. Ob utverzhdenii Pravil i usloviy osushchestvleniya arheologicheskikh rabot. Zaregistrovan v Ministerstve yustitsii Respubliki Kazahstan 20 aprelya 2020 goda № 20430 (Order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated April 17, 2020 No. 95. On the approval of the Rules and Conditions for the implementation of archaeological work. Registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on April 20, 2020 No. 20430)* (in Russian).
- 24 Seitov, A. M. 2013. In: Onggar, A. (ed.). *Trudy Filiala Instituta Arheologii (Proceedings of the Branch of the Margulan Institute of Archaeology)*. Vol. 2. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 61-65 (in Russian).

- 25 Seitov, A. M. 2017. In: Bazarbayeva, G. A. and Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 182-206 (in Russian).
- 26 Seitov, A. M., Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2021. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 1 (35), 37-48. DOI: [10.24852/pa2021.1.35.37.48](https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.37.48) (in Russian).
- 27 Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of savromats)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 28 Smirnov, K. F. 1981. In: *Materialy po hozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala (Materials on the economy and social structure of the tribes of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Branch of the Academy of Sciences, 68-90 (in Russian).
- 29 Tairov, A. D. 2000. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zauraliya. T. II. Ranniy zheleznyi vek i srednevekovie (Ancient history of the Southern Trans-Urals. Vol. 2. The Early Iron Age and the Middle Ages)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
- 30 Tairov, A. D., Botalov, S. G. 1996. In: *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of archaeology of Western Kazakhstan)*. Samara: Aktyubinskaya obl. Gos. inspektsiya istoriko-kulturnogo naslediya, 164-175 (in Russian).
- 31 Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishimie v epohu rannego zheleza (Steppe Ishim river region in the early Iron Age)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 32 Yablonskiy, L. T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaraliya (arheologiya i antropologiya mogilnikov) (Sakas of the Southern Aral Sea region (archaeology and anthropology of burial grounds))*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.02.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.03.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.03..2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130>

Вал Байлама

© 2023 г. Астафьев А.Е., Богданов Е.С.

Keywords: archaeology, Mangyshlak, the Era of the Resettlement of Peoples, Baylama, Karakabak, fortification, rubble masonry, raw bricks, urban settlement

Түйін сөздер: археология, Маңғышлақ түбегі, халықтар көші дәуірі, Байлам, Қарақабак, фортификация, кесек тастан қалау, шикі кірпіштер, қалалық қоныс

Ключевые слова: археология, п-ов Мангышлак, эпоха переселения народов, Байлама, Каракабак, фортификация, бутовая кладка, сырцовые кирпичи, городское поселение

Andrey Astafiev¹ and Evgeniy Bogdanov^{2*}

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktau, Kazakhstan. E-mail: aasta@list.ru

^{2*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Baylama Shaft

Abstract. The article is devoted to historical and archaeological research of a stone-earth fortification known as the “Baylama Shaft” on the territory of Mangystau, the Republic of Kazakhstan. This defensive structure (wall-shaft-ditch) had a length of 780 m and an initial height of about 3 m. The work presents data on the design features of its construction obtained during excavations. In the western sector, the wall is composed of two-row rubble masonry of natural stone, without a solution, with a backfill of the row space. Its width in different sections is 1.5–2.2 m. In the eastern sector of the shaft, structural differences in the construction of the wall are recorded: in several cases, sections with a combination of horizontally laid and vertically installed slabs are traced. It is hypothesized that the Baylama fortress line was designed to protect the agricultural and cattle-breeding lands of the Karakabak settlement from nomads (3rd–6th centuries AD). In addition, a place for safe settling and maintenance of numerous livestock of draft and riding animals – mainly camels, as well as a place for storing valuable cargo was required. The creation of such a large-scale fortified borderline is, of course, one of the brightest pages in the history of Mangystau.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175 and a grant FWZG-2022-0006.

For citation: Astafiev, A., Bogdanov, E. 2023. Baylama Shaft. *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 117–130 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.117.130](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130)

Андрей Евгеньевич Астафьев¹,
Евгений Сергеевич Богданов^{2*}

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Ақтау қ., Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, аға ғылыми қызметкер, РҒА СБ
Археология және этнография институты,
Новосибирск қ., Ресей

Андрей Евгеньевич Астафьев¹,
Евгений Сергеевич Богданов^{2*}

¹научный сотрудник, Институт археологии имени
А.Х. Маргулана, г. Актау, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, кандидат исторических
наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск, Россия

Байлам қамалы

Аннотация. Мақала Маңғыстаудағы «Байлам қамалы» атауымен танымал тасты-топырақты фортификациялық құрылысты тарихи-археологиялық зерттеуге арналған. Бұл алғашқы биіктігі шамамен 3 м және ұзындығы 780 м болған қорғаныс құрылыс (қамал-арық-қабырға). Жұмыста қазба кезінде алынған оның құрылысының құрылымдық ерекшеліктері туралы мәліметтер келтірілген. Батыс секторындағы қабырға аралық кеңістікпен табиғи тастан ерітіндісіз екі қатарлы кесек тастан қаланған. Оның ені әр жерінде 1,5–2,2 м болып келеді. Қамалдың шығыс секторында қабырға құрылысында конструктивтік ерекшеліктер байқалады: кейбір жағдайларда көлбеу қойылған және тікесінен тұрғызылған аралас тақта тастармен де кездеседі. Байлам қорғаныс тізбегі Қарақабақ қонысының (б.д. III–VI ғғ.) егістігі мен мал шаруашылығын көшпенділерден қорғауға арналған деген гипотеза айтылып тұрады. Сонымен қатар, тарту және мініс малдарын – негізінен түйелерді қауіпсіз жерде қамайтын, бағатын және бағалы жүктерді сақтау орындары қажет болды. Осындай ірі қорғаныс шекара тізбегін құру әрине Маңғыстау тарихының жарқын беттерінің бірі болып табылады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы және FWZG-2022-0006 ҒЗЖ гранты аясында дарланды.

Сілтеме жасау үшін: Астафьев А.Е. Богданов Е.С. Байлам қамалы. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 117–130-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.117.130](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130)

Вал Байлама

Аннотация. Статья посвящена историко-археологическим исследованиям каменно-земляного фортификационного сооружения, известного под наименованием «Вал Байлама» на территории Мангистау, Республика Казахстан. Это оборонительное сооружение (стена-вал-ров) имело протяженность 780 м и изначальную высоту около 3 м. В работе приводятся данные о конструктивных особенностях его возведения, полученные в ходе раскопок. В западном секторе стена сложена двухрядной бутовой кладкой без раствора из природного камня с забутовкой междурядового пространства. Её ширина на разных участках составляет 1,5–2,2 м. В восточном секторе вала фиксируются конструктивные отличия в сооружении стены: в нескольких случаях прослеживаются участки с комбинированием горизонтально уложенными и вертикально установленными плитами. Высказывается гипотеза о том, что Байламинская крепостная линия была предназначена для защиты от кочевников земледельческо-скотоводческих угодий поселения Каракабак (III–VI вв. н.э.). Кроме того, требовалось место безопасного отстоя и содержания многочисленного поголовья тягловых и верховых животных – в основном, верблюдов, а также места складирования ценных грузов. Создание такой масштабной укрепленной пограничной линии является, безусловно, одной из самых ярких страниц в истории Мангистау.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175 и гранта НИР FWZG-2022-0006.

Для цитирования: Астафьев А.Е. Богданов Е.С. Вал Байлама. *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 117–130. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.117.130](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.117.130)

1 Введение (Астафьев А.Е. Богданов Е.С.)

История возникновения первых фортификационных сооружений на территории Мангистау и плато Устюрт связана еще с бронзовым веком. Нам известны три крепостных стены, перегораживающих высокие мысовидные выступы в местностях Дагар, Тамшалы и Саура (последняя изучена археологически (см. Отчет: [Астафьев 2014]). Они имели раннюю конструкцию ступенчатого возведения стен и сложную планировку. Но наиболее ярко подобные укрепления, выполненные на сухую кладками панцирного типа и фланкированные башнями, проявляются в эпоху средневековья в качестве транзитных пунктов обустройства путей «мангышлакского» отрезка торгового сообщения [Астафьев 2010: 49–51, 127–131]. С успехом подобная строительная традиция использовалась для создания местными кочевыми родами крепостей-убежищ с целью бережения скота в периоды кратковременных военных или грабительских набегов [Карутц

1911: 9, 10]. Некоторыми учеными высказывалась гипотеза о возведении крепостных стен в качестве стационарных охотничьих сооружений для отлова диких копытных [Едилхан, Едилханова 2003: 192–193]. Но, на наш взгляд, это предположение не имеет под собой веских оснований, особенно в отношении остатков фортификационной постройки с местным названием «Вал Байлама», расположенной на останцовом кряже Емды в северо-восточной оконечности Тупкараганского плато. Плато Емды рассечено с севера на юг двумя протяженными каньонами Каракабак и Шульдор. Эти каньоны, смыкаясь бортами до узкого перешейка, образуют достаточно обширный замкнутый участок плато площадью 15 кв. км (рис. 1). На северо-западной оконечности этого отгороженного участка на высоком скальном останце располагается портовое, торгово-ремесленное городище «Каракабак» (III – начало VI в.) [Астафьев, Богданов 2019], с которым и связано, на наш взгляд, возведение байламинской фортификационной системы.

Рис. 1. Месторасположение «Вала Байлама» и поселения городского типа Каракабак. Вид с юга.
Фото Андрея Астафьева, 2019

1-сур. «Байлам қамалы» және Қаракабақ қала типтес қонысының орналасу орны. Оңтүстіктен қарағандағы көрініс. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 1. Location of Baylama and the urban-type settlement of Karakabak. View from the south.
Photo by Andrey Astafiev, 2019

2 Материал и методы исследования (Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

2.1 Методика исследования

Стена Байлама в плане слегка изогнута и имеет небольшие углы поворотов через 30–60 м (рис. 2). Ее протяженность по уточненным данным составляет 780 м. Сооружение (стена-ров-вал) достаточно сильно разрушено в древности, а также в результате хозяйственной деятельности местного арендатора земель в 2021 г. В настоящее время можно констатировать, что внешняя сторона кладок на 80% лежит во рву. Большей частью эти завалы перекрыты грунтовыми отложениями и лессовыми наносами, что придаёт стене вид вала. Очень хорошо на всех участках фиксируется оплывший ров шириной 3 м и глубиной от 0,5 до 0,8 м, повторяющий очертания внешнего контура кладки (рис. 3). Вал перед рвом низкий, но местами за счет камня сохранил высоту 0,3–0,5 м.

При визуальном осмотре сооружения и в ходе раскопок установлено, что в западном секторе стена сложена двухрядной бутовой кладкой без раствора из природного камня (известняк и крупные желваки кремня) с грунтово-щебнистой забутовкой междурядового пространства. Ее ширина на разных участках составляет 1,5–2,2 м. Внешний ряд кладки сложен из крупных блоков и плит (рис. 4). Именно в западном секторе «вал Байлама» с наружной стороны обустроен тремя полукруглыми глухими башнями диаметром 3–3,5 м. Наибольшая сохранившаяся высота на уровне «стрелковой» площадки башни достигает 1,5 м от поверхности. Интересной деталью является сохранившийся и

Рис. 2. Вал Байлама. Вид с севера. Фото А.Е. Астафьева, 2019 г.
(Круговые конструкции – это загоны для скота, построенные в советское время)

2-сур. Байлам қамалы. Солтүстіктен қарағандағы көрініс. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019
(Шеңберлі құрылыс – бұл кеңес уақытындағы мал қамайтын қоршау)

Fig. 2. Baylama. View from the north. Photo by A. Astafiev, 2019
(Circular structures are cattle pens built in the Soviet era)

Рис. 3. Вал Байлама. Ров. Фото Андрея Астафьева, 2019
3-сур. Байлам қамалы. Арық. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019
Fig. 3. Baylama. The moat. Photo by Andrey Astafiev, 2019

завалившийся на стрелковую площадку бордюр-парапет в 7–8 ярусов однорядной кладки шириной 0,5–0,6 м при реконструируемой высоте до 1 м. В западном секторе стены имеется небольшой разрыв кладки шириной около 2 м, где хорошо прослеживается понижение окружающего рельефа, что позволяет определить это место как входные ворота. По сообщениям местных жителей еще в недавнем историческом прошлом входной проем был обустроен каменной аркой.

В восточном секторе Байламы фиксируются конструктивные отличия в сооружении стены: в нескольких случаях прослеживаются участки с комбинированием горизонтально уложенными и вертикально установленными плитами (рис. 5). При этом внутренний ряд кладки выполнен относительно небольшими камнями (рис. 6). Такая «чехарда» с внутренними кладками на восточном секторе указывает либо на перестрой (подновление) стен, либо на то, что их возведение осуществлялось в более поздние периоды, когда возможности (людские ресурсы и мастера) уже были минимальными.

2.2 Характеристика материала и итоги раскопок

Для выявления конструктивных особенностей возведения крепостной стены и рва в 2019 г. у второй башни с внешней стороны был заложен раскоп площадью 15 кв. м (рис. 7). В ходе расчистки

Рис. 4. Вал Байлама. Вид на сохранившийся западный участок стены. Фото Андрея Астафьева, 2019
4-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның сақталған батыс участогінің көрінісі. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019
Fig. 4. Baylama. View of the preserved western section of the wall. Photo by Andrey Astafiev, 2019

Рис. 5. Вал Байлама. Вид на сохранившийся восточный участок стены. Фото Андрея Астафьева, 2019
5-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның сақталған шығыс участогінің көрінісі. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019
Fig. 5. Baylama View of the preserved eastern section of the wall. Photo by Andrey Astafiev, 2019

Рис. 6. Вал Байлама. Вид на сохранившийся западный участок стены с вертикально установленными плитами в верхней части. Фото Андрея Астафьева, 2019

6-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның сақталған батыс участоғінің көлбеу қойылған тақта тастармен жоғарғы бөлігінің көрінісі. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 6. Baylama. View of the preserved western section of the wall with vertically mounted slabs in the upper part. Photo by Andrey Astafiev, 2019

установлена важная конструктивная особенность строительства: цокольные ряды внешней кладки уложены на каменно-грунтовую «подушку», преднамеренно созданную на скальном основании при рытье широкого рва (рис. 8). Таким образом, была создана устойчивая опора для большой вертикальной массы каменной стеновой кладки во избежание оползания склона рва и преждевременного разрушения сооружения. При этом фундамент внешнего ряда кладки был заглублен до 0,6 м ниже уровня современной поверхности, а опорная каменная забутовка засыпана с откосом в сторону рва. Внешняя кладка стены деформирована и имеет отрицательный наклон. Однако по соседству сохранился участок кладки, позволяющий уверенно полагать, что внешняя поверхность стены в древности имела положительный уклон. В результате раскопок удалось установить, что изначальная высота стены от скального основания рва с учетом парапета могла составлять более 3 м.

Пересчет объема вынутого грунта при рытье рва позволяет предположить, что высота вала перед рвом могла составлять не менее 1 м. Примерная оценка объема трудозатрат при возведении «вала Байлама» составила ок. 3000 т перемещенного камня и ок. 1500 куб. м вынутого грунта, что позволяет ставить это сооружение в ряд неординарных для своего времени. К примеру, при возведении самой протяженной крепости-убежища в местности Караган (длина кладки 200 м) было использовано только ок. 800 т камня (*полевые наблюдения авторов*), а вот на облицовочную кладку глинобитной крепости средневекового городища Кызылкала ушло более 7000 тонн [Самашев и др. 2007: 295–298].

Рис. 7. Вал Байлама. Вид на зачищенный участок стены и остатки башни (слева).
Фото Андрея Астафьева, 2019

7-сур. Байлам қамалы. Қабырғаның қорғалған участоғінің және мұнара қалдығының (сол жақта) көрінісі.
Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 7. Baylama. View of the cleared section of the wall and the remains of the tower (left).
Photo by Andrey Astafiev, 2019

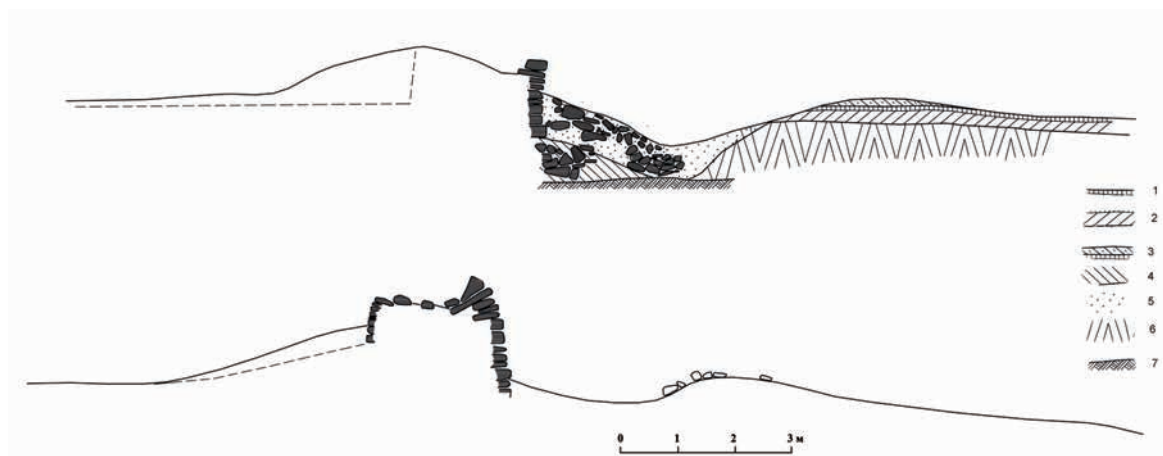

Рис. 8. Вал Байлама. Разрезы на участке раскопа: 1 – дерн; 2 – бурая супесь; 3 – бурая супесь с щебнем;
4 – затечная бурая супесь с мелким щебнем; 5 – рыхлая пылеватая супесь;
6 – плотный песок с кремневыми обломками; 7 – скальник. Исполнитель Андрей Астафьев

8-сур. Байлам қамалы. Қазба участоғіндегі қималар: 1 – шым; 2 – қоңыр құмды саз; 3 – қиыршық таспен
қоңыр құмды саз; 4 – ұсақ қиыршық тасты қоңыр құмды саз; 5 – борпылдақ шаңды құмды саз;
6 – шақпақ тастармен тығыз құм; 7 – тас. Сурет Андрей Астафьевтікі, 2019

Fig. 8. Baylama. Sections at the excavation site: 1 – sod; 2 – brown sandy loam; 3 – brown sandy loam with
crushed stone; 4 – sandy brown sandy loam with small gravel; 5 – loose silty sandy loam;
6 – dense sand with flint fragments; 7 – rocks. Performed by Andrey Astafiev

Раскопки внешнего участка стены позволили обнаружить только немногочисленные мелкие фрагменты костей диких и домашних животных, залежавших в заполнении и непосредственно на дне рва. Единственной (относительно датирующей) находкой является каменная плита с выбитыми тамгообразными знаками, найденная в каменных завалах рва* (*Плите посвящена отдельная публикация в этом же номере журнала). Других артефактов при наших исследованиях не обнаружено.

3 Обсуждение результатов исследования (Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

«Вал Байлама» возводили с учетом особенностей местной строительно-сырьевой базы (без использования сырцовых кирпичей) и с учетом общепринятых норм фортификации (стена-ров-вал). Башни Байламы и сам западный сектор в виду однородности строительных принципов, возможно, маркируют самый ранний этап возведения защитных сооружений на данном участке. В дальнейшем стену достраивали уже руководствуясь принципом – «как можно быстрее перегородить проход». Оригинальным же моментом является укрепление каменным бутом основания облицовочной кладки, что не является местной традицией. У мангистауских каменных построек, начиная с бронзового века и вплоть до Нового времени, цокольная кладка ставилась только на древнюю поверхность без каких-либо фундаментов. Интересно, что стены оборонительного контура византийской цитадели (IV–VII вв. н.э.) общей протяженностью ок. 675 м в юго-восточной части азиатского Боспора выстроены сырцово-каменной кладкой, сооруженной на земляной насыпи [Малашев и др. 2018: 355–357]. А «кладки основания сырцово-каменной оборонительной стены, шириной 1,0–1,1 м, выложены из крупных плит местных пород (известняк и песчаник). В местах стыковки с другими участками внешнего оборонительного контура фиксируются обширные площадки – остатки башен с проездным сооружением» (воротами) [Малышев и др. 2018: 357].

Использование же в облицовочных кладках вертикально установленных плит зафиксировано на остатках фундамента постройки храмового типа Меретсай 2, которая относится к типу памятников байтинского типа и может быть датирована раннесарматским временем [Онгарулы и др. 2017: 113, рис. 107]. Очень важно, что данный принцип возведения мы зафиксировали и при строительстве стен жилого строения № 2 на городище Каракабак [Астафьев, Богданов 2019: рис. 8] эпохи переселения народов. Этот факт является еще одним косвенным доказательством, что именно для защиты этого поселения и пастбищных угодий и была сооружена байламинская стена.

Городище Каракабак было обнаружено на берегу залива Кочак, на высоком скальном останце, отделенным от остального участка возвышенности глубоким природным рвом, являющимся естественной защитной преградой. Со стороны поселения ров был усилен крепостной стеной [Астафьев, Богданов 2019: рис. 2; 3]. Этот останец является северо-западной оконечностью участка плато, отделенного от основного массива «валом Байлама». Площадь застройки поселения составляет 3 га. В настоящее время двумя раскопами охвачена юго-западная оконечность останца (исследовано пять многокомнатных жилых строений, придомовые территории, уличные пространства) и северная – мусорный отвал. Наиболее массовыми находками являются обломки лепных и станковых сосудов, фрагменты каменных зернотерок, жерновов, терочников, точил, пестов, следы ремесленной обработки меди и литья бронзы [Астафьев, Богданов 2019: 24, рис. 9–12]. На основе представительной коллекции хорезмийских, сасанидских и бухарских медных монет, находок фибул и серии ременной гарнитуры [Астафьев, Богданов 2019: рис. 12–13] памятник датируется в пределах III – 1-й пол. VI в.

Месторасположение поселения на берегу морского залива подразумевает его портовое предназначение как важного торгово-ремесленного центра. Далекое периферийное месторасположение в стороне от крупных центров городской культуры, постоянный контакт с кочевым окружением, топографически продуманное устройство долговременного поселения на неприступной природной цитадели, плотная жилая застройка, разнообразное ремесленное производство и внутрипоселенческое денежное обращение должны подразумевать систему безопасности жизнеобеспечения, которыми являются водные и пищевые ресурсы. Вопрос с водообеспечением населения Каракабака в условиях природно-топографической изоляции пока остается открытым. Мы склонны думать, что здесь главную роль должны были играть продуманные системы по сбору и хранению дождевой воды. А вот безопасность пищевой базы должна была обеспечивать обширная и укрепленная площадь в 15 кв. км, отгороженная от окружающего мира крепостным «валом Байлама», которая располагается в 5,5 км (по прямой) от поселения Каракабак. Более 60% отгороженной площади плато является относительно равнинным участком с многочисленными следами современного травокоса, хорошо заметными на космоснимках и свидетельствующими о более благоприятном почвенном фоне в условиях полупустынного ландшафта. Проведенные на трех участках плато Емды сравнительно-геоботанические исследования д.б.н. Н.Н. Лашинским выявили отсутствие каких-либо растительных индикаторов, характерных для старозалежных земель, являющихся свидетельствами древней земледельческой активности [Лашинский и др. 2021: 390]. По мнению исследователя, отгороженная крепостной стеной территория использовалась с древности только в качестве пастбищных угодий. Таким образом, мы можем предполагать, что в эпоху переселения народов эта территория могла быть использована под площадь отгонного скотоводства. Это подтверждается предварительным заключением старшего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) С.К. Васильева по видовому составу и количеству костных остатков из раскопок протяженного вала мусорного отвала на северной оконечности городища Каракабак. Интересно отметить, что основным рационом питания местного населения было мясо мелкого рогатого скота (73,12%), коровы (10,18%) и лошади (6,39%). Именно эти животные и могли содержаться на отгороженном «валом Байлама» участке плато.

Однако есть и еще одна версия причин строительства столь внушительного фортификационного сооружения. На южном склоне уступа Емды в 10 км от крепости находится старая скотопрогонная тропа Акжол, проложенная по скальному склону. Эту тропу следует рассматривать как элемент древней караванной дороги, ведущей к торговой пристани Караган [Астафьев, Петров 2017: 107–108]. Данное предположение косвенно подтверждается космическими снимками, на которых отчетливо просматриваются две ветки путей, идущих от пристани в направлении спуска Акжол. Ранее нами было высказано обоснованное предположение о существовании неизвестной ученым до последнего времени торговой трассы, ведущей из Хорезма через плато Устюрт и полуостров Мангышлак к берегу Каспийского моря, где располагалось портовое поселение Каракабак [Астафьев, Богданов 2019: 33–34; 2020: рис. 1; 2022: 82–83]. Далее грузы морским путем могли попадать в государства на западных и южных берегах Каспия или в Черное море по Волжско-Донскому речному сообщению. Доставка же товаров в Каракабак из среднеазиатских оазисов, скорее всего, осуществлялась посредством верблюжьих караванов. По этой причине требовалось место безопасного отстоя и содержания многочисленного поголовья тягловых и верховых животных – в основном, верблюдов,

а так же места складирования ценных грузов. Вероятно, именно в этом и кроется объяснение факта крайне редкого использования верблюжьего мяса в рационе каракабаццев, по крайней мере, на ранних этапах функционирования поселения.

Таким образом, столь грандиозная для Мангистау крепостная стена Байлама отгораживала часть жизненной территории каракабацкого поселения и являлась укрепленной пограничной линией с миром кочевых сообществ, что придает этой небольшой изолированному участку земли характер анклава. Если говорить об Арало-Каспийском регионе, то этот эффективный метод защиты от набегов кочевников (возведение длинных по протяженности стен) появился только в эллинистическое время, при первых Селевкидах [Абдуллаев 1997: 54]. По сообщению Страбона (XI.X.2), Антиох I Сотер велел обнести построенный им город стеной в 1500 стадиев, обезопасив, таким образом, оазис от набегов кочевников [Абдуллаев 1997: 56]. До настоящего времени длинные стены хорошо сохранились на северной и северо-западной границе Бактрии. Например, Дарбандская стена в долине р. Шуроб, перекрывающая (защищающая) проход для торговых караванов, следовавших из центральных областей Средней Азии в Бактрию – Тохаристан и Индию и, наоборот, из Индии и Бактрии в Самарканд, Бухару и далее. В ходе археологических раскопок под руководством Э.В. Ртвеладзе были зафиксированы длинные стены (с бутом из рваного камня) на протяжении 1,5 км с высотой от 2 до 5 м «с остатками каких-то сооружений по периметру» [Ртвеладзе 1986: 35–36]. Внешний и внутренний фасы стены выложены из сырцовых кирпичей квадратной формы (32/33×32/33×11). Авторами раскопок стена датировалась в пределах I–III вв. н.э. [Ртвеладзе 1986: 35–36]. Еще одно подобное крепостное сооружение – Узундара («Великая Бактрийская стена») – расположено в Байсунских горах на высоте более 1650 м. Общая протяженность стен составляет более 900 м [Двуреченская 2019: 154–156]. Все они сложены из камня с внутренней и внешней стороны, а образовавшееся пространство между ними забутовано камнем, гравием и глиной. Толщина стен достигает 3,5 м. Фортификацию крепости усиливали 10 башен, возведенных на расстоянии от 25 до 170 м друг от друга. Возведение Узундары относится ко времени не позднее I-й четв. III в. до н.э. [Двуреченская 2019: 156]. Археологически исследовались участки стен крепости Курганзол в южных предгорьях Байсунтау, Балхской стены рядом с Дильберджином, участок стены Илаллик I; есть упоминания про сохранившуюся с эллинистических времен крепостную стену близ горного кишлака Сина, в 30 км от Денау и др. [Пугаченкова 1963: 52; Тихонов 2020: 97–98]. Таким образом, «практически все ущелья отрогов гор были перекрыты единой оборонительной системой (стены, форпосты, крепости), защищающей государство Селевкидов от кочевых набегов, начиная с III в. до н.э. Возможно, что эта традиция возведения высоких стен, перегораживающих проходы в стратегически важных местах с целью контроля над торговыми путями или защиты поселений, была привнесена на прикаспийские земли из Греции или Македонии» [Абдуллаев 1997: 56]. Создание подобных фортификационных сооружений с учетом рельефа является эпохальным историческим явлением* (*Самые известные и масштабные каменные сооружения подобного рода на многие сотни километров – это бесспорно «Великая китайская стена» на Востоке и «вал Адриана» на Западе и «Горгианская стена» на Юге. – Прим. авт.) и как выяснилось в результате наших открытий, присутствует и на побережье Северо-Восточного Прикаспия.

4 Выводы (Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

Создание крупного городского и ремесленно-торгового анклава на небольшой изолированной территории на северо-восточном побережье Каспийского моря (Мангистау) потребовало

возведения длинной крепостной стены, обеспечивающей надежную защиту от кочевых набегов. Время ее постройки, вероятно, стоит относить к IV–V вв. Возведение «Вала Байлама» для местного населения было очень актуально на фоне постоянных военных столкновений между Ираном и Римом. Ситуацию усугубляли внутренние мятежи на территории обеих империй, а также гуннские вторжения [Астафьев, Богданов 2019: 31]. В отличие от бактрийских крепостных сооружений, байламинская стена была возведена только с помощью каменной кладки с бутовым наполнением, в то время как основным принципом строительства (хорезмийский и сасанидский) были сырцовые кирпичи на каменном цоколе. Стена, защищающая Каракабак и его пастбищные угодья, выполняла свою функцию вплоть до угасания этого торгово-ремесленного поселения в 1-й пол. VI в. во время дербентской регрессивной стадии Каспия. Именно в это время восстановилось активное торговое движение по «Дербентскому проходу» на противоположном берегу моря. В правление Кавада I (488–531 гг.), когда положение внутри Ирана и на границах несколько стабилизировалось, сасаниды отвоевали захваченные земли и возвели первые «длинные стены» – сырцовую стену Дербенда, позже Бешбармагскую и Гильгильчайскую стены и наконец, Дербендский оборонительный комплекс (цитадель, стены города Дербенда и Горная стена) из камня [Кудрявцев 1979: 43; Алиев и др. 2004: 462]. Хотя в более ранних публикациях предполагалось, что постройка большей части из этих стен относится ко времени Йездегерда II (438–457 гг.) [Тревер 1959: 391; Алиев 1984: 69], опираясь, в первую очередь, на письменные свидетельства армянского историка Егише [Гмыря 2018: 124].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абдуллаев К.* О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // Российская археология. 1997. № 4. С. 54-60.
- 2 *Алиев А.А.* Археологические раскопки Гильгильчайского оборонительного сооружения // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия ИФП. 1984. № 3. С. 64-71.
- 3 *Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г.* Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. № 14. С. 441-465.
- 4 *Астафьев А.Е.* Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Актау: [б./и.], 2010. 147 с.
- 5 *Астафьев А.Е.* Отчет о проведении архитектурно-археологических исследований крепости бронзового века в местности Саура в 2014 г. // Фонды Мангистауского областного историко-краеведческого музея.
- 6 *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Древний город на Восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. 2019. № 4. С. 17-38.
- 7 *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* К вопросу о существовании восточно-каспийского ответвления великого шелкового пути // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов. Диалог культур. М-лы VIII Междунар. научн. конф. / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2020. С. 126-133.
- 8 *Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Открытие Каракабака на Мангистау: перспективы исследования // Мангистау в потоке истории: м-лы Междунар. научн. конф. (г. Актау, 16–17 ноября 2022 г.). Актау: [б./и.], 2022. С. 80-86.
- 9 *Астафьев А.Е., Петров П.Н.* Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды. // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 101-115.
- 10 *Гмыря Л.Б.* Данные письменных источников об оборонительных сооружениях на Восточном Кавказе в эпоху великого переселения народов // Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществоведению. 2018. № 2. С. 120-131.
- 11 *Двуреченская Н.Д.* Фортификация крепости Узундара // Древности восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые

- данные и концепции). М-лы конф. (СПб., 18–22 ноября 2019 г.) / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 153-156.
- 12 *Едилхан А.М., Едилханова С.А.* Байлама – этноархеологический памятник Восточного Прикаспия // Интеграция археологических и этнографических исследований: м-лы XI Междунар. научн. семинара, посвящ. 160-летию со дня рождения Д.Н. Анучина и 190-летию со дня рождения М.А. Кастрена (г. Омск, июнь 2003 г.) / Отв. ред. М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 2003. С. 192-199.
 - 13 *Каруц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб.: издание А.Ф. Девриена, 1911. 194 с.
 - 14 *Кудрявцев А.А.* «Длинные стены» на Восточном Кавказе // Вестник истории. 1979. № 11. С. 31-43.
 - 15 *Лацинский Н.Н., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.* Эфемерная синузия пустынь как индикатор обнаружения археологических объектов // Сибирский экологический журнал. 2021. Т. 28. № 3. С. 383-392.
 - 16 *Малышев А.А., Дрыга Д.О., Моор В.В.* Политический центр азиатского Боспора в ранневизантийское время: исследования, топография и визуализация // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». М-лы Междунар. научн. конф. (г. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: ИА РАН, 2018. С. 355-357.
 - 17 *Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р.* Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 320 с.
 - 18 *Пугаченкова Г.А.* К исторической топографии Чаганиана // Исторические науки Узбекистана. Кн. 41. Вып. 200. Ташкент: ТашГУ, 1963. С. 49-64. Book 41, vol. 200.
 - 19 *Ртвеладзе Э.В.* Стена Дарбанда Бактрийского // Общественные науки Узбекистана. 1986. Вып. 12. С. 34-39.
 - 20 *Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта и Мангыстау. Алматы: Изд-во Елчиди, 2007. 399 с.
 - 21 *Тихонов Р.В.* Военные поселения и фортификационные сооружения эллинистической Бактрии // История. Факты и символы. 2020. № 3 (24). С. 96-101.
 - 22 *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуры Кавказской Албании. М.; Л.: Изд-во АН ССР, 1959. 391 с.

REFERENCES

- 1 Abdullayev, K. 1997. In: *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)*, 4, 54-60 (in Russian).
- 2 Aliyev, A. A. 1984. In: *Izvestiya Akademii nauk Azerbaydzhansko SSR. Seriya istorii, filosofii, prava (Proceedings of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Series of History, Philosophy and Law)*, 3, 64-71 (in Russian).
- 3 Aliyev, A. A., Aliyev, I. N., Gajiyev, M. S., Geytner, M. G., Kol, F. L., Magomedov, R. G. 2004. In: *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)*, 14, 441-465 (in Russian).
- 4 Astafiyev, A. E. 2010. *Puti torgovykh soobshcheniy epokhi srednevekoviya na territorii Aralo-Kaspiyskogo vodorazdela (Trade routes of the Middle Ages on the territory of the Aral-Caspian watershed)*. Aktau (in Russian)
- 5 Astafiyev, A. E. 2014. In: Funds of the Mangystau Regional Museum of Local History (in Russian).
- 6 Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2019. In: *Stratum plus*, 4, 17-38 (in Russian).
- 7 Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2020. In: *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoye pereseleniye narodov. Dialog kultur (Ethnic interactions in the Southern Urals. The Great Migration of Peoples. Dialogue of cultures)*. Chelyabinsk: South-Ural State University, 126-133 (in Russian).
- 8 Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2022. In: *Mangystau v potoke istorii (Mangystau in the flow of history)*. Aktau, 80-86 (in Russian).
- 9 Astafiyev, A. E., Petrov, P. N. 2017. In: *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 6, 101-115 (in Russian).
- 10 Gmyrya, L. B. 2018. In: *Acta Historica: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvovedeniyu (Acta Historica: Works on history, archaeology, ethnography and social studies)*, 2, 120-131 (in Russian).

- 11 Dvurechenskaya, N. D. 2019. In: Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.). *Drevnosti vostochnoy Yevropy, Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v yevraziyskom kulturnom prostranstve (novyye dannyye i kontseptsii)* (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of relations and interactions in the Eurasian cultural space (new data and concepts)), 153-156 (in Russian).
- 12 Yedilkhan, A. M., Yedilkhanova, S. A. 2003. In: Korusenko, M. A., Tikhonov, S. S., Tomilov, N. A. (eds.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* (Integration of archaeological and ethnographic research), 192-199 (in Russian).
- 13 Karutts, R. 1911. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake* (Among Kyrgyz and Turkmens on Mangyshlak). Saint Petersburg: "A.F. Devriyen" Publ. (in Russian).
- 14 Kudryavtsev, A. A. 1979. In: *Vestnik istorii* (Bulletin of History), 11, 31-43 (in Russian).
- 15 Lashchinskiy, N. N., Astafiyev, A. E., Bogdanov, E. S. 2021. In: *Sibirskiy ekologicheskiy zhurnal* (Siberian Ecological Journal), 28 (3), 383-392 (in Russian).
- 16 Malyshev, A. A., Dryga, D. O., Moor, V. V. 2018. In: *XXX «Krupnovskiye chteniya»* (30th Krupnov readings), 355-357 (in Russian).
- 17 Onggaruly, A., Olkhovskiy, V., Astafiyev, A., Darmanov, R. 2017. *Drevniye svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaraliya* (Ancient temples of Ustyurt and the Eastern Aral Sea region). Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 18 Pugachenkova, G. A. 1963. In: *Istoricheskie nauki Uzbekistana* (Historical sciences of Uzbekistan), Book 41, vol. 200, 49-64 (in Russian).
- 19 Rtveladze, E. V. 1986. In: *Obshchestvennyye nauki Uzbekistana* (Social Sciences of Uzbekistan), 12, 34-39 (in Russian).
- 20 Samashev, Z., Kusherbayev, K., Amanshayev, Ye., Astafiyev, A. 2007. *Sokrovishcha Ustyurta i Mangystau* (Treasures of Ustyurt and Mangystau). Almaty: "Yelchidi" Publ. (in Russian).
- 21 Tikhonov, R. V. 2020. In: *Istoriya. Fakty i simvoly* (History. Facts and symbols), 3 (24), 96-101 (in Russian).
- 22 Trever, K. V. 1959. *Ocherki po istorii i kulture Kavkazskoy Albanii* (Essays on the history and culture of Caucasian Albania). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.02.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.02.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.03.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147>

Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан)

© 2023 г. Богданов Е.С., Астафьев А.Е.

Keywords: archaeology, Mangystau, Baylama, Karakabak, Sasanians, tamga-like sign, monogram, knockout, farnah, «farrekh-afzun»

Түйін сөздер: археология, Маңғыстау, Байлам, Қаракабақ, Сасанидтер, таңба тәрізді белгілер, монограмма, соғу, фарн, «фаррекх-афзун»

Ключевые слова: археология, Мангистау, Байлама, Каракабак, Сасаниды, тамгообразный знак, монограмма, выбивка, фарн, «фаррекх-афзун»

Evgeniy Bogdanov¹ and Andrey Astafiev^{2*}

¹Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

^{2*}Corresponding author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktau, Kazakhstan. E-mail: aasta@list.ru

Slab with knockouts from the rubble of the Baylama rampart (Western Kazakhstan)

Abstract. The article is devoted to a unique find discovered during the archaeological excavations of one of the sites of the Baylama rampart. This is a fortification (wall-ditch-rampart) that protected pasture lands and the settlement of Karakabak (Mangyshlak peninsula). On the limestone slab, which was part of the wall in ancient times, there were printed tamga-like signs and an image of a horseman was stamped out. According to formal signs, all signs are conditionally divided into five groups: “cross-shaped sign”; “circle-shaped signs with appendages (moustaches)”; “farrekh-afzun type signs”; “alkhan sign”; “printed “signs-letters”. The analysis of the material based on the corpus of data on the neighboring territories allowed us to assume that the main part of tamga is connected not with the Sarmatian world, but with the Iranian population of the Sasanian era. Thus, an ideograph in the form of a circle with appendages (moustaches) can be interpreted as a sign of the insignia of power (“crown-ring” with two ribbons). The proof is provided by multiple images on Sasanian investiture bas-reliefs on seals and gems. Signs in the form of a “trident” or “candlestick” also find numerous parallels in Sasanian materials. This universal and understandable sign for the Iranian-speaking population – the symbol of khwarna (farnah) first appeared in glyptics, on gems and seals. Over time, it was modified, and its variations were used as tamgas in everyday life by wide layers of the nomadic population. Taking into account the peculiarities of the outline of most of the Baylama signs and their connection with Sasanian symbols, the article suggests that the figurative knocking out of a man on a horse is in the same semantic field with tamgas. The “signs” of Ahura-Mazda and “farrekh-afzun” as symbols of farnah, coupled with the rider, could well represent a simplified version of the epic story.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175 and a grant FWZG-2022-0006.

For citation: Bogdanov, E., Astafiev, A. 2023. Slab with knockouts from the rubble of the “Baylama rampart” (Western Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 131–147 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.131.147](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147)

Евгений Сергеевич Богданов¹,
Андрей Евгеньевич Астафьев^{2*}

¹тарих ғылымдарының кандидаты, аға ғылыми қызметкер, РҒА СБ Археология және этнография институты, Новосибирск қ., Ресей

^{2*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Ақтау қ., Қазақстан

«Байлам қамалы» үйіндісінен алынған соғылған тақта тас (Батыс Қазақстан)

Аннотация. Мақала «Байлам қамалы» участогінің біріндегі археологиялық қазба кезінде табылған ерекше табылымға арналған. Бұл Қарақабак қонысы мен жайылымды қорғайтын фортификациялық құрылыс (қабырға-арық-қамал) (Маңғышлақ түбегі). Ежелгі уақытта керегенің бөлігі болған әктастан жасалған тақта таста таңба тәріздес белгілер салынып және салт аттының бейнесі соғылған. Ұқсастықтарына қарай барлық белгілер шартты түрде бес топқа бөлінді: «крес түріндегі белгі»; «бұтақты (мұртты) шеңбер түріндегі белгілер»; ««фаррех-афзун» түріндегі белгілер»; ««алхан» белгісі»; «басылған «әріптер-белгілер»». Іргелес аумақтар бойынша деректер корпусына сүйене отырып, материалды талдау таңбаның негізгі бөлігі сармат әлемімен емес, Сасанидтер дәуіріндегі иран тұрғындарымен байланысты екенін көрсетті. Сонымен, бұтақтары (мұрттары) бар шеңбер түріндегі идеографты билік инсигниясының белгісі ретінде түсіндіруге болады (екі лентасы бар «сақина-тәж»). Мөрлер мен геммалардағы сасанидтердің инвеститурлық барельефтеріндегі көптеген бейнелер дәлел бола алады. «Үш ашалы» немесе «шырағдан» түріндегі белгілер сасанид мәліметтерінен көптеген параллелдер табады. Бұл әмбебап және иран тілді тұрғындарға түсінікті белгі-хварна символы (фарн) алдымен глиптикада, геммаларда, мөрлерде пайда болды. Уақыт өте келе ол өзгерді және оның әртүрлі түрлерін көшпелі тұрғындардың үлкен топтары күнделікті өмірде таңба ретінде қолдана бастады. Байламин белгілерінің көп бөлігінің сызбасының ерекшеліктерін және олардың сасанидтік символдармен байланысын ескере отырып, мақалада атқа адамның соғылуы таңбалармен бір семантикалық өрісте орналасқан деген болжам бар. Ахура-Мазды және «фаррех-афзун» «белгілер» хварна символы тәрізді салтаттымен бірге эпикалық сюжеттің қолайландырылған нұсқасы болуы мүмкін.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы және FWZG-2022-0006 ф3Ж гранты аясында даярланды.

Евгений Сергеевич Богданов¹,
Андрей Евгеньевич Астафьев^{2*}

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

^{2*}автор-корреспондент, научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Актау, Казахстан

Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена уникальной находке, обнаруженной при археологических раскопках одного из участков «вала Байлама». Это фортификационное сооружение (стена-ров-вал), защищавшее пастбищные угодья и поселение Каракабак (п-ов Мангышлак). На плите из известняка, которая была в древности частью стены, были нанесены тамгообразные знаки и выбито изображение всадника. По формальным признакам все знаки условно разделены на пять групп: «знак в виде креста»; «знаки в виде круга с отростками (усами)»; «знаки типа «фаррех-афзун»»; «знак «алханов»»; «печатные «знаки-буквы»». Анализ материала с опорой на корпус данных по сопредельным территориям позволил предположить, что основная часть тамг связана не с сарматским миром, а с иранским населением эпохи Сасанидов. Так, идеограф в виде круга с отростками (усами) можно трактовать как знак инсигнии власти («кольцо-венец» с двумя лентами). Доказательством служат множественные изображения на сасанидских инвеститурных барельефах на печатях и геммах. Знаки в виде «трезубца» или «подсвечника» также находят многочисленные параллели в сасанидских материалах. Этот универсальный и понятный ираноязычному населению знак – символ хварны (фарна) сначала появился в глиптике, на геммах, печатях. С течением времени он видоизменялся, и его различные вариации стали использоваться в повседневной жизни широкими слоями кочевого населения уже как тамги. Учитывая особенности начертания большей части байламинских знаков и их связи с сасанидскими символами, в статье высказывается предположение, что фигуративная выбивка человека на лошади находится в одном семантическом поле с тамгами. «Знаки» Ахура-Мазды и «фаррех-афзун» как символов хварны вкупе с всадником могли вполне представлять собой упрощенный вариант эпического сюжета.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175 и гранта НИР FWZG-2022-0006.

Сілтеме жасау үшін: Богданов Е.С., Астафьев А.Е. «Байрам қамалы» үйіндісінен алынған соғылған тақта тас. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 131–147-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.131.147](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147)

Для цитирования: Богданов Е.С., Астафьев А.Е. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 131–147. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.131.147](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.131.147)

1 Введение (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

Анализируемая в данной статье плита с выбивками была обнаружена в ходе раскопок 2019 г. участка фортификационного сооружения (стена-вал-ров) с местным названием «Вал Байлама» [Астафьев, Богданов 2019: 32–33]. Он располагается в северо-восточной оконечности Тупкараганского плато п-ова Мангышлак¹. Артефакт лежал среди обломков плит практически на дне байламинского рва, что свидетельствует о его достаточно древнем происхождении. Судя по заветренной (с остатками лишайников) узкой части, плита могла быть изначально вмонтирована в верхнюю часть стены. Данный конструктивный прием возведения стен с комбинированием горизонтально уложенными и вертикально установленными плитами зафиксирован нами на нескольких сохранившихся участках Байламы.

2 Материал и методы исследования (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

2.1 Характеристика материала

Разбитая известняковая плита (размерами: 81×36×15 см) состояла из двух фрагментов (рис. 1). Другие части артефакта не удалось обнаружить. Лицевая поверхность имеет сколы и утраты. Особенно пострадали линии выбивки. Последние выполнены с помощью техники пикетажа (возможно куском кремня), за исключением «креста» и «всадника», которые дополнительно прочерчены по линиям выбивки.

Практически вся плоскость плиты заполнена различными знаками, большую часть из которых мы интерпретируем как тамгообразные знаки. Выбитый всадник на лошади частично перекрывает более раннюю тамгу. У человека опущены руки и не показаны ноги. Обращает на себя внимание изображение головы и торса в виде конусов и «спокойный» характер всей композиции. У лошади акцентировано выделены длинные ноги, хвост (подработаны резными линиями) и два уха. Седло (выступающие луки) обозначено косыми штрихами. Стилистически всё изображение не имеет ярко-выраженных культурно-хронологических признаков и может датироваться в пределах раннего железного века с обширными аналогиями на всей территории Центральной Азии и в частности Южной Сибири.

2.2 Методика исследования

Тамгообразные знаки с байламинской плиты мы разделили на пять условных групп только для удобства работы с материалом (рис. 2). Обращает на себя внимание кривизна линий выбивки. Такое ощущение, что людям при исполнении пикетажа было не совсем удобно соблюдать ровность линий. Это может объясняться либо тем, что плита изначально находилась высоко на стене в вертикальном положении, либо тем, что орудие выбивки имело очень «грубую» форму.

Проблема идентификации байламинских знаков, т. е. определение положения на временной шкале и этнокультурная атрибуция является непростой задачей. Мы осознаем, что её решение во

¹ Об особенностях Байламы см. публикацию в данном номере журнала

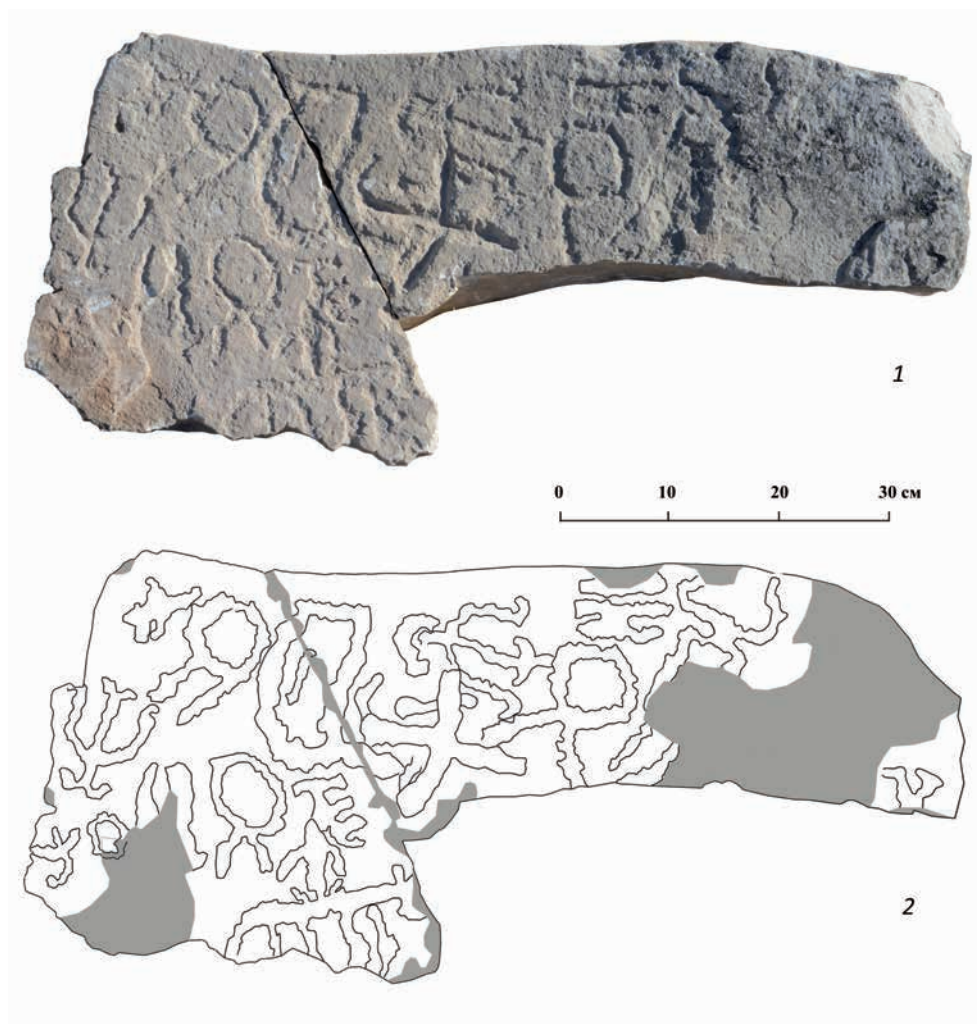

Рис. 1. «Вал Байлама». Плита с тамгообразными знаками. Фото (1) и прорисовка/протирка (2) изображений.
Исполнитель Андрей Астафьев

1-сур. «Байлам қамалы». Таңба тәрізді белгілері бар тақта тас. Сурет (1) пен суретті салу/ысқылау (2).
Орындаған Андрей Астафьев

Fig. 1. «Baylama rampart». A slab with tamga-like signs. Photo (1) and drawing/rubbing (2) of the images.
Performed by Andrey Astafiev

многих случаях будет достаточно гипотетично. Ведь только для поздних периодов существования традиции тамгопользования у кочевников (зафиксированной в письменных и археологических источниках) имеется возможность точно установить принадлежность родоплеменных знаков. Для интерпретации изображений мы будем опираться, в первую очередь, на корпус данных по сопредельным территориям, т. е. использовать сравнительно-исторический и структурно-семиотический методы. Причем, как справедливо отметил в одной из своих работ С.А. Яценко, «сегодня важнее <...> точно описать разнообразные функции каждого знака», чем дать ему

какие-либо этнокультурные оценки [Яценко 2019: 18–19]. Совершенно не случайно в европейской науке уже более ста лет подобные знаки называют по одной из основных сфер применения «метками идентичности» («identity marks»). Именно этим подходом и определяются наши методические основы изучения знаков на байламинской плите. От единого принципа в описании объекта исследования (через выявление частного и общего) к определению изобразительных прототипов (по возможности) и культурно-хронологической атрибуции.

3 Обсуждение результатов исследования (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

Группа 1. Знак в виде «креста» (рис. 2). Вероятно, самое позднее по времени нанесения изображение. Оно очень грубо прочерчено с явной задачей стать доминирующим на фоне остальных знаков (полностью уничтожив один из них). «Крест» более крупный и в отличие от остальных знаков глубоко прочерчен каким-то металлическим инструментом. Что касается семантики, то в виду универсальности подобные изображения «креста» можно встретить и среди знаков древних алфавитов как Запада, так и Востока, среди руники, в различных «энциклопедиях» гуннских, сарматских и тюркских тамг. В позднем средневековье и в Новое время на территории Мангышлака изображение перекрещенных линий – крест (не имеющий ничего общего с христианством) можно встретить и на надгробиях и среди тамг огузов [Поляков 1973: табл. XXII]. Скорее всего, на байламинской плите крест – это не тамга. Возможно, целью нанесения было «перечеркнуть» (уничтожить, «поставить крест») на более раннем изображении тамги. Именно так хунну перечеркивали (крест-накрест) ножом тонкие поверхности донышек лаковых китайских чашечек, обозначая свою собственность [Полосьмак, Богданов 2016: 69–70], «обезличивая» работу китайских мастеров.

Ввиду всего вышесказанного мы считаем данный знак не относящимся к основному корпусу изображений на публикуемой плите. И он мог быть не связанным со временем существования каракабакского поселения эпохи переселения народов.

Группа 2. Знаки в виде круга с отростками (усами) (рис. 2). Два знака (2b и 2c) практически идентичны. У знака 2a одинаковой длины отростки отходят от круга под углом параллельно друг другу. Знак 2d помещен в эту группу с большой долей условности в виду общего характера всех довольно небрежных выбивок, при которых форма круга становится ближе к овалу. Знаки этой группы универсальны по своей форме и были распространены чрезвычайно широко в кочевой

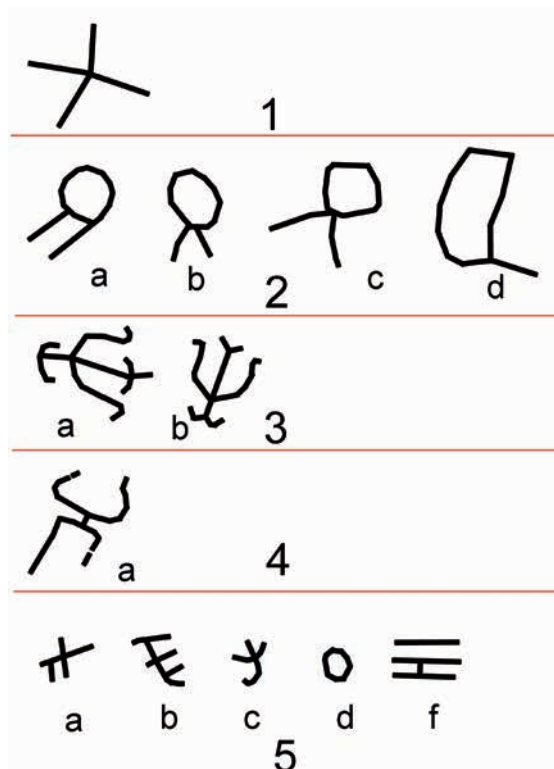

Рис. 2. «Вал Байлама».

Знаки на плите разделенные на условные группы. Исполнитель: Андрей Астафьев

2-сур. «Байлам қамалы». Тақтатастағы шартты топтарға бөлінген белгілер.
Орындаған Андрей Астафьев

Fig. 2. «Baylama rampart». Signs on the slab divided into nominal groups.
Performed by Andrey Astafiev

среде на всем протяжении степного пояса Евразии. Из ближайших по территории нахождения, можно назвать памятник Байте III на Устюрте, где на стенах «храмовой» постройки отмечено несколько сот тамг сарматского облика, среди которых есть сходные аналоги [Яценко 2019: рис. 6, № 237–239]. Интересно, что, как и в нашем случае, «особенностью байтинской коллекции знаков является то, что одна и та же форма (для 46 типов знаков) часто представлена неоднократно <...>, причем такие тамги подчас размещались рядом парами и речь идет о знаках сравнительно простых форм» [Яценко 2019: 71]. Это совсем не означает, что «в некой акции <...> участвовали сразу по два представителя одного клана» [Яценко 2001: 81–83]. Более вероятным представляется повторное посещение байламинской стены представителями одной и той же или родственной семейной группы спустя определенное время.

В одной из своих работ Е.С. Богданов затронул тему возникновения тамг хунну в виде кружка с «усами» или ответвлениями на базе китайских традиционных символов и иероглифов [Богданов 2017]. «Символ круга мог быть понятен и ханьцам (земледельцам), и кочевникам, и однозначно соотносился с небесным светилом. С этой точки зрения использование круга в основе тамги – знака главного клана, рода вполне оправдано и имело в глазах соплеменников как мифологическую, так и социальную основу. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что знак, сочетающий в себе и круг и «усы» («рога»), использовался на соседних территориях одно и то же время и как элемент традиционного китайского орнамента, и как кочевническая тамга» [Богданов 2017: 10–12, рис. 3, 5, 7; 10, 1–4; 12, 4]. То есть по существу, мы имеем дело с *идеографом*, выражающим основную идею, понятие.

Если говорить об эпохе переселения народов, то появление новых тамг в граничащих друг с другом регионах часто происходило только тогда, когда власть захватывала новая «воинская группировка» (можно назвать её так), имеющая свою мощную идеологическую основу. Например, в исторической литературе существует твердо устоявшееся мнение о «приходе кочевников в Хорезм», «захвате власти» и «как следствие – появление специфических тамг на монетах» [Вайнберг, Новгородова 1976: 70–71]. Не вдаваясь в дискуссию, стоит признать, что распространение знаков с солярной составляющей и строительство храмов, посвященных солнцу в Средней Азии (Мерв, Фергана), явления, тесно связанные между собой. Сходные события произошли и на Боспоре (об этом более подробно см., напр. [Яценко 2001: 45–47]). Причем и «в Средней Азии, и на Боспоре существовала вполне благоприятная почва в связи с уже существующими древнеиранскими представлениями у населения о «*фарне*», божественном (солнечном) сиянии» (см.: [Литвинский 1968: 63–82]). В графическом виде *фарн* часто выражался в виде бараньих рогов и поэтому, например, выбор тамги для правящих кочевых родов был вполне оправдан. В этом смысле теория Х. Йэнихена в том, что «символические изображения неба и земли, вселенной в виде треугольника, круга и ромба» как составные элементы сложных знаков попали в сарматский мир из Ирана [Jänichen 1956: 40–41]* (*здесь и далее перевод авторов) требует дополнительного осмысления.

Учитывая многолетние споры в отечественной литературе по методическим вопросам изучения древних кочевнических тамг, следует отметить, что судить о полном сходстве «хуннских», «сарматских», среднеазиатских и древнеиранских знаков следует чрезвычайно осторожно. Особенно в вопросах генезиса сложных форм (по времени или по «родственным связям»). Действительно, рассуждая о мифологических универсалиях человеческого мышления в древности, нельзя не поражаться практически одинаковому начертанию простых знаков, находящихся порою

в тысячах километрах друг от друга. Если знак встречается в петроглифических материалах Южного Казахстана и Чу-Илийского междуречья [Рогожинский, Яценко 2019: рис. 3, тип. 21], на керамической посуде в погребальных комплексах с бассейна р. Арысь [Смагулов, Яценко 2019: рис. 1: 8], среди северо-понтийских тамг на периферии античного мира [Драчук 1975: табл. XI, № 826–830] и в надписи на колонне Ашоки (Индия) [Anatolia ...] свидетельствует ли это о культурных контактах с населением Каракабака или передвижении каких-либо этносов? Представляется, что это очень трудно обосновать и доказать, имея только схожесть начертания знаков, универсальных по своей форме. Нам представляется, что в случае с байламинскими выбивками *группы 2* (рис. 2) нужно в первую очередь учитывать регион их нахождения, а именно близость с Ираном. Поскольку на уровне архетипов мы не можем отрицать их сходство со знаком инсигнии власти , который сохранился на сасанидских инвеститурных барельефах и печатях. Наиболее известные примеры – это когда Ахура-Мазда вручает царю царей «венеч-кольцо» с двумя свисающими лентами [Луконин 1961: табл. V; 1969: рис. 3, 17]. Именно в таком положении, а не «отростками» вверх изображены и байламинские тамги. Уже в уменьшенном виде мы видим эти изображения на крупах коней знатных вельмож в барельефах Фирузабада и Так-и-Бостана и, что особенно важно, – на сасанидских медных и серебряных монетах [Борисов, Луконин 1963: 43] (рис. 3, 1–3). Встречаются они и на геммах с территорий Ирана (рис. 3: 4, 6–8) и Малой Азии, а еще раньше – среди «строительных» (?) знаков в ахеменидских Пасаргадах [Яценко 2001: рис. 32]. Но самое главное – знак встречается на камнях из стен древнего Дербента. Как считает М.С. Гаджиев, знаки с изображением «круга с двумя отростками» (встречены 22 раза) являются сасанидскими по своему происхождению, оставлены строителями Дербента и вполне могут сопоставляться с «диадемой-обручем с двумя лентами» – «царской инсигнией власти» [Гаджиев 2016: 91, рис. 5: B7, B9, B13]. Есть на дербентской стене и знак идентичный байламинскому 2а (см. [Гаджиев 2016: рис. 5: B12]). Учитывая, что древнеиранская геральдика особая и сложная тема, отметим лишь, что начертание знаков 2а, 2б и 2с на байламинской плите можно расценивать двояко: а) как факт выбивки родовых тамг представителями сасанидских родов; б) как нанесение отметки «воли богов» (Ахуры-Мазды?).

Группа 3. Знаки типа «фаррех-афзун» (рис. 2). Оба знака 3а и 3б сходны друг с другом по основной схеме начертания, но имеют различия в оформлении центральной оси. Обращает на себя внимание взаиморасположение этих изображений на плите. Возможно знак 3а (более грубо выбитый) наносился на уже оставшееся свободное пространство на плите. Специфический облик этих тамг позволяет нам отнести их к сасанидскому пласту сакральных символов. Подобные знаки (перс. «nischān») империи Сасанидов (224–651 гг.) большинством ученых интерпретировались как монограммы (Э. Херцфельд), астральные символы (Ф. Аккерман), отличительные знаки, эмблемы высших военных чинов или представителей знати (А. Христенсен) [Борисов, Луконин 1963: 38]. С.А. Яценко в одной из своих последних работ [Яценко 2021] поддержал точку зрения Г.А. Пугаченковой [Пугаченкова 1957: 148] о том, что в данном случае мы имеем дело не с монограммами, а с родовыми тамгами. Как считает С.А. Яценко, ему удалось не только понять и показать механизм преобразования (последовательность изменения) знаков правящей аристократии, но и выявить близость части изображений с тамгами сарматской кочевой знати I–II вв. к северу от Кавказского хребта [Яценко 2021: 197–198].

А.Я. Борисов и В.Г. Луконин разделили подобные знаки (и «punch-marks») на три группы: 1. знаки, изображающиеся на кулахх приближенных царя царей (барельефы); 2. знаки на кулахх вельмож и жрецов (барельефы и печати); 3. знаки, изображенные самостоятельно (печати,

Рис. 3. Примеры изображения знака «круг с усами» на сасанидских монетах и печатях:

- 1 – монета Ардашира I из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: рис. 13]);
- 2 – монета Нарсе из частной коллекции (по: [Яценко 2021: рис. 2: 3]);
- 3 – монета Шапура II из частной коллекции (по: [Яценко 2021: рис. 2: 4]);
- 4 – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: кат. 70]);
- 5 – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: кат. 14]);
- 6 – оттиск печати из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 178]);
- 7 – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: кат. 115]);
- 8 – монета Шапура III из частной коллекции (по: [Яценко 2021: рис. 2: 5])

3-сур. Сасанидтік мөр мен тиындардағы «мұртты шеңбер» белгісі бейнесінің мысалы:

- 1 – Эрмитаж жинағынан Аршадир I тиыны ([Борисов, Луконин 1963: 13-сур.] бойынша);
- 2 – жеке коллекциядан Нарсе тиыны ([Яценко 2021: 2-сур., 3] бойынша); 3 – жеке коллекциядан Шапура II тиыны ([Яценко 2021: 2-сур., 4] бойынша); 4 – Эрмитаж жинағынан мөрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 70] бойынша); 5 – Эрмитаж жинағынан мөрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 14] бойынша); 6 – Метрополитен музейі жинағынан мөрдің көшірмесі ([Brunner 1978: cat. 178] бойынша); 7 – Эрмитаж жинағынан мөрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 115] бойынша); 8 – жеке коллекциядан Шапура III тиыны ([Яценко 2021: 2-сур., 5] бойынша)

штукатурка, керамика, буллы, монеты, серебряные сосуды) [Борисов, Луконин 1963: 38–43]. Именно среди знаков третьей группы («разновидности А и Б») мы находим аналоги байламинским выбивкам [Борисов, Луконин 1963: кат. 190–193, 199, 200]. По мнению этих известных иранистов, «совершенно исключено рассматривать знаки-нишан третьей группы как родовые тамги, поскольку они встречаются длительное время, оставаясь неизменными, и имеют общий прототип» [Борисов, Луконин 1963: 41]. Так как чаще всего такие «изображения сочетаются на печатях с различными религиозными (магическими) формулировками-надписями и с названиями отдельных храмов, есть все основания полагать, что это “нешаны” различных храмов сасанидского Ирана» [Борисов, Луконин 1963: 41]. В настоящее время количество найденных печатей, гемм, булл и др. предметов с резными изображениями, аналогичными байламинским, выросло в десятки раз по сравнению с серединой XX столетия. Несмотря на то, что все они действительно имеют один смысловой прототип – вариаций великое множество (рис. 4). Это позволяет при интерпретации материала прийти к совершенно другим выводам. Очень часто хозяева печатей, судя по надписям, не принадлежали к жреческому сословию. Вариативность этих изображений и отход от изначальных «сакральных» монограмм позволяет их считать конкретными знаками личной собственности представителей разных сословий. Что касается их прототипов (рис. 4, 1), то в изначальном варианте мы имеем дело с символом «сияния *хварны*» (др. перс. *«farnah»*, пехлеви *«xvarrah»*) – «славы», «счастья». Оштукатуренный элемент стены из Ктесифона (столицы Парфянского царства, а потом и государства Сасанидов) включает в себя пару крыльев в сочетании с монограммой, которую «Жан де Менасс прочитал как “*афзун*” [Soudavar 2009: 20] (рис. 4, 1а). То есть мы имеем дело с эмблемой, состоящей из половины изображения (половины словосочетания), в котором слово «*афзун*» дополнено парой крыльев, чтобы спроецировать «*благоприятную славу*», «*увеличенную славу*» – «*фаррех-афзун*». Эмблема, в свою очередь, помещена в центре с ободком в виде полушарий, что также означает сияние *хварны*, усиливающую проекцию удачи. Таким образом, в соответствии с иранским пристрастием к симметрии, мы видим монограмму «*афзун*», преобразованную в сбалансированную композицию, в которой каждая буква удвоена зеркальным отражением и помещена поверх пара крыльев» [Soudavar 2009: 22; рис. 20, 22]. В качестве объяснения появления крыльев в нижней части монограммы, можно привести отрывок из Бахрама Яшта (14: 34–35), где «Ахура-Мазда просит Зороастра найти перо “сокола с распростертыми перьями”, также квалифицируемого как “птица из птиц”, чьи перья обладают большой *хварной* и приносят уважение и поддержку их обладателю» [Soudavar 2009: 23]. Если принять универсальность концепции «*Божественной Славы*», то мы находим вещественные подтверждения того, что «*фарном*» наделялись не только цари. Обычные смертные тоже могли приобрести его. Именно поэтому и появляются изображения распростертых крыльев (и рогов) в нецарских контекстах (например, см. оттиск печати с сочетанием и рогов и крыльев [Bruner 1978: 95,

Fig. 3. Examples of the image of the sign “circle with moustache” on Sasanian coins and seals:

- 1 – Ardashir I coin from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: Fig. 13;
- 2 – Narse coin from a private collection, after – Yatsenko 2021: Fig. 2, 3; 3 – Shapur II coin from a private collection, after – Yatsenko 2021: Fig. 2, 4; 4 – seal impression from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 70; 5 – seal impression from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 14;
- 6 – seal impression from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Brunner 1978: cat. 178;
- 7 – seal impression from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 115;
- 8 – Shapur II coin from a private collection, after – Yatsenko 2021: Fig. 2, 5

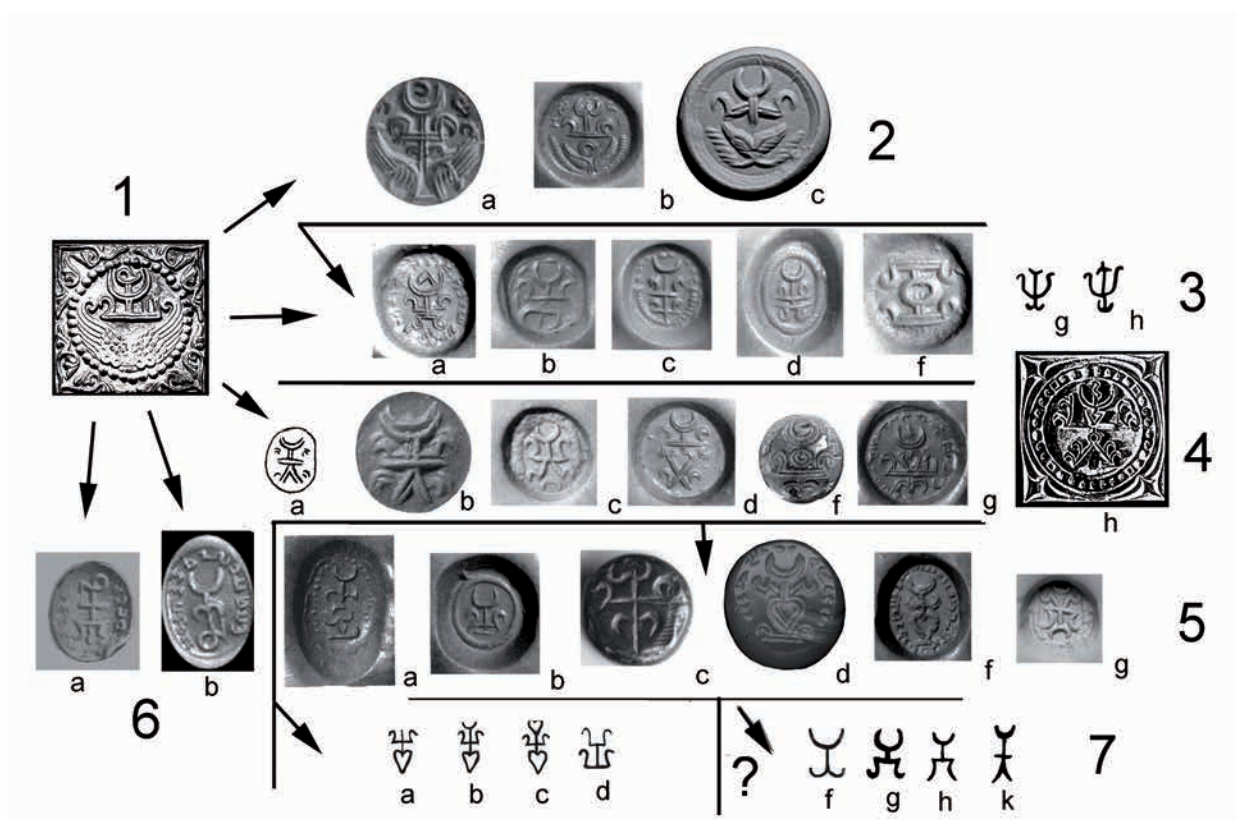

Рис. 4. Знаки типа «фаррех-афзун» и «знак огня на алтаре»: 1а – оштукатуренный элемент стены во дворце в Ктесифоне (совр. Ирак) с монограммой «афзун» поверх крыльев (по: [Soudavar 2003: fig. 20]);

1b – «знак огня на алтаре» с монеты Ардашира I из собрания Эрмитажа (фото авторов);

2a – лазуритовая гемма, Каракабак, Мангистау (раскопки авторов); 2b – оттиск печати из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 165]); 2c – керамическая плитка (по: [Яценко 2021: рис. 10, 10]);

2d – монограмма «знак огня на алтаре» с сасанидской печати (по: [Soudavar 2023: 32, рис. 33, b];

3a–3f – оттиски печатей из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 202, 222, 83, 106, 210]);

3g, 3h – тамги на байламинской плите, Мангистау (раскопки авторов); 4a – лазуритовая гемма, случайная находка около Безымянного городища (совр. Таджикистан) (по: [Соловьев 1997: рис. 68, 3]);

4b – оттиск геммы, Каракабак, Мангистау (раскопки авторов); 4c–4g – оттиски печатей из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 87, 80, 37, 164]); 4h – оштукатуренный элемент на карнизе из зала собраний в Бамиане (совр. Афганистан) (по: [Фрай 1963: рис. 113]);

5a, 5b, 5f – оттиски печатей из собрания музея Метрополитен (по: [Brunner 1978: cat. 116, 130, 71]); 5c – печать из частной коллекции, случайная находка (по: [Sassanian...]); 5d – печать из частной коллекции, случайная находка (по: [Gholami Kiarash 2018: cat. 19]);

5g – оттиск печати, найденной при раскопках крепости Каср-и Абу Наср (совр. юг Ирана) (по: [Stamp seal...]);

6a – оттиск печати из собрания Эрмитажа (по: [Борисов, Луконин 1963: кат. 190]);

6b – оттиск печати из частной коллекции, случайная находка (по: [Gholami Kiarash 2018: cat. 18]);

7a–7d – знаки-тамги сасанидского времени на различных «случайных находках» из европейских музейных коллекций (по: [Яценко 2021: рис. 11, 8–10, 16]); 7f – тамга на монете (по: [Göbl 1967: Taf. 11, 56]);

7g, 7h, 7k – тамги алхонов (?) на монетах (тип S1 по Гёблю) (по: [Ильясов 2006: рис. 1, 12, 13, 20])

- 4-сур. «Фаррех-афзун» түріндегі белгі және «құрбандықтағы от белгісі»: 1a – қанаттарының жоғарғы жағындағы «афзун» монограммасымен Ктесифондағы сарайдағы қабырғаның сыланған бөлшегі (қазіргі Ирак) ([Soudavar 2003: fig. 20] бойынша); 1b – Эрмитаж жинағынан Аршадир I тиынындағы «құрбандықтағы от белгісі» (авторлардың суреті); 2a – лазуритті гемма, Қарақабақ, Маңғыстау (авторлардың қазбасы); 2b – Метрополитен музейі жинағынан мөрдің көшірмесі ([Brunner 1978: cat. 165] бойынша); 2c – керамикалық тақта тас ([Яценко 2021: 10-сур., 10] бойынша); 2d – сасанидтік мөрмен «құрбандықтағы от белгісі» монограммасы ([Soudavar 2023: 32, 33-сур., b] бойынша); 3a–3f – Метрополитен музейі жинағынан мөрлердің көшірмелері ([Brunner 1978: cat. 202, 222, 83, 106, 210] бойынша); 3g, 3h – байламин тақта тасындағы таңбалар, Маңғыстау (авторлардың қазбалары); 4a – лазуритті гемма, Аты жоқ қала маңынан кездейсоқ табылған (қазіргі Тәжікстан) ([Соловьев 1997: 68: 3-сур.] бойынша); 4b – гемма көшірмесі, Қарақабақ, Маңғыстау (авторлардың қазбасы); 4c–4g – Метрополитен музейі жинағынан мөрлердің көшірмелері ([Brunner 1978: cat. 87, 80, 37, 164] бойынша); 4h – Бамиандағы жиналыс залындағы карниздегі сыланған бөлшек (қазіргі Ауғанстан) ([Фрай 1963: 113-сур.] бойынша); 5a, 5b, 5f – Метрополитен музейі жинағынан мөрлердің көшірмелері ([Brunner 1978: cat. 116, 130, 71] бойынша); 5c – жеке коллекциядан мөр, кездейсоқ табылған ([Sassanian...] бойынша); 5d – жеке коллекциядан мөр, кездейсоқ табылған ([Gholami Kiarash 2018: cat. 19] бойынша); 5g – Каср-и Абу Наср қамалын қазу кезінде табылған мөрдің көшірмесі (қазіргі Иранның оңтүстігі) ([Stamp seal...] бойынша); 6a – Эрмитаж жинағынан мөрдің көшірмесі ([Борисов, Луконин 1963: кат. 190] бойынша); 6b – жеке коллекциядан мөр көшірмесі, кездейсоқ табылған ([Gholami Kiarash 2018: cat. 18] бойынша); 7a–7d – еуропалық музей коллекцияларынан «кездейсоқ табылған» әртүрлі сасанид уақытының таңба-белгілері ([Яценко 2021: 11-сур., 8–10, 16]); 7f – тиындағы таңба ([Göbl 1967: Taf. 11: 56] бойынша); 7g, 7h, 7k – тиындардағы алхон (?) таңбалары (S1 түрі Гёбл бойынша) ([Ильясов 2006: 1-сур., 12, 13, 20] бойынша)
- Fig. 4. Signs of the type “*farrekh-afzun*” and “the sign of fire on the altar”: 1a – plastered wall element in the palace in Ctesiphon (Iraq) with the monogram “*afzun*” on top of the wings, after – Soudavar 2003: fig. 20; 1b – “the sign of fire on the altar” from the coin of Ardashir I from the Hermitage collection (photo by the authors); 2a – lapis lazuli gem, Karakabak, Mangistau (excavations by the authors); 2b – seal impression from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Brunner 1978: cat. 165; 2c – ceramic tile, after – Yatsenko 2021: Fig. 10, 10; 2d – monogram “sign of fire on the altar” from the Sasanian seal, after – Soudavar 2023: 32, fig. 33, b; 3a–3f – prints of seals from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Brunner 1978: cat. 202, 222, 83, 106, 210; 3g, 3h – tamgas on the “Baylama wall”, Mangystau (excavations of the authors); 4a – lapis lazuli gem, incidental find near an Unnamed settlement (Tajikistan), after – Solovyov 1997: Fig. 68, 3; 4b – an impression of gem, Karakabak, Mangystau (excavations of the authors); 4c–4g – prints of seals from the collection of the Metropolitan Museum, after – Brunner 1978: cat. 87, 80, 37, 164; 4h – plastered element on the cornice from the assembly hall in Bamiyan (Afghanistan), after – Fry 1963: Fig. 113; 5a, 5b, 5f – prints of seals from the collection of the Metropolitan Museum of Art, after – Brunner 1978: cat. 116, 130, 71; 5c – a seal from a private collection, an incidental find, after – Sassanian...; 5d – a seal from a private collection, an incidental find, after – Gholami Kiarash 2018: cat. 19; 5g – an impression of a seal found during the excavations of the fortress of Qasr-i Abu Nasr (modern. south of Iran), after – Stamp seal...; 6a – print of a seal from the Hermitage collection, after – Borisov, Lukonin 1963: cat. 190; 6b – print of a seal from a private collection, an incidental find, after – Gholami Kiarash 2018: cat. 18; 7a–7d – tamga signs of the Sasanian period on various “incidental finds” from European museum collections (after: [Yatsenko 2021: fig. 11, 8–10, 16]); 7f – tamga on a coin (after: [Göbl 1967: Taf. 11, 56]); 7g, 7h, 7k – tamgas of the Alkhons (?) on coins (Göbl type S1) (after: [Ilyasov 2006: fig. 1, 12, 13, 20])

cat. 38]). В дальнейшем исходные изображения в виду особой популярности стали видоизменяться (вместо монограммы в верхней части появляется полумесяц)². В итоге, вариации этого знака стали использоваться уже в качестве личных знаков широкими слоями населения, как самого Ирана, так и прилегающих территорий (рис. 4). Данные положения подтверждаются переводами надписей на геммах (рядом с символом «*фаррех-афзун*»), содержащими имена людей и/или простые «религиозные призывы». Например, «*истина и совершенство*», «*Сохраб, верно*» [Gholami 2018: cat. 14, 18] «*Бурзатур Шапур, прибегающий к защите огня*», «*Радость, увеличивающая огонь*», «*Бишбай (?) Упование на богов*» [Борисов, Луконин 1963: 50–51, кат. 191, 195, 200]. При этом формулировка «*упование на богов*», как отмечали А.Я. Борисов и В.Г. Луконин, является одной из самых распространенных на сасанидских печатях [Борисов, Луконин 1963: 51].

Таким образом, универсальный и понятный широким слоям населения характер легенды «*фаррех-афзун*» как символа фарна объясняет возникновение различных форм этого знака в глиптике, на геммах, печатях, и как показывает наша байламинская находка – на плитах известных сооружений уже за пределами территории Ирана. В результате продвижения персов на новые территории и процессов ассимиляции с местным населением происходило изменение форм знаков – они становятся более схематичными и стилизованными. Появляются вариации достаточно далекие от исходных прототипов (рис. 4). То, что байламинский знак 3b «венчает» «символ луны», а знак 3a, возможно, «птицы», абсолютно не противоречит основной идеи фарна ни в том, ни в другом случае. Учитывая все имеющиеся факты, вряд ли уместно называть символы «*фаррех-афзун*» «царскими знаками знати Сасанидов» [Яценко 2021: 193, рис. 10]. Скорее мы имеем дело с целым пластом сакральных по своей основе знаков, используемых как жрецами в ритуальных целях, так и торговцами, ремесленниками, кочевыми родами, но уже в повседневной жизни. Например, знак – однозначно является отображением «огня на алтаре» (рис. 4, 1b, 2d). Появление и широкое распространение этого символа в сасанидском обществе иранский ученый А. Судавар связывает с митраизмом [Soudavar 2023: 32, рис. 33, a, b].

Популярность легенды «*фаррех-афзун*» за пределами Сасанидской империи косвенно подтверждаются находками на Каракабаке двух круглых лазуритовых гемм (рис. 4, 2a, 4b), являющихся в древности частями одного украшения (ожерелья?). Мы их обнаружили в мусорном слое при раскопках придомовой территории строения. На большой форме четко вырезано практически полное исполнение знака «*фаррех-афзун*» с полумесяцем и крыльями (рис. 4, 2a). По краям видны плохо читаемые буквы. Меньшая форма сохранилась в золотой оправе с оторванными ушками крепления. Нижняя часть изображения (крылья) на ней вырезана очень схематично (рис. 4, 4b). Подобные артефакты вкупе с находками сасанидских медных монет и серебряных фракций позволяют достаточно уверенно считать, что каракабакское поселение и его крепостная стена посещалась выходцами с иранских земель. Такая же лазуритовая гемма только овальной (классической) формы была найдена около Безымянного городища в Кобадiane (Бешкентская долина, совр. Таджикистан) [Соловьев 1997: рис. 68: 3) (рис. 4, 4a). В среднеазиатских материалах есть еще одна аналогия с символом «*фаррех-афзун*» – медная печать из Куркатского склепа IV–V вв. [Древности... 1985: 151, № 413]. Дж.Я. Ильясов вслед за Р. Гёблем считает этот символ эфталитским,

² По мнению А. Судавар, «полумесяц – это символ и луны и в то же время символ коровьей головы. Тут приходит на ум авестийский эпитет «блестящий, как гао». Хотя «гао» обычно означало «корова», в данном контексте оно относится к молочному цвету самого молока. Таким образом, Луна воспринималась сияющей, как молоко, и похожей на корову [Soudavar 2009: 20]

связывая его напрямую с тамгой – «полумесяц, опирающийся на подставку» (S 59 по Гёбблю) хорошо известной по монетам эмиссий 287А, 288 и 289» [Ильясов 2006: табл. I, 20]. Не опровергая саму идею заимствования эфталитами древнеиранского символа «*фаррах-афзун*» и его стилизацию, мы не можем согласиться с выводом Дж.Я. Ильясова о том, что этот знак попал в сасанидский Иран из Средней Азии [Ильясов 2006: 117]. Все имеющиеся факты говорят об обратном процессе, который мы представили на рис. 4. В данном случае разделение массива данных по «группам» сделано не в контексте времени и территориального пространства, а по иконографическим особенностям, когда изменению подвержены только отдельные элементы. По существу мы видим путь от монограммы к тамгообразному знаку и выход этого символического изображения-знака за пределы империи Сасанидов. Большая часть артефактов, представленных на рис. 4, происходит из числа случайных находок. Артефакты из закрытых датированных комплексов (напр., печати из Тахт-е-Сулейман [Goebel 1976: 145–146, Tabl. 46, 645, 649] и геммы из Каракабака), – очерчивают хронологические рамки существования знака «*фаррах-афзун*» в пределах V–VI вв. н.э.

Группа 4. Знак «алханов» (рис. 2). Группа представлена всего одним знаком, выбитым на самом краю плиты. Выбивка сильно пострадала от расслоения и лишайников. Возможно, знак изначально был иным и более полным. Именно поэтому мы его не объединили с группой 2, хотя он тоже двухчленный по своему начертанию. Его точная аналогия есть среди северо-понтийских знаков [Драчук 1976: табл. V, № 288]. Но поскольку в сарматском «пласте» он представлен в единичном варианте, то знак на байламинской плите из группы 4 с большей степенью вероятности можно все-таки сопоставлять с тамгами алханов («иранских гуннов»). Например, его можно увидеть на монете с городища Канка слоя IV–V вв. н.э. [Ильясов 2006: табл. 1, рис. 17]. Но чаще этот знак встречается на хионитских печатях, позднеасанидских буллах и на предметах торевтики более позднего времени [Ильясов 2006: 103; таб. 1, рис. 11–13; Яценко, Ильясов 2019: 321]. Хотя конечно знак 4а мог относиться и к более «традиционному» сасанидскому пласту. Например, как считает С.А. Яценко, очень похожий символ есть на монетах Шапура II [Яценко 2001: рис. 34: 10]. Количественные показатели по встречаемости этих знаков в материалах с прикаспийских регионов свидетельствуют все-таки в пользу кочевнического происхождения этой тамги на байламинской плите.

Группа 5. Печатные знаки-«буквы» (рис. 2). Данные изображения объединены в одну группу вследствие своих размеров (они существенно меньше основного корпуса знаков на плите). Ближайшие аналогии большей части из них можно увидеть среди знаков-меток на стенах байтинского комплекса [Яценко 2019: рис. 6]. Знаки 5b и 5d встречаются в «энциклопедиях» тамг на стенах святилища Тахт-и Сангин, в Тохаристане и камне в Бескепе (у с. Кызылаут, Жамбылская обл.), на керамической посуде из разных пунктов Чача эпохи «кочевой империи» Кангюй [Яценко, Ильясов 2019: рис. 3, 2; Смагулов, Яценко 2019: рис. 5; Яценко, Смагулов 2019: рис. 2]. Знак 5f мы находим среди петроглифов Южного Казахстана и Прииссыккуля [Рогожинский, Яценко 2019: табл. 3 тип 5]. Хотя мы не являемся специалистами в области лингвистики, нам кажется, что по своему начертанию знаки из группы 5 больше похожи на «буквы», чем на тамги (см, напр., буквы арамейского алфавита [Баратов 2019: рис. 5]). В качестве примера можно привести знак 5b, который чрезвычайно похож своим начертанием на число 4 (см. надпись Шапура II [Борисов, Луконин 1963: рис. 10]). Так же сходство прослеживается с метками на кирпичах с городища Канка [Яценко, Смагулов 2019: рис. 3]

и с «литературовидными знаками» («буквенными тамгами – инициалами строителей») на плитах из стен дербентской крепости [Гаджиев 2016: 93, рис. 8]. Процесс появления и развития тамг основе буквенных символов в кочевых сообществах практически не исследован в русскоязычном и англоязычном тамговедении и не имеет пока чётких обоснованных доказательств.

4 Заключение (Богданов Е.С., Астафьев А.Е.)

1. Набор тамгообразных знаков на плите из стены фортификационного сооружения «Вал Байлама» является пока единственной находкой в регионе, так или иначе связанной с древнеиранским (кочевым?) населением эпохи Сасанидов. Это связано, в первую очередь, с отсутствием специальной задачи для специалистов по поиску тамгообразных знаков на территории Восточного Прикаспия. Хотя материалы из крупного городского поселения (Каракабак) эпохи переселения народов на трассе восточно-каспийского ответвления Великого шелкового пути [Астафьев, Богданов 2019], безусловно, указывают на присутствие большого количества торговцев, проводников, дипломатов, паломников из Ирана, Хорезма, Бактрии, Кангюя (и кочевых родов Азиатской Сарматии), государств с западного побережья Каспийского моря. Все эти люди передвигались через территорию Мангистау, скорее всего, в составе торговых караванов. При этом строительство мощного байламинского защитного сооружения со рвом и башнями подразумевало постоянный контакт городского поселения с опасно непредсказуемым кочевым окружением. Вопросы их этнической составляющей и направления основных маршрутов сезонных миграций пока остаются без ответа. Кочевнические следы в мангистауских степях фиксируются только в «энциклопедиях» тамг (в большей степени сарматского облика) на плато Устюрт (Байте III) и небольшим скоплением знаков на одном из камней в каньоне Каракабак, обнаруженное А.Е. Астафьевым [Яценко 2019: рис. 7: 5].

Таким образом, приходится признать, что накопленный на сегодняшний день материал позволяет лишь фрагментарно охарактеризовать комплекс доисламских родовых тамг номадов Мангистау. Но информацию о древней кочевой знати этого региона, об их верованиях и культурных пристрастиях, о погребальных обрядах нам уже удалось получить в ходе исследований нескольких захоронений эпохи гуннских вторжений в том же каньоне Каракабак [Астафьев, Богданов 2020а; 2021].

2. Зафиксированные нами зороастрийские ритуалы в контексте совершения погребальных церемоний на Алтынказгане [Богданов, Астафьев 2020б] и на могильнике Каракабак, монетный материал с поселения, ювелирные украшения (геммы, печати, перстни), а теперь и специфические тамгообразные знаки на байламинской плите позволяют нам с уверенностью говорить о немаловажной роли выходцев из сасанидского Ирана в жизни городского анклава (Каракабака). Учитывая особенности начертания байламинских знаков и их связи с сасанидским пластом сакральных символов, можно предположить, что фигуративная выбивка человека на лошади была в одном семантическом поле с тамгами. «Знаки» Ахура-Мазды и «*фаррех-афзун*» как символы хварны вкупе с всадником могли вполне представлять собой упрощенный вариант эпического сюжета, известного по персидским инвестируемым барельефам.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на Восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17-38.
- 2 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Гуннские древности Северо-Восточного Прикаспия // *Stratum plus*. 2020а. № 3. С. 179-192.

- 3 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Археологические свидетельства проведения в Северо-восточном Прикаспии зороастрийских ритуалов // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, изд-во СГСПУ, 2020б. Т. II. С. 32-34.
- 4 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Элитное погребение гуннского времени могильника Каракабак (Мангистау, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 4 (54). С. 57-68.
- 5 Богданов Е.С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 5-32.
- 6 Баратов С.Р. Знаки на керамических изделиях в Древнем Хорезме // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 43-57.
- 7 Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л.: Гос. Эрмитаж, 1963. 224 с.
- 8 Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 66-74; 176-179.
- 9 Гаджиев М.С. Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // Степи Восточной Европы в средние века. Сб. памяти С.А. Плетневой. М.: Авторская книга, 2016. С. 81-118.
- 10 Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.
- 11 Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.
- 12 Ильясов Дж.Я. Заметки о некоторых среднеазиатских тамгах // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. 2006. Новая серия. Вып. II (XXVII). С. 99-119.
- 13 Луконин В.Г. Иран в эпоху первых сасанидов. Очерки по истории культуры. Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. 116 с.
- 14 Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.: Гл. ред. вост. лит., 1969. 244 с.
- 15 Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 114 с.
- 16 Смагулов Е.А., Яценко С.А. Серии знаков из оазисов Южного Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 159-197.
- 17 Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Каталог ноин-улинской коллекции (по материалам работы российско-монгольской экспедиции 2006–2012 гг.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2016. 176 с.
- 18 Поляков С.П. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М.: Моск. ун-т, 1973. 196 с.
- 19 Пугаченкова Г.А. Материалы по восточной глиптике // Труды Среднеазиатского гос. ун-та. 1957. Вып. 111. Ист. науки. Кн. 25. С. 139-155.
- 20 Рогожинский А.Е., Яценко С.А. Знаки поздней античности в петроглифах Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 141-158.
- 21 Соловьев В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец: изд-во ЕГПИ, 1997. 210 с.
- 22 Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
- 23 Яценко С.А. Знаки ранних кочевников плато Устюрт // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 58-88.
- 24 Яценко С.А. Знаки нишан аристократии Сасанидского Ирана // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2021. Вып. 5. С. 179-202.
- 25 Яценко С.А., Ильясов Дж.Я. Тамги нишан и социально-политическая история // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 296-332.
- 26 Яценко С.А., Смагулов Е.А. Знаки городищ Чача // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 198-227.
- 27 Anatolia and Urartu 7000–300 BC. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/A_1880-21 (дата обращения: 01.02.2023).
- 28 Göbl A.R. Dokumentezur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1967. 163 s.

- 29 Gholami Kiarash. Some Inscribed Sasanian Seals and Bullae // *Sasanika. Varia* 1. May 23, 2018. P. 9-17.
- 30 Brunner C.J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art, 1978. 150 p.
- 31 Goebel R. Die Tonbullen vom Tacht-E Suleiman: ein Beitrag zur spätsāsānidischen Sphragistik. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, 1976. 184 p.
- 32 Jänichen H. Bildzeichen der königlichen. Hoheit bei den iranischen Völkern. Bonn: Habelt, 1956. 55 s.+ 30 taf.
- 33 Sasanian Black Stone Stamp Seal. URL: <https://www.antiquities.co.uk/shop/ancient-seals/sasanian-black-stone-stamp-seal/> (дата обращения: 31.01.2023).
- 34 Soudavar A. The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship. California: Mazda Publ., 2003. 178 p.
- 35 Soudavar A. Iranian Complexities: A Study in Achaemenid, Avestan, and Sasanian. Tehran, 2023. 223 p.
- 36 Stamp seal. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/323223> (дата обращения: 31.01.2023).

REFERENCES

- 1 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2019. In: *Stratum plus*, 4, 17-38 (in Russian).
- 2 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2020a. In: *Stratum plus*, 3, 179-192 (in Russian).
- 3 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2020b. In: *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Congress in Samara)*. Vol. 2. Samara: Samara State Social Pedagogical University, 32-34 (in Russian).
- 4 Astafiev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2021. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 4 (54), 57-68 (in Russian).
- 5 Bogdanov, Ye. S. 2017. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik (The Lower Volga Archaeological bulletin)*, vol. 16, no. 2, 5-32 (in Russian).
- 6 Baratov, S. R. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 43-57 (in Russian).
- 7 Borisov, A. Ya., Lukonin, V. G. 1963. *Sasanidskiye gemmy (The Sasanian Gems)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- 8 Vaynberg, B. I., Novgorodova, E. A. 1976. In: *Istoriya i kultura narodov Sredney Azii (History and culture of the peoples of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 66-74, 176-179 (in Russian).
- 9 Gadzhiyev, M. S. 2016. In: *Stepi Vostochnoy Yevropy v sredniye veka (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages)*. Moscow: "Avtorskaya kniga" Publ., 81-118 (in Russian).
- 10 1985. *Drevnosti Tadzhikistana. Katalog vystavki (Antiquities of Tajikistan. Exhibition catalog)*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).
- 11 Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomoriya. Tamgoobraznyye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery (Sign systems of the Northern Black Sea region. Tamgo-like signs of the Northern Pontic periphery of the ancient world of the first centuries of our era)*. Kiyev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- 12 Ilyasov, Dg. Ya. 2006. In: *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Rossiyskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society)*, II (XXVII), 99-119 (in Russian).
- 13 Lukonin, V. G. 1961. *Iran v epokhu pervykh sasanidov. Ocherki po istorii kultury (Iran in the era of the first Sassanids. Essays on the history of culture)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- 14 Lukonin, V. G. 1969. *Kultura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Ocherki po istorii kultury (The culture of Sasanian Iran. Iran in the 3rd–5th century. Essays on the history of culture)*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury (in Russian).
- 15 Litvinskiy, B. A. 1968. *Kangyusko-sarmatskiy farn. (k istoriko-kulturnym svyaziyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) (Kangyu-Sarmatian Farn (to the historical and cultural ties of the tribes of southern Russia and Central Asia))*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).
- 16 Smagulov, Ye. A., Yatsenko, S. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 159-197 (in Russian).

- 17 Polosmak, N. V., Bogdanov, Ye. S. 2016. *Katalog noin-ulinskoy kolleksii (po materialam raboty rossiysko-mongolskoy ekspeditsii 2006–2012) (Catalogue of the Noin-Ula collection (based on the materials of the Russian-Mongolian expedition 2006–2012))*. Novosibirsk: “INFOLIO” Publ. (in Russian).
- 18 Polyakov, S. P. 1973. *Etnicheskaya istoriya severo-zapadnoy Turkmenii v sredniye veka (Ethnic history of Northwestern Turkmenistan in the Middle Ages)*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 19 Pugachenkova, G. A. 1957. In: *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Central Asian State University)*, 111. *Istoricheskiye nauki (Historical sciences)*, 25, 139-155 (in Russian).
- 20 Rogozhinskiy, A. Ye., Yatsenko, S. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 141-158 (in Russian).
- 21 Soloviyov, V. S. 1997. *Severnnyy Tokharistan v rannem srednevekoviyе (Northern Tokharistan in the Early Middle Ages)*. Yelets: Yelets State Pedagogical Institute (in Russian).
- 22 Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekoviya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 23 Yatsenko, S. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 58-88 (in Russian).
- 24 Yatsenko, S. A. 2021. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki (Bulletin of the Moscow State Regional University)*, 5, 179-202 (in Russian).
- 25 Yatsenko, S. A. Ilyasov, Dg. Ya. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 296-332 (in Russian).
- 26 Yatsenko, S. A. Smagulov, Ye. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of the pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 198-227 (in Russian).
- 27 Anatolia and Urartu 7000–300 BC. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/A_1880-21 (accessed: 01.02.2023).
- 28 Göbl, A. R. 1967. *Dokumentezur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Bd. I–IV. Wiesbaden.
- 29 Gholami Kiarash. 2018. In: *Sasanika*. Varia 1. May 23, 9-17.
- 30 Brunner, C. J. 1978. *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Metropolitan Museum of Art.
- 31 Goebel, R. 1976. *Die Tonbullen vom Tacht-E Suleiman: ein Beitrag zur spätsāsānidischen Sphragistik*. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut.
- 32 Jänichen, H. 1956. *Bildzeichen der königlichen. Hoheit bei den iranischen Völkern*. Bonn: “Habelt” Publ.
- 33 *Sassanian Black Stone Stamp Seal*. URL: <https://www.antiquities.co.uk/shop/ancient-seals/sassanian-black-stone-stamp-seal/> (accessed: 31.01.2023).
- 34 Soudavar, A. 2003. *The Aura of Kings: Legitimacy and Divine Sanction in Iranian Kingship*. California: Mazda Publ.
- 35 Soudavar, A. 2023. *Iranian Complexities: A Study in Achaemenid, Avestan, and Sasanian*. Tehran.
- 36 *Stamp seal*. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/323223> (accessed: 31.01.2023).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 13.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.05.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.05.2023.

ӘОЖ 902.904 (574.5)
ҒТАМР 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.148.165>

Ұзынкүңгей петроглифіндегі бақсылық сюжеті (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан)

© 2023 ж. Амаргазиева Ә., Елесбай Н.

Keywords: archaeology, petroglyph, zooanthropomorphic image, shaman, semantics, worldview, ritual

Түйін сөздер: археология, петроглиф, зооантропоморфты бейне, бақсы, семантика, дүниетаным, ғұрыптық-рәсім

Ключевые слова: археология, петроглиф, зооантропоморфный образ, шаман, семантика, мировоззрение, ритуал

Asel Amargazieva^{1*} and Nurzhuma Yelesbay²

^{1*}Corresponding author, Master of Humanities, Senior Researcher, State Historical and Cultural Reserve-Museum «Issyk», Esik, Kazakhstan. E-mail: klio_7@mail.ru

²Master of Pedagogical Sciences, Researcher, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Kazakhstan. E-mail: n.a.sh_januya@mail.ru

A theme of shaman in the Uzynkungei petroglyph (South-Eastern Kazakhstan)

Abstract. This article presents a review of the petroglyphic composition located at Uzynkungei, which is situated on the northern slope of the Ketpen Ridge. The composition, entitled “the rise of the Shaman,” is a complex theme that has not been previously introduced into scientific circulation. The objective of this study is to decode the main plot of the rock art, which features an anthropomorphic image, presumably of a shaman. The research analyzes the semantics of zooanthropomorphic images found in petroglyphs from Kazakhstan and Central Asia. A comparative stylistic analysis was conducted, and the relative dating of the monument was determined. Archaeological and ethnographic materials were used in the study, along with examples and scientific evidence, to support the hypothesis that the rock image depicts the process of performing a ritual action by the main character, a shaman. The composition is complex due to its inclusion of animals, such as deer, argali, and wolves, as well as anthropomorphic figures representing the upper, middle, and lower worlds. The main character is depicted standing on a wolf, holding objects in his hands, wearing a headdress, and featuring a tail. Two additional anthropomorphic figures are present in the composition, each holding an object in their hands, with one leg slightly bent at the knee in a pose indicating readiness to jump and ascend to a new level of enlightenment. These three figures help to elucidate the meaning of the composition, including the understanding of the image of the main character, his actions, and the process of his formation. The absence of a palimpsest and the updating of petroglyphs in later periods indicate that the images were carved at the same time. Additionally, the patina of the stone surface and the darkening of all petroglyphs are homogeneous and stylistically identical to the monuments of the Bronze Age.

For citation: Amargazieva, A., Yelesbay, N. 2023. A theme of shaman in the Uzynkungei petroglyph (South-Eastern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 148–165 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.148.165](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.148.165)

Әсел Амаргазиева^{1*}, Нұржұма Елесбай²

^{1*}корреспондент авторы, гуманитарлық ғылымдарының магистрі, аға ғылыми қызметкер, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Есік қ., Қазақстан

²педагогика ғылымдарының магистрі, ғылыми қызметкер, М.О. Әуезов атындағы өнер және әдебиет институты, Алматы қ. Қазақстан

Асель Амаргазиева^{1*}, Нуржума Елесбай²

^{1*}автор-корреспондент, магистр гуманитарных наук, старший научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік», г. Есик, Казахстан

²магистр педагогических наук, научный сотрудник, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, г. Алматы, Казахстан

Ұзынкүңгей петроглифіндегі бақсылық сюжеті (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан)

Аннотация. Мақалада Ұзынкүңгей (Кетпен жотасының солтүстік беткейі) петроглифіндегі сюжеті аса күрделі, «Бақсының өрлеуі» деген атқа ие болған композиция қарастырылып, алғаш рет ғылыми айналымға енгізіледі. Зерттеудің негізгі мақсаты жартаc бетінен анықталған басты сюжет – бақсы бейнесіне ұқсас антропоморфты суретке талдау жасау. Жұмыста Қазақстанның және Орталық Азия петроглифтерінде кездесетін зооантропоморфты бейнелер семантикасы бойынша зерттеулер сарапталды. Салыстырмалы стилистикалық сипаттамасы жасалды, ескерткіштің салыстырмалы мерзімі анықталды. Зерттеу барысында тастағы суреттер басты кейіпкер шаманның ғұрыптық рәсімді өткізу процесін көрсететінін дәлелдейтін археологиялық және этнографиялық материалдар, ғылыми дәлелдер мен мысалдар пайдаланылды. Композицияның күрделілігі онда жоғарғы, орта және төменгі әлем картинасын тұтас мазмұндайтын жануарлар (бұғы, арқар, қасқыр) мен антропоморфты бейнелердің (біреуі зооантропоморфты, екеуі антропоморфты) болуы. Басты кейіпкер қолында заттары бар, өзіндік ерекше бас киімі және құйрығы бар, ұзын құйрықты қасқыр үстінде бейнеленген. Қызықтысы (көңіл аударуға тұрарлығы) композицияның келесі екі элементі болып табылады. Бұл екі антропоморфты сұлбадан әрқайсысы қолында қандай да бір зат ұстаған, аяқтарын аздап тізесінен бүгіп тұрған адамның өрге ұмтылып, секіру қимылын байқауға болады, жаңа деңгейге ұмтылуы болуы да мүмкін. Осы үш фигура композицияның ойын ашуға, негізгі кейіпкердің бейнесін және оның іс-қимылын, оның қалыптасу процесін түсінуге көмектеседі. Композициядағы петроглифтердің бір уақытта бәдізделгені даусыз, оны палимпсестің болмауы және кейінгі кезеңдерде жаңартылмағаны дәлелдейді. Сондай-ақ, тас бетінің патинасы мен барлық петроглифтердің күңгірттенуі біркелкі және қола дәуірінің мәнеріне жақын.

Сілтеме жасау үшін: Амаргазиева Ә., Елесбай Н. Ұзынкүңгей петроглифіндегі бақсылық сюжеті (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 148–165-бб. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.148.165](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.148.165)

Шаманский сюжет в петроглифе Узынкунгей (Юго-Восточный Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается и впервые вводится в научный оборот одна из сложнейших композиций петроглифического скопления Узынкунгей (северный склон Кетпенского хребта), получившая название «Восхождение шамана» (посвящение шамана). Цель исследования: попытка расшифровать главный сюжет наскального рисунка – антропоморфного изображения (предположительно, шамана). В работе проанализированы исследования по вопросам семантики зооантропоморфных образов, встречающиеся в петроглифах Казахстана и Центральной Азии. Осуществлена сравнительно-сопоставительная стилистическая характеристика, определена относительная датировка памятника. В процессе исследования были использованы археологические и этнографические материалы, приведены примеры и научные доказательства, подтверждающие наше мнение о том, что наскальное изображение демонстрирует процесс проведения ритуального действия основным персонажем – шаманом. Сложность композиции заключается в том, что в ней присутствуют животные (олень, архар, волк) и антропоморфные фигуры (одна зооантропоморфная, две антропоморфные), представляя в целом картины верхнего, среднего и нижнего миров. Главный герой изображен стоящим на волке, с предметами в руках, в своеобразном головном уборе и с хвостом. Интересными, заслуживающими внимания, являются следующие два элемента композиции. Это две антропоморфные фигуры, каждая из них – держащий в руках какой-то предмет, слегка согнувший в колене ногу, в позе готового к прыжку человека, устремленного ввысь, возможно к новому уровню просветления. Эти три фигуры помогают раскрыть смысл композиции, понимание образа основного персонажа и его действий, процесс его становления. Нет сомнения, что изображения были выбиты синхронно, об этом свидетельствуют отсутствие палимпсеста и обновление петроглифов в более поздние периоды. Кроме того, патина каменной поверхности и потемнение всех петроглифов однородны и стилистически идентичны памятникам эпохи бронзы.

Для цитирования: Амаргазиева А., Елесбай Н. Шаманский сюжет в петроглифе Узынкунгей (Юго-Восточный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 148–165 (на каз. яз.). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.148.165](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.148.165)

1 Кіріспе (Амаргазиева Ә., Елесбай Н.)

Ұзынкүңгей жартас суреттерінің композициялары айрықша мәнге ие. Яғни, тас бетіне әр түрлі көлемде жыртықш аңдар, жануарлар мен антропоморфты бейнелер, жануарлар көші, таңбалар, символдық нышандар қашалған. Көне заман суретшілері жануарлардың сұлбасын дәл келтіріп, оларға тән ерекшеліктерді айқын көрсеткен. Әсіресе арқар, бұғы, қабан, түйе бейнелері ежелгі қолданбалы өнерде кездесетін аңдық стильде. Сонымен қатар, көркем бейнеленген ғұрыптық композициялар да кездеседі. Табылған антропоморфты бейнелер қатарына аңшылық көріністі беретін садақшылар, ғұрыптық рәсімдерге қатысушы кейіпкерлер жатады.

Ғұрыптық композицияның сюжеттеріне синкриттік бұқа, қасқыр, антропоморфты және зооантропоморфы (бақсы) петроглифтерді жатқызуға болады. Бұл суреттердің қандай әдет-ғұрыптарға сай салынғаны туралы ғылымда осы уақытқа дейін нақты дәлелдер жоқ. Дегенмен зертеушілер арасында ежелгі адамдардың діни наным-сенімдеріне байланысты тылсым табиғат күші мен жануарларға және аспан денелеріне табынушылығынан, жаратушы күштің бейнесін іздеу жолында пайда болды деген болжамды пікірлер қалыптасқан. Петроглифтердегі ең жұмбақ суреттердің бірі де, бірегейі жартылай адам, жартылай жануар немесе жануар бетпердесін киген, бас киімінде мүйіздері, ұзын құйрықтары бар кейіпкерлер. Ежелгі суретші оларды тылсым әлеммен байланыс орнатуы мен ғұрыптық іс-әрекеттер жасау барысын айқын көрсете отырып, салттық мифологиялық мазмұндағы сюжеттерге қатысты күрделі композициялар құрамында бәдіздеген.

Ұзынкүңгей сайынан ежелгі тұрғындардың діни наным-сенімдеріне байланысты сомдалған «бақсы» бейнесі табылды. Бұл осы жартастағы туындылардың ішіндегі ең көркем әрі күрделі композициялардың бірі. Зерттеу барысында композицияның көшірмесі алынып, қысқаша сипаттамасы жасалған. Көшірме 2018 жылы «Есік» музей-қорығының «Таңбалар. Петроглифтерден ою-өрнекке дейін» атты көрме экспозициясына қойылды. Төменде ғалымдардың зерттеулерін негізге ала отырып, осы композицияны тарқатып, ғылыми тұрғыда сипаттап, мазмұны мен мерзімделуіне тоқталамыз.

2 Материалдар мен әдістер (Амаргазиева Ә.)

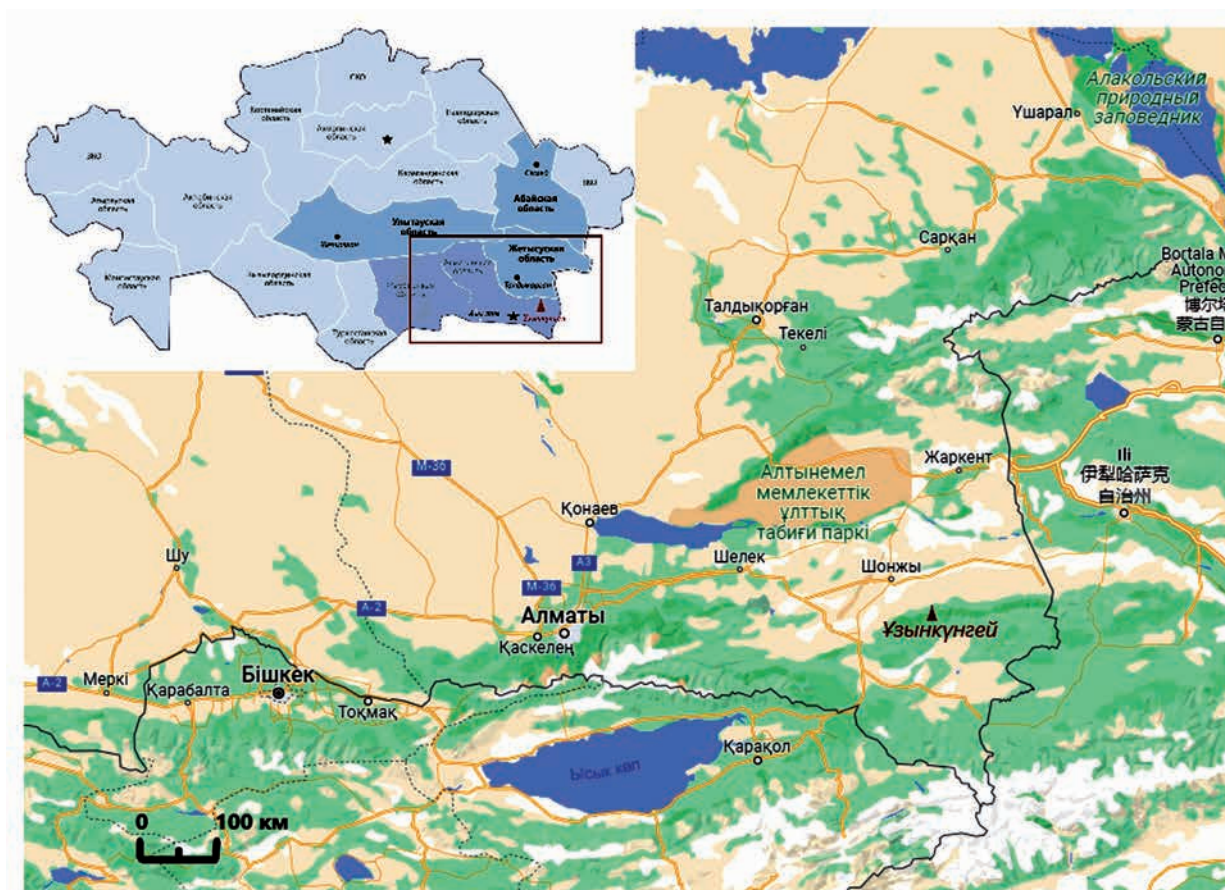
2.1 Зерттеу әдістемесі

Мақалада қарастырылған петроглиф археологиялық зерттеулер нәтижесінде анықталған нысан болып табылады (1-сур.). Тақырыпқа талдау жүргізу кезінде археолог, тарихшы және фольклортанушы (А. Тойшанұлы, М.И. Артамонов, А.К. Ақышев, К. Ақышев, Н.А. Боковенко, Б. Камалашұлы, В.Д. Кубарев, Б. Қанарбаева, Т.Е. Қартай, З. Самашев, Т.Ю. Сем, Б. Уахатов, И.Н. Швец және т. б.) ғалымдардың мұндай суреттердің ежелгі дәуір адамдарының өміріндегі дүниетанымдық тұрғыдағы алар орны жайлы айтылған ойлары мен тұжырымдамалары қарастырылып, пайдаланылды. Сондай-ақ, мақаланы жазу кезінде археологиядағы дәстүрлі: сипаттау, салыстырмалы типологиялық талдау, ұқсастықтарды іздеу сынды әдістер қолданылып, ғылыми қорытындылар ұсынылады.

2.2 Материал сипаттамасы

Орналасуы, сипаттамасы

Ұзынкүңгей № 1 шоғырындағы жартас суреттері орналасуларына байланысты алты топқа бөлінген (2-сур.). Онда 70-тен астам петроглиф салынған тақтатаст бар. Әр тақтатаста кемінде екі,

1-сур. Ұзынкүңгей петроглифтерінің картада орналасуы. ©SAS. Planet. Release. 141212 Google Maps

Fig. 1. Location of Uzunkungei petroglyphs on the map. © SAS. Planet. Release. 141212 Google Maps.

Рис. 1. Расположение петроглифов Узункунгей на карте. © © SAS. Planet. Release. 141212 Google Maps

үш сурет салынған. Петроглифтердің көлемі 5–120 см аралығында, 1 мм тереңдікте бедерленген. Біз қарастырып отырған композиция үшінші топтың ортаңғы бөлігінде, тік жалпақ (ішінара сынған, бүлінген) № 56-а тақтатаста бейнеленген (3-сур.). Тақтатастың бастапқыдағы көлемі едәуір кең болған, 4/1 бөлігі сынып, жойылған. Қалған ені 75 см, биіктігі 180 см болатын тақтада, өлшемдері 7×8,5–40×50 см шамасы 20-дан астам сурет топтастырылған. Олар, жоғарғы бөлігінде шығысқа бағытталған төрт арқар, одан сәл төмен батыс бөлігінде батысқа бағытталған арқар, композицияның орталық бөлігінде (18×11,5×20 см) қасқырдың жуан мойнында тұрған, ұзын құйрықты, басында биік, екі буынды, шашақты бас киімі бар, оң қолына сылдырмақ, сол қолына даңғыра немесе шалмаға ұқсас сапқамшы (асаяқта болуы да мүмкін?) ұстаған адам (41,5 см) бейнесі (бақсы?) қашалған. Композицияның астыңғы және алдыңғы (оңтүстік шығыс) бөлігінде бұғы мен бір тізесін бүгіп, садақ тартқан адамдар сұлбасына ұқсас және алты, жеті арқар суретімен қатар бірнеше беймәлім таңбалар кездеседі.

Бұл суреттер үлкен бір композицияны құрап, оның күрделілігін көрсетіп тұр. Тақтадағы бейнелерді үш бөлікке бөліп қарастыруға негіз бар. Жоғарғы бөлігіндегі арқарлар – аспан әлемін,

2-сур. Ұзынкүңгей, 3-топтағы петроглифтер шоғыры. Орындаған Әсел Амаргазиева
Fig. 2. Uzynkungei, accumulation of petroglyphs in group 3. Performed by Asel Amagrazieva
Рис. 2. Узынкүңгей, скопление петроглифов в 3-й группе. Исполнитель Асель Амаргазиева

одан төмен аспан мен жерді байланыстырып тұрған бөрі үстіндегі адам образы болса, ең төменгі тұстан күн символын көрсететін мүйіздері шиыршықталған арқар сұлбасын көреміз. Ол күн көзі жерден көріне бастаған, таң мезгілін аңғартады. Осылайша бұл композицияда космологиялық түсініктер: уақыт, табиғат құбылыстары және қоғамның әлеуметтік құрылымы мен діни наным-сенімдері көрініс тапқан.

3 Талдаулар мен нәтижелер (Амаргазиева Ә., Елесбай Н.)

Мерзімделуі

Жартас бетіндегі бейнелеу өнері ескерткіштерін кезеңдерге жіктеу мен салынған уақытын анықтауда әртүрлі әдістемелер қолданылады, солардың ішінде ескерткіштердің басқа да түрлерімен салыстырмалы зерттеу және сәйкестендіру, мысалы петроглифтерді көне монументалдық өнердің

3-сур. Ұзынкүңгей, № 56-а тақтасындағы композиция. Орындаған Әсел Амаргазиева

Fig.3. Uzynkungei, compositions from the plane No. 56-a. Performed by Asel Amagrazieva

Рис.3. Узынкүңгей, композиции из плоскости № 56-а. Исполнитель Асель Амаргазиева

дамуы аясында түсіндіру немесе радиокөміртектік мерзімдеу мүмкіндігін пайдалану және т. б. [Самашев 2012: 25–26]. Кетпен жотасындағы петроглифтерді мерзімдеу мәселесінде радиокөміртектік сараптама жасалмаған. Ондағы сюжеттер салыстырмалы стилистикалық жағынан Жетісу жартас суреттеріне тән мәнерде [Амаргазиева 2022: 14], әсіресе Таңбалы, Баянжүрек, Құлжабасы және т. б. ескерткіштеріне ұқсас (1-кесте). Салыстырмалы тұрғыдағы зерттеулер нәтижесінде анықталғандай олардың басым бөлігі қола және ерте темір дәуіріне тиесілі.

1-кесте – Жетісу жармасы суреттеріне тән мәнердегі петроглифтер

Table 1 – Petroglyphs in the style of the rock paintings of Zhetysu

Таблица 1 – Петроглифы в стиле, характерном для наскальных рисунков Жетысу

№	Атауы	Петроглиф, ескерткіш	
Қола дәуірі			
1	Бұқа		
		а. Баянжүрек	б. Ұзынкүңгей
2	Шеңбер ішіндегі жануар		
		а. Құлжабасы	б. Ұзынкүңгей
3	Қолдарын жайып тұрған адам		
		а. Құлжабасы	б. Баянжүрек
			
			с. Ұзынкүңгей
4	Антропоморфты бейне		
		а. Таңбалы	б. Ұзынкүңгей
Ерте темір дәуірі			
5	Қабан		
		а. Каракүңгей	б. Ұзынкүңгей
Ортағасыр кезеңі			
6	Түйе мінген адам		
		а. Баянжүрек	б. Ұзынкүңгей
Ескертпе: 1а, 6а – [Самашев 2012] бойынша; 2а, 3а – [Марьяшев, Железняков 2013] бойынша; 1б – [Амаргазиева 2022] бойынша; 2б, 3с, 4а, б, 5б, 6б – Амаргазиеваның материалдары, алғашы рет жариялануы; 3б, 5а – [Самашев 2006] бойынша			

Ғалымдар зооантропоморфтық немесе қандайда бір мифологиялық кейіптегі антропоморфты, киелі бейнелердің қола дәуірі петроглифтерінің репертуарында едәуір басым болғанын айтады [Самашев 2006: 140; Каримова 2019: 95]. Табыну кейпіндегі сюжеттер, культтік сюжеттер, босанған әйел сценалары осы дәуірдің кейінгі кезеңінде пайда болған [Бейсенов, Марьяшев 2014: 67–68]. И.Н. Швец петроглифтердегі ежелгі антропоморфтық бейнелерді зерттей келе, олардың өркендеу кезеңі қола дәуірінде болған, ал ерте темір дәуірінде жойылып кеткен деген тұжырым жасайды [Швец 1999: 103]. Ерте темір дәуірінде жартасқа сурет салу өнеріндегі туындыларында аңдық стил басымдылық алып, жануардың сакральды тұстарына (мүйізі, аталығы, тұяғы, тұмсығы, т. б.) үстемділік берілген.

Салыстырмалы стилистикалық тұрғыдан қарағанда, Ұзынкүңгейдегі антропоморфты бейне қола дәуірінің соңғы кезеңі немесе өтпелі кезеңге тиесілі болуы мүмкін. Жоғарыдағы келтірілген мамандар пікіріне сүйенсек, антропоморфты суреттерді қола дәуіріне жатқызуға болады, ал ондағы арқарлар сұлбасы ерте темір ғасырының мәнерінде сомдалған. Алайда, композиция патинасының біркелкілігі петроглифтердің бір уақытта бәдізделгенін көрсетеді.

Сонымен қатар, Ұзынкүңгейдегі антропоморфты бейне мазмұндық жағынан Баянжүрек, Ешкіөлмес (Жетісу), Байқоңыр (Орталық Қазақстан) жартастарындағы қола дәуірінің петроглифтеріне жақын.

Алайда, Баянжүрек кейіпкерінің мерзімделуі бойынша ғалымдар арасында екі түрлі пікір қалыптасқан. Осы нысанды ұзақ жылдар зерттеген петроглифист З. Самашев антропоморфты фигураларды энеолит кезеңіне жатқызса [Самашев 2006: 170], археолог-ғалым К.М. Байпақов пен А.Н. Марьяшев бұл фигуралармен қатар салынған жылқы бейнелерін Ешкіөлмес жартас суреттерімен бір стильде салынғанын және замандас екенін алға тартып: «Маскарад киімді мүсін басқалардың қатарында қашалған және қашау техникасы бойынша да, патинасы бойынша да олардан ерекшеленбейді, демек бұл сюжетті энеолит дәуірімен байланыстыра қоюдың реті жоқ», – деп, қола дәуірімен мерзімдейді [Байпаков, Марьяшев 2008: 15]. Қасқыр культі Орталық Азия жерінде энеолит дәуірінде қалыптаса бастағанымен, бұл кезеңдегі жартас бетіндегі туындылардың репертуарында қола дәуіріндегідей кеңінен таралмаған. Олар қола дәуірі петроглифтерінде – қасқыр адам, жыртқыш қасқыр түрінде бейнеленген [Марьяшев, Железняков 2013: 38].

Петроглифтер шоғырының хронологиялық шегін анықтауда келесі мәселе маңайдағы жерлеу орындарынан анықталған материалдар мен кездейсоқ олжаларды қарастыру аса маңызды екені белгілі. Барлау барысында қола, ерте темір, орта ғасыр кезеңдерінің жерлеу орындары анықталған. Бұл нысандарға қазбалар жүргізілмегендіктен археологиялық жәдігерлер негізінде мерзімдеу әдісін қолдана алмаймыз. Әзірше жоғарыда көрсетілген стилистикалық салыстыру әдісімен шектелеміз.

Семантикасы

Алғашқы қоғамда Құдаймен байланыс орнату процесін әртүрлі іс-әрекеттерден іздеген, соның бірі петроглифтердегі жануарлар мен жартылай адам (зооантропоморфты) бейнесінде көрініс тапқан [Самашев 2012: 151, Артамонов 1961: 57, Швец 2005: 133; және т. б.]. Олардың бейнесі ерекше. Мысалы, аңдар мен құстар түріндегі бетперде (маска) киген, киімдерінің етек-жеңдері шашақты, бас киімдері мүйізді (бұғы, тауешкі, т. б.) және құйрықтары ұзын болып келетін кейіпкерлер. Жартас бетіндегі антропоморфты бейнелердің кейбірінен іс-қимылды байқаймыз: би билеуде, әлде мінәжәт етуде, яғни рәсім өткізу барысында жалбарынған күйде немесе ойнақ жасауда (салуда). Мұндай бетперделі антропоморфтық бейнелерді зерттеушілер «шамандық» (бақсы) деп түсіндіреді [Швец 2005: 132]. А.П. Окладниковтің пікірінше қола дәуіріне тиесілі Байкал

петроглифіндегі антропоморфты суреттерінде бақылардың образы мен бақыға біткен қасиетін беру идеясы айқын көрініс тапқан [Окладников 1974: 83]. Ал Баянжүрек жартас суреттеріндегі антропоморфты бейнелерді З. Самашев: «Бұл кейіпкерлер көп жағдайда композициялар құрамында көрсетілген және олар салттық мифологиялық мазмұндағы сюжеттермен байланысты», – деп тұжырымдайды [Самашев 2012: 137]. Н.А. Боковенко ежелгі мифологиялық көріністерді археологиялық деректерден іздестіре келе жалпы дүниетанымдағы «шамандық» ілім (көзқарас) жүйесі неолит дәуірінде қалыптаса бастағанын айтады [Боковенко 1996: 40].

Ұзынкүнге сайының петроглифіндегі қасқыр үстіндегі адам бейнесі жоғарыда атап көрсеткен кейіпкер (бақы) болып табылса керек. Әдетте ғылыми зерттеулерде олардың семантикасын интерпретациялау мәселесі этнографиялық деректер бойынша берілген бақылардың сыртқы ұқсастықтары мен сипаттамаларына негізделеді.

Ежелгі дәуір кейіпкерлерінің бас киімі, шаш үлгісі, бетпердесі, қолындағы атрибуттары мен іс-әрекеттеріне қарай, олардың кейінгі кезеңдердегі, тіпті, күні бүгінге дейін жеткен бақы бейнесімен ұқсас тұстары көп екенін аңғаруға болады. Алдымен біз қарастырып отырған композициядағы кейіпкердің бас киіміне тоқталар болсақ, бас киімі сакралды, мүйізді. Ол екі буынды, бірінші буыны шаш үлгісіне ұқсас болса, екінші буыны (жоғарғы бөлігі) тауешкі басы мен мүйізіне келеді. Бақылардың мұндай бас киім үлгісінде олардың шығу тегі, тотемдік немесе адамды емдеу, көріпкелдік қасиетіне жүгінер кездегі шақыратын, ғайыптан пайда болатын піріне айналған жануар бейнесі болуы мүмкін. Ежелде бетперделер мен бас киімінің мағынасы адамдардың басқа кейіпке енуі, яғни, сол арқылы көрініс тапқан тіршілік иесіне айналуын қамтамасыз ететін құрал іспетті. Егер бетперде мен бас киімде қандай да бір жануар бейнеленсе (бұғы, тауешкі, қасқыр, аю, құс), тиісінше адам сол жануарға айналған [Кубарев 2001: 90]. Этнографиялық деректерден де осы мазмұнды көруге болады. Мысалы, XIX ғ. соңында қазақ жерінде болған орыс зерттеушілерінің естелігінде келесідей ақпарат келтіріледі: «<...> Беснуясь, таким образом, баксы приходит в полное исступление и изнеможение, бегает с ревом по выражению Махдибаева, как опьяненный в случный период, самец верблюд, подражая собаке, выскакивает из юрты, бегает по полю, обнюхивая окружающее, мычит на подобие коров, – ржет, подражая жеребцу, воркует как голубь и т. д. Махдибаев все эти издающиеся звуки приписывает голосом присутствующих джинов (перлері болуыда мүмкін – авт.). <...> Баксы опять призывает своих джинов, описывая их внешность:

...Дулығалы су перім
Бәреке алды беклерім
Тартшы бермен дуларым.
Баймәнке келді осында,
Малайы бар басында,
Қырық жеті қасында,

Айдаһары астында... [Диваев 1899: 27–28] – деп бақының, яғни жындарын шақыру арқылы, оларды сипаттап өткен. Перілердің дулығалы екенін айтып, киесін сипаттау кезінде бас киімін де мадақтайды. Осылайша бақы бас киімнің өзгеше безендірілуінің өзіндік құпия мәні бар, кейіпкердің кім екенін, немен айналысатынын, қоғамдағы орнын немесе мифтік келбетін айшықтайды.

Жоғарыда келтіргендей бақы бірде бура болып шабынып, жылқыша кісінесе, енді бірде өгізше өкіріп, кептер даусын салады. Бұл сәтте ол жындарымен байланыс жасап, түрлі жан-

жануарлар киесі арқылы экстаздық күйге енеді, трансқа түседі. Мұндай процесті суретші оның іс-әрекеттерін, киімін, бұйымдарын, сыртқы келбетін сомдау арқылы ғана бере алады. Алғашқы қоғамда «адам өзінің әртүрлі жанды-жансыз нәрсенің кейпіне кіріп, өзгеріп кететіндігіне кәміл сенген <...>» [Уахатов 1974:44–45]. Демек ежелгі суретші мұндай ерекше тұстарды қалт жібермей, сипатын тасқа айқын бәдіздеген. Ұзынкүңгей композициясында екі буынды бас киімді сол кейіпкердің бақсылық бейнесін ашу мақсатында салып, оның тауешкі немесе мүйізді жануар кейпінде табиғатпен етене жақын күйде болатынын, тылсым күш егесіне айналып, жоғарғы әлеммен (ғарышпен) байланыс орната алатынын көрсеткісі келген.

Сонымен қатар, бұл кейіпкердің ұзын құйрығы жартылай адам, жартылай хайуан бейнесінде екенін көрсетеді. Археологиялық және этнографиялық материалдарға назар аударсақ, ежелде әскерлер мен аңшылар киім сыртынан аңдардың терісін жауып алған, не болмаса, белдіктеріне жануар құйрығын тағып жүрген. Құйрығы ұзын хайуан терісі ежелгі ер үшін оның қоғамдағы орны мен мәртебесін көрсеткен [Кубарев 2001: 90]. Сондай-ақ, жануарлар олардың жебеушісі, піріне айналып, тек өзінің ғана көзіне көрінетін болған дейді.

Мұндай сенім мен түсініктің қалыптасуы уақыт өте келе түрленіп, оның көзге көрінбес (реалды тұрғыда) бейнесін санада жасау арқылы қалыптасқан. Сананың мифтік кезеңінде адам өзі мен жануардың арасын алшақтата қоймаған. Адам мен жануарды бөлмеу, адамды екі кейіпті болады деп түсіну алғашқы қоғамдағы миф кейіпкерін жартылай адам, жартылай жануар түрінде бейнелейді, яғни зооантропоморфтық келбеті жасайды [Бабалар сөзі 2011: 96]. Осылайша абстракты түсінік қалыптасады.

Бақсы киімі – аң-құстардың бітеу сойылған терілерінен арнайы жасалған ғұрыптық киім. Бақсы киім-кешегін рәміздік тұрғыдан тірі де киелі «хайуан» деп санаған [Қазақтың этнографиялық категориялар 2011: 370]. Малдан тері бітеу алынса, демек құйрығыда сақталады деген сөз. Ұзынкүңгей петроглифіндегі антропоморфты бейнеде құйрықтың болуы да сол киім немесе хайуанмен астасқан синкреттік көрінісі.

Жетісу жерінде құйрықты антропоморфты бейнелер қандайда бір іс-қимыл әрекеттерін жасап тұрғандай көрінеді. Бұл петроглифтер Орта, Орталық Азия және оларға іргелес аймақтардан табылған сәулелі бас киім мен аң-құс бейнесіндегі бетперде киген, үстінде костюмдері аң терісіне ұқсайтын құйрықтары бар, қолдарында заттық атрибуттары бейнеленген антропоморфты немесе зооантропоморфты фигураларға ұқсас болып келеді. Сонымен қатар, олардың аймақтық және уақыт аралығының бір-бірінен алшақтығына қарамастан, мән-мазмұны жағынан мәдени байланыстары бары күмәнсіз [Самашев 2012: 141, Рогожинский 2011: 89]. Мән-мазмұндық тұрғысынан мұндағы кейіпкерлер қауымның аспан әлемі мен табиғат сырын ұғынуға тырысу кезіндегі, табыну мен тылсым күштермен байланыс орнатып, жалбарыну кезіндегі процестерді қозғаушы, орындаушы, адам мен осы тылсым күштердің арасындағы байланысты орындаушы субъект болса керек. Оның қарапайым антропоморфты бейнелерден ерекшелігі, түр-түрпатының ерекше сомдалуында ғана емес, яғни, бетперде, бас киімі, шапаны мен құйрықтары ғана емес, олардың қолдарында немесе қатарлас бейнеленген бұйымдарында болып тұр. Бұл атрибуттарына қарасақ, этнографиялық кезеңдердегі бақсы құралдарына өте жақын көрінеді. Әдетте бақсы жындарын жеке-жеке атап, шақырған кезде даңғыра, дабыл қағады, асатаяқпен жерді ұрады, сылдырмағын қағады [Қазақ әдебиетінің тарихы 2007: 185]. Ал ортағасырлардан бастап бақсының негізгі құралының бірі қобыз болған.

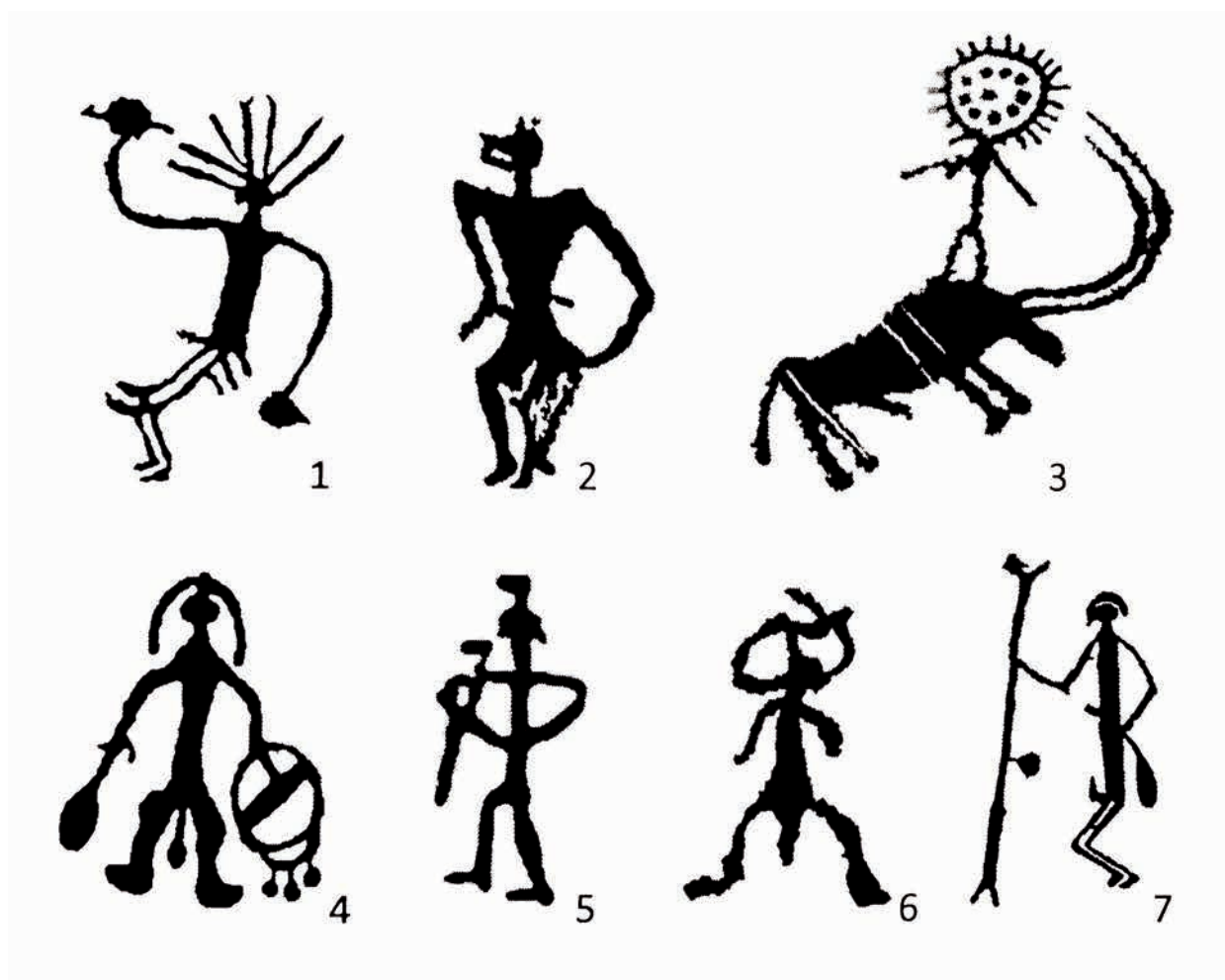

Ұзынкүнгеі петроглифіндегі композиция кейіпкерінің оң қолында сылдырмақ, сол қолында даңғыра іспетті бұйым бейнеленген. Сылдырмақ дөңгелек пішінді, төменгі бойында үш сәуле шашыраған. Бұл сәулелер құралдың музыка, дыбыс шығаратынын көрсету үшін әдейі сомдалған. Сол қолындағы бұйым (даңғыра) сопақ жиектері ғана шекілген, ішкі жағы үш бұрышты пішінде. Бұған дейін Орталық Азия: Таңбалы, Баянжүрек, Құлжабасы, Қыземшек (Қазақстан) Саймалы-Тас, Өрнөк (Қырғызстан), Лангар, Сой Сабаг (Тәжікстан) және Мугур-Саргол, Калбак-Таш (Ресей) петроглифтерінен анықталған бақсылық (шамандық) сюжеттерде садақ, таяқ (асатаяқ?), даңғыра, сылдырмақ, бетперде және басқада құралдар қатар сомдалған [Дэвлет 1996: 24; Швец 2005: 132; Каримова 2019: 100; Бобомуллоев 2020: 32]. Жартас бетіндегі антропоморфтық суреттердің қолындағы немесе маңында бейнеленген айналар, даңғыралар, асатаяқтар және т. б. дөңгелек таңбалар олардың культтік қызмет көрсетушілер (шамандар) екені және ежелгі тұрғындардың діни наным-сенімдерінің құрылымдарын көрсетеді (4-сур.). Осы құралдар көмегімен олар діни сенім салттарын, ғұрыптық рәсімдерін өткізіп отырған. Аталмыш наным-сенім қағидаларынан туындаған жоралғылар кейінгі шамандық, тәңіршілдік дәуірлердегі, тіпті, ежелгі дәуір әдебиетінен (әдеби мұралар мен жазба ескерткіштер) бұрын жартас суреттерінде көрініс тапқан.

Бұл құралдардың бақсы қызметіндегі рөліне тоқталып өтсек. Бақсылардың негізгі аспаптары рухтардың қалауымен жасалады. Шамандық әдет-ғұрыптардың негізгі бұйымының бірі даңғыра болып табылады. Даңғыра – ежелден бері келе жатқан қазақтың ұрмалы-сылдырмақты, қатты дыбысты, музыкалық аспабы. Бұл бір жағы терімен қапталған, ішкі жағынан темір алқалар, сақиналар мен сылдырмақтар ілінген дөңгелек шығыршық [Қазақ мәдениеті 2005]. Алғашқы қауым кезеңінде адамдар оны жыртқыш аңдардан қорғану үшін ойлап тапқан болуы мүмкін. Кейін осы соқпалы-шулы аспапты бақсы діни-ғұрыптық жоралғысында қолданған. Ғылыми еңбектер мен қолжазбаларда келтірілгендей – даңғыра, сылдырмақтың дауысы үдей түскенде бақсы қолдарын ербеңдетіп, бет-ауызын қисайтып, алыса бастаған, сонда отырған дүйім жұрт мұны жындардың келгені деп білген [Қазақ әдебиетінің тарихы 2007: 184; Жакыпов 1988: 7]. Даңғыраны соғу арқылы жындарын шақырып (перілерін, иелерін) ол ауруды айықтырады, қара күш иелерімен ымырасыз шайқасады, адам баласын қауіптен құтқарады, апаттан сақтайды, болашағын болжайды немесе дұрыс жолын көрсетіп, кеңесін береді.

Мұндағы кейіпкердің қолындағы бұйымның екінші болжамдық нұсқасын айтсақ, оның сол қолында – асатаяқ, ал оң қолында, керісінше жоғарыда көрсеткен сылдырмақты даңғыра болуы мүмкін. Егер мұндағы бұйымның бірі біз ойлағандай асатаяқ болса, олда бақсылардың аксессуарының ең маңызды компоненттерінің бірі болған [Қазақтың этнографиялық категориялар 2011: 218]. Кейінгі дәуірде, сақ-үйсін мифологиясы мен дүниетанымында бәйтерек ғарыш ағашы (өмір ағашы, діңгегі) ретінде рәмізделеді. Ғарыш ағашының шағын модель-үлгілері олардың көркем туындылары: аңдық стильдегі бұйымдарда, тұрмыстық заттарда (таяқ, қамшы, асатаяқ, астау, шырағдан) көрініс тапқан [Акишев 1984: 24]. Осылайша бұл заттар ғұрыптық жоралғыларды атқаратын, тіпті, олар шамандарға үш әлемді шарлауға мүмкіндік беретін құдіретке ие қасиетті құрал.

Ежелгі дәуір рухани мәдениеті археологиялық материалдарда көрініс тапқанымен оның толыққанды реконструкциясын жасауға мүмкіндік бере алмайды. Сол себепті де қазба материалдарын қарастырғанда, жартас суреттерін назардан тыс қалдырмайды немесе керісінше петроглифтерді мерзімдеу немесе мағыналық тұрғыдан түсіну кезінде археологтар міндетті түрде сол маңайдағы жерлеу орындары мен ғұрыптық кешендерінің материалдарына жүгініп, қатар

4-сур. Антропоморфты петроглифтер: 1 – Баянжүрек, 2 – Құлжабасы, 3 – Таңбалы, 4 – Мугур-Саргол (Енисей, Ресей), 5 – Лангар (Тәжігістан), 6 – Цагаан-Гол (Монғол Алтайы), 7 – Калбак-Таш (Алтай, Ресей). 1 – [Самашев 2012] бойынша; 2 – [Марьяшев, Железняков 2013] бойынша; 3 – [Рогожинский 2011] бойынша; 4 – [Боковенко 1996] бойынша; 5 – [Каримова 2019] бойынша; 6–7 – [Кубарев 2006; 2001] бойынша

Fig. 4. Anthropomorphic petroglyphs: 1 – Bainzhurek, 2 – Tamgaly, 3 – Kulzhabasy, 4 – Mugur-Sargol (Yenisei, Russia), 5 – Langar (Tajigistan), 6 – Tsagaan-Gol (Mongolian Altai), 7 – Kalbak-Tash (Altai, Russia). 1 – after – Samashev 2012; 2 – after – Maryashev, Zheleznyakov 2013; 3 – after – Rogozhinskiy 2011, 4 – after – Bokovenko 1996; 5 – after – Karimova 2019; 6–7 – after – Kubarev 2006; 2001

Рис. 4. Антропоморфные петроглифы: 1 – Баянжүрек, 2 – Тамгалы, 3 – Кулжабасы, 4 – Мугур-Саргол (Енисей, Россия), 5 – Лангар (Таджикистан), 6 – Цагаан-Гол (Монгольский Алтай), 7 – Калбак-Таш (Алтай, Россия). 1 – по: [Самашев 2012]; 2 – по: [Марьяшев, Железняков 2013]; 3 – по: [Рогожинский 2011], 4 – по: [Боковенко 1996]; 5 – по: [Каримова 2019]; 6–7 – по: [Кубарев 2006; 2001]

қарастырғанда ғана аз-кем болса да қосымша түсініктер қалыптасып, болжамды тұжырымдар жасалады. Шамандық ілім қай дәуірден бастау алғанын деп басып айту мүмкін емес, алайда, діни-ғұрыптық жоралғылардың көріністері ежелгі жерлеу орындары мен жартас суреттерінде көрініс тапқан. Қола дәуірінің жерлеу орындарынан адаммен бірге қой жауырыны табылған кездер кездеседі (Былықылдақ, Бұғылы II, т. б. жерлеу орындары). Жауырын ежелден бері бақсылар арасында көріпкелдік атрибуты болған [Маргулан 1998: 224]. Ал енді жартас суреттерінде антропоморфты бейнелердің басым болуына қарай, негізгі кейіпкері адам әрі оның қоршаған ортаны түсінуі мен олармен қарым-қатынасы маңызды және киелі жануарлардың өзі адам қызметінде болғанын байқаймыз. Осылайша осы кезеңдерден бастап діни-ғұрыптық жоралғыларды орындайтын белгілі бір адамның болғаны анық.

Ерте темір дәуірінің ескерткіштерінен ғұрыптық жораларды орындаушы өкілдерінің (абыз, бақсы болуы мүмкін деп болжам жасалған) жерлеу орындары анықталған (Есік, Аралтөбе, Тақсай, Үржар). Жерленген адамның қабірішілік атрибуттарының арасында: қола айна, сүйек, паста, алтыннан, тастан жасалған тұмар-моншақтар, қасқырдың тісі, табандары, тарақтар мен т. б. Олар бұндай заттарды, көзінің тірісінде, діни, ғұрыптық рәсімдерді (қызметтерін) атқару кезінде пайдаланған [Базарбаева, Джумабекова 2019; Лукпанова 2018: 231]. Оған қоса жерленген адамның киім үлгілері ерекше, әсіресе бас киімдері. Киімнің басты мақсаты – басшының, абыздың тұлғасын көтеру, оны күн сияқты Тәңір дәрежесіне жеткізу. Бас киімді безендірген бұйымдарындағы зооморфтық бейнелердің діни-идеологиялық мазмұны осы ұстанымды растайды [Акишев 1978: 52].

Ежелгі мифтік санада рухтың мәңгілік өмір сүретініне және адам өлгеннен кейін оның өмірі о дүниеде жалғасатындығына сенген. Қазба барысынан да анықталатын жәдігерлерге қарасақ, тіпті, «адамның бұл дүниедегі лауазымы, дәрежесі, қызметі де сақталады» деген мифтік таным болғанын дәлелдейді. Сонымен қатар, адам рухын о дүниеге жануарлар жеткізеді деген сенімнің көрінісі – өлікке жылқы арнау (бүтіндей немесе бір мүшесін қабірге қою), петроглифтердегі құрбандық шалу рәсімдерінің сахналануы және т. б. Ол жануар киелі, сол адамның (рудың, тайпаның) тотемі болған. Ежелгі тотемге айналған жыртқыштың бірі әрине қасқыр.

Ұзынкүнге композициясында ежелгі суретші қасқырдың мойнын жуан, құлағын тік, үшбұрышты, аяқтарын мығым, құйрығын бойынан бір есе ұзын етіп бейнелеп, тұмсығы мен азу тістерін айқындай түскісі келгенін байқаймыз. Мұнда Таңбалы жартас суретіндегі бұқа үстіндегі күн басты адам (Құдай) бейнесіне өте ұқсас мәнерді көреміз (4-сур., 3). Екі жартас суретінің мазмұны да ортақ. Яғни мифтік ұғымдар мен наным-сенімдер нәтижесіндегі пайда болған бейнелер. Көк бөріге қатысты культтік сенімдер Еуразия жерінде өте ертеде пайда болған (энеолит дәуірі), оны этнографиялық материалдармен дәлелдеп, мысалдар келтірудің де қажеті жоқ деп есептейміз. Себебі, ертеден қалыптасқан көк бөріге (қасқырға) қатысты наным-сенімдер әлі күнге дейін сақталып келеді. Бұл сенімдер мен ырым-тыйымдар тек қазақта ғана емес, күллі тегі түркіде әлі тұрмыс-салтында көрініс табады. Тіпті «көк бөрі түркінің – бабасы» деген тотемдік ұғым да ортақ [Қартай 2021: 8; Қанарбаева 2004: 41].

Этнограф-ғалым Т. Қартай «Бөрітаным» еңбегінде қазақ халқының дәстүрлі дүниетанымындағы «бөрі», яғни қасқыр тотемімен байланысты халықтық білімдер жүйесін зерттей келе: «Қасқырдың киелі, қасиетті хайуан саналуы немесе байырғы тайпалардың өмірінен маңызды орын алғаны жартастардағы бейнелерден көрініс табады. Жартастарға шеку, қыру, безеу техникаларымен қашалған жеке немесе көп бейнелі қасқыр композициялары ежелгі тұрғындардың наным-

сенімдері, дүниетанымымен қатар, аңшылық дәстүрлерінен мәлімет береді», – дейді [Қартай 2021: 13–19]. Қазақ ортасында «қасқыр жыңды бақсы» деген сөз тіркесі жиі қолданыста болған. Бақсылардың жындары, пірлері мен иелері арасында қасқыр кейпіндегісіде кездескен. Бақсы ойнақта оларды сарынға салып қай жақтан қалай келетінін айтып, хабар беріп, «бөрі ием», «төрт бөрі», «көк бөрі» және т. б. атаулармен шақырады [Бабалар сөзі 2013: 171]. Жартас бетіндегі ежелгі туындыдан қасқырдың киелі кейіпімен бақсылардың немесе ғұрыптық жоралғыларды орындаушы кейіпкерлердің тығыз байланыста болғанын анық көреміз. Бақсы қызметінде бөрі көмегіне жүгініп, табиғаттың тылсым күшіне иелік еткен. Кей мифтік ұғымдар бойынша бақсы үш әлемді (жоғарғы, ортаңғы, төменгі) және дүниенің төрт бұрышын жануар кейіпіндегі пірлерінің көмегімен лезде аралап келе алатын болған [Сем 2019: 9]. Мұндағы бөрінің үстінде тұруы да сол космологиялық түсініктермен байланысты болуы мүмкін. Бөрі үстінде кейіпкеріміз кеңістікке шығып, адамдар мен жануарлар мекенінен тысқары әлемді шарлайтынын меңзейді.

Көне нанымдардағы қасқырдың тотемдік рөлін тағы біз археологиялық қазбалар барысында немесе кездейсоқ табылған (қола, ерте темір дәуірлері, ерте түркілік кезеңіне тиесілі) жәдігерлерден (ат әбзелдері, шырағандар, қару-жарақтар, алқалар және т. б.) байқаймыз.

Композицияда негізгі (ортаңғы) кейіпкерден бөлек тағы екі антропоморфты бейне шекілген. Олар сәл төмен күншығыс жағында, бірі қасқырдан сәл төмен, екіншісі оның астында мүйіздері салаланған бұғы бейнесінің қатарында толық аяқталмаған арқар не белгісіз атрибут (бақсы қолына ұстаған даңғыраға өте ұқсас сурет) үстінде тұрғандай шекілген. Қолдарында ұстаған бұйымдары бар және бір тізелері сәл бүгілген күйде. Қолдағы құралдары анық көрінбегендіктен, оны не садақ, не басқалай құрал деп айту қиын. Бұл үш фигура бір кейіпкердің бейнесін ашатын, іс-қимыл процессін мазмұндайтын суреттер болуы мүмкін. Бір тізелерінің бүгілуінен өрге ұмтылудағы секіру қимылын байқауға болады. Мұнда Сібір халықтарында сақталып қалған шамандық ілімдегі бақсының бір деңгейден екінші деңгейге өту (өрлеу) үрдісі (орыс: ступени посвящения) көрініс тапқанын байқаймыз. Сібір шамандары өздерінің ерекше қабілеттерін көпшілік алдында дәлелдеу үшін арнайы рәсімдерді өткізіп, деңгейдің бес (кей деректерде тоғыз) сатысында айтулы заттарды алатын болған. Деңгейі неғұрлым жоғары болса, бақсыға соғұрлым үлкен талаптар қойылған. Бақсы деңгейдің келесі сатысына өтпей қалуыда мүмкін, бірақ белгілі бір шамандық әрекеттерді өз деңгейінде орындай алады. Дәрежесіне (деңгейіне) байланысты бақсы өзінің дабылы, темір тәжі, жауынгерлік шапанын алып және барған сайын күрделі рәсімдерді орындай алатын болған. Ең жоғары атақ – «зарин» деп аталады (бес не тоғыз деңгей). Адамдарды рухани күшіне сендіру үшін соңғы сатысында бақсы ауаға көтеріліп, ағаштың ұшар басында (бөрікбаста) қалықтаған күйде тұруы қажет. Ежелгі аңыздарға сенсек, алғашқы бақсылар, тіпті, аттарымен көкке дейін көтерілген [Петри 2011: 348].

Ұзынкүңгей жартас суреттерінің композициясы – осы «шаманның өрлеуі» рәсімінің ежелгі дәуірдегі иллюстрациялық түсіндірмесі, көркем бейнеленуі. Жартас суреттерінен байқағанымыздай (әсіресе Жетісу жеріндегі) кейбір шамандық рәсімдердің, салт-жоралғылардың генетикалық тұрғыдан ежелгі ғұрыптармен байланысы бар. Яғни, бақсылық өнердің қайнар көзі ежелгі замандардан басталып, бүгінгі күнге дейін жеткен. Петроглифтерді (басқа да археологиялық материалдармен қатар) жан-жақты зерттеу арқылы ежелгі мифологиялық және идеологиялық көзқарастарды қайта қалпына келтіру, рухани-дүниетанымдық құндылықтар жүйесінің жалпы даму заңдылықтарын анықтау сынды археологиядағы өзекті мәселелердің шешімін табуға болады.

4 Қорытынды (Амаргазиева Ә., Елесбай Н.)

Ұзынкүнгеі петроглифтері– ежелгі тұрғындардың тұрмыс-тіршілігі мен дүниетанымын, салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрыптарын, мифтік түсініктерін сипаттайтын көркем шығармашылықтың бір түрі. Қола дәуіріне тиесілі ғұрыптық көріністегі композицияларының ішінде күн (от) культі, жануарлар (жабайы бұқа) культі кездеседі және негізгі кейіпкер адам бейнесі болып табылады. Әсіресе, қола дәуірінің мәдениетін сан қырынан көрсететін «бақсының өрлеуі» композициясында аспан мен жер, жер асты әлемі, жануар мен адамның біртұтас, бауырлас жаратылыс иесі екені, тылсым табиғаттың күшіне сену, космологиялық ұғымдар, көкке ұмтылып жетуге тырысу, жебеуші әруақтардың, Құдайдың бейнесін іздеу жолындағы сананың реалдық, аса көркемдік және идеалдық түсініктер картинасы бейнеленген. Осы идеялар мен ұмтылыстардың, ізденістердің негізгі кейіпкері адам екенін байқаймыз. Антропоморфты сурет қарапайым сұлбада немесе аңшылық көріністе емес, оның кескінінен әлеуметтік ортадағы мәртебесі жоғары сатыда екені көрініп тұр. Оның екі буынды, мүйізді, биік бас киімі, ұзын құйрығы, қолдарындағы бұйымдары – даңғыра, сылдармақ (асатаяқ, сапқамшы?) осының дәлелі. Бұдан бөлек шекілген тағы екі антропоморфты бейне, осы негізі кейіпкердің келбетін ашу мен өмір жолын баяндайтын қосымша суреттер. Сонымен қатар ондағы жануарлардың кейбірі (арқар) құрбандыққа шалынған болса, кейбірі адамға әлемді (ғарышты) шарлауға, тылсым күшті иеленуге жәрдемдесетін киелі (культтік) аңдар (қасқыр). Жануарлар бейнесін шекуде қандайда бір тәртіппен орналастырған: тақта тастың жоғарғы бөлігінде аспан әлемін меңзейтін құдды бір жұлдыздар сынды кішкене өлшемдегі арқарлар тұрса, ортанғы тұста көлденеңінен салынған арқар (құрбандыққа шалынған), рухы жерден көкке көтерілген іспетті. Адамның бейнесімен ортанғы позициядағы қасқыр сұлбасы композицияның негізгі тақырыбын аша түседі. Яғни, киелі бөрі адамды аспанға (Тәңірге) жеткізуші, оның ғұрыптық «қызметшісі». Тақтаның астыңғы бұрышында бәдізделген мүйіздері салаланған бұғы мен шиыршықталған (мәңгіліктің нышаны) үлкен мүйізді арқарлар күннің (культі) көтерілуін бейнелеп тұр.

Осылайша, жоғарыда композиция мен ондағы антропоморфты бейненің мәнін ашу барысында археологиялық, этнографиялық материалдар негізінде салыстырмалы тұрғыда ежелгі тұрғындарының дүниетанымының кейбір мәселелері қарастырылды. Қорыта айтқанда, мақалаға арқау болған бұған дейінгі ғалымдардың зерттеулері, әр өңірдегі жартас суреттерінің бейнелік жағынан ұқсастығы – сурет тасқа қашалған кезеңіндегі адам қиялының, қоғамдық сананың, діни наным-сенімнің бір деңгейде болғанынан хабар береді. Сондықтан, Ұзынкүнгеі композициясы ғұрыптық жоралғыларды орындаушы – кейіпкер (құрбан шалатын, Құдаймен адамды, жер мен көкті, табиғатпен жануарларды, тіршілік иелерін байланыстырушы) бейнеленген бақсылық сюжет болып табылады.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- 2 Акишев К.А. Құрған Иссык. М.: Искусство, 1978. 142 с.
- 3 Амаргазиева А.Ж. Кетпен жотасы петроглифінің сюжеттеріндегі бұқа бейнесі (Науакескен, Ұзынкүнгеі сайларының материалдары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2022. № 2 (16). 9-23-бб. DOI: 10.52967/akz2022.2.16.9.23
- 4 Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57-87.
- 5 Бабалар сөзі: Жүз томдық. 78-том. Қазақ мифтері. / Жауапты ред: Т. Әлбеков. Астана: Фолиант, 2011. 489 б.
- 6 Бабалар сөзі: Жүз томдық. 93-том. Магиялық фольклор. / Жауапты ред: Т. Әлбеков. Астана: Фолиант, 2013. 432 б.

- 7 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Шаманка, жрица, принцесса? (К изучению статуса женщины сакской эпохи) // Edu.e-history.kz. 2019. № 3 (19). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1264> (каралған күні 16.01.2023)
- 8 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Баян-Жүрек петроглифтері. Алматы: ИД Credo, 2008. 200 б.
- 9 Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы. Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 156 с. +45 илл.
- 10 Бобомуллоев Б.С. Петроглифы Сои Сабаг в верховье Зеравшана // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». 2020. Вып. 12. С. 22-34.
- 11 Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. М-лы междунар. конф. / Ред. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: Наука, 1996. С. 39-42.
- 12 Диваев А. Из области киргизских верований – баксы как лекарь и колдун: Этнографический очерк (1920–1921 жылдардағы этнографиялық экспедиция материалдары) // М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты қолжазбақоры. Қолжазба: 156-бума. 1899, 123 б.
- 13 Дэвлет М.А. Генезис шаманства по материалам наскальных изображений Сибири // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. М-лы междунар. конф. / Ред. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: Наука, 1996. С. 24-26.
- 14 Жақыпов С. Арқарбай дуана. 1988 // М.О. Әуезов ат. Әдебиет және өнер институты қолжазба қоры. Қолжазба: 914-бума, 2-папка, 4-дәптер, 13 б.
- 15 Каримова Г.Р. Религия в петроглифах Таджикистана // Муаррих. 2019. № 1 (17). С. 92-114.
- 16 Кубарев В.Д. Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Известия лаборатории археологии Горно-Алтайского университета. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. № 6. С. 89-107.
- 17 Кубарев В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3 (27). С. 41-54.
- 18 Қазақ әдебиетінің тарихы. Он томдық. 1-том. Алматы: ҚАЗАқпарат, 2007. 812 б.
- 19 Қазақ мәдениеті. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: Аруна Ltd. 2005. 576 б.
- 20 Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. I том. Ғыл. ред.: Нұрсан Ә. Алматы: DPS, 2011. 736 б.
- 21 Қанарбаева Б. Қазақтың наным-сенімдерінің фольклордағы көрінісі. Алматы: Жазушы, 2004. 288 б.
- 22 Қартай Т.Е. Бөрітаным: экспедициялық зерттеулер. Алматы: Қазақ университеті, 2021. 104 б.
- 23 Лукпанова Я.А. Комплекс ритуальных предметов из элитного женского погребения в Западном Казахстане // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 228-232.
- 24 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Сочинения. В 14-ти т. Т. 1. / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Атамұра, 1998. 400 с., илл.
- 25 Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 150 с., ил.
- 26 Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 168 с.
- 27 Петри Б.Э. Степени посвящения // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия в 2-х т. Т. 1. / Сост. Т.Ю. Сем. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 345-349.
- 28 Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): м-лы междунар. научн. конф. (г. Кемерово, 22–26 августа 2011 г.). В 2-х т. Т. 2. / Сост. Л. Н. Ермоленко, О. С. Советова и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 87-99.
- 29 Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 200 с.
- 30 Самашев З. Жетісу жартас суреттері. Баянжүрек. Астана: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2012. 240 б.
- 31 Сем Т.Ю. Из истории шаманства: образы шаманов и шаманских ритуалов на петроглифах Верхнего Амура, Олекмы и Алдана // Религиоведение. 2019. № 3. С. 53-61. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.53-61.

- 32 Уахатов Б. Қазақтың халық өлеңдері. Алматы: Ғылым, 1974. 288 б.
33 Швең И.Н. Ритуальные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. 1999. № 1. С. 103-111.
34 Швең И.Н. Некоторые аспекты современного состояния изучения наскального искусства Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3 (23). С. 130-139.

REFERENCES

- 1 Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and mythology of the Saks)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
2 Akishev, K. 1978. *Kurgan Issyk (Kurgan Issyk)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
3 Amargazieva, A. Zh. 2022. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (16), 9-23 (in Kazakh).
4 Artamonov, M. I. 1961. In: *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*, 2, 57-87 (in Russian).
5 Albekov, T. (ed.). 2011. *Babalar sözi. Juz tomdiq. 78-tom. Kazah mifleri (Words of ancestors: One hundred volumes. 78-vol. Kazakh myths)*. Astana: "Foliant" Publ. (in Kazakh).
6 Albekov, T. (ed.). 2013. *Babalar sozi. Juz tomdiq. 93-tom. Magiyalyk folklore (Words of ancestors: One hundred volumes. 93-vol. Magical folklore)*. Astana: "Foliant" Publ. (in Kazakh).
7 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2019. In: "Edu.e-history.kz", 3 (19). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1264> (accessed: 16.01.2023) (in Russian).
8 Baipakov, K. M., Mariyashev, A. N. 2008. *Bayan-Jurek petroglifleri (Bayan-Zhurek petroglyphs)* Almaty: "Credo" Publ. (in Kazakh).
9 Beisenov, A. Z., Mariyashev, A. N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Zhetysu (Petroglyphs of the early Iron Age Zhetysu)*. Almaty. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
10 Bobomulloyev, B. S. 2020. In: *Uchenyye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» (Scientific notes of the museum-reserve «Tomskaya Pisanitsa»)*, 12, 22-34 (in Russian).
11 Bokovenko, N. A. 1996. In: Alexeyev, A. Yu. et al. (eds.). *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu (Priesthood and shamanism in the Scythian era)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 39-42 (in Russian).
12 Divaev, A. 1899. In: *M.O. Auezov atındagi Adebiet jane oner institwti qoljazba qori (Manuscript Fund of the Institute of M.O. Auezov Institute of Literature and Art)* // Koljazba: 156-buma (in Kazakh).
13 Devlet, M. A. 1996. In: *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Priesthood and shamanism in the Scythian era Proceedings of the international conference)*. Saint Petersburg: "Nauka", 24-26. (in Russian).
14 Zhakypov, S. 1988. In: Archive of the M.O. Auezov Institute of Literature and Art. Koljazba: 914-buma. 2-papka, 4-dapter (in Kazakh).
15 Karimova, G. R. 2019. In: *Muarrikh (Muarrich)*, 1 (17), 92-114 (in Russian).
16 Kubarev, V. D. 2001. In: *Izvestiya laboratorii arheologii Gorno-Altayskogo universiteta (Proceedings of the Laboratory of Archaeology of the Gorno-Altai University)*, 6, 89-107 (in Russian).
17 Kubarev, V. D. 2006. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 3 (27), 41-54 (in Russian).
18 Kazak adebietinin tarihy. 2007. *On tomdik, 1-tom (History of Kazakh literature. Ten volumes. 1-vol.)*. Almaty: "KAZakparat" Publ. (in Kazakh).
19 Kazak madeniety. 2005. *Enciklopediyalik anıqtamalık (Kazakh culture. Encyclopedic handbook)*. Almaty: "Arwna Ltd"». (in Kazakh).
20 Kazaktyn etnografiyalık kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli juyesi. 2011. *Entsiklopediya, 1 tom (Kazakh traditional system of ethnographic categories, concepts and names. Encyclopedia, 1-vol.)*. Almaty: "DPS" Publ. (in Kazakh).
21 Kanarbaeva, B. 2004. *Kazaktyn nanim-senimderinin folklordagy korinisi (Reflection of Kazakh beliefs in folklore)*. Almaty: "Jazushy" Publ. (in Kazakh).
22 Kartay, T. E. 2021. *Boritanyam: ekspeditsiyalyk zertteuler (Mission: expeditionary research)*. Almaty: "Kazakh University" Publ. (in Kazakh).

- 23 Lukpanova, Ya. A. 2018. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin.)*, vol. 7, 4 (25), 228-232 (in Russian).
- 24 Margulan, A. Kh. 1998. In: *Sochineniya. V 14 tomakh. T. 1 (Essays. In 14-vol. 1-vol.)* Almaty: "Atamura" Publ. (in Russian).
- 25 Maryashev, A. N., Zheleznyakov, B. A. 2013. *Drevnosti Kulzhabasy (Antiquities of Kulzhabasy)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 26 Okladnikov, A. P. 1974. *Petroglify Baykala – pamyatniki drevney kultury narodov Sibiri (Petroglyphs of Baikal are monuments of the ancient culture of the peoples of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 27 Petri, B. E. 2011. In: Sem, T. Yu. (compl.). *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskiye materialy XVIII–XX vv.: khrestomatiya v 2 tomakh. 1 tom. (Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the 18th–20th centuries: an anthology in 2 vol. 1-vol.)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 345-349 (in Russian).
- 28 Rogozhinskiy, A. Ye. 2011. In: Ermolenko, L. N., Sovetova, O. S et al. (eds.). *Naskalnoye iskusstvo v sovremennom obshchestve (k 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy) (Rock art in modern society (to the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk petroglyph))*. In 2 volumes. Vol. 2. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat", 87-99 (in Russian).
- 29 Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazakhstana (Petroglyph of Kazakhstan)*. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).
- 30 Samashev, Z. 2012. *Jetisu jartas suretter. Bayanjurek (Petroglyphs of Zhetysu. Bayanzhurek)*. Astana: Brunch of the Margulan Institute of Archaeology (in Kazakh).
- 31 Sem, T. Yu. 2019. In: *Religiovedeniye (Religious studies)*, 3, 53-61. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.53-61 (in Russian).
- 32 Uakhatov, B. 1974. *Kazaktyn halyk olenderi (Kazakh folk poems)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Kazakh).
- 33 Shvets, I. N. 1999. In: *Izvestiya Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan. Ser. obshchestv. nauk (News of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Social sciences series)*, 1, 103-111 (in Russian).
- 34 Shvets, I. N. 2005. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 3 (23), 130-139 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 23.02.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.04.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.05.2023.

УДК 903/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.166.185>

Коллекция костяных изделий поселения Токсанбай (Северо-Восточный Прикаспий)

© 2023 г. Лошакова Т.Н., Усачук А.Н.

Keywords: archaeology, late Bronze Age, Ustyurt plateau, settlement, Toksanbai, Aitman, Manaysor, bone industry, traceology

Түйін сөздер: археология, кейінгі қола дәуірі, Үстірт, қоныс, Тоқсанбай, Айтман, Манайсор; сүйек өнеркәсібі, трасология

Ключевые слова: археология, эпоха поздней бронзы, плато Устюрт, поселение, Токсанбай, Айтман, Манайсор, костяная индустрия, трасология

Tatiana Loshakova¹ and Anatoly Usachuk^{2*}

¹Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: loshakovat@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Donetsk Republican Museum of Local History, Donetsk. E-mail: doold@mail.ru

Collection of bone artifacts of Toksanbai settlement (North-Eastern Caspian Region)

Abstract. The article is devoted to the study of the collection of bone articles of the Toksanbai settlement (18th–17th centuries BC). Over the years of research, significant material has been accumulated illustrating the tradition of animal bones processing. The technological features of the manufacture and use of products were determined. Animal bone, as a raw material, was subjected to chopping, knapping, splitting and, less often, chipping. In addition to the traces of cutting with a metal blade, those of chopping with both metal and stone axes, of sawing and grinding with a metal blade, and occasionally scraping (a method rarely used in the Bronze Age) were observed. Among the categories of bone tools are hide scrapers, perforators, burnishers, drills, etc. Bone tools were mainly used in raw hide and skin processing and less often in pottery making. Tools and objects made of bone, which are of great importance in people's lives, were used in rituals. This is evidenced by the cheek-pieces found in the premises of the cult orientation and the burial of a person, accompanied by bone tools for leather processing, as well as fragments of animal bones.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2022–2023, IRN BR11765630.

For citation: Loshakova, T., Usachuk, A. 2023. Collection of bone artifacts of Toksanbai settlement (North-Eastern Caspian Region). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 166–185 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.166.185](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.166.185)

**Татьяна Николаевна Лошакова¹,
Анатолий Николаевич Усачук^{2*}**

¹аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, аға ғылыми қызметкер,
Донецк республикалық өлкетану музейі, Донецк қ.

**Тоқсанбай қонысы сүйек бұйымдарының
коллекциясы**
(Солтүстік-Шығыс Каспий бойы)

**Татьяна Николаевна Лошакова¹,
Анатолий Николаевич Усачук^{2*}**

¹старший научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

²автор-корреспондент, кандидат исторических
наук, старший научный сотрудник, Донецкий
республиканский краеведческий музей, г. Донецк

Коллекция костяных изделий поселения Токсанбай
(Северо-Восточный Прикаспий)

Аннотация. Мақала Тоқсанбай қонысынан (б.д.д. XVIII–XVII ғғ.) алынған сүйек өнімдерінің коллекциясын зерттеуге арналған. Қазба барысында жануарлардың сүйектерін өңдеу дәстүрінің дамығанын көрсететін айтарлықтай материал жинақталды. Бұйымды дайындау мен өңдеудің кейбір технологиялық ерекшеліктері қарастырылады. Жануарлардың сүйегі шикізат ретінде кесуге, бөлуге және бөлшектеуге, кейде қыруға ұшыраған. Метал пышақпен кесуден басқа тас және метал балтамен бөлу, метал жүзі бар құралдармен қыру, аралау және тырнау (қола дәуірінде сирек қолданылатын сүйек бұйымдарын өңдеу әдісі) секілді тозғын іздерін сүйектің беттерінде кездестіруге болады. Келесі бұйымдар санаты бөлініп алынды: қырғыш, біздер, тегістегіштер мен сүйек бұрғылар және т. б. Негізінен өнімдер сүйекті өңдеуде, көбінесе қыш өндірісінде қолданылатыны анықталды. Адамдардың өмірінде үлкен маңызы бар құралдар мен сүйектен жасалған заттар салттық тәжірибеде қолданылған. Бұған үй-жайдан табылған тері өңдеуге арналған сүйек құралы, сонымен қатар мал сүйектерінің сынықтарымен бірге табынушылық бағыттағы сулық пен адам жерлеуі дәлел болады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR11765630 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Лошакова Т.Н., Усачук А.Н. Тоқсанбай қонысы сүйек бұйымдарының коллекциясы (Солтүстік-Шығыс Каспий бойы). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 166–185-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.166.185](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.166.185)

Аннотация. Статья посвящена изучению коллекции изделий из кости поселения Токсанбай (XVIII–XVII вв. до н.э.). За период исследований накоплен значительный материал, иллюстрирующий традицию обработки кости животных. Определены технологические особенности изготовления и использования изделий. Животная кость, как сырьё, подвергалась рубке, раскалыванию и расщеплению, реже – оббивке. Помимо следов резки металлическим лезвием на орудиях фиксируются следы рубки как металлическими, так и каменными топорами, пиления-перетирания металлическим лезвием, изредка – шабрения, редко применявшегося в эпоху поздней бронзы. Выделены следующие категории изделий: тупики, проколки, ложила, свёрла и др. Костяные орудия применялись в основном при обработке кожи, реже – в изготовлении сосудов. Имеющие большое значение в жизни людей орудия и предметы из кости использовались в ритуалах. Об этом свидетельствуют найденные в помещении культовой направленности псалы и погребение человека, сопровождавшееся костяными орудиями для обработки кожи, а также фрагментами костей животных.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630.

Для цитирования: Лошакова Т.Н., Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий поселения Токсанбай (Северо-Восточный Прикаспий). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 166–185. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.166.185](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.166.185)

1 Введение (Лошакова Т.Н., Усачук А.Н.)

Поселение Токсанбай, о котором археологам в 1991 г. сообщили геологи, было обнаружено в Северо-Восточном Прикаспии, в урочище Токсанбай, на берегу сора Шомиштыколь (Бейнеуский р-н, Мангистауская обл., Республика Казахстан). Специалисты Института археологии им. А.Х. Маргулана начали исследовать поселение в 1997 г. под руководством З. Самашева [Лошакова 2020: 47–69]. Поселение стало эталонным памятником эпохи поздней бронзы региона. Открытые немногим позже поселения Айтман и Манайсор I–III, как показывает археологический материал, а позже подтвердили и даты C14, аналогичны комплексу поселения Токсанбай, что позволило объединить их в группу памятников токсанбайского типа [Самашев и др. 2001; 2002]. Именно с поселения Токсанбай происходит самая большая коллекция изделий из кости, которая позволила выявить категории изделий, особенности их изготовления и использования.

2 Материалы и методика (Усачук А.Н., Лошакова Т.Н.)

2.1 Методика исследований

Исследователями просмотрен весь остеологический материал, включая явные изделия, а также осколки и обрубки костей животных. Из всей массы отобранного материала извлечены очевидные изделия, а также кости, на поверхности которых визуальным отмечались следы сработанности. В лабораторных условиях весь отобранный материал подвергся трасологическому изучению с целью установления комплекса следов, имеющихся на их поверхности (использовался микроскоп МБС-10).

2.2 Характеристика материала и результаты исследования

Естественная сохранность костей животных на поселении очень хорошая и оценивается в 4–5 баллов по пятибалльной системе [Антипина 2003: 13]. На хорошую сохранность остеологической коллекции обращает внимание и Л.Л. Гайдученко, отмечая, что изредка на костях фиксируются следы погрызов мелкими хищниками, лисицей или корсаком [Гайдученко 2012: 160].

Изучавшиеся предметы из кости являются целыми или фрагментированными орудиями, или изделиями и относятся к одной категории остеологического материала – ремесленной [Антипина 2004: 184]. Однако из 1979 экз. изученных находок не орудиями/изделиями оказалось 164 экз. Остальные 1815 экз.¹ распределились между 14-ю категориями костяных орудий/изделий; в их числе к отходам косторезного производства отнесены 161 экз. и к сырью – 112 экз. В столь большой коллекции подобное членение несколько условно: в реальности некоторые отходы вполне могли служить заготовками более мелких поделок или орудий. Кроме того, удобные фрагменты костей, являясь отходами, вполне могли использоваться, пусть и недолго, в качестве стругов или лоцил по коже. Например, рёбра крупных копытных раскалывались вдоль для получения тонких пластин компакты. Оставшееся тело ребра можно считать отходом, однако время от времени подобные артефакты использовались, пусть и недолго, в качестве стругов. Как сырьё, так и отходы косторезного производства Токсанбая демонстрируют следы таких операций, как продольное и поперечное (редко) расчленение трубчатых костей копытных, оббивка (довольно архаичный приём обработки кости), расщепление вдоль плоских костей, распиловка заготовки, вырезка фрагментов компакты, скобление, шабрение (очень редко – см. [Бородовский 1997: 62], резка тонкими металлическими лезвиями. Следы различных операций с костью частично фиксируются и на разнообразных токсанбайских орудиях. На астрагалах (таранных костях) мелких копытных присутствуют следы поперечной резки, что указывает на целенаправленное вычленение этих костей из конечностей животных [Антипина 2004: 191]. В целом, технология косторезного производства на памятнике соответствует схеме, тщательно разработанной А.П. Бородовским [Бородовский 1997: 42–72]. Наши выводы существенно дополняются наблюдениями Л.Л. Гайдученко, обратившего внимание на почти полное отсутствие на памятнике трубчатых костей, дентальных отделов нижнечелюстных костей и широких частей подвздошных костей крупных копытных [Гайдученко 2012: 160].

¹ Подсчёты количества костяных орудий/изделий на памятнике относительны. Здесь учитываются находки на конец сезона 2008 г. Л.Л. Гайдученко, например, работал с остеологическими коллекциями Токсанбая, включая находки полевого сезона 2012 г. [Гайдученко 2012: 160]. Обращаем внимание на интересную попытку исследователя вычислить потенциально допустимое количество костяных орудий памятника – более 70 000 экз. [Гайдученко 2012: 169], причём это только для раскопанной части поселения.

При изучении коллекции Токсанбая отмечено чрезвычайно малое количество собственно костяных или роговых изделий непромышленного назначения (8 экз.). К этой группе следует прибавить 66 астрагалов мелких копытных без следов сработанности, но со следами использования (залощены или заполированы) от применения в играх и ритуалах. Но даже тогда доля костяных изделий непромышленного назначения составит лишь 4,8% (74 экз.). Остальное в огромной коллекции Токсанбая – орудия различных производств. Основная масса – 1230 экз. (79,76%) – является орудиями кожевенного и мехового производства².

В это количество входят струги, проколки, орудия на лопатках, ложила, многочисленные орудия для обработки шкур – двуручные и одноручные. Подавляющее количество орудий кожевенного производства токсанбайской коллекции (912 экз.) относится как раз к двум видам: из лопатки мелкого копытного (497 экз.) (рис. 1) и подвздошной кости крупного копытного³ [Гайдученко 2012: 168] (415 экз.)⁴ (рис. 2).

Изготовление орудий из лопатки мелкого копытного и подвздошной кости крупного копытного не отличается сложностью. Говоря об использовании животной кости на юге Западной Сибири в бронзовом и раннем железном веках, А.П. Бородовский отмечает особый интерес, который

² Л.Л. Гайдученко считает, что на поселении было «огромное количество шкур копытных и пушно-меховых видов животных» [Гайдученко 2012: 168]

³ За орудиями из тазовых костей животных прочно закрепилось название «трепало» (иногда «струг»). Показательным в этом случае является то, что даже в специальной работе, посвященной косторезному производству, подобное орудие названо и тупиком [Бородовский 1997: 71], и трепалом [Бородовский 1997: табл. 37, 2]. Подобный и даже ещё больший разницей в терминах по отношению к ещё одной разновидности тупиков – из нижних челюстей крупных копытных – уже обсуждался [Усачук 1996: 67–68; Панковский, Фидельский 2018: 153; Панковский 2018: 249; Панковский 2018: 126; Усачук, Бахшиев 2020: 58]. Обратим внимание на то, что по В.И. Далю глагол «трепать» имеет синонимы «терebить, тормошить, дёргать, мять, скубти, пушить, слегка колотить, рвать» и производные от него названия орудий «трепалка», «трепло», «трепало», «трепальный вал» подразумевают активные действия по обработке льна, конопли, ветоши и прочего (шире – «собаки зайца треплот»), в результате чего обрабатываемый материал претерпевает значительные изменения [Даль 1980: 428]. Очевидно, на появление термина «трепало» по отношению к крупным орудиям кожевенного производства повлиял упомянутый В.И. Далем в числе других глагол «мять», поскольку он ассоциируется с обработкой кожи (сыромять или мячина среди сортов кож) [Курбатов 2010: 200], фольклорное прозвище Кожемяка [Подобед и др. 2011б: 88], «Мяля <...> – снаряд для обминки кож» [Даль 1979: 375]) и пр. Работа кожевными орудиями типа стругов и тупиков гораздо менее влияет на состояние обрабатываемого материала. Термин «струг» (вариант – скобель) следует, на наш взгляд, оставить за орудиями из рёбер копытных, поскольку они используются с заостренным краем [Усачук: 1996: 68; Бородовский 1997: 67; Курбатов 2010: 189]. Разнообразные тупики, наоборот, служили орудиями для работы по коже со специально затупленным рабочим краем [Усачук 1996: 68; Курбатов 2010: 189]. «Тупик <...> род скобеля, которым счищают мездру, после мочки, <...> выбивают кожи <...>, счищают с мездры жир» [Даль 1980: 443]. Добавим, что зачастую струги и тупики оказывались близки по использованию [Усачук 1996: 68; Курбатов 2010: 189]. Впрочем, и сам термин «тупик» неоднозначен: пересмотр следоведческой части и эксперименты выявили недавно иное назначение «тупиков» из нижнечелюстных костей крупных копытных: это рабочие части простых станковых орудий для отделки сыромяти, а не ручные орудия-скребки. В связи с этим предложен и другой термин: «мялка» или «мялка-беляк», поскольку в кустарном производстве орудие для мятья и растягивания шкур называется «беляк» [Панковский, Фидельский 2018: 153; Панковский 2018: 126]. Говоря об изменении назначения и названия целых групп костяных орудий, укажем на то, что в последнее время в изучении костяных изделий бронзового века происходят крупные подвижки: казалось бы привычные уже категории костяных орудий, такие как «спицы», «шпатели», «коньки» получают из-за новых взглядов на появление тех или иных следов, подкреплённых к тому же экспериментами, новое осмысление и часто – новые термины [Панковский 2012: 71–82; Панковский 2013: 459–472; Панковский, Антипина 2017; Панковский 2018: 243, 249; Усачук и др. 2023; и др.]. За орудиями из подвздошной кости крупных копытных на поселении Токсанбай мы сохраним пока термин «тупики», подчеркивая его рабочий и, возможно, не всеобъемлющий характер.

⁴ Потенциальное количество подобных орудий составляет почти 11700 изделий [Гайдученко 2012: 168].

Рис. 1. Токсанбай. Орудие на лопатке мелкого копытного. Фото Олега Белялова

1-сур. Тоқсанбай. Ұсақ тұяқтының жауырынынан жасалған құрал. Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 1. Toksanbai. A tool on the shoulder blade of a small ungulate. Photo by Oleg Belyalov

проявляли к крылу подвздошной кости при технологической разделке плоских костей животных. Мастера Токсанбая, так же как и южносибирские [Бородовский 1997: 71], отделяли крылья правой и левой подвздошных костей, перерубая узкое тело.

Применялся иногда и более аккуратный приём отчленения: оббивка компакты по периметру узкой кости с последующим сломом. Пиление тела подвздошной кости по периметру для слома её по намеченному пропилю на Токсанбае не зафиксировано. После отделения крыла проводилась вырубка его части в районе подвздошного гребня [Бородовский 1997: 71]. Помимо металлических при рубке подвздошных костей крупных копытных использовались и каменные орудия: в губчатом слое одного из таких орудий застрял небольшой зеленый осколок лезвия каменного топора (рис. 3; 4).

Оформление рабочего края проходило по-разному. В основном фиксируется небрежная, но уверенная подрубка от центра орудия к краям его «крыльев», но иногда рубка начинается от края «крыла» к центру. В одних случаях лезвие топора идёт при многочисленных ударах почти под одним углом к обрабатываемой кости, а в других – много ударов с разных сторон и под разными углами – в оформлении рабочего края чувствуется определённая хаотичность (недостаток опыта?). Рабочие края оформлялись или очень плавно (рис. 5), или с достаточно узкой и глубокой аркой (рис. 2; 6) – очевидно, для различных нюансов использования этих «тупиков».

Следы сработанности на орудиях из подвздошных костей крупных копытных концентрируются в районе рабочего края и напоминают собой такие же следы на тупиках из нижнечелюстных костей крупного рогатого скота. Это разноразличные (но чаще короткие) перпендикулярные и диагональные относительно рабочего края орудия группы тонких следов. Иногда на них накладываются длинные и очень длинные следы с раздвоенным ложом, которые могли остаться от попавших под рабочий край разного размера песчинок. Чаще следы концентрируются в середине рабочего края орудия, постепенно уменьшаясь к краям. Плоскость кости выше рабочей кромки заложена обычно больше, чем на краях. Таким образом, работа этими орудиями подразумевала большую нагрузку на середину рабочего края, и вырубка арки сильнее подчеркивала подобную направленность будущей сработан-

Рис. 2. Токсанбай. Орудия на фрагментах подвздошных костей крупных копытных. Фото Олега Белялова

2-сур. Тоқсанбай. Ірі тұяқты жануардың жамбас сүйегінің бөлшегінен жасалған құрал. Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 2. Toksanbai. Tools on fragments of iliac bones of large ungulates.
Photo by Oleg Belyalov

ности. Если поверхность орудий залощена, то рабочий край, как правило, залощен очень сильно, вплоть до заполировки и частичного обесцвечивания⁵. Поры губчатого слоя на рабочем крае двух орудий забиты охрой, слабые остатки её есть и на поверхности этих орудий. Кроме того, на многих орудиях из подвздошных костей крупных копытных сохранились длинные разнонаправленные следы резки металлическими лезвиями, оставшиеся от разделки туш, когда части скелета животного являлись ещё будущим сырьем. А на некоторых единичных сильно сработанных орудиях наблюдаются продольно-диагональные многочисленные следы резки тонкими лезвиями – такое впечатление, что орудия для кожи использовали уже вторично, как удобную подставку.

Вероятно, орудия из подвздошных костей крупных копытных распадаются на несколько подгрупп. Те, что имеют довольно острый край, могли использоваться для мездрения или, по крайней мере, для окончательной очистки шкур, наиболее близко подходя к тому, чтобы называться тупиками. Иные орудия могли использоваться в качестве мялок-беляков, для окрашивания шкур

⁵ Эффект, наблюдаемый у долго лежащих в земле костяных орудий: наиболее сработанные участки компактны настолько заполированы и «закупорены», что почти не разрушаются, в то время, как остальная поверхность кости испытывает более сильное воздействие кислотных, щелочных и солевых растворов почвы [Погодин, Довгалюк 2005: 251–252].

Рис. 3. Токсанбай. Орудие из подвздошной кости крупного копытного с фрагментом каменного лезвия, застрявшего в губчатом слое кости.
Фото Олега Белялова

3-сур. Тоқсанбай. Сүйектің кемікті қабатында қысылып қалған тас кескіштің сынығы бар ірі тұяқты жануардың жамбас сүйегінен жасалған құрал.
Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 3. Toksanbai. A tool made of the ilium of a large ungulate with a fragment of a stone blade stuck in the spongy layer of bone.
Photo by Oleg Belyalov

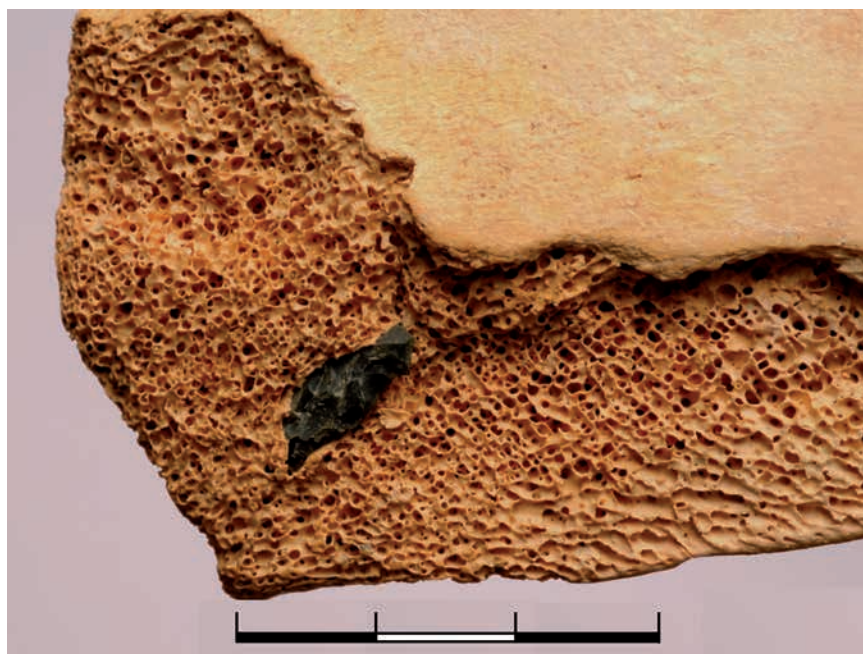

Рис. 4. Токсанбай.
Фрагмент каменного орудия в губчатом слое рабочего края тупика. Фото Олега Белялова

4-сур. Тоқсанбай.
Тұйықталған жұмыс бөлігінің кемікті қабатындағы тас құралдың сынығы.
Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 4. Toksanbai.
A fragment of a stone tool in a spongy layer of a bone scraper.
Photo by Oleg Belyalov

(?), а, возможно, и для трудноуловимых даже по следам использования операций. Например, В.Б. Панковский и С.А. Фидельский при изучении подобных изделий поселения Чобручи (Поднестровье) отнесли одно орудие на основе анализа следов сработанности к рыбачисткам [Панковский, Фидельский 2018: 153], а несколько орудий назвали «дискуссионная категория *скребки от пота*» [Панковский, Фидельский 2018: 154], полагая, что «своими дуговидными косыми фасками на продолговатых рукоятях они весьма напоминают скребки от пота (т. н. потные ножи), применяемые для сушки вспотевших, вымокших под дождём или выкупанных лошадей» [Панковский, Фидельский 2018: 155].

Орудия для обработки кожи из лопатки мелкого копытного (тонкие и изящные, подобные орудия как раз и могли использоваться для обработки небольших по размеру шкур «пушно-

меховых видов животных») изготавливались ещё проще: достаточно было удалить (сломать или отрезать) фрагменты предостной или заостренной ямок. При работе подобные орудия с тонким рабочим краем зачастую срабатывались практически до ости лопатки.

Что касается стругов (192 экз.) из рёбер крупных копытных (в основном – лошадей), то кости чаще всего не обрабатывались вовсе. Только на одном орудии зафиксирована наметка и частичное изготовление зубчатого рабочего края, а другой струг слегка подрезан по рабочему краю – сделана своеобразная арка. Рабочим краем такого узкого двуручного орудия является тонкий краниальный край кости. Сработанность стругов сопоставима со сработанностью орудий из лопаток мелких копытных: короткие тонкие параллельные друг другу группы поперечных и поперечно-диагональных следов, завальцованность, залощенность до заполировки и нитевидной обесцвеченности, микроскопические утраты и выкрошенность компакты рабочей кромки. Производительность стругов немного уступала иным орудиям обработки кожи [Усачук 2013: 336], зато почти полное отсутствие процесса изготовления позволяло использовать рёбра крупных копытных в больших количествах. Изобилие сырья на Токсанбае привело к тому, что, наряду с сильно сработанными стругами, здесь встречаются и своеобразные «разовые» орудия, которые использовались мало (возможно и эпизодически в каких-либо конкретных случаях) [Килейников 1988: 106; Усачук 2013: 336; Панковский 1999: 197; и др.]. Интересная деталь: в тело ребра одного струга (ребро лошади) вбит костяной колышек (рис. 7) сечением 0,2×0,45 см, выступающий из кости на 0,1–0,15 см. На торце колышка следы слома. По слоому – довольно сильная залощенность, т. е. орудие использовали с этим

Рис. 5. Токсанбай. Орудия из подвздошной кости крупного копытного с плавным оформлением рабочего края. Фото Олега Белялова

5-сур. Тоқсанбай. Қолданыс шеті аздап әрленген ірі тұяқты жануардың жамбас сүйегінен жасалған құрал. Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 5. Toksanbai. Tools made of the ilia of large ungulates with a smooth processing of the working edge. Photo by Oleg Belyalov

сти, микроскопические утраты и выкрошенность компакты рабочей кромки. Производительность стругов немного уступала иным орудиям обработки кожи [Усачук 2013: 336], зато почти полное отсутствие процесса изготовления позволяло использовать рёбра крупных копытных в больших количествах. Изобилие сырья на Токсанбае привело к тому, что, наряду с сильно сработанными стругами, здесь встречаются и своеобразные «разовые» орудия, которые использовались мало (возможно и эпизодически в каких-либо конкретных случаях) [Килейников 1988: 106; Усачук 2013: 336; Панковский 1999: 197; и др.]. Интересная деталь: в тело ребра одного струга (ребро лошади) вбит костяной колышек (рис. 7) сечением 0,2×0,45 см, выступающий из кости на 0,1–0,15 см. На торце колышка следы слома. По слоому – довольно сильная залощенность, т. е. орудие использовали с этим

Рис. 6. Токсанбай. Орудия из подвздошной кости крупного копытного с оформлением рабочего края в виде арки. Фото Олега Белялова
6-сур. Тоқсанбай. Қолданыс шеті арка тәрізді әрленген ірі тұяқты жануардың жамбас сүйегінен жасалған құрал.
Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 6. Toksanbai. Tools made of the ilia of large ungulates with the design of the working edge in the form of an arch. Photo by Oleg Belyalov

колышком. Назначение колышка неясно. Он не может быть кончиком костяного наконечника стрелы, поскольку торчит с внутренней стороны ребра. Кроме того, вокруг колышка, если бы он был фрагментом впившегося в кость наконечника стрелы, нет сетки мелких трещин в компакте. В то же время струг использовали со сломанным колышком, т. е. для орудия он был бесполезен. Колышек сидит очень плотно и не вынимался, однако вокруг него не видно следов специально изготовленного прямоугольного отверстия.

Целая группа орудий кожевенного производства определена под несколько условным названием «лощила» (68 экз). С одной стороны, по следам использования «лощила» близки другим группам орудий для обработки кожи, с другой – зачастую в качестве орудий использовались удобные фрагменты расколотых трубчатых костей крупных и мелких копытных безо всякой подготовки. В качестве рабочих использовались длинные стороны фрагментов костей.

Так же брались и удобные короткие фрагменты тел рёбер копытных. Одно орудие из толстой компакты расколотой трубчатой кости крупного копытного морфологически близко стругам, причём аркообразное углубление в середине орудия вырезано специально. Обратим внимание на то, что типичное для иных памятников сырьё – тела нижнечелюстных костей крупных копытных – на Токсанбае практически не использовалось. Нами обнаружено только 3 экз. орудий для разминания кожи из нижних челюстей лошади (рис. 8).

В качестве орудий кожевенного производства на Токсанбае эпизодически использовались и лопатки крупных копытных. В коллекции таких орудий всего 6 экз. На двух орудиях из левой лопатки лошади участок заостренной ямки частично сбит и его торец является рабочим краем, а значит, эти

лопатки использовались так же, как многочисленные подобные орудия из лопаток мелких копытных. В заостренной ямке еще одной лопатки аккуратно выломано круглое отверстие 3,2×3,0 см. Края отверстия слегка завальцованы. Остальные орудия на лопатках крупных копытных сохранились в обломках.

Орудий иных производств в коллекции Токсанбая очень мало. На второе место можно поставить костяные орудия гончарства – 189 экз. (12,25%)⁶. Обратим внимание, что среди этих орудий только четверть относится к различного вида шпателям или, например, ком-

бинированному шпателью-орнаменту. Три четверти орудий гончарства токсанбайской коллекции приходится на таранные кости мелких копытных. Орудия из этих костей, именуемых в археологической литературе астрагалами (альчиками), могли иметь различные назначения [Кунгурова, Удодов 1997: 76, 78; Молодин, Ефремова 1998: 305; Подобед и др. 2011⁶: 284; Мыльников, Мыльникова 2011: 192; Панковский 2013: 454–455; Усачук, Бахшиев 2019: 13–14] и использовались, в частности, в керамическом производстве [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 160; Кашуба 2000: 323; Усачук 2013: 347–348]. Астрагалы являлись своеобразными маленькими лощилами, у которых использовались, в основном, более плоские латеральная и медиальная стороны. На всех орудиях зафиксированы многочисленные четкие довольно длинные разнонаправленные следы разной глубины. Судя по своеобразной «абразивности» следов сработанности [Пряхин, Килейников 1986: 28], можно предположить, что орудия из астрагалов использовались для выравнивания и лощения поверхности со-

Рис. 7. Токсанбай. Костяной колышек, вбитый в струг.
Фото Олега Белялова

7-сур. Токсанбай. Сүргіге қағылған сүйек қазық.
Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 7. Toksanbai. A bone peg driven into the rib drawknife.
Photo by Oleg Belyalov

⁶ Столь разительное различие между количеством кожаных и гончарных костяных орудий может обуславливаться несколькими факторами. Выше говорилось о том, что Токсанбай специализировался, скорее всего, на выделке шкур и кож. Кроме того, для памятников различных эпох вплоть до Нового времени в регионах евразийской степи и лесостепи орудия гончарства в подавляющем большинстве изготавливались из дерева [Глушков, Адамова 1994: 25; Беседин 1996: 166; Шевнина, Усачук 2010: 143; и др.]. Высказывались предположения, что рабочие места гончаров должны быть близко от источников воды, т. е. не всегда на самом памятнике [Шарафутдинова 1989: 177]. Малое количество орудий гончарства на Токсанбае могло быть результатом сочетания нескольких факторов, как указанных, так и пока не выявленных исследованиями.

Рис. 8. Токсанбай. Орудия для разминания кожи из нижней челюсти лошади. Фото Анатолия Усачука

8-сур. Тоқсанбай. Аттың астыңғы жақ сүйегінен жасалған теріні жұмсартуға арналған құралдар. Сурет Анатолий Усачуктікі

Fig. 8. Toksanbai. A tools made of the horse's lower jaw for leather softening. Photo by Anatoliy Usachuk

судов по подсушенной основе [Семёнов, Коробкова 1983: 204–205; Усачук 2013: 347, 349]. Как правило, сработанность боковых граней различна: токсанбайские гончары, очевидно, начинали использовать одну сторону астрагала и только после некоторой её сработанности переворачивали орудие другой стороной. Постепенно срабатывались, пусть и в разной степени, обе боковые стороны таранных костей (рис. 9). Некоторые орудия гончарства употреблялись под разными углами к обрабатываемой стороне, из-за чего одна из боковых сторон становилась округлой (рис. 10).

Помимо астрагалов-орудий, на Токсанбае, как упоминалось выше, выявлена целая группа таранных костей мелких копытных (66 экз.) безо всяких следов сработанности, но с разной завальцованностью и нитевидной залощенностью сторон. Судя по поперечным следам нарезок, оставленных тонким металлическим лезвием (рис. 11), эти таранные кости целенаправленно вырезались [Антипина 2004: 191; Усачук 2013: 331; Усачук, Бахшиев 2019: 13; Усачук, Бахшиев 2020: 69]. Отсутствие следов сработанности в сочетании

с некоторой залощенностью позволяет видеть в этих астрагалах игрально-ритуальные изделия. Изучение токсанбайской остеологической коллекции показало, что на поселении практиковалось вторичное искусственное раздробление длинных костей и фаланг крупных копытных [Усачук, Лошакова 2011: 440]. Возможно, за этим дроблением просматриваются ритуальные действия с костями животных [ср. Антипина 2004: 184, 191]. Помимо этого, на поселении в каких-то ритуалах использовались различные орудия кожевенного производства и псалии [Самашев и др. 2007: 88–90; Подобед и др. 2011а: 105–106; Подобед и др. 2010: 15].

Это подтверждается обнаруженным в процессе исследования поселения погребением под внешней стеной помещения, расположенного на западном склоне [Лошакова 2022: 76]. Судя по всему, погребение имело ритуальный характер, так как сопровождалось орудиями из камня и изде-

лиями из кости, предназначенными для обработки кожи, а также фрагментами костей животных.

Острия различного вида, традиционно именуемые «проколками» [Смирнова 2000: 236], в коллекции Токсанбая встречаются нечасто — всего 62 экз. Как и на множестве иных поселений разных эпох и культур, эти орудия на Токсанбае изготовлены из продольных фрагментов расколотых трубчатых костей крупных и мелких копытных. Иногда использовались и целые кости животных, «природная форма которых требовала лишь минимальных усилий по заострению диафиза кости для преобразования её в простейшее орудие» [Смирнова 2000: 238]. Как и на других памятниках, токсанбайские косторезы старались

Рис. 9. Токсанбай. Астрагалы-лощила. Сработанность наружных боковых сторон. Фото Олега Белялова

9-сур. Тоқсанбай. Жылтыратқыш асық.

Сыртқы жақтарының тозуы. Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 9. Toksanbai. Astragali polishers displaying lateral use-wear. Photo by Oleg Belyalov

Рис. 10. Токсанбай. Лощила из астрагалов для отделки керамических сосудов. Фото Олега Белялова

10-сур. Тоқсанбай. Қыш ыдыстарды өңдеуге арналған асықтан жасалған жылтыратқыш. Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 10. Toksanbai. Astragali polishers used in pottery making. Photo by Oleg Belyalov

изготовить проколки с минимальными усилиями. На орудиях зафиксированы следы строгания или подрезки у острия, часто — следы подработки острия на абразиве. Иногда удобные фрагменты костей животных использовались без подготовки. Все проколки залощены, многие в районе острия заполированы. На рабочих поверхностях — линейные следы в виде тонких параллельных друг другу мелких попе-

Рис. 11. Токсанбай. Астрагал с поперечными следами нарезок от тонкого металлического лезвия.
Фото Олега Белялова

11-сур. Токсанбай. Өте жұқа темір кескіштің көлбеу тілік ізі бар асық.
Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 11. Toksanbai. Astragalus with transverse cut marks produced by a thin metal blade. Photo by Oleg Belyalov

речных следов. Зачастую на поперечные накладываются продольные и продольно-диагональные следы от поступательно-вращательного движения. Наряду с долго используемыми проколками встречаются и очень слабо сработанные острия – своеобразные орудия разового применения (ситуация похожа на использование рёбер копытных в качестве стругов). Проколки напрямую вряд ли можно связывать с кожевненным производством – спектр использования подобных орудий шире, например, в быту.

Пара щитковых псалиев Токсанбая из тазовой кости лошади или дикого верблюда [Самашев и др. 2007: 91] уже вошла в научный оборот [Самашев и др. 2007; Подобед и др. 2010: 15; и др.]. Одинаковые размеры псалиев вплоть до мелких деталей, одни приемы изготовления показывают, что токсанбайские экземпляры – работа одного мастера [Лошакова, Усачук 2011: 11]. Он изначально предполагал немного разное изготовление псалиев в паре: один вырезан без шипов (рис. 12), другой – с двумя монолитными шипами, причем в одном из двух дополнительных отверстий в планке сохранился небольшой вставной шип (рис. 13). Заметим, что мастер токсанбайских псалиев выбрал для штифта (видимо, для всех вставных штифтов) очень твердое сырьё – зубы животных. Эти сверхпрочные штифты крепили ремень, идущий поверх планки, и выполняли роль верхней пары шипов [Лошакова, Усачук 2011: 12].

3 Обсуждение (Усачук А.Н., Лошакова Т.Н.)

В памятниках неолита – поздней бронзы различных регионов степи и лесостепи орудия кожевненного производства занимают, как правило, первое место среди костяных изделий [Пряхин, Килейников 1986: 22–25; Ляшко 1994: 167; Усачук 1997: 129; Усачук 2000: 93; Горбов, Усачук 2000: 98; Юдин 2004: 85–87, 190, табл. 10; Виноградов 2011: 128; Мыльников, Мыльникова 2011: 194; Усачук 2013: 361; Усачук, Варфоломеев 2013: 218]. В этом отношении токсанбайская коллекция костяных орудий и изделий типична. Яркой особенностью работы мастеров-кожевников Токсанбая является «пристрастие» к двум видам орудий: из лопатки мелких и подвздошных костей крупных копытных. Само по себе подобное использование этих плоских костей животных не вызвало бы большого удивления, хотя своим количеством кожевненные орудия Токсанбая оставляют далеко позади многие поселенческие коллекции подобных орудий. Но токсанбайские мастера при этом совсем не использовали в качестве орудий нижнечелюстные кости крупных копытных, хотя знали о таких орудиях (см. выше), а ведь именно орудия из, прежде всего, нижних челюстей крупного рогатого скота являются чуть ли не «визитной карточкой» кожевненного производства с энеолита. Безусловно, за применением одних и игнорированием других форм орудий стояли какие-то трудноуловимые приемы и традиции обработки шкур и кожи не только на Токсанбае, но, возможно, и на памятниках токсанбайского типа. Впрочем, о последнем говорить

Рис. 12. Токсанбай. Псалий без шипов.
Фото Олега Белялова

12-сур. Тоқсанбай. Бүрі жоқ сулық.
Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 12. Toksanbai. Spikeless horse
cheek-piece. Photo by Oleg Belyalov

Рис. 13. Токсанбай. Псалий с двумя моноклитными
шипами и дополнительными отверстиями в планке
для небольших вставных шипов. Фото Олега Белялова

13-сур. Тоқсанбай. Екі құйма бүрі бар және үлкен емес
бүр қоюға арналған қосымша ойығы бар сулық.
Сурет Олег Беляловтікі

Fig. 13. Toksanbai. Horse bridle cheek-piece with two
monolithic spikes and additional holes in the plate
for small insertion spikes. Photo by Oleg Belyalov

ещё рано ввиду малочисленности подобных памятников. Кроме того, даже в рамках известных памятников, объединяемых в токсанбайский тип, просматривается приметы разнонаправленной хозяйственной и производственной деятельности [Усачук, Лошакова 2011: 440].

4 Заключение (Лошакова Т.Н., Усачук А.Н.)

Северо-Восточный Прикаспий расположен в полупустынной и пустынной зонах, и производящее хозяйство могло иметь здесь только животноводческую форму. Материалы поселения и, в частности, мощные залежи костных остатков свидетельствуют о том, что помимо животноводства практиковалась и охота. Обилие костного материала и сравнительная лёгкость его обработки сделали использование кости доступным и в результате – самым распространённым. Токсанбайские мастера изготавливали орудия и другие изделия, пользуясь приёмами рубки металлическими и каменными топорами, раскалывания, расщепления и оббивки, резки и пиления-перетиранья металлическим лезвием, изредка – шабрением.

Основная специализация орудий – кожевенное производство. Немногим меньше костное сырьё использовалось для изготовления орудий гончарного производства. Мелкая фурнитура и различные костяные изделия были, но, по сравнению с орудиями кожевенного производства, – в небольших количествах. Кроме того, имея большое значение в жизнеобеспечении, орудия из кости были вовлечены и в орбиту ритуальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7-33.
- 2 Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III. Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182-239.
- 3 Беседин В.И. Гончарное производство // А.Д. Пряхин. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1996. С. 158-174.
- 4 Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- 5 Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- 6 Гайдученко Л.Л. Osteологический комплекс поселения Токсанбай // Труды ФИА. Астана: Издат. группа ФИА, 2012. С. 160-170.
- 7 Горбов В.Н., Усачук А.Н. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: «Східний видавничий дім», 2000. С. 97-100.
- 8 Глушков И.Г., Адамова Н.Ю. Костяные и деревянные орудия обработки поверхности (экспериментально-морфологический анализ) // Экспериментальная археология. Вып. 3. Археологические вещи и некоторые вопросы источниковедения: сб. научн. тр. / Отв. ред. А.П. Бородовский, И.Г. Глушков. Тобольск: ТГПИ, 1994. С. 25-29.
- 9 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М: Русский язык, 1979. 779 с.
- 10 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1980. 683 с.
- 11 Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- 12 Каиуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241-488.
- 13 Килейников В.В. Ремесло и домашние производства у населения донской лесостепной срубной культуры // Исследование памятников археологии Восточной Европы: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1988. С. 97-110.
- 14 Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: м-лы всерос. научн. конф. / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1997. С. 76-79.
- 15 Курбатов А.В. Кожевенное сырьё, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus. 2010. № 5. С. 169-218.
- 16 Лошакова Т.Н. История изучения памятников эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 4 (10). С. 47-69.
- 17 Лошакова Т.Н. Погребения на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 4 (18). С. 73-83.
- 18 Лошакова Т.Н., Усачук А.Н. Детали колесничной упряжи с территории Северо-Восточного Прикаспия // Вестник Карагандинского университета. Сер. История, философия. 2011. № 1 (61). С. 9-13.

- 19 Ляшко С.Н. Кожевенное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине / Отв. ред. И.Т. Черняков. Киев: Наукова думка, 1994. С. 167-172.
- 20 Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 300-309.
- 21 Мильников В.П., Мильникова Л.Н. Костяной инвентарь с поселения Линево-1 переходного от бронзы к железу времени // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 183-196.
- 22 Панковский В.Б. Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье: [б.и.], 1999. С. 196-201.
- 23 Панковский В.Б. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Н.С. Котова. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. С. 449-483.
- 24 Панковский В.Б. Наблюдения по структуре сырья, формо- и слеодообразованию в костяной индустрии из зольника № 11 на Бельском городище // Шрамко Б.А., Шрамко І.Б., Задніков С.А. Західне укріплення: зольник № 11 (1958 р.) / Археологічний комплекс «Більське городище». Вип. 1. Харків; Котельва: ХНУ ім. В.Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ»; Майдан, 2018. С. 242-267.
- 25 Панковский В.Б., Антипина Е.Е. Новая категория в костяных индустриях эпохи поздней бронзы // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 208–244.
- 26 Панковский В.Б., Фидельский С.А. Систематизация костно-роговой индустрии раннего железного века Поднестровья (на основе коллекции поселения Чобручи) // Древности. Исследования. Проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus, 2018. С. 147-163.
- 27 Панковский В.Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2012. 596 с.
- 28 Панковский В.Б. Слідознавча експертиза кістяної індустрії з поселення Лазьківські Ставки I // Археологічні дослідження Більського городища-2017 / Наук. ред. О.Б. Супруненко. Киев; Котельва: ЦП НАНУ і УТОПІК, 2018. С. 126-133.
- 29 Погосин Л.И., Довгалюк Н.П. Консервация археологических находок в полевых условиях // Методика археологических исследований Западной Сибири / Ред. Л.В. Татаурова. Омск: Фаворит, 2005. С. 234-255.
- 30 Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 3 (15). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. С. 14-33.
- 31 Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана: сб. научн. тр. / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Вып. 3. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011а. С. 279-297.
- 32 Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 2011б. Вып. 12. С. 86-124.
- 33 Пряхин А.Д., Килейников В.В. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трассологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи: межвузовский сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский ун-т, 1986. С. 20-36.
- 34 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла: проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. М-лы междунар. научн. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века

- южной половины Восточной Европы» (г. Самара, 23–28 апреля 2001 г.) / Под ред. Ю.И. Колева. Самара: ООО «НТЦ», 2001. С. 347-352.
- 35 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Новое в археологии бронзового века Западной Азии // Исторична наука: проблеми розвитку. М-ли Міжнар. наук. конф. Секція «Археологія». Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2002. С. 166-179.
- 36 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Костяные псалии с поселения Токсабай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устьурта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 87-102.
- 37 Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит–энеолит. Л.: Наука, 1983. 255 с.
- 38 Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 236-246.
- 39 Усачук А.Н. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: м-лы междунар. научн. конф. (г. Волгоград, 15–17 апреля 1996 г.) / Науч. ред. А.В. Кияшко. Волгоград: Перемена, 1996. С. 66-71.
- 40 Усачук А.Н. Сравнительный анализ использования орудий из кости на Мосоловском и Безыменском поселениях эпохи поздней бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1997. С. 128-135.
- 41 Усачук А.Н. Костяные изделия срубных поселений Доно-Донецкого региона // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. М-лы междунар. научн. конф. (г. Воронеж, 16–18 ноября 2000 г.) / Предс. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000. С. 91-98.
- 42 Усачук А.Н. Глава 11. Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Коллективная монография. Челябинск: Абрис, 2013. С. 331-362.
- 43 Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 10-37.
- 44 Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Коллекция костяных изделий поселения Оло Хаз // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. Vol. 8, No 2 / Гл. ред. Л.Н. Водолажская. 2020. С. 55-123.
- 45 Усачук А.Н., Варфоломеев В.В. Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительный результат трасологического и функционально-типологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 218-227.
- 46 Усачук А.Н., Горошников А.А., Мимоход Р.А. Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века // Археология евразийских степей. 2023. № 2. С. 36-63.
- 47 Усачук А.Н., Лошакова Т.Н. Трасологический анализ археозоологического материала поселения Айтман // Маргулановские чтения–2011: м-лы междунар. археол. конф. (г. Астана, 20–22 апреля 2011 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 442-445.
- 48 Шарафутдинова И.Н. Хозяйство племён сабастиновской культуры // Первобытная археология. Материалы и исследования / Отв. ред. С.С. Березанская. Киев: Наукова думка, 1989. С. 168-179.
- 49 Шевнина И.В., Усачук А.Н. Костяные орудия гончарного производства поселения Бестамак // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 2. С. 142-151.
- 50 Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 200 с.

REFERENCES

- 1 Antipina, E. E. 2003. In: Antipina, E. E., Chernykh, E. N. (eds.). *Noveyshie arheozoologicheskie issledovaniya v Rossii (The latest archaeozoological research in Russia)*. Moscow: “Yazyki slavyanskoy kultury” Publ., 7-33 (in Russian).

- 2 Antipina, E. E. 2004. In: *Kargaly*. Vol. III. Moscow: "Yazyki slavyanskoy kultury", 182-239 (in Russian).
- 3 Besedin, V. I. 1996. In: Pryakhin, A. D. *Mosolovskoe poselenie metallurgov-liteyshchikov epohi pozdney bronzy* (*Mosolovskoye settlement of metallurgists-casters workers of the Late Bronze Age*). Book two. Voronezh: Voronezh University, 158-174 (in Russian).
- 4 Borodovskiy, A. P. 1997. *Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n.e. – pervaya polovina II tys. n.e.)* (*Ancient bone-cutting craft of the South of Western Siberia (the second half of the 2nd millennium BC – the first half of the 2nd millennium AD)*). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS (in Russian).
- 5 Vinogradov, N. B. 2011. *Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamyatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa)* (*Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd millennium BC (monuments of the Sintashta and Petrovka type)*). Chelyabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).
- 6 Gayduchenko, L. L. 2012. In: *Trudy Filiala Instituta arheologii* (*Proceedings of the Branch of the Margulan Institute of Archaeology*). Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 160-170 (in Russian).
- 7 Gorbov, V. N., Usachuk, A. N. 2000. In: Usachuk, A. N. (ed.). *Arheologiya i drevnyaya arhitektura Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy* (*Archaeology and ancient architecture of Left-Bank Ukraine and adjacent territories*). Donetsk: "Skhidnyi vidavnychiy dim", 97-100 (in Russian).
- 8 Glushkov, I. G., Adamova, N. Yu. 1994. In: Borodovskiy, A. P., Glushkov, I. G. (eds.). *Ekspperimentalnaya arheologiya* (*Experimental archaeology*). Issue 3. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute, 25-29 (in Russian).
- 9 Dal, V. I. 1979. *Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* (*Explanatory dictionary of the living Great Russian language*). Vol. 2. Moscow: "Russkiy yazyk" Publ. (in Russian).
- 10 Dal, V. I. 1980. *Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* (*Explanatory dictionary of the living Great Russian language*). Vol. 4. Moscow: "Russkiy yazyk" Publ. (in Russian).
- 11 Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki* (*Culture of ancient pastoralists and metallurgists of Sary-Arka*). Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
- 12 Kashuba, M. T. 2000. In: *Stratum plus*, 3, 241-488 (in Russian).
- 13 Kileynikov, V. V. 1988. In: Sinyuk, A. T. (ed.). *Issledovanie pamyatnikov arheologii Vostochnoy Evropy* (*Research of archaeological monuments of Eastern Europe*). Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 97-110 (in Russian).
- 14 Kungurova, N. Yu., Udodov, V. S. 1997. In: Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sotsialno-ekonomicheskie struktury drevnih obshchestv Zapadnoy Sibiri* (*Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia*). Barnaul: Altay State University, 76-79 (in Russian).
- 15 Kurbatov, A. V. 2010. In: *Stratum plus*, 5, 169-218 (in Russian).
- 16 Loshakova, T. N. 2020. In: *Kazakstan arheologiyasy* (*Kazakhstan Archeology*), 4 (10), 47-69 (in Russian).
- 17 Loshakova, T. N. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy* (*Kazakhstan Archeology*), 4 (18), 73-83 (in Russian).
- 18 Loshakova, T. N., Usachuk, A. N. 2011. In: *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser. Istoriya, filosofiya* (*Bulletin of the Karaganda University. Ser. History, philosophy*), 1 (61), 9-13 (in Russian).
- 19 Lyashko, S. N. 1994. In: Chernyakov, I. T. (ed.). *Remeslo epohi eneolita-bronzy na Ukraine* (*Trade of the Eneolithic–Bronze age in Ukraine*). Kiev: "Naukova dumka" Publ., 167-172 (in Russian).
- 20 Molodin, V. I., Efremova, N. S. 1998. In: *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* (*Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*). Vol. IV. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, 300-309 (in Russian).
- 21 Mylnikov, V. P., Mylnikova, L. N. 2011. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*), vol. 10, issue 5: Archaeology and Ethnography, 183-196 (in Russian).
- 22 Pankowski, V. B. 1999. In: *Problemy skifo-sarmatskoy arheologii Severnogo Prichernomoriya* (*Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea region*). Zaporozhie, 196-201 (in Russian).
- 23 Pankowski, V. B. 2013. In: Kotova, N. S. *Dereivskaya kultura i pamyatniki Nizhnemihaylovskogo tipa* (*Dereivskaya culture and monuments of the Nizhnemikhailov type*). Kiev; Harkov: "Maydan" Publ., 449-483 (in Russian).

- 24 Pankowski, V. B. 2018. In: Shramko, B. A., Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. *Arheologichniy kompleks “Bilske gorodishche”* (Archaeological complex “Bilske gorodishche”). Issue 1. Harkiv; Kotelva: Karazin Harkiv National University; Historical and Cultural Reserve «Bilsk»; “Maydan” Publ., 242-267 (in Russian).
- 25 Pankowski, V. B., Antipina, E. E. 2017. In: Zaviyalov, V. I., Kuzminykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov* (Analytical studies of the Laboratory of Natural Science methods). Vol. 4. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 208-244 (in Russian).
- 26 Pankowski, V. B., Fidelskiy, S. A. 2018. In: Sinika, V. S., Rabinovich, R. A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy* (Antiquities. Researches. Problems). Kishinev; Tiraspol: “Stratum plus” Publ., 147-163 (in Russian).
- 27 Pankowski, V. B. 2012. *Kistyana i rogova industrii dobi piznoï bronzi v Pivnichnomu Prichornomor’i* (Bone and horn industries of The Late Bronze Age in the northern Black Sea region): thesis of the Candidate of Historical sciences. Kiïv (in Russian).
- 28 Pankowski, V. B. 2018. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Arheologichni doslidzhennya Bilske gorodishcha–2017* (Archaeological research of the Belsky settlement–2017). Kiïv; Kotelva: Center for monument studies of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Ukrainian society for the protection of historical and cultural monuments, 126-133 (in Russian).
- 29 Pogodin, L. I., Dovgalyuk, N. P. 2005. In: Tataurova, L. V. (ed.). *Metodika arheologicheskikh issledovaniy Zapadnoy Sibiri* (Methodology of archaeological research in Western Siberia). Omsk: “Favorit” Publ., 234-255 (in Russian).
- 30 Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2010. In: *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii* (Antiquities of Siberia and Central Asia), 3 (15). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 14-33 (in Russian).
- 31 Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2011a. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazakhstana* (Issue of Kazakhstan Archaeology). Vol. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; History and Archaeology Scientific research center “Begazy-Tasmola”, 279-297 (in Russian).
- 32 Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2011b. *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomoriya* (Materials on archaeology of the Northern Black Sea region), 12, 86-124 (in Russian).
- 33 Pryakhin, A. D., Kileynikov, V. V. 1986. In: Pryakhin, A. D. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki epohi bronzy vostochnoevropeyskoy lesostepi* (Archaeological monuments of the Bronze Age of the Eastern European forest-steppe). Voronezh: Voronezh University, 20-36 (in Russian).
- 34 Samashev, Z. S., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2001. In: Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoy Evropy: harakteristika kultur, hronologiya i periodizatsiya* (The Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization). Samara: LTD “NTTs” Publ., 347-352 (in Russian).
- 35 Samashev, Z. S., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2002. In: *Istorichna nauka: problemi rozvitku* (Historical science: problems of development). Lugansk: Dal Eastern National University, 166-179 (in Russian).
- 36 Samashev, Z. S., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2007. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana* (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan), 1, 87-102 (in Russian).
- 37 Semyonov, S. A., Korobkova, G. F. 1983. *Tekhnologiya drevneyshih proizvodstv. Mezolit–eneolit* (Technology of ancient productions. Mesolithic–Eneolithic). Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 38 Smirnova, L. I. 2000. In: *Arheologicheskie vesti* (Archaeological news), 7, 236-246 (in Russian).
- 39 Usachuk, A. N. 1996. In: Kiyashko, A. V. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskih stepey v sisteme vostochnoevropeyskogo bronzovogo veka* (Antiquities of the Volga-Don steppes in the system of the Eastern European Bronze Age). Volgograd: “Peremena” Publ., 66-71 (in Russian).
- 40 Usachuk, A. N. 1997. In: Pryakhin, A. D. (ed.). *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* (Archaeology of the Eastern European forest-steppe). Vol. 10. Voronezh: Voronezh State University, 128-135 (in Russian).
- 41 Usachuk, A. N. 2000. In: Pryakhin, A. D. (ed.). *Srubnaya kulturno-istoricheskaya obshchnost v sisteme drevnostey epohi bronzy evraziyskoy stepi i lesostepi* (Srubna cultural and historical community in the system of antiquities of the Bronze Age of the Eurasian steppe and forest-steppe).

- of the Bronze Age of the Eurasian steppe and forest-steppe). Voronezh: Voronezh State University-t, 91-98 (in Russian).
- 42 Usachuk, A. N. 2013. In: *Drevnee Ustie. Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zauralie (Ancient Ustye. A fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: “Abris” Publ., 331-362 (in Russian).
- 43 Usachuk, A. N., Bahshiev, I. I. 2019. In: *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 2, 10-37 (in Russian).
- 44 Usachuk, A. N., Bahshiev, I. I. 2020. In: Vodolazhskaya, L. N. (ed.). *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 8 (2), 55-123 (in Russian).
- 45 Usachuk, A. N., Varfolomeev, V. V. 2013. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-dandybay culture of the Steppe Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; History and Archaeology Scientific research center “Begazy-Tasmola”, 218-227 (in Russian).
- 46 Usachuk, A. N., Goroshnikov, A. A., Mimohod, R. A. 2023. In: *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 2, 36-63 (in Russian).
- 47 Usachuk, A. N., Loshakova, T. N. 2011. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2011 (Margulan readings–2011)*. Astana: Gumilyov Eurasian National University, 442-445 (in Russian).
- 48 Sharafutdinova, I. N. 1989. In: Berezanskaya, S. S. (ed.). *Pervobytnaya arheologiya. Materialy i issledovaniya (Primitive archaeology. Materials and research)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 168-179 (in Russian).
- 49 Shevnina, I. V., Usachuk, A. N. 2010. In: *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan)*, 2, 142-151 (in Russian).
- 50 Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzhiya (The Varfolomeyevskaya site and the Neolithic of the steppe Volga region)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.05.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 07.06.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 14.06.2023.

Ортағасырлық Ақарық төрткүлі: 2022 ж. жүргізілген зерттеулер бойынша (Оңтүстік Қазақстан)

© 2023 ж. Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б.

Keywords: archaeology, archaeozoology, Talas valley, tortkul Akaryk, structure, cultural layer, ceramics, archaeological periodization, paleofauna, economy

Түйін сөздер: археология, археозоология, Талас өңірі, Ақарық төрткүлі, құрылыс, мәдени қабат, керамика, археологиялық мерзімдеу, палеофауна, шаруашылық

Ключевые слова: археология, археозоология, Таласская долина, торткуль Акарык, строение, культурный слой, керамика, археологическая периодизация, палеофауна, хозяйство

Yeraly Akymbek¹, Mambet Shagirbayev^{1*} and Nesipbay Nurgali¹

¹Doctor of Philosophy (PhD), Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: eraly_a@mail.ru

^{1*}Corresponding-author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mambet_87@mail.ru

¹Laboratory assistant of the Laboratory of Archaeological Technology, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: nesipbay.nurgali01@mail.ru

Medieval tortkul Akaryk: researchers of 2022 (South Kazakhstan)

Abstract. Authors in the article examines the results of archaeological excavations of the site of Akaryk tortkul. Conclusions about the structure, chronology and functions of medieval sites types of tortkuls in the Talas Valley are still not scientifically substantiated. Important is the excavation of medieval tortkuls and the comprehensive study of archaeological materials. The purpose of the research work is to determine the function and chronology of the monument based on the studies of ceramic and osteological materials found in the excavations of tortkul Akaryk. The purpose of the study is to excavate the Akaryk tortkul, archaeozoological analysis of osteological materials and determine the chronology and functions of the tortkul. As a result of excavations (trenches), on the tortkul, it was established that the thickness of its cultural layer was over 1.5 m and that the internal construction wall was located parallel to the external defensive wall. The vast majority of ceramics studied are kitchen vessels. Tortkul Akaryk ceramic was analyzed in comparison with ceramic materials of medieval sites located in Talas Valley, Zhetysu and South Kazakhstan. Results showed that the settlement existed in the 11th–12th centuries. Archaeozoological analyses of animal bones show that there were all types of domestic animals on the farm of tortkul residents. Among osteological materials, the share of domestic ungulates is 98%. Among pets, bones belonging to small cattle predominate. Animal bones are highly fragmented and are typical “kitchen leftovers”.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2021–2023, project IRN AP09260358.

For citation: Akymbek, Ye., Shagyrbayev, M., Nurgali, N. 2023. Medieval tortkul Akaryk: researchers of 2022 (South Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 186–202 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.186.202](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.186.202)

**Ералы Шардарбекұлы Ақымбек¹,
Мәмбет Сапарбекұлы Шағирбаев^{1*},
Несіпбай Бекболатұлы Нұрғали¹**

¹философия докторы (PhD), жетекші ғылыми
қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы

Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

¹археологиялық технологиялар зертханасының
лаборанты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология
институты, Алматы қ, Қазақстан

**Ералы Шардарбекұлы Ақымбек¹,
Мамбет Сапарбекович Шагирбаев^{1*},
Несипбай Бекболатұлы Нурғали¹**

¹доктор философии (PhD), ведущий
научный сотрудник, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

¹лаборант лаборатории археологических
технологий, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Ортағасырлық Ақарық төрткүлі: 2022 ж. жүргізілген зерттеулер бойынша (Оңтүстік Қазақстан)

Аннотация. Мақалада Ақарық төрткүліне жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелері қарастырылады. Талас өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдердің құрылымы, мерзімделуі және атқарған қызметі туралы тұжырымдар әлі күнге дейін ғылыми тұрғыда негізделмеген. Бұл төрткүл тәріздес ескерткіштерге қазба жұмыстарын жүргізіп, археологиялық материалдарын кешенді зерттеудің маңыздылығын көрсетеді. Зерттеу жұмысының мақсаты Ақарық төрткүліндегі қазбадан табылған керамикалық және остеологиялық материалдарға жүргізілген зерттеулер бойынша ескерткіштің атқарған қызметі мен хронологиясын анықтау болып табылады. Төрткүлге салынған қазба (траншея) нәтижесінде ескерткіштің мәдени қабаты 1,5 м астам екендігі және құрылыс қабырғасының сыртқы қорғаныс қабырғасына параллель орналасқаны анықталды. Қазба жұмыстары барысында жинастырылған керамикалық бұйымдардың басым көпшілігі ас үйде пайдаланылған. Ақарық төрткүлінің қыш ыдыстарына Талас өңірінде, Жетісу және Оңтүстік Қазақстанда орналасқан ортағасырлық ескерткіштердің қыш материалдарымен салыстырмалы талдау жасалды. Керамика кешеніне жүргізілген салыстырмалы зерттеулер ескерткіштің X–XII ғасырларда өмір сүргендігін көрсетті. Жануар сүйектерін археозоологиялық талдау нәтижелері төрткүл тұрғындарының шаруашылығында үй жануарларының барлық түрі болғанын көрсетіп отыр. Остеологиялық материалдардың ішінде үй жануарларының үлесі – 98%. Оның ішінде уақ мал басым бөлігін құрайды. Жануар сүйектері ұсақталып шабылған, яғни әдеттегі «ас үй қалдықтары» болып табылады.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс ҚР ҰҰБМ Ғылым комитетінің 2021–2023 жж. гранттық қаржыландыру аясында орындалды, жобаның ЖТН АР09260358.

Средневековый торткуль Акарык: по результатам исследований 2022 г. (Южный Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются результаты раскопок торткуля Акарык. Выводы о структуре, хронологии и функциях средневековых торткулей Таласской долины до сих пор недостаточно обоснованы. Важное значение имеет проведение раскопок такого типа памятников и комплексное изучение археологических материалов. Цель работы: определение функции и хронологии памятника по проведенному анализу керамики и остеологических материалов, найденных при раскопках торткуля Акарык. В результате разведочного шурфа, заложенного на торткуле, была установлена мощность культурного слоя (свыше 1,5 м), также зафиксирован факт, что внутренняя строительная стена расположена параллельно внешней оборонительной стене. Подавляющее большинство изученной керамики – это кухонные сосуды. Анализ керамики торткуля Акарык в сравнении с материалами средневековых памятников, расположенных в Таласской долине, Жетысу и Южном Казахстане, показал, что поселение существовало в XI–XII вв. Археозоологический анализ позволил сделать вывод о том, что в хозяйстве насельников торткуля присутствовали все виды домашних животных. Среди остеологических материалов доля домашних копытных составляет 98% (преобладают кости МРС). Кости животных сильно фрагментированы и являются типичными «кухонными остатками».

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2021–2023, ИРН проекта АР09260358.

Для цитирования: Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С., Нурғали Н.Б. Средневековый торткуль

Сілтеме жасау үшін: Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б. Ортағасырлық Ақарық төрткүлі: 2022 ж. жүргізілген зерттеулер бойынша (Оңтүстік Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 186–202-бб. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.186.202](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.186.202)

Ақарық: по результатам исследований 2022 г. (Южный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 186–202 (на каз. яз.). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.186.202](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.186.202)

1 Кіріспе (Ақымбек Е.Ш.)

Талас – ежелгі және ортағасырлық қоныстық ескерткіштерге өте бай өңір. Ежелгі қоныстық ескерткіштер көбінде не дөңгелек, не созылған биік төбе күйінде, ал ортағасырлық ескерткіштер керісінше, көпшілігі не төртбұрышты, не шаршылы болып келген. Талас өзенінің тау алды бөлігі мен жазықтықтағы аңғарында көлемі көбінде үлкен, әрі биік болып келген ортағасырлық қалалар көп және бір-біріне жақын орналасқан болса, құмға қарай кеткен аңғарында олардың қатары сирейді және алыс орналасқан. Таластың төменгі ағысындағы қалалардың ішінде Оххум, Шаруашылық, Тектұрмас және т. б. бар. Ал, қалған қоныстық ескерткіштердің басым бөлігі көлемі жағынан өте үлкен емес, әрі биік болмағанымен, жоспарлары төртбұрышты немесе шаршылы келген – төрткүл типтес. Олар саны жағынан да көп. Солардың қатарына ортағасырлық Ақарық төрткүлін жатқызуға болады. Ескерткішті 2022 ж. далалық маусымда Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Талас археологиялық отряды (жетекшісі: Е.Ш. Ақымбек) жүргізген барлау жұмыстары кезінде Талас өзенінің сол жағалық тепсеңінен анықтады. Ескерткіш жанынан өтетін «Ақарық» деп аталатын арықтың атымен аталды.

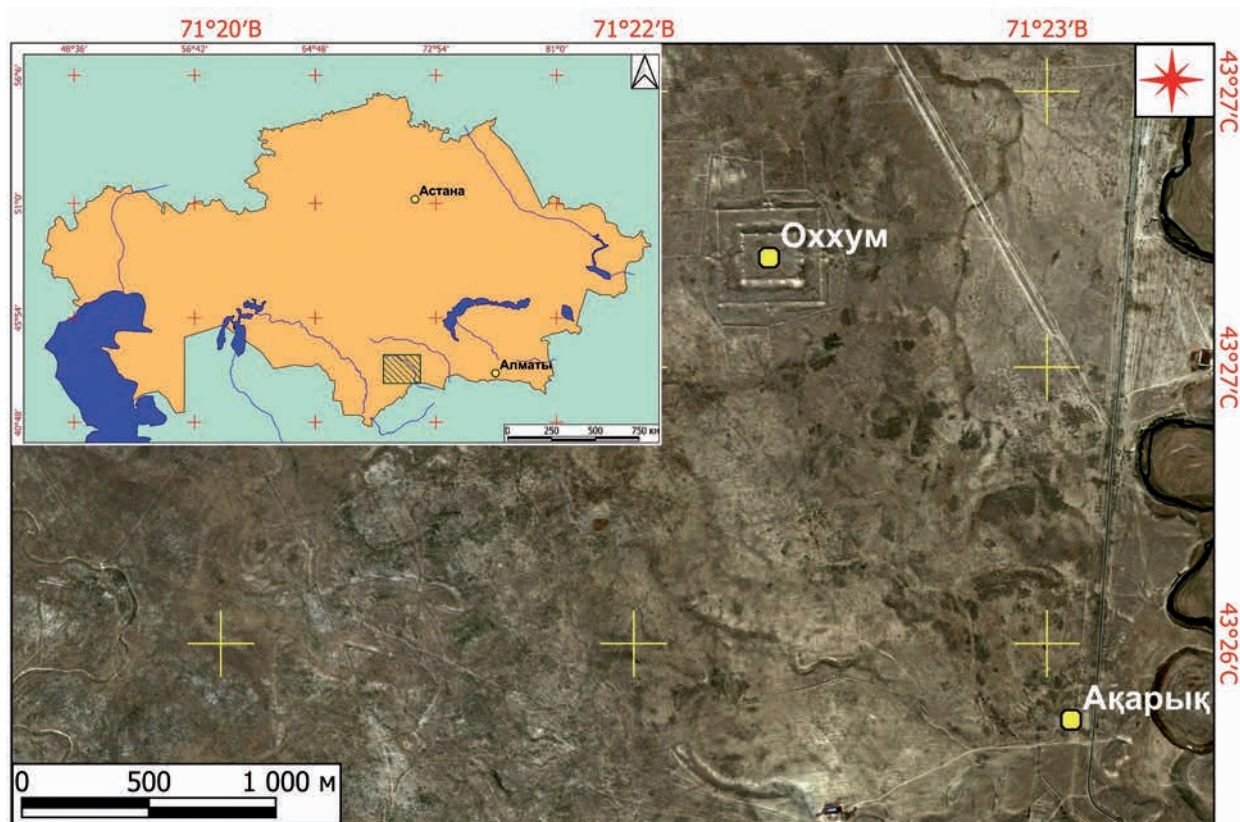
2 Материал және зерттеу әдістері

2.1 Зерттеу жұмыстары (Ақымбек Е.Ш.)

Ақарық төрткүлі Жамбыл облысы, Байзақ ауданы, Шахан ауылынан 6 км солтүстік-батыста, Тегістік–Талапты автожолының сол жағында 40 м жерде, Талас өзенінің сол жағасынан 270 м қашықтықта орналасқан. Төрткүл осы аймақтағы ең үлкен ортағасырлық Оххум қаласының оңтүстік-шығысында (1,8 км) жатыр (1-сур.).

Төрткүл жоспары бойынша шаршылы келген, қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Көлемі 54×54 м, жайылған жал болып жатқан қабырғаларының ені 15–20 м, биіктігі 1 м, ішінен есептегенде 0,5 м, яғни, ортасы ой болып жатыр. Шығыс сыртқы қабырғасының ішкі жағына жағалай газ құбыры көмілген. Газ құбырын жүргізу барысында мәдени қабаты қазылып, бетінің біраз бөлігі ауыр техника көмегімен сүрілген. Ескерткіштің үстінен және айналасынан 100 м радиустан керамиканың сынықтары кездеседі. Керамика сынықтарының ішінде сырлы ыдыстардың майда сынықтары да бар. Сынап көзенің де сынығы кездеседі.

Ескерткіштің үстінен және маңайынан көп мөлшерде керамика сынықтарының анықталуы, оны жан-жақты зерттеу жұмыстарына алып келді. Төрткүлдің материалын және құрылыс қалдықтарын анықтау мақсатында оңтүстік қабырғасының етегінен 10 м қашықтықтан, жалдың ішкі жағына траншея салынды (2-сур.). Солтүстіктен оңтүстікке бағытталған траншеяның ұзындығы 4 м, ені 1 м. Қазба 2,1 м тереңдікке дейін жүргізілді, нәтижесінде мәдени қабаты қалың құрылыс орны анықталды (3-сур.). Қазбаның ортасынан төрткүлдің оңтүстік қабырғасына қарама-қарсы тұрғызылған қабырға және оның ішкі жағынан шұңқыр шықты. Құрылыс едені 1,6 м тереңдіктен

1-сур. Ортағасырлық Ақарық төрткүлінің Қазақстан картасында орналасуы. Орындаған Мәмбет Шағырбаев

Fig. 1. Location of the medieval tortkul Akaryk on the map of Kazakhstan. Performed by Mambet Shagirbayev

Рис. 1. Расположение средневекового торткуля Акарык на карте Казахстана.

Исполнитель Мамбет Шагирбаев

шықты, еденіне топырақ 0,20–0,30 м қалыңдықта қатты тапталған. Қабырғасының қалыңдығы 1 м, сақталған биіктігі 1,2 м, қабырғаның ішкі жағының еденінен төмен шұңқыр тазаланды. Оның ернеуінің диаметрі 0,9 м, түбінің диаметрі 1,5 м, ұра секілді түбіне қарай кеңіген, тереңдігі 1 м, табаны жер бетінен 2,1 м тереңдікте жатыр. Шұңқыр күл аралас (арасында өртенген ағаш көмірлері бар қабат та бар) топырақ қабатына толған. Қабырғаның іші-сыртында құланды қабырға қабаттары, күл аралас топырақ қабаттары жатыр. Сыртқы қорғаныс қабырға да, ішкі қабырға да негізінен ішке қарай құлағанға ұқсайды. Құланды қабырғаның жатуы осыны көрсетеді. Қазбаның батыс қабырға жиегінен тандырдың қалдығы анықталды. Оның едені 1 м тереңдікте жатыр, ал сақталған биіктігі 0,5 м. Қазба барысында көптеген керамика сынықтары мен остеологиялық материалдар жинақталды.

2.2 Зерттеу әдістері

2.2.1 Керамиканы зерттеу әдістері (Нұрғали Н.Б.)

Керамикалық бұйымдар *морфологиялық талдау әдісіне* сәйкес, қызметтік-технологиялық белгілері бойынша үш топқа жіктелді. Аталған әдіс бойынша қазбадан табылған керамикалар асүйлік, асханалық және шаруашылық-тұрмыстық деп бөлініп, әрбір топтағы қыш ыдыстардың

2-сур. Ақарық. Әуеден сурет (DJI Mavic Pro). Мәмбет Шағырбаев түсірген сурет

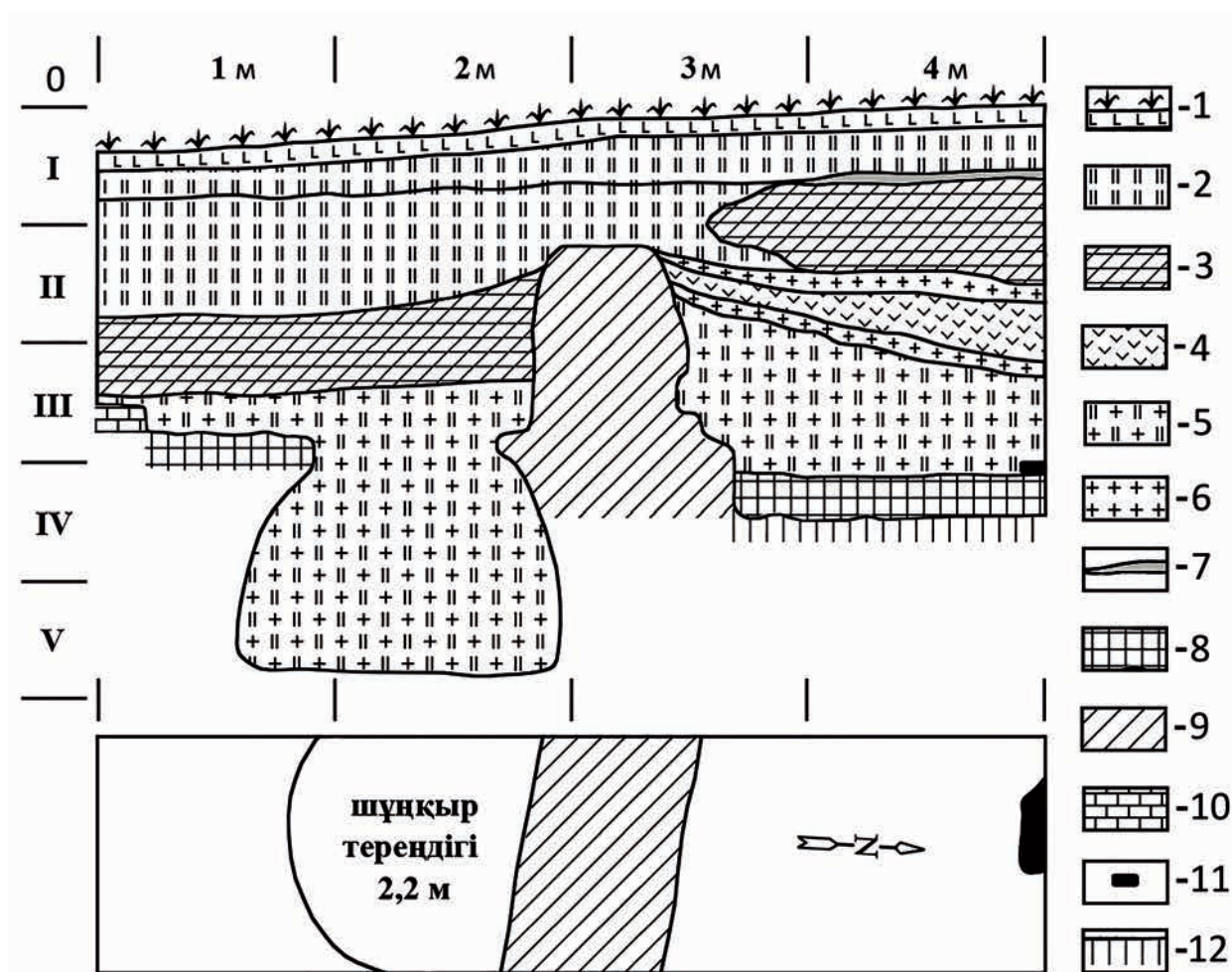
Fig. 2. Akaryk. Aerial view (DJI Mavic Pro). Photo by Mambet Shagirbayev

Рис. 2. Акарык. Аэрофото (DJI Mavic Pro). Фото Мамбета Шагирбаева

сипаттамасы жасалды. *Салыстырмалы талдау әдістері* бойынша қыш ыдыстардың жасалған/қолданылған мерзімдері анықталды. Ақарықтан табылған ыдыс шүмегі және қазан тұтқаларындағы морфологиялық белгілер басқа ескерткіштердің керамикаларындағы ерекшеліктермен салыстырылып, ортақ ұқсастықтар мен айырмашылықтары айқындалды. *Морфометриялық зерттеу әдістері* бойынша қыш ыдыстардың өлшемдері алынып, жасалу және пішінделу ерекшеліктері сипатталды. Барлық өлшемдер электронды штангенциркульдің көмегімен 0,2 мм айырмашылықта жасалды.

2.2.2 Археозоологиялық зерттеу әдістері (Шағырбаев М.С.).

Сүйектерді жануар түрлеріне топтау барысында *салыстырмалы-морфологиялық* және *салыстырмалы-фауналық әдістер* қолданылды. Жануар сүйектерін морфологиялық талдауда Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, археологиялық технологиялар зертханасында сақталған эталондар жиынтығы пайдаланылды [Ақымбек, Шағырбаев 2020: 116; Шагирбаев, Утубаев 2019: 85–97; Ақымбек, Шагирбаев 2022: 144–150]. Үй жануарларының қаңқа бөліктерінің өзара қатынасын талдауда «бас сүйек», «жеке тістер», «кеуде», «аяқтың жоғарғы бөлігі» және «аяқтың төменгі бөлігі» деп жүйеленді (3-кесте). Жануарлардың жас ерекшеліктері І.А. Silver әдісіне негізделді [Silver 1969: 251–267]. Уақ малдың төменгі жақ сүйектеріндегі азу тістердің өсу реті және түтікшелі сүйек эпифизінің диафизбен «бірігу» жүйесін анықтауда М.С. Шағырбаевтың

3-сур. Ақарық. Траншея. Қазба стратиграфиясы: 1 – шым қабаты; 2 – бос топырақ; 3 – құланды қабырға; 4 – тапталған топырақ; 5 – күл аралас топырақ; 6 – күл; 7 – сұр түсті күл; 8 – тапталған еден; 9 – қабырға; 10 – қаланды кірпіш; 11 – тас; 12 – табиғи жер. Ажар Мамаеваның сызбасы

Fig. 3. Akaryk. Trench. Excavation stratigraphy: 1 – turf layer; 2 – inflatable soil; 3 – blockage; 4 – packed soil; 5 – soil mixed with ash; 6 – ash; 7 – gray ash; 8 – floor; 9 – wall; 10 – brickwork; 11 – stone; 12 – mainland. Drawing by Azhar Mamayeva

Рис. 3. Акарык. Траншея. Стратиграфия раскопа: 1 – дёрн; 2 – надувной грунт; 3 – завал; 4 – утрамбованный грунт; 5 – грунт смешанной с золой; 6 – зола; 7 – серая зола; 8 – пол; 9 – стена; 10 – кирпичная кладка; 11 – камень; 12 – материк. Чертеж Ажар Мамаевой

РФ Екатеринбург қ., Экология өсімдіктер және жануарлар институтында (ИЭРиЖ УрО РАН) өткен тағылымдама барысында тәжірибе жүзінде қолданған *археозоологиялық зерттеу әдістері* басшылыққа алынды [Шағырбаев 2020: 163–164]. Уақ малдың сойылу мерзімі келесі әдіске негізделеді: жануардың төменгі жақ сүйектегі азу тістердің өсу реті бойынша нақты жасы анықталған соң, қой мен ешкінің әдетте ерте көктемде (ақпан–наурыз) төлдейтіні негізге алынып, жануардың анықталған жасы (ай) осы айларға қосылды.

3 Зерттеу нәтижелері

3.1 Керамикалық материалдар (Нұрғали Н.Б.)

Ақарық төрткүлінен жалпы саны 105 дана керамика фрагменттері табылды. Керамикалық материалдардың 2,9% сырлы, 97,1% сырсыз ыдыстар. Қолданылу қызметіне қарай асүйлік (81,9%), асханалық (16,1%) және шаруашылық-тұрмыстық (2%) деп үшке жіктелді. Қыш ыдыстарды табылған тереңдігіне қарай төрт ярусқа бөліп қарастырамыз.

1-ярустан табылған қыш ыдыс сынықтарының саны 15 дана. Оларды асүйлік (80%) және асханалық ыдыстар (20%) құрайды.

Асүйлік ыдыстар қазанның ернеу және бүйір қабырғаларының сынықтарынан тұрады. Қазандардың барлығы қолмен жапсыру әдісі арқылы жасалған. Ернеуі сыртқа қарай қайтарылмай жасалған қазан ернеуінің (қалыңдығы 0,8 см) сынығы өте кішкентай болғандықтан, диаметрін анықтау мүмкін болмады. Бүйір қабырғаларының қалыңдығы 0,5–1 см аралығында ауытқиды. Ыдыстар отта сапалы күйдірілген, түстері қызғылт қоңыр.

Асханалық қыш ыдыстардан құмыраның бүйір бөлшектері табылды. Барлығы шарықта жасалып, пішінделген. Қабырғаларының қалыңдықтары 0,5–0,8 см. Отта сапалы күйдірілген, түстері қызғылт қоңыр.

2-ярустан 37 дана қыш ыдыс бөлшектері табылды. Олар асүйлік (78,3%), асханалық (18,3%) және шаруашылық-тұрмыстық (2,8%) қыш ыдыстарға тиесілі.

Асүйлік ыдыс қалдықтарының барлығы қазанға тән. Қазанның ернеу, тұтқа және бүйір бөлшектерінің сынықтары анықталды. Ернеулерінің диаметрі 19 см, қалыңдығы 0,6–0,8 см. Ернеуі сыртқа қарай қайтарылмай жасалған. Тұтқаларының үстіңгі жағы сүйірленіп келіп үшбұрыштанып, бүйір қабырғасына саңылау тастап, екі ұшы қабырғасына жапсырылып бекітілген. Бүйір қабырғаларының қалыңдығы 0,4–1,2 см аралығында ауытқиды. Қазандардың барлығы қолмен жапсыру әдісі арқылы жасалған. Күйдірілу температурасы бірқалыпты. Түстері қызғылт қоңыр.

Асханалық ыдыстар құмыраның бүйір қабырғалары, тұтқа және түп сынықтарынан тұрады. Қабырғаларының қалыңдығы 0,5–1,1 см аралығында ауытқиды. Бүйір қабырғаларының үшеуі шарықта, біреуі қолмен жапсыру әдісі арқылы жасалған. Күйдірілу температурасы бірқалыпты.

Табылған құмыра тұтқасының қалыңдығы 1,5 см, жалпақтығы 2,2 см. Құмыра тұтқасының іші ұзына бойы тесік, шүмек секілді жасалған. Яғни, құмыра тұтқасы шүмектің де қызметін атқарған (4-сур.). Оның диаметрі 0,6 см. Мұндай шүмекті тұтқалар ортағасырлық Баба-Ата қаласының VIII–IX ғғ. жататын қабатынан [Агеева 1962: 193, рис. 56], Қостөбе [Қасенов 2015: 132, 20-сур.] және Талғар қалаларынан [Кузнецова, Савельева 2019: 34] анықталған.

Құмыра түбінің диаметрі 10 см, түбінің қалыңдығы 0,5 см. Ыдыс шарықта жасалып, пішінделген. Отта сапалы күйдірілген, ыдыстың түсі қызғылт қоңыр.

Шаруашылық-тұрмыстық ыдыстардың ішінде бір дана бүйір қабырға сынығы бар. Бұл – ыдыстың түп бөлшегінен бүйір қабырғасының жоғары қарай көтерілетін бөлігі. Бүйірінің қалыңдығы 2 см. Шарықта жасалып, пішінделген. Отта сапалы күйдірілмеген.

3-ярустан табылған қыш бұйым сынықтарының саны 29 дана. Олар асүйлік (89,7%), асханалық (6,9%) және шаруашылық-тұрмыстық (3,4%) ыдыстардан тұрады. Асүйлік ыдыстарды қазанның ернеу және бүйір қабырғаларының сынықтары және жартылай сақталған қазан құрайды. Қазан ернеуінің қалыңдығы 0,4 см, қабырғасының қалыңдығы 0,6 см. Бүйір қабырғаларының

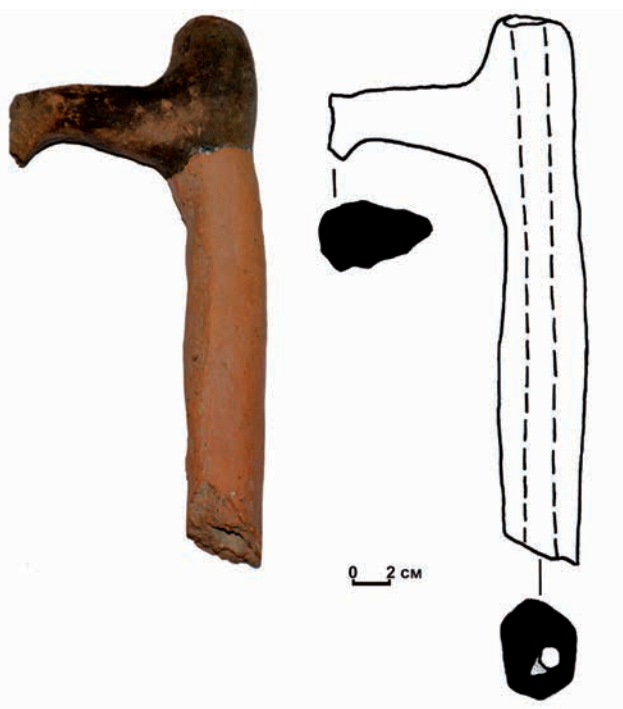
қалыңдықтары 0,6–1,3 см. Қазандардың барлығы қолмен жапсыру әдісі арқылы жасалған. Отта сапалы күйдірілген, түсі қызғылт қоңыр. Кейбірінің сыртында күйе іздері бар.

Жартылай бүтін сақталған қазан ернеуінің диаметрі 19 см, қабырғасының қалыңдығы 1,1 см. Жасалу әдісінде ернеуі сыртқа қарай қайтарылмағаны байқалады. Горизонт бойымен жапсырылған екі тұтқасының үсті сүйірленіп келіп үшбұрыштанып, асты доғалданып қазан бүйіріне саңылау тастап жапсырылған. Горизонт бойымен орналастырылған, үсті бұрыштанып келген тұтқалар «таластық стилде» жасалған. Себебі, аталған тұтқалар тек Талас өңіріндегі ескерткіштерден кездеседі (5-сур.). Мұндай қазан тұтқалары Талапты төрткүлінен (X–XI ғғ.) [Ақымбек және т. б. 2022б: 162, 4-сур.], Арна төрткүлінен (XI–XII ғғ.) [Ақымбек және т. б. 2022а: 27], Төменгі Барысхан қаласының IX–X ғғ. қабатынан [Нуржанов, Ақымбек 2012: 99, рис. 3] және Туякту-Арча ескерткішінен [Бубнова 1963: 240, рис. 12], Ақтөбе қаласының (Таластық) X–XII ғғ. қабатынан [Кожемяко 1963: 155, табл. 3], Тараз қаласынан [Қасенов 2015: 153, 48-сур.], Қостөбе қаласының XII–XIII ғғ. қабатынан [Қасенов 2015: 137, 27-сур.] табылған.

Асханалық ыдыстардың ішінде құмыраның ернеуі мен бүйір қабырғасының бөлшегі бар. Құмыра ернеуі мойынымен бірге сақталған. Ернеуінің диаметрі 6 см, мойынының диаметрі 2,1 см, қабырғасының қалыңдығы 0,7 см. Құмыра ернеуінен төмен сынған тұтқаның қалдығы сақталған (6-сур.). Ыдыс шарықта жасалған. Отта сапалы күйдірілген, түсі қызғылт қоңыр. Екінші құмыраның бүйір қабырғасының қалыңдығы 0,5 см. Ыдыс шарықта жасалып, пішінделген.

Шаруашылық-тұрмыстық ыдыстардың бүйір қабырғасының бөлшектері табылды. Қабырғаларының қалыңдықтары 1–2 см. Бүйір қабырғалары қатты бөлшектенуге ұшырағандықтан, нақты қай ыдысқа тән екенін айту қиын. Сынықтар құмшаның бөліктері болуы мүмкін. Ыдыстар шарықта жасалып, пішінделген. Отта сапалы күйдірілген, түсі қызғылт қоңыр.

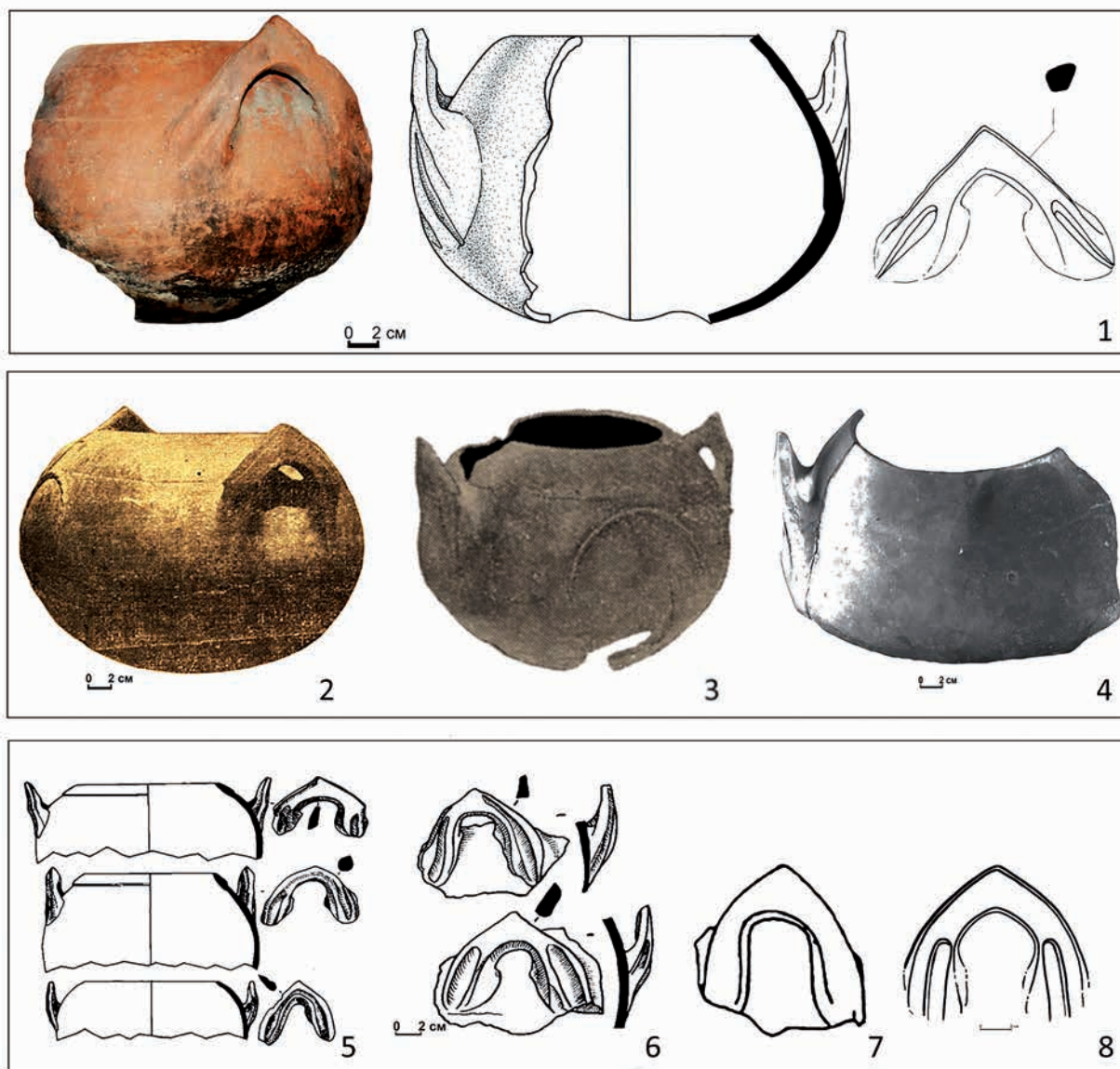
4-ярустан 16 дана қыш ыдыс сынықтары табылды. Олар асүйлік (87,5%) және асханалық (12,5%) ыдыстардан тұрады. Асүйлік ыдыстардың ішінде қазанның ернеуі мен бүйір бөлшектерінің

4-сур. Ақарық. Құмыраның шүмек-тұтқасы.
Өмирғали Доспенбетовтың салған суреті,
Несіпбай Нұрғали түсірген сурет

Fig. 4. Akaryk. Spout-handle of the jug.
Drawing by Umirgali Dospenbetov, photo by Nesipbay Nurgali

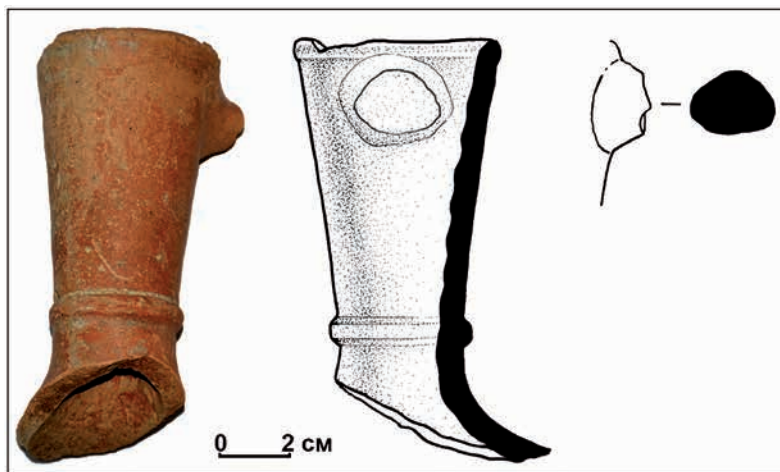
Рис. 4. Ақарық. Носик-ручка кувшина.
Рисунок Умиргали Доспенбетова, фото Несипбая Нурғали

5-сур. Ақарық. Үшбұрыш тұтқалы қазан және оның ұқсастықтары: 1 – Ақарық төрткүлі; 2 – Ақтөбе (Орловка) қаласы; 3 – Түйекту-Арча; 4 – Тараз; 5, 6 – Қостөбе; 7 – Төменгі Барысхан; 8 – Талапты төрткүлі. 2 – [Кожемяко 1963] бойынша; 3 – [Бубнова 1963] бойынша; 4–6 – [Қасенов 2015] бойынша; 7 – [Нуржанов, Ақымбек 2012] бойынша; 8 – [Ақымбек және т. б. 2022б] бойынша. Дайындаған Несипбай Нұрғали

Fig. 5. Akaryk. A cauldron with a triangular handle and its analogies: 1 – tortkul Akaryk; 2 – the settlements of Aktobe (Orlovka); 3 – Tuyuktu-Archa; 4 – Taraz; 5, 6 – Kostobe; 7 – Nizhny Baryskhan; 8 – tortkul Talapty. 2 – after – Kozhemyako 1963; 3 – after – Bubnova 1963; 4–6 – after – Kasenov 2015; 7 – after – Nurzhanov, Akymbek 2012; 8 – after – Akymbek et al. 2022b. Prepared by Nesipbay Nurgali

Рис. 5. Акарык. Котел с треугольной ручкой и его аналогии: 1 – торткуль Акарык; 2 – городища Актобе (Орловка); 3 – Туюкту-Арча; 4 – Тараз; 5, 6 – Костобе; 7 – Нижний Барысхан; 8 – торткуль Талапты. 2 – по: [Кожемяко 1963]; 3 – по: [Бубнова 1963]; 4–6 – по: [Қасенов 2015]; 7 – по: [Нуржанов, Ақымбек 2012]; 8 – по: [Ақымбек және т. б. 2022б]. Подготовил Несипбай Нұрғали

6-сур. Ақарық. Құмыра мойыны. Өмірғали Доспенбетовтың салған суреті, Несіпбай Нұрғали түсірген сурет

Fig. 6. Akaryk. The neck of the jug. Drawing by Umirgali Dospenbetov, photo by Nesipbay Nurgali

Рис. 6. Акарык. Горлышко кувшина. Рисунок Умиргали Доспенбетова, фото Несипбая Нургали

қалдықтары бар. Ернеулері тым ұсақ болғандықтан, диаметрін анықтау мүмкін болмады. Ернеулерінің қалыңдығы 0,6–1,2 см аралығында ауытқиды. Олардың біреуі шарықта, екеуі қолмен жапсыру әдісі арқылы жасалған. Жасалу әдісі бойынша ернеулердің екеуі сыртқа қарай қайтарылып (саңырауқұлақ секілді) жасалған. Бірінің ернеуінің үстінен екі қатар сызық, біріне үш қатар айналдыра сызық жүргізілген.

Асханалық ыдыстардан құмыра мен көзенің бүйір бөлшектері табылды. Қабырғаларының қалыңдығы 0,5–0,7 см. Біреуі шарықта, екеуі қолмен

жапсыру әдісі арқылы жасалған. Отта сапалы күйдірілген. Бірінің қабырғасының сыртына арнайы үшкір затпен өрнек сызылған.

Қазба маңынан сегіз дана қыш бұйым сынықтары табылды. Олар асүйлік қақпақ пен қазанның бүйір қабырғасының бөлшектерінен тұрады. Қазанға тиесілі қақпақтың диаметрі 20 см, қалыңдығы 1–1,5 см аралығында ауытқиды. Бетіне ешқандай өрнектер сызылмаған, сыртында күйе іздері бар. Қазан қабырғаларының қалыңдығы 0,8–1,1 см аралығында ауытқиды. Барлығы қолмен жапсыру әдісі арқылы жасалып, отта сапалы күйдірілген.

Сырлы бұйымдардан үш дана ыдыстың бүйір қабырғасының сынықтары табылды. Қабырғаларының қалыңдығы 0,5–0,7 см. Кесеге тиесілі ыдыс сынықтарының сырының түсі ақшыл сұр болып келген.

3.2 Археозоологиялық материалдар (Шағырбаев М.С.)

Ортағасырлық Ақарық төрткүлінен барлығы 159 дана сүтқоректі жануарлардың сүйектері зерттеліп, оның ішінде 148 данасы (93%) нақты түрге (*species*) ажыратылды. Уақ мал сүйектері 110 дана, оның ішінде бес жануарға тиесілі 21 дана сүйек – қой (14,1%) және тоғыз жануарға тиесілі 89 дана сүйек – уақ мал (60,1%) деп анықталды (1-кесте). Уақ малдың қаңқа сүйектерінің құрамында барлық элементтер бар және олардың 78,1% ұсақталып шабылған. Қаңқа бөліктерінің құрамында кеуде (36,3%) және аяқтың жоғарғы бөліктерінің (22,7%) сүйектері басым (2-кесте). Уақ малдың жас ерекшелігінде кәрі және ересек жануарлар басым екендігі байқалады. 14 бас жануардың ішінде жасы үш жастан асқан – бес жануар (35,7%), бір жарым – екі жас аралығында – төрт жануар (28,5%), бір жасқа дейінгі – бір жануар (7,1%) және жаңа туған – төрт жануар (28,5%) анықталып отыр.

1-кесте – Ақарық төрткүлінің мәдени қабатынан табылған жануар сүйектерінің құрамы мен саны

Table 1 – Composition and number of animal bones found in the tortkul Akaryk cultural layer

Таблица 1 – Состав и количество костей животных из культурного слоя торткуля Акарык

Жануар түрі	Сүйек/жануар саны	Сүйек, %%
Уақ мал – <i>Capra et Ovis</i>	89/9	60,1
Қой – <i>Ovis aries</i>	21/5	14,1
Ірі қара – <i>Bos taurus</i>	31/2	20,9
Жылқы – <i>Equus caballus</i>	2/1	1,3
Түйе – <i>Camelus bactrianus</i>	2/1	1,3
Ақбөкен – <i>Saiga tatarica</i>	3/2	2,0
Жиыны	148/20	100,0
Сүтқоректілер (<i>Mammalia</i> indet)	11	6,9

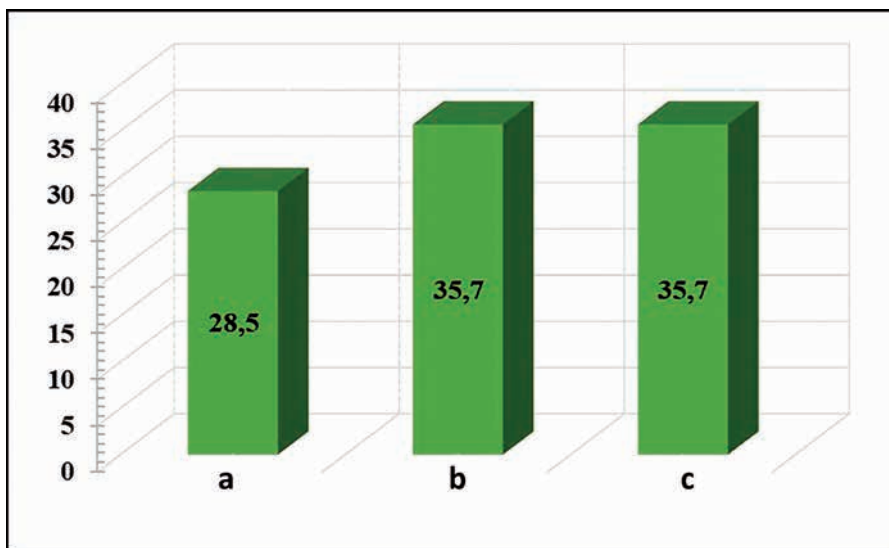
Жануарлардың жас ерекшеліктері негізінде жасалған талдау нәтижесі уақ малдың басым бөлігінің жаздың соңы мен қыстың басында сойылғанын көрсетсе, 30% жуығының көктемнің басында сойылғанын байқаймыз. Алдыңғы екі мезгілде сойылған қойлардың жасы бір жарым – екі жарым жас аралығында болған. Көктемнің басында сойылған жануарлардың жасы алты және 12 айға дейінгі арылықта ауытқиды (7-сур.). Ақарық төрткүлінен табылған қойдың алдыңғы сирағының ұзындығына жүргізілген биометриялық өлшем – 143 мм болатынын көрсетті. В.И. Цалкиннің зерттеу әдісіне [Цалкин 1961: 127] сәйкес, аталған сүйек тиесілі қойдың жота бойынша биіктігі – 70 см құрайды. Өкше сүйектерінің (*calcaneus*) ұзындықтары 63–64 мм аралығында ауытқиды. А.Г. Петренконың көрсеткен әдісі бойынша [Петренко 1984: 28], аталған сүйектер тиесілі жануарлардың жота бойынша биіктігі – 71–72 см болады. Олай болса, Ақарық төрткүліндегі қойлардың жота бойынша биіктігі – 70–72 см аралығында ауытқиды. Бұған дейін Талас өңірінде орналасқан ортағасырлық Талапты [Ақымбек, Шағырбаев 2022: 143], Ақыртас [Ақымбек, Шағирбаев 2021: 79] және Арна [Ақымбек және т. б. 2022а: 31–40] төрткүлдерінен табылған жануар сүйектерінің ішінде тек Талапты мен Ақыртас төрткүлдерінде уақ малдың басым екендігі анықталған. Ортағасырлық Арна төрткүлінде уақ малдың саны ірі қарадан кейінгі екінші орында болды. Бұл Талас өңірінің ортағасырлық тұрғындары үй жануарларының санын төрткүл қызметімен байланысты реттеуі мүмкін екендігін байқатады. Төрткүлдерден табылған үй жануарларының нақты тұқымдық ерекшеліктерін айту қиын. Сүйектерді морфологиялық талдау бойынша бұл сұрақтарға жауап беру қателікке алып келуі мүмкін. Дегенмен, әлемдік археозоологияда қой мен ешкінің ежелгі дәуірлердегі жабайы тұқымдармен байланысы бар екендігін анықтаған палеогенетикалық зерттеулер кездеседі [Трифонов и др., 2021: 181].

2-кесте – Үй жануарларының қаңқа бөліктері бойынша қатынасы

Table 2 – The composition of the departments of the skeleton of domestic animal

Таблица 2 – Состав отделов скелета домашних животных

Қаңқа бөлігі	Ірі қара		Уақ мал	
	Экз.	%	Экз.	%
Бас сүйек	1	3,2	17	15,4
Жеке тістер	2	6,4	5	4,5
Кеуде	13	41,9	40	36,3
Аяқтың жоғарғы бөлігі	6	19,5	25	22,7
Аяқтың төменгі бөлігі	9	29,0	23	20,9
Барлығы	31	100,0	110	100,0

7-сур. Ақарық. Уақ малдың сойылу мерзімдері (%): а – көктемнің басы; б – жаздың соңы; с – қыстың басы

Fig. 7. Akaryk. The season of slaughter of small cattle (%): a – the beginning of spring;
b – the end of summer; c – the beginning of winter

Рис. 7. Акарык. Сезон забоя мелкого рогатого скота (%): а – начало весны; б – конец лета; с – начало зимы

4 Талқылау (Ақымбек Е.Ш.)

Төрткүл орналасқан аймақтағы барлық ескерткіштер Талас өзенінің жағалауына жақын жайғасқан. Ескерткіштердің көпшілігі орта ғасырларға жатады. Олардың ішіндегі ең жақын орналасқан Оххум қаласы 1,8 км қашықтықта. Одан басқа, 1930 жылдардың ортасында анықталған 10-нан астам обалардан тұратын қорым – Оххум қаласына қарама-қарсы [Труды... 1949: 112], Ақарық төрткүлінен 1,7 км солтүстік-шығыста, Талас өзенінің оң жағалауында, өзеннен 0,3 км жерде ССШ–ООБ бағытында тізбектеліп жатыр.

Осы төңіректегі зерттеу жұмыстары негізінен Оххум қаласына жүргізілген. Оххум қаласын зерттеген ғалымдар, оны әртүрлі атағандықтан, қаланың атауы солай берілді. 1894 ж. В.В. Бартольд Әулиеата қаласының солтүстігінде орналасқан Окум қаласын көруге барған. Оның алып жатқан көлемі 1 шаршы верст, үш қатар жал қоршап жатыр деп сипаттайды [Бартольд 1966: 31]. XIX ғ. аяғында жергілікті халық ескерткіштің орнын «Аққұм» деп атағанға ұқсайды. Себебі, оны зерттеуші орыс тілінде айтылуына қарай және орыс тілінде «Окум» деп жазған секілді. Дегенмен, осы күнге дейін ескерткіштен төменірек, Талас өзенінің төменгі ағысында «Аққұм» деген ауыл бар. Зерттеушілер орыс тіліндегі жазылу ережесіне орай «Оххум» деп жазғанға ұқсайды. Осы атаумен ескерткіш мемлекеттік тізімге де алынған. «Оххум» қазақ тілінде ешқандай мағына бермейді. Сондықтан алғашқы атауы «Аққұм» болған.

1936–1938 жж. Материалдық мәдениет тарихы институты мен КСРО ҒА Қазақ филиалының Семиречье археологиялық экспедициясы (жетекшісі: А.Н. Бернштам) ескерткішті «Оххум» деп атап, оны рабад (бекіністі пункт, қамал) қатарына жатқызып, үстінен жинастырылған материалдар бойынша IX–XIII ғғ. мерзімдейді [Труды... 1949: 85–86]. Осы жылдары экспедиция құрамында

болған А.И. Тереножкин Оххум (Акхум) қаласын зерттеп, орталық бөлігі мен оны қоршап жатқан жалдарын 15 жеке бөлікке бөліп сипаттап, қаланың жалын контрэскарпа құрылысына жатқызады [Труды... 1949: 110–112].

Г.И. Пацевич рабад қалдықтары айтарлықтай немесе біршама анық сақталған қалалардың қатарына Оххум (Ох-хум) қаласын да кіргізеді. Қаланың алып жатқан көлемі мен қорғаныс қабырғаларын зерттей келе, А.И. Тереножкиннің пікірін қолдамай, контр-эскарпа бола алмайтындығын түсіндіреді. Үстінен жиналған материалдарды сипаттай отырып, шартты түрде VIII–XIII ғғ. мерзімдеп, үлкен ортағасырлық қаланың қалдығы деп есептейді [Пацевич 1954: 288–290].

1983 ж. Қазақ мемлекеттік университетінің (қазіргі әл-Фараби атындағы ҚазҰУ) археологиялық экспедициясының барлау тобы (М. Елеуов) қаланы толық сипаттап, екінші қорғаныс қабырғасының шығыс және үшінші қорғаныс қабырғасының оңтүстік жағының орта бөлігіне кесік салып, құрылыс материалы мен салыну технологиясын анықтап, кесіктен шыққан материалдарды зерттей келе, салыстырмалы түрде X–XII ғғ. жатқызады [Шалекенов 1983: 41–44].

1986 ж. ҚазКСР ҒА ТАЭИ археологиялық экспедициясы (К.М. Байпаков) және 2000 ж. ҚР ҒА Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы ескерткіштің толық сипаттамасын алып, топографиялық аэрофото түсірілім жасайды. К.М. Байпаков 1998 ж. шыққан еңбегінде ескерткіштің аэрофото түсірілімінің астына XIII–XV ғғ. деп берген [Байпаков 1998: 109]. Қалаға зерттеу жүргізе келе, оны түрік билеушілерінің ордасына жатқызады [Байпаков 2013: 226–227].

Өңірде ұзақ жылдар зерттеу жүргізген М.С. Қасенов Оххумды ішкі қамалы бар қалалардың қатарына жатқызады. Өз еңбегінде ескерткіштің жан-жақты сипаттамасын беріп, Оххумның жанынан өтетін Таластың сол тармағы – Қарабақыр өзенінен тартылған ұзындығы 2,5–3 км болатын канал туралы мәліметтерді келтіреді. Өз еңбегінде ескерткішті VI–XII ғғ. (тағы бір жерде IX–XII ғғ.) жатқызады [Қасенов 2015: 23–24].

Зерттеу жұмыстарының барлығы Оххум қаласына жүргізілгенімен, оған жақын жатқан Ақарық төрткүлі аса биік болмағандықтан, барлау жұмыстарында көрінбесе керек. Сондықтан да, 1960 ж. шыққан «Қазақстанның археологиялық картасы» тізіліміне енбеген [АКК 1960: 260, № 3746]. 1982 және 2002 ж. «Жамбыл облысының тарих және мәдениет ескерткіштерінің жинағына» [Алипчиев, Байбосынов 1982: 159, № 394; Свод ... 2002: 124, № 139], жекелеген аудан бойынша 2010 ж. шыққан «Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің жинағы. Байзақ ауданы» кітабында да ескерткіш берілмеген [Жамбыл 2010: 158–160, № 118].

Жоғарыда аталған археологиялық барлау-іздігіру жұмыстарында Ақарық төрткүлі анықталмағанымен, 1936–1938 жж. Семиречье археологиялық экспедициясының жұмыстарында, осы маңдағы бір төрткүл сипатталған. Ол Оххумнан үлкен жолмен Н. Ивановка селосына қарай 2,5 км жерде, жолдың оң жағында орналасқан. Төрткүлдің әрбір жағы 100 м, жалының биіктігі 1,3–1,5 м, ішінен ешқандай құрылыс байқалмайды деп жазады [Бернштам 1949: 112]. Н. Ивановка селосы қазіргі қай ауыл екенін анықтау мүмкін болмады. Бірақ экспедиция Оххумнан ары, Таластың төменгі ағысына қарай бармай кері қайтқан секілді. Соған қарағанда Тегістік ауылына қарай бара жатқандағы жол бойындағы төрткүл туралы айтып тұр. Бүгінде Ақарық төрткүлінен 0,65 км оңтүстіктен бір төрткүлдің орны байқалады. Көлемі экспедиция сипаттаған төрткүлге және Оххумнан арақашықтығы да тура келеді. Жалпы, Талас өңірінде үлкен ескерткіштердің маңайына төрткүлдердің орналасуы жиі кездеседі.

5 Қорытынды (Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б.)

Ортағасырлық Ақарық төрткүлі және оған жақын жатқан, көлемі үлкендеу төрткүлдің өмір сүруі Оххум қаласымен байланысты болған секілді. Оххум қаласына жүргізілген зерттеу жұмыстары бойынша, оның мерзімделуінде әр түрлі уақыт берілген. Мұны қаланың орталық бөлігіне кешенді қазба жұмыстарының жүргізілмеуімен түсіндіруге болады. Оххум қаласынан басқа, төрткүлге 10 км радиус аумақта Көделі, Арна және Сарыбарак төрткүлдері орналасқан.

Ақарық төрткүліне салынған қазба жұмыстарының шағын болуына байланысты, қандай мақсатта қызмет атқарғанын анықтау мүмкін болмады. Бірақ, қазба барысында анықталған тандыр ошақ пен қойма ретінде қазылған ұраға, сонымен қатар, қазбаның барлық ярустарынан асүйлік ыдыс сынықтарының көп шығуына қарағанда қазба жүргізілген тұсы күнделікті тұрмыстық бөлме орны болғандығын көруге болады. Ұра деп анықтауымыздың себебі, қабырғаның түбінен және еденнен төмен қарай кеңейіп кеткен. Осы күнге дейін еліміздің оңтүстік аймақтарында көкөніс сақтайтын жерге қазылған шұңқырлардың пішіні осылай келеді. Іші ешқандай қоқысқа толтырылмаған, тек күл аралас топыраққа толған. Шұңқыр төрткүл өмір сүріп тұрғанда қазылған. Уақыт өте шұңқырға, жалпы қабырғаның іші-сыртына күл тасталған. Құланды қабырғаның қалыңдығына қарағанда қабырғасы биік болған. Мәдени қабатының қалың болып қатпарлануы ұзақ уақыт өмір сүргендігін көрсетеді.

Керамикалық бұйымдарға жүргізілген зерттеулер нәтижесінде тамақ пісіруге арналған ыдыстардың басым екендігі белгілі болды. Ыдыс фрагменттерінің басым көпшілігі қазанға тиесілі. Жасалу технологиясы бойынша қыш бұйымдардың негізгі бөлігін қолмен жапсырып жасалған ыдыстар құрайды. Ақарық төрткүлінен табылған қыш ыдыстардың аналогиясын Талас өңіріндегі Талапты, Арна төрткүлдері мен Төменгі Барысхан және Қостөбе қаласынан кездестіреміз. Керамика кешеніне жүргізілген зерттеулер ескерткіштің Х–ХІІ ғғ. жататынын көрсетті.

Жануарлардың сүйектерінің ішінде қаңқаның барлық бөлігіне тиесілі элементтердің кездесуі, жануарды сою жұмыстарының төрткүл аумағында орын алғанын білдіреді. Үй жануарларының ішінде ересек және кәрі жануарларға тиесілі сүйектердің көп кездесуін ерекше атауға болады. Бұл төрткүл тұрғындары үшін «ет өнімдерінің» аса қатты қажеттілік тудырмағанын көрсетеді. Яғни, жануарларды бірінші кезекте жұмыс күші мен мініс көлігі (жылқы/түйе), сүт өнімдері (ірі қара) мен тері-жүн (уақ мал) өнімдерін алу үшін пайдаланған.

Уақ малдың көпшілігі жаздың соңы мен қыстың басында сойылған. Бұл мезгілде жануарлардың басым бөлігі 1,5–2,5 жас аралығында болған.

Ірі қараны төрткүл тұрғындары бірінші кезекте сүт өнімі үшін пайдаланған. Жылқы мен түйе сүйектерінің аздығы, аталған жануарларды ең бірінші жұмыс көлігі үшін пайдаланғанын көрсетеді. Тек сирек жағдайда ғана ет өнімі үшін, оның ішінде тек ересек және кәрі жануарлар ғана сойылған. Сүйектердің ішінде мүжілген элементтердің мүлдем кездеспейуі және ит сүйектерінің анықталмауына қарап, аталған жануардың төрткүлдің шаруашылығындағы мөлшерін айтуға әлі ерте деп ойлаймыз.

Ақарық тұрғындары аңшылықпен төрткүлдің өмір сүрген уақытының тек алғашқы кезеңінде айналысқан болуы мүмкін. Оның ішінде жануарды тек «ет өнімі» үшін ғана аулаған. Қазба стратиграфиясының жоғарғы қабатында (төрткүлдің өмір сүрген уақытының соңғы кезеңінде) үй жануарларының саны күрт азаяды (жылқы, түйе сүйектері кездеспейді). Мұның себебі сол кезеңдегі саяси-экономикалық жағдайларға байланысты секілді.

Талас өзенінің оң жағалық тепсеңінде және осы аймақтағы ең үлкен ескерткіш – Оххум қаласына жақын орналасқан Ақарық төрткүлін келешекте зерттеу, оның қандай қызмет атқарғанын көрсетіп, аймақтағы қалалық мәдениет туралы материалдардың қордаланып, бай мәліметтер алынуына көмектеседі.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Агеева Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата) // Археологические исследования на Северных склонах Каратау / Отв. ред. Е.И. Агеева. Алма-Ата: АН КазССР, 1962. С. 97-215.
- 2 Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С. 2018–2019 жылдары «Археологиялық технологиялар зертханасының» атқарған жұмыстарына шолу // Қазақстан археологиясы. 2020. № 2 (8). 114-122-бб.
- 3 Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С. Ортағасырлық Ақыртас төрткүлінің остеологиялық материалдары // Қазақстан археологиясы. 2021. № 1 (11). 72-100-бб.
- 4 Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С. Ортағасырлық Талапты төрткүлінің археозоологиялық материалдарын талдау (2021 ж. қазба жұмыстары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2022. № 2 (16). 136-154-бб.
- 5 Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б. Ортағасырлық Арна төрткүлі // «Орталық Азияның ежелгі және дәстүрлі қоғамдарының тарихи-мәдени мұрасы: жаңа ашылымдар мен пәнаралық зерттеулер» атты «XIV Оразбаев оқулары» халықар. ғыл.-әдіст. конф. м-ры (Алматы қ., 28–29 қазан 2022 ж.) / Жауапты ред. Р.С. Жұматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2022а. 22-43-бб.
- 6 Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б. Ортағасырлық Талапты төрткүлінің керамикасы // Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықар. конгресінің м-ры (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық / Бас ред. А. Оңғарұлы; жауапты ред. Б.Ә. Байтанаев, А.Г. Ситдиқов, Д.А. Воякин. Алматы; Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022б. 3-том. 157-168-бб.
- 7 Алипчиев С., Байбосынов К. Свод памятников истории и культуры Джамбулской области. Джамбул: Джамбулский областной историко-краеведческий музей, 1982. 208 с.
- 8 АКК – Археологическая карта Казахстана: Реестр / Сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев и др. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1960. 449 с., 13 л. ил., карт.
- 9 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 216 с.
- 10 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, 2013. 514 с., ил.
- 11 Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата / Отв. ред. И.Н. Винников. М.: Наука, 1966. 784 с.
- 12 Бубнова М.А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX–XII вв. // Археологические памятники Таласской долины / Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: Илим, 1963. С. 225-262.
- 13 Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Байзақ ауданы. Алматы: Жамбыл облысы Мәдениет басқармасы, 2010. 204 б.
- 14 Касенов М.С. Талас өңірінің отырықшылық мәдениеті (VI–XIII ғғ.). Атырау: Х. Досмұхамедов ат. Атырау мемлекеттік ун-ті баспасы, 2015. 180 б.
- 15 Кожемяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: Илим, 1963. С. 145-225.
- 16 Кузнецова О.В., Савельева Т.В. Гончарное ремесло в средневековом Талгаре. Альбом. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, 2019. 220 с.
- 17 Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936–1938 гг.). Таласская долина / Сост.: А.Н. Бернштам. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1949. 229 с.
- 18 Нуржанов А.А., Ақымбек Е.Ш. Средневековое городище Нижний Барсхан в Таласской долине // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2012. № 3. С. 94-107.

- 19 Пацевич Г.И. Историческая топография городов и поселений Юга Казахстана VII-XV в.в. (по археол. данным): дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт истории материальной культуры, 1954. 408 с. + ил.
- 20 Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 175 с.
- 21 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. Т. 2. 350 с., карты, ил.
- 22 Трифонов В.А., Шаймуратова Д.Н., Асылгараева Г.Ш., Монахов С.П., Молодцева А.С., Аськеев А.О., Аськеев И.В., Аськеев О.В. Археогеномика domestikatsii zhivotnykh Evrazii // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 179-186.
- 23 Цалкин В.И. Изменчивость метаподии у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биология. 1961. Т. 66. Вып. 5. С. 115-132.
- 24 Шағирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Жануар асықтарының археозоологиялық зерттелуі (Бәбіш мола қаласының материалдары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2019. № 4 (6). 79-116-бб.
- 25 Шағирбаев М.С. Екатеринбург қаласына ғылыми іс-сапар туралы // Қазақстан археологиясы. 2020. № 1 (7). 161-167-бб.
- 26 Шалекенов У.Х. Отчет по теме: «Археолого-этнографическое изучение Чуйской долины». Алма-Ата: 1983 // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 1957, 117 л.
- 27 Silver I.A. The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology. Basic books, Inc., Publishers. New York, 1969. Pp. 250-268.

REFERENCES

- 1 Ageeva, E. I. 1962. In: Ageeva, E. I. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya na Severnyh sklonah Karatau* (Archaeological research on the Northern slopes of Karatau). Alma-Ata: "Nauka" Publ., 97-215 (in Russian).
- 2 Akymbek, E. Sh., Shagirbayev, M. S. 2020. In: *Kazakstan arheologiasy* (Kazakhstan Archeology), 2 (8), 114-122 (in Kazakh).
- 3 Akymbek, E. Sh., Shagirbayev, M. S. 2021. In: *Kazakstan arheologiasy* (Kazakhstan Archeology), 1 (11), 72-110 (in Kazakh).
- 4 Akymbek, E. Sh., Shagirbayev, M. S. 2022. In: *Kazakstan arheologiasy* (Kazakhstan Archeology), 2 (16), 136-154 (in Kazakh).
- 5 Akymbek, E. Sh., Shagyrbaev, M. S., Nurgali, N. B. 2022a. In: Zhumatayev, R. S. (ed). *XIV Orazbaevskie chteniya* (14th Orazbayev Readings). Almaty: "Kazakh University" Publ., 22-43 (in Kazakh).
- 6 Akymbek, E. Sh., Shagyrbaev, M. S., Nurgali, N. B. 2022b. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B., Sitdikov, A., Voyakin, D. (eds.). *Euraziya dalasy arheologiyasy V halykaralyk kongresinin materialdary* (Materials of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian steppe). In 5 vol. Vol. 3. Almaty; Turkestan: Margulan Institute of Archaeology, 157-168 (in Kazakh).
- 7 Alipcheev, S., Baibosynov, K. 1982. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Dzhambul'skoy oblasti* (The official list of historical and cultural monuments of the Jambul region). Jambul: Jambul Regional Museum of Local history Publ. (in Russian).
- 8 1960. Ageeva, E. I. Akishev, K. A. Kushaev G. A. et al. (compl.). *Arheologicheskaya karta Kazakhstana* (Archaeological map of Kazakhstan). Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).
- 9 Baipakov, K. M. 1998. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti* (Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road). Almaty: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 10 Baipakov, K. M. 2013. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arheologicheskoy ekspeditsii)* (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on the research materials of the South Kazakhstan Complex Archaeological Expedition)). Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 11 Bartold, V. V. 1966. In: Vinnikov, I. N. (ed.). *Sochineniya* (Essays). Vol. VI. Moscow: "Nauka" Publ (in Russian).

- 12 Bubnova, M. A. 1963. In: Kozhemyako, P. N. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Talasskoy doliny (Archaeological sites of the Talas Valley)*. Frunze: "Ilim" Publ., 225–262 (in Russian).
- 13 2010. Amzeuly, A., Baipakov, K. M., Daurenbekov, K. K. (compl.). *Zhambyl oblysy tarih zhane madeniet eskertkisherinin Zhinagy. Baizak audany (Collection of historical and cultural monuments of Zhambyl region. Baizak district)*. Almaty: Department of culture of Zhambyl region (in Russian).
- 14 Kasenov, M. S. 2015. *Talas onirinin otyrykshylyk madenieti (VI–VIII gg.) (Settlement culture of the Talas Region (6th–13th centuries))*. Atyrau: Atyrau Dosmukhamedov State University (in Kazakh).
- 15 Kozhemyako, P. N. 1963. In: Kozhemyako, P. N. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Talasskoy doliny (Archaeological sites of the Talas Valley)*. Frunze: "Ilim" Publ., 145–225 (in Russian).
- 16 Kuznetsova, O. V., Savelieva, T. V. 2019. *Goncharnoe remeslo v srednevekovom Talgare. Albom (Pottery in medieval Talgar. Album)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 17 1949. Bernshtam, A. N. (ed.). *Trudy Semirechenskoy arheologicheskoy ekspeditsii (1936–1938 gg.)*. Talasskaya dolina (Proceedings of the Semirechensk Archaeological expedition (1936–1938). Talas Valley). Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).
- 18 Nurzhanov, A. A., Akymbek, E. Sh. 2012. In: *Izvestiya Natsionalnoy akademii nauk RK (News of the National Academy of Sciences RK)*, 3, 94–107 (in Russian).
- 19 Patsevich, G. I. 1954. *Istoricheskaya topografiya gorodov i poseleniya Yuga Kazakhstana VII–XV v.v. (po arheologicheskim dannym) (Historical topography of cities and settlements of the South of Kazakhstan in the 19th–20th century (according to archaeological data))*. Moscow: Institute for the History of Material Culture (in Russian).
- 20 Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zivotnovodstvo srednego Povolzhya i Preduraliya (Ancient and medieval animal husbandry of the Middle Volga river region and the Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 21 2002. Baipakov, K. M. (ed.). *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazakhstan. Zhambylskaya oblast (The official list of the historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Zhambyl region)*. Vol. 2. Almaty: Republican State Enterprise Scientific Research and Design Institute of Monuments of Material Culture (in Russian).
- 22 Trifonov, V. A., Shaimuratova, D. N., Asylgaraeva, G. Sh., Monahov, S. P., Molodtseva, A. S., Askeev, A. O., Askeev, I. V., Askeev, O. V. 2021. In: *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*, 1 (35), 179–186 (in Russian).
- 23 Tsalkin, V. I. 1961. In: *Byuleten Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel biologiya (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)*, vol. 66. Issue 5, 115–132 (in Russian).
- 24 Shagirbayev, M. S., Utubayev, Zh. R. 2019. In: *Kazakhstan arheologiasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (6), 79–116 (in Kazakh).
- 25 Shagirbayev, M. S. 2020. In: *Kazakhstan arheologiasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (7), 161–167 (in Kazakh).
- 26 Shalekenov, U. Kh. 1984. In: *Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. F. 11, op. 2, d. 1957 (in Russian).
- 27 Silver, I. A. 1969. In: *Science in Archaeology*. Basic books, Inc., Publishers. New York, 250–268.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 13.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 26.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 07.04.2023.

УДК 30:003.071 (575.171)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.203.221>

Социальная семантика эпиграфики надгробий золотоордынского Хорезма (по археологическим находкам XX в.)

©2023 г. Бабаджанов Б.М.

Keywords: funerary epigraphy, Golden Horde, Khorezm, tombstones, technologies, ideology of texts, social status of the buried

Тўйин сөздер: жерлеу эпиграфикасы, Алтын Орда, Хорезм, құлпытас, технологиялар, мәтіндер идеологиясы, жерленгендердің әлеуметтік жағдайы

Ключевые слова: погребальная эпиграфика, Золотая орда, Хорезм, надгробия, технологии, идеология текстов, социальный статус погребенных

Bakhtiyar Babadjanov^{1, 2}

¹Doctor of Historical Sciences, National Center for Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

²visiting Chief Researcher of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan. E-mail: bbmir58@gmail.com

Social semantics of the epigraphy of tombstones in Golden Horde Khorezm (according to archaeological finds of the 20th century)

Abstract. In the article, for the first time in the studies of funerary epigraphy in Arabic script, a synthesis of methods from different areas of science was used. This approach made it possible to combine the results of the analysis of the texts of tombstones (or their fragments) with the features of their firing and other circumstances of their manufacture: for example, with the specifics of the paleography of inscriptions (including pseudo-epitaphs). These data are compared with the types of tombstones as carriers or “accumulators” of information about the deceased, customers, and as objects of the cult of saints. The article for the first time proposes a new classification of the tombstones of Khorezm from the heyday of the Golden Horde (early 13th – mid 14th century), based on social stratification, changes in the religious ideology of society, as well as in the context of the technological features of these artifacts, which are rightfully ranked among the most numerous archaeological finds. An integrated approach also allowed us to consider burial structures as indicators of new forms of the cult of saints and ancestors in the conditions of active Islamization of the Golden Horde, bearing in mind that the tombstones and their texts were created in a social environment, in certain historical conditions. We proceeded from the fact that tombstones are a product (tradition) of society that creates them in different variations and types, made them part of its cult practices, following certain traditions (including religious ones), put its own meanings into these practices. The research results and conclusions are placed in the context of the anthropology of archaeological finds in the broadest sense of the term and appeal to the social and religious contexts of the culture of tombstone decoration, including inscriptions.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574063.

For citation: Babadjanov, B. 2023. Social semantics of the epigraphy of tombstones in Golden Horde Khorezm (according to archaeological finds of the 20th century). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 203–221 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.203.221](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.203.221)

Бахтияр Мираимович Бабаджанов^{1,2}

¹тарих ғылымдарының докторы,
Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының
Ұлттық археология орталығы, Ташкент, Өзбекстан
²әріптес бас ғылыми қызметкер, ҚР ҒЖБМ Ғылым
комитетінің Р.Б. Сүлейменов атындағы
Шығыстану институты,
Алматы, Қазақстан

**Алтын Орда кезеңіндегі Хорезм қабіртастары
эпиграфикасының әлеуметтік семантикасы
(XX ғ. археологиялық олжалар бойынша)**

Аннотация. Бұл мақалада араб жазулы жерлеу эпиграфикасын зерттеуде ғылымның әртүрлі бағыттары әдістерінің синтезі тұңғыш рет қолданылған. Бұл тәсіл қабіртастардың (немесе олардың фрагменттерінің) мәтіндерін талдау нәтижелерін, оларды күйдіру ерекшеліктерімен және жасаудың басқа әдістерімен, мысалы, жазулардың палеографиясының (соның ішінде жалған-эпитафияларды қоса алғандағы) ерекшеліктерімен біріктіруге мүмкіндік береді. Бұл деректер марқұм, тапсырыс беруші туралы, сондай-ақ, әулиелер культінің нысандары сипатында ақпараттарды тасымалдаушылар немесе «жинақтаушылар» ретінде қабіртас ескерткіштерінің түрлерімен салыстырылады. Мақалада әлеуметтік стратификациядан, қоғамның діни идеологиясындағы өзгерістерден, сонымен қатар, бұл артефактілердің технологиялық ерекшеліктері контекстінде археологтардың көптеген олжалары ретінде бастау ала отырып, Алтын Орданың (XIII ғ. басы – XIV ғ. ортасы) өркендеуі дәуіріндегі Хорезмнің қабіртастарын жаңаша топтастырылуы алғаш рет ұсынылады. Қабіртастар мен олардың мәтіндерінің белгілі бір тарихи жағдайларға байланысты әлеуметтік орталарда қалыптасқанын ескере отырып, жерлеу құрылыстарын Алтын Орданың белсенді түрде исламдануы жағдайында ата-бабалар мен әулиелер культінің жаңа формаларының көрсеткіші ретінде қарастыруға кешенді тәсіл мүмкіндік береді. Біз қабіртастарды әр алуан вариациялар мен түрлерде жасалған, белгілі бір дәстүрлерді (оның ішінде діни дәстүрді) ұстанып, оның культтік әдет-ғұрыптарының бір бөлігіне айналдырған, осы тәжірибелерге өзіндік мағына берген қоғамның өнімі (дәстүрі) деп ойлаймыз. Зерттеу нәтижелері мен тұжырымдары бұл ұғымды кең мағынада алғанда археологиялық олжалардың антропологиясы контекстіне жинақтап, қабіртастарды безендіру мәдениетінің әлеуметтік және діни контекстеріне жүгінеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық

Бахтияр Мираимович Бабаджанов^{1,2}

¹доктор исторических наук,
Национальный центр археологии АН РУз,
Ташкент, Узбекистан;
²приглашенный специалист в должности главного
научного сотрудника Института востоковедения
имени Р.Б. Сүлейменова Комитета науки МНВО РК,
Алматы, Казахстан

**Социальная семантика
эпиграфики надгробий золотоордынского Хорезма
(по археологическим находкам XX в.)**

Аннотация. В статье впервые в исследованиях погребальной эпиграфики в арабском шрифте использован синтез методов разных направлений наук, что позволило соединить результаты анализа текстов надгробий (или их фрагментов) с особенностями их обжига и иными обстоятельствами их изготовления, со спецификой палеографии надписей (включая псевдо-эпитафии), соотнести эти данные с типами надгробных памятников как носителей или «аккумуляторов» информации о покойном, заказчиках, а также в качестве объектов культа. Впервые предложена новая классификация надгробий Хорезма эпохи расцвета Золотой Орды (начало XIII – середина XIV в.), исходя из социальной стратификации, изменений в религиозной идеологии общества, а также в контексте технологических особенностей этих артефактов, которые по праву причислены к наиболее массовым археологическим находкам. Комплексный подход позволил также рассмотреть погребальные сооружения как индикаторы новых форм культа святых и предков в условиях активной исламизации Золотой Орды, имея в виду, что надгробия и их тексты созданы в социальной среде, в определенных исторических условиях. Мы исходили из того, что надгробия суть продукт (традиция) общества, которое создает их в разных вариациях и типах, сделало их частью своих культовых практик, следуя определенным традициям (в том числе и религиозным), вкладывало в эти практики свои смыслы. Результаты исследований и выводы помещены в контекст антропологии археологических находок в самом широком смысле этого понятия и апеллируют к социальным и религиозным контекстам культуры украшения надгробий, в том числе и надписями.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574063.

нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574223 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Бабаджанов Б.М. Алтын Орда кезеңіндегі Хорезм қабіртастары эпиграфикасының әлеуметтік семантикасы (XX ғ. археологиялық олжалар бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 203–221-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.203.221](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.203.221)

Для цитирования: Бабаджанов Б.М. Социальная семантика эпиграфики надгробий золотоордынского Хорезма (по археологическим находкам XX века). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 203–221. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.203.221](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.203.221)

1 Введение

Погребения и остатки надгробий можно отнести к одному из самых многочисленных артефактов фондов и музеев Центральной Азии. В числе регионов, археологические находки которых, как правило, включают надгробия, является Хорезм (в разные эпохи в него входили части современных территорий Казахстана, Туркменистана, Узбекистана). Сохранившиеся надгробия (местн. назв. *сагана*, *кашан*) и обнаруживаемые археологами их фрагменты позволяют заключить, что расцвет культуры украшения надгробий в Хорезме пришелся на эпоху Золотой орды (1207–1390 гг.). Комплексное исследование этих сооружений не проводилось, хотя как выясняется, хорезмские образцы глазурей воспроизводят *«большее рецептурное разнообразие, что естественно для ремесленного центра с глубокими традициями»*, а мозаичные изделия городов Поволжья золотоордынского времени “родственны” с хорезмскими и *«представляют собой разовые узкие партии импорта, поступившие в первой половине – середине XIV и в XV веке»*» [Валиулина и др. 2011: 18–19].

В целом, по справедливому замечанию Е.А. Армарчук, *«хорезмские декоративные надгробия XIV в. не были объектом специального исследования, если не считать давнего и краткого описания их выдающихся образцов»*, которые ограничивались археологическим обзором условий находок, констатацией наличия надписей [Армарчук 2013: 411]. Эта статья изменила ситуацию и содержит достаточно полный библиографический обзор, чертежи и добротный анализ «ступенчатых надгробий» золотоордынского времени Хорезма с обширным списком аналогов (включая возможные прототипы более раннего времени), выявлением ареала, анализом их декора, глазурей и др. [Армарчук 2013: 408–430]. Е.А. Армарчук полагает, что такого рода надгробия устанавливались над могилами преимущественно религиозной и политической элиты, а расширение социального слоя условных «заказчиков» надгробий относит только ко времени появления каменных надгробий в XV–XVII вв. [Армарчук 2013: 423]. Эпиграфика надгробий используется исследовательницей преимущественно как датирующий материал.

Исследования Е.А. Армарчук надгробий Хорезма отчасти продолжила А.Д. Искандерова, отдавая предпочтение классификации стилей и видов орнаментации. В своей статье автор полностью использует чтения, переводы и предварительные интерпретации надгробных текстов автора настоящих строк [Искандерова 2016: 161–171; Iskanderova 2020: 181–189], которые опубликованы ранее в совместной статье [Искандерова, Бабаджанов 2014] и в виде части книги [Бабаджанов и др. 2015: 45–57]. Однако в научный оборот ведены новые надгробия, что остается в числе достоинств публикаций, несмотря на то что эти публикации повторяют друг друга.

Эпиграфика надгробий золотоордынского Хорезма изредка попадала в статьи историков архитектуры и археологов [Воронина 1950: 90–92; Есбергенов 1976: 78–80]. Специалисты этого профиля чаще всего удовлетворяются чтениями и редкими текстологическими интерпретациями, предоставленными им специалистами по эпиграфике или востоковедами. Правда, иногда архео-

логи, не имеющие специальной подготовки (в качестве текстологов, религиоведов), неудачно пытались самостоятельно интерпретировать надгробные тексты. Например, как «проявления му'тазилитской идеологии» [Есбергенов, Новицкий 1997: 123–126], без учета содержания всего комплекса погребальной эпиграфики эпохи, о чем подробнее будет сказано ниже. Тем не менее, эта публикация показала, что содержание погребальной эпиграфики достойно специального изучения, например, исходя из идеологии эпохи ее создания.

Насколько нам известно, первая публикация эпиграфики надгробий Хорезма была предпринята востоковедом (иранистом) А. Некрасовым. Его чтение и перевод текстов *сагана* в мавзолее Мазлумхан Сулу (Миздахкан) опубликованы почти век назад [Некрасов 1930: 583–588]. Очевидно, в силу тяжелых условий книгопечатания того времени, к статье не приложены фотографии. Одновременно авторство персидских текстов не установлено; некоторые бейты (двустушия) перепутаны местами, а публикатор не сделал необходимых исторических комментариев. Эти недостатки привели к тому, что ссылки на эту работу крайне редкие, а специалисты других профилей пытаются сами интерпретировать опубликованные А. Некрасовым переводы. Например, Е.А. Армарчук характеризует эти тексты (обычные надгробные элегии/*марсийа* эсхатологического содержания) как «*эпитафии философско-созерцательного характера*», без объяснений [Армарчук 2013: 420]. Наряду с этим публикация А. Некрасова стала первым и важным шагом в изучении эпиграфики золотоордынских надгробий. Важно, что автор смог прочесть тексты, отметил неясности (как следствие ошибок каллиграфов), сделал важные текстологические наблюдения. Тем более что это первый опыт публикации погребальной эпиграфики.

Два надгробных текста золотоордынского времени из Куня-Ургенча опубликовал Н. Халимов. Его работы чаще всего без фото, либо с фотографиями низкого качества, что лишает возможности перепроверять тексты. Не зная персидского языка, автор пользовался услугами иранистов, не указывая их имен. В его публикациях нет арабографичных текстов, их анализа [Халимов 1981; 1991: 69–71, 79–82]. Такие недостатки ограничивают исследователей, не позволяя полноценно использовать результаты его работ. Однако следует отдать должное Н. Халимову за то, что он ввел в научный оборот ряд эпиграфических текстов (в том числе и погребальную эпиграфику), предложил их исторические интерпретации, предложил обширные сравнения с этнографическим материалом (легенды, сказания и пр.).

Схожие проблемы наблюдаются у публикаторов золотоордынских надгробных памятников Поволжья и других регионов. Как и во всяком процессе «первоначального накопления материала», в этих работах заметны те же недостатки, которые характерны для публикаций такого рода: нечеткие фотографии (что совершенно недопустимо для эпиграфических исследований), неточные чтения текстов, которые без лингвистических и иных интерпретаций остаются преимущественно дактирующим материалом [Волков 2008: 478–495; Минаев, Юдин 2021: 193–194]. Хотя и в этом случае важно, что исследователи начали понимать важность погребальной эпиграфики, которая остается в ряду наиболее важных артефактов в археологических исследованиях золотоордынского периода.

Несмотря на очевидные позитивы в упомянутых публикациях, приходится отмечать их недостатки (очевидно, естественные для стадии накопления материала). Это несколько поверхностные и неполные описания особенностей эпиграфики надгробий как текстов, источников разной информации. Опыт предшественников и научные достижения сегодняшнего дня побуждают расширить спектр исследований и анализов погребальной эпиграфики, имея в виду социальные, религиозные или культурологические контексты. Соединение такого рода анализов происходит чрезвычайно ред-

ко. Например, специалисты по эпиграфике, пользуясь археологическими артефактами, крайне редко учитывают «археологические условия» находок, ограничиваются чтением текстов (чаще всего фрагментарных), характеристикой почерков и т. п. текстологическими наблюдениями, игнорируют особенности технологического качества материала, социальные или религиозные контексты эпитафий и т. п. То же самое можно сказать об археологах и архитекторах. В их подробных описаниях и классификациях надгробий эпиграфика часто остается некой «декорацией», в лучшем случае помогающей в персонификации надгробий или их датировок. И в том, и в другом случаях эпиграфика надгробий в буквальном смысле остается вспомогательным, а значит почти мертвым источником.

Повторяем, приведенный обзор далек от осуждения предшествующих исследователей, которые взяли на себя тяжкий труд «собираателей» материала и оставили полезные публикации. Опираясь в той или иной мере на прежние исследования, мы попробуем использовать более широкую «телескопию» в своих анализах, предложив исследовательскую повестку, цель которой – рассмотреть надгробия указанной эпохи как еще один аспект социальной, религиозной и в целом культурной истории жителей Хорезма в период Золотой Орды. Ниже надгробные сооружения рассмотрены с разных точек зрения: надгробия как часть исламизации Золотой орды и культа святых; содержание надписей; взаимодействие условного зрителя (прежде всего паломника) с текстом (смысловая коммуникация); качество надгробия и его связь с социальными статусами их «заказчиков»; надгробия и их тексты как религиозный феномен. Важно установить, в какой мере всплеск традиции установки майоликовых надгробий связан с исламизацией Золотой Орды, с новыми формами развития ислама, с развитием культа святых, особенно в городских центрах, основная часть населения которых оставались мусульманами и, по сути, не нуждалась в исламизации.

В таких контекстах надгробия золотоордынского Хорезма еще не изучались, поэтому мы рассматриваем эту статью как первоначальный опыт, имея в виду, что археологические артефакты *«должны быть истолкованы в связи с историческими процессами и эволюцией культурных моделей»* [Hodder & Hutson 2003: 1–25].

2 Материал и методы исследования

2.1 Методы исследования

Специалист по мусульманской эпиграфике Шейла Блэйр предложила связывать места расположения эпиграфики на памятниках как результат идеологических воззрений и предпочтений донаторов или мастеров [Blair 1992: 11–12]. Ее идею развил и критически интерпретировал Роберт Хилленбранд, выдвинув идею о «месте надписи» на мусульманских памятниках как результате сакрального статуса надписи. Так, он полагает, что коранические надписи на минаретах и иных монументах располагались «за пределами человеческого зрения» и «ближе к Богу» [Hillenbrand 2012: 14–15].

Эта идея смысловой иерархичности надписи в той или иной мере может быть использована в случаях с надгробиями (например, коранические формулы и имена Аллаха обычно располагаются на верхних частях стел). Конечно, имея в виду, что это лишь начальная стадия анализа, не учитывающая упомянутые выше признаки надгробного памятника, или форм стандартизации содержания его текстов, формы, качества и величины надгробия как маркеров статуса покойного и другие обстоятельства, которые сформулированы выше. Иными словами, вместе с обычными эмпирическими анализами (выявление количественных и качественных показателей, декоративных паттернов и пр.) важно следовать теоретическим методам (моделирование, индуктивный анализ). В частности,

имея в виду лингвистические особенности надгробных текстов в привязке к языковой или религиозной ситуациям в регионе, где произведено надгробие. Или, говоря словами Льва Клейна, поставить вопрос – «совпадает ли языковая преемственность с преемственностью в материальной культуре»? [Клейн 2011: 437]. Мы постараемся отойти от позитивизма, предпочитая опираться на идею о «пространственной организации человеческого поведения» и оставленных им предметов с более обширными интерпретационными моделями в объяснении культурной эволюции [Timothy K. Earle, Robert W. Preucel 1987: 501, 512].

2.2 Характеристика надгробий

В случае с надгробиями эпохи Золотой орды в Хорезме мы имеем счастливый случай, когда их типы восстанавливаются легко, так как сохранились целые экземпляры. А потому даже фрагменты позволяют представить себе конструкцию целиком, учитывая соразмерность находки предполагаемому (реконструируемому) надгробию [Армарчук 2013: 408–412]. Представленные ниже надгробия в целом датируются 1-й пол. XIV в. и все происходят из исторического Хорезма.

По конструкции специалисты выделяют два типа надгробий. Первый – это тумба (*дахма*) с одним или чаще двумя навершиями, имеющими стрельчатые сечения. Этот тип крупный по размерам (от 2,5 и до 3 м в длинном основании), устанавливался над могилами именитых персон (рис. 1).

Рис. 1. Надгробия в виде призматических тумб с навершиями:
1 – надгробие Наджм ад-Дина Кубра, Куня-ургенч. Фото А. Пилявского, 1929 г. (по: [Армарчук 2013: 410]);
2 – надгробие Шайха Ала ад-Дина, Хива. Фото Бахтияра Бабаджанова

1-сур. Призматикалық тумбалар түріндегі құлпытастар: 1 – Наджм ад-Дин Кубраның қабіртасы, Көне Үргеніш. Сурет А. Пилявскийдікі, 1929 ж. ([Армарчук 2013: 410] бойынша);
2 – Шейх Ала ад-Диннің қабіртасы, Хиуа. Сурет Бахтияр Бабаджановтыкі

Fig. 1. Tombstones in the form of prismatic pedestals with finials: 1 – tombstone of Najm ad-Din Kubra, Kunya-Urgench. Photo by A. Pilyavsky, 1929, after – Armarchuk 2013: 410; 2 – tombstone of Sheikh Ala ad-Din, Khiva. Photo by Bakhtiyar Babadjanov

Второй тип – ступенчатое надгробие с двумя или тремя плоскими параллелепипедами, установленными друг на друга и увенчанными арочным навершием. Сохранилось его фото (передано Р.Г. Мурадовым), но точное место его обнаружения не установлено (рис. 2)¹. Поверхности надгробий покрывались цветными глазированными плитами, разукрашенными надписями и узорами [Армарчук 2013: 407, 410–411].

Исследование эпиграфики надгробий вносит свои коррективы в принятую классификацию. Для наглядности рассмотрим несколько текстов изученных надгробий. Исследования позволили выделить *три вида надгробных текстов* золотоордынского периода Хорезма. Часть из них была опубликована, в том числе археологами в нашем чтении и с нашими же предварительными интерпретациями [Искандерова, Бабаджанов 2014: 66–70; Iskanderova 2020: 185–186]. Ниже использованы неопубликованные тексты, либо с уточненными переводами и более обширным анализом.

1. Тексты на парадных надгробиях, установленные на могилах религиозной (и, видимо, политической) элиты. Например, текст на надгробии Ала'ад-Дина Хиваки (ум. 14-го ша'бана 702 / 2 апр. 1303 года) (рис. 1, 1). Эпитафия на арабском языке [Бабаджанов и др. 2015: 50–57].

2. Более пространные тексты обычно писались на втором типе надгробий (ступенчатые), которые имели менее парадный вид, как надгробие из округа Куня-Ургенча (рис. 2). Надгробие ступенчатое, высота 82 см, в основании – 54 см (не публиковалось). Тексты на торцах навершия, по боковым поверхностям средней и нижней ступени. Текст (на торце навершия) на персидском языке, представляет собой фрагмент касиды Саади Ширази (1219–1292). Текст:

دو بیتم جگر کرد روزی کباب / که می گفت گوینده ای بارباب / دریغا که بی ما بسی روزگار / بروید و بشکفت نو بهار

Рис. 2. Надгробие из Куня-Ургенча.

Автор и время фотофиксации неизвестны.

Снимок из личного архива проф. Руслана Мурадова

2-сур. Көне Үргеніштегі қабіртас.

Фотосуреттің авторы мен уақыты белгісіз.

Сурет проф. Руслан Мурадовтың жеке архивінен алынды

Fig. 2. Tombstone from Kunya-Urgench.

The author and date of photographing are unknown.

Photo from the personal archive of Prof. Ruslan Muradov

¹ Снимок 1989 г. из личного архива профессора Р.Г. Мурадова. Надгробие ныне утрачено.

Транслитерация: *Du baytam jigar kard rûz kebâb / Ki mîguft guyande-ây b-ârbâb / Darighâ ke bî mât basî ruzgâr / b-ruyad wa b-shikaft naû- bahâr.*

Перевод: «Два моих бейта сожгли однажды мою печень, / Ибо поведал рассказчик великим: / Как жаль, без нас во все эпохи / Будет приходить и цвести весна» [Саади 1992: газель № 38].

На торце средней ступени часто повторяющаяся на надгробных текстах арабская формула: «*و هو حي و لا يموت / Wa Hûwa ḥayyûn wa lâ îyîmutu*» (Он [Аллах] вечно живой и бессмертный).

В основании надгробия фрагмент персидского бейта, автора которого не удалось установить: «*سرو پاک تو نبود در خاک نهن شدی / Sarw-i pâk-i tû n[â]bûd dar khâk nihân shudî*» (Не стало твоего чистого стана, [ибо] уложен [уложена] ты под землю).

Похожие персидские стихи эсхатологического содержания очень частое явление для погребальной эпиграфики золотоордынского Хорезма. Один из таких текстов (надгробие городища Кетен-кала, Каракалпакстан) был опубликован ранее, с неточным переводом [Есбергенов 1976: 76–77]. Текст этого чтения и перевода таков:

زین جهان رفتیم و دل برداشتیم / با جهان در آن جهان بگذاشتیم / اینچنین گفتیم از دست اجل / ای دریغا کجا غلط پنداشتیم؟

Транслитерация: «*Z-în jahân raftîm wa dil bardâshîm / bâ jahân dar ân jahân b-guzashîm / Ìnchunîn guftîm az dast-i ajal / Ey darîghâ kujâ ghalṭ pindâshîm?*»

(Перевод А. Муродова и А. Ирисова, 1972 г.: Мы пришли из этого мира и сердце с собой унесли / Пока, мы находились в этом мире, и сердце было в этом мире / Как бы то ни было, мы пали от руки смерти / О как жаль, что мы неправильно мыслили (об этом мире) [Есбергенов 1976: 77]. Здесь очевидны погрешности стилистики в русском переложении, а идиомы переведены буквально. Например, фраза «دل برداشتیم» (буквально: «вручили сердце») является смысловой идиомой, которая переводится как «отвыкнуть, отказаться от прежних желаний» и т. п. [Гаффаров 1976: 343].

Позже нами опубликован новый перевод и отмечено еще несколько фрагментов надгробий с этими же стихами [Искандерова, Бабаджанов 2014: 66–70]. Уточненный перевод этого четверостишия таков: «Ушли мы из этого мира и отказались от прежних желаний, / Переселившись из этого мира в другой мир, / Так говорим (сожалею) только по причине смерти, / О, жаль, где же мы ошиблись?».

Перевод фрагмента еще одной надгробной элегии 1-й пол. XIV в. на персидском языке опубликован Н. Халимовым [Халимов 1991: 80–82]. По словам автора (текст опубликован без арабграфического текста), перевод сделан «таджикскими коллегами» (имена не указаны). Судя по опубликованному тексту, перевод оказался пространным, не всегда отражающим оригинал. Перевод, опубликованный Н. Халимовым таков:

... «В моем сердце померк весь белый свет, о белый свет, горе тебе! / Как приятно (было) твое общество и тепло твое распространялось между всеми как жизнь, о горе! / Тело твое спит в прахе, а я застыл, приложив чело к праху твоему ... увы, спит обладатель сути души (моей) ...» [Халимов 1991: 82].

Приведем искомый текст в нашем чтении, транслитерацию и наш перевод:

... بر دلی من همه جهان کیست جهان دریغ / انجمنی تو چنین جوش و گرم تو در میانه / بی نقد تو همه متوهم (?) بوده جان تو دریغ / قالب تو بخاک در خفته و من بخاک چنین بر مانده [م] / ...

Транслитерация: «... *Bar dilī man hamah jahān kī-st jahān darīgh / Anjumanī tū chunīn jūsh-u garm-i tū dar mīyāna / bī naqd-i tū hamah mūtawahhim budeh, jān-i tū darīgh / Qālib- tū b-khāk dar khuftah wa man b-khāk chūnīn bar-mānda[am] / ...*»

«...Что теперь моему сердцу весь этот мир (без тебя) – жаль этот мир! / Твои страсти так подогревали всех в твоём окружении, / Что без тебя все теперь оказались в смятении, как жаль тебя! / Теперь твоё тело спит в земле, и я так же окажусь в земле (когда-нибудь) /...».

Еще один показательный пример – фрагменты майоликовых облицовок надгробий, найденных внутри ханака Мазлумхан Сулу (городище Миздахкан). Их чтение и перевод впервые предложены А. Некрасовым [Некрасов 1930: 583–588]. Здесь тексты такого же эсхатологического содержания. Вот один из примеров:

«...Не останется ни печали, ни радости, / Не останется ни празднества, ни траура, / Не останется ни флейты (най), ни ..., / Не останется ни друга, ни близкого, / ... / Никто не освободится от когтей смерти (перевод А. Некрасова; без текста).

Нам удалось установить авторство еще одной газели, опубликованной А. Некрасовым. Это фрагмент самой популярной касыды Саади Ширази, которая встречается на многих надгробных памятниках Центральной Азии. Чтение А. Некрасова оказалось не вполне точным и не полным, а строфы перепутаны местами [Некрасов 1930: 587–588]:

پس اعتماد برین بیج (!) روز فانی نیست / درخت قد صنوبر خرام انسان را / آمد ... رونق ... نیست / عمر خوش است دریغا که جاودانی نیست

Перевод А. Некрасова:

...Поэтому нет доверия этому корню тленных дней, / Плавню выступающее дерево человека стройное, как кипарис / Стало ... блеск ... ответа нет. / Жизнь прекрасна, как жаль, что она не вечна!

Приводим уточненное чтение, транслитерацию и перевод:

خوش است عمر دریغا که جاودانی نیست / پس اعتماد بر این پنج روز فانی نیست / درخت قد صنوبر خرام انسان را / مدام «رونق نوباوه جوانی نیست».

Транслитерация: «*Khūsh ast 'umr darīghā ki jāwidānī nīst / Pas i 'tmād bar īn panch rūz-i fānī / Darakht-i qad-i šanūbar khurāma insān-rā / Mudām raūnaq naw-bāwāh-i jawānī nīst*»

Жизнь прекрасна, но, увы, не вечна! / Так не стоит доверять этим пяти бранным дням! / Даже стройное как кипарис и прекрасное тело человека / Не может быть вечно молодым [Саади 1992: газель № 47].

Фрагменты еще одного надгробия (не публиковалось) Мазлумхан Сулу хранятся в архиве Отдела археологии ККНИИГН ККО АН РУз (рис. 3). На двух фрагментах сохранились надписи. Буквы белые на темно-синем (кобальтовом) фоне. Почерк – декоративный *nasx* с довольно регулярно расставленными диакритическими точками. Текст на персидском языке. Удалось установить, что это фрагмент газели того же Саади, эсхатологическая и философско-мистическая поэзия которого (судя по остаткам находок) оказалась весьма популярной в текстах надгробий золотоордынского Хорезма. Сохранившиеся на облицовках фрагменты текста подчеркнуты:

هر روز باد می برد از بوستان گلی // مجروح می کند دل مسکین بلبلی // مألوف را به صحبت ابنای روزگار // بر جور روزگار
بیاید تحملی // دی بوستان خرم و صحرای لاله زار // وز بانگ مرغ در چمن افتاده غلغلی // و امروز خارهای مغیلان کشیده تیغ //
گویي که خود نبود درین بوستان گلی

Транслитерация: «*Har rūz bād mībarad az būstān-i gūlī / majrūh mīkunad dīl-i miskīn bulbulī / Mā'lūf-rā beh-ṣuḥbat-i abnāyī rūzgār / bar jawr-i rūzgār b-bāyīad taḥmilī / Day būstān-i khurram-ū ṣaḥrāyī lālah-zār / wa zi bāng-i murgh dar chaman aḥtādah ghulghulī / Wa imrūz khārhā-yī mughlīlān kashīdah tīgh / Guyyī ki khūd nabūwad dar īn būstān-i gulī*».

Каждый день будет веять ветер из цветника, // Раня сердце бедного соловья^А. // Кто привык к беседам [мудрых] сынов своей эпохи, // Тот должен [понимать] и терпеливо выносить крушения эпох. // А в саду радости и в тюльпановых степях, // Было [слышно] кряканье селезней в полях. // А сегодня здесь сорняки выпускают колючки, // Слово не было ничего в этом цветнике [Саади 1992: газель № 40].

Комментарий: А). Метафора. То есть суфий, разлученный с «садом собеседников».

1

2

Рис. 3. Фрагмент надгробия мавзолея Мазлумхан Сулу. Миздакхан, Республика Каракалпакстан.
Фото Бахтияра Бабаджанова

3-сур. Мазлумхан сұлу кесенесі қабіртасының сынықтары. Миздакхан, Қарақалпақстан Республикасы.
Сурет Бахтияр Бабаджановтыкі

Fig. 3. Fragment of the tombstone of the Mazlumkhan Sulu mausoleum. Mizdahkan, Republic of Karakalpakstan.
Photo by Bakhtiyar Babadjanov

Тексты подобного содержания зафиксированы нами еще, как минимум, на двух десятках фрагментах надгробий, найденных на территории исторического Хорезма (музеи Нукуса, Куня-Ургенча и частные коллекции. В дальнейшем предполагается их полная публикация). Их содержания в целом укладываются в традицию надгробных элегий эсхатологического жанра с неизменными повторами о бренности мирской жизни, сожалениями о смерти близкого человека, с призывами не доверяться соблазнам мира и тому подобными назиданиями, сообразно религиозной этике той эпохи.

По нашим наблюдениям жанр надписей надгробий, как и их конструкции, тоже стандартизировались. В тексты включались три компонента: персидские (реже тюркские) элегии; арабские эпитафии; сентенции религиозного содержания (иногда в виде цитат из Корана). Основная часть текстов приходится на персоязычные *марсийа*.

3. Третий тип надписей надгробий наиболее массовый. Эти надгробия чаще попадают в виде фрагментов. Нам приходилось видеть их среди подъемного материала на городищах Миздакхан,

Кетен-кала, Куня Ургенча и др. (1989–2018 гг.). Судя по более или менее хорошо сохранившимся частям, этот тип надгробий очень мал по размерам (от 12 и до 16 см в основании наверху, высотой не более 15 см).

Наиболее полно сохранившиеся фрагменты этого типа представляют собой стреловидные брикеты, которые монтировались на торцевых частях наверху, венчавших ступенчатые надгробия (рис. 2). Предварительное описание этих надгробий сделано ранее [Бабаджанов и др. 2015: 48–57]. Брикеты изготовлены из красной глины, покрыты подглазурной росписью, буквы более рельефны, декор скудный.

Как правило, у этого типа надгробий крайне некачественный обжиг, глубокий цек глазури с неаккуратными подтеками, узоры и буквы расплывчатые. Очевидно, все это следствие одноразового, а значит более дешевого обжига. По всем признакам это действительно массовый и недорогой в производстве тип надгробий, которые рассчитаны на массового потребителя. Низкое качество привело к плохой сохранности и потому они часто обнаруживаются в виде мелких фрагментов.

Под стать качеству исполнения и тексты этих надгробий. Перед нами части надгробных стихов. Но ни одно из них не содержит полного (по крайней мере, завершенного) текста. Во всех случаях мы видим значительные сокращения слов, предложений, причем в ущерб содержанию, а значит и смыслу текста (рис. 4). Ясно, что мастера имели перед собой полноценный текст надгробной элегии, но, не поняв содержания, пропустили буквы и слова. Сильно сократив таким образом текст, мастера превратили их в эпиграфический орнамент (по сути, в псевдо-эпиграфику).

Рис. 4. Фрагменты надгробий третьего типа. Миздахкан, Республика Каракалпакстан. Фото Бахтияра Бабаджанова
4-сур. Үшінші түрдегі қабіртастардың сынықтары. Миздахкан, Қарақалпақстан Республикасы. Сурет Бахтияр Бабаджановтыкі
Fig. 4. Fragments of tombstones of the third type. Mizdahkan, Republic of Karakalpakstan. Photo by Bakhtiyar Babadjanov

Эти наблюдения дают основания для следующих предположений. По-видимому, для изготовления подобных фрагментов с очевидными имитациями текстов, образцами послужили некие профессионально исполненные прототипы погребальных стихов (*марсийа*) с полными текстами («матрицы»). Изготовители надгробий третьего типа, подражая более грамотным текстам, начертали только часть букв и слов, не сильно заботясь о содержании (поскольку, очевидно, не знали персидского языка). Причем, обладая опытом и способностями художника и отчасти каллиграфа, мастера сумели довольно близко передать особенности почерка оригинала, правда, в виде небрежной скорописи. Напрашивается также вывод, что условные «заказчики» этих надгробий (родственники и близкие покойных) тоже не владели персидским и вполне удовлетворялись подобной имитацией надгробных текстов.

Сравнение описанных типов надгробий и их текстов позволяет также заключить, что, во-первых, наряду с парадными и нарядными надгробиями первых двух типов, производились более упрощенные и дешевые их варианты для массового потребителя. Во-вторых, технологические и декоративные качества надгробий, а также содержание их текстов были, очевидно, в прямой зависимости от платежеспособности тех, кто заказывал мастерам надгробия для близких родственников. Иными словами, мы имеем дело с «бюджетными» надгробиями. Они продукт упрощенных технологий производства, которые обрели все черты ускоренного производства: простой и стандартный декор, имитация эпиграфики, однократный обжиг, глубокий цек как следствие спешного вскрытия печей и т.п.

Как показывают перечисленные выше факты, надгробия вполне могут стать добротным источником для реконструкции особенностей социальной стратификации общества Хорезма эпохи вхождения ее в состав Золотой орды. Или, как писали Ян Ходдер и Скотт Хатсон, «*вариативность погребения коррелирует с вариативностью социальной*» [Hodder & Hutson 2003: 5]. Правда, в нашем случае речь идет о вариативности качества надгробия и его псевдо-эпиграфики. Кроме того, еще не вполне понятно – какие выводы (кроме обычной констатации социальной дифференциации общества) это наблюдение нам сулит. Пока ясно одно – низшие страты общества не знали персидского, но тоже старались следовать устоявшейся традиции – ставить на могилы своих предков «красивые» надгробия с текстами. Возможно, что это выходцы из только что исламизированных тюркских племен в составе Золотой Орды.

3 Обсуждение, некоторые результаты

Итак, традиция изготовления и установки декоративных надгробий в Хорезме достигла своего пика именно в золотоордынский период [Армарчук 2013: 414]. Одновременно их эстетика также достигает своего пика. В это время наблюдается всплеск декоративного убранства надгробий, наряду с каллиграфическим оформлением текстов, что тоже предоставляет возможность для искусствоведческих, а более широко – культурологических осмыслений, которые, увы, тоже еще в зачаточном состоянии. Хотя установлено, что декорация надгробий также следовала определенным стандартам, в рамках принятых норм эстетики и культуры надгробных сооружений (цветовая гамма узора и надписей, паттерны и стили узоров и т. п.), имея в виду аналоги.

Предлагая расширить границы интерпретаций, мы должны поставить ряд вопросов, связанных с социальными, религиозными и историческими контекстами надгробия. Учитывая рамки статьи, попробуем остановиться только на двух из них: как следует интерпретировать

тексты в качестве социального, интеллектуального и культурного феноменов? Может ли надгробие восприниматься как один из индикаторов особенностей исламизации и отражать небывалый подъем культа святых в Хорезме?

1. Тексты и их язык. К изучаемому времени содержание надгробных текстов и их расположения в известной мере стандартизировались. Эпитафии (арабский или реже персидский текст с именами, социальными статусами, датами смертей и пр.) помещались на торцевых частях надгробий. На остальных частях надгробий писались посмертные элегии (*марсийа*) на персидском и реже на арабском, принадлежащие либо местным поэтам или более именитым, вроде Саади Ширази и Хафиза, творчество которых в жанре эсхатологии стало общепризнанным, судя по частоте их цитирования в погребальной эпиграфике Центральной Азии. Несмотря на то, что Саади и Хафиз жили в эпоху монгольского нашествия, их творчество было прямым продолжением домонгольских традиций. Учитывая надписи на культовой архитектуре той же эпохи, мы можем сказать, что перед нами многовековой пласт персидской и иногда арабской поэзии (например, на мавзолее Наджм ад-Дина Кубра), чтение которых, возможно, не вызывало трудностей.

С другой стороны, набор таких текстов должен служить свидетельством грамотности изготовителей надгробий. Одновременно всегда сохраняется искушение интерполировать язык надписей на лингвистическую ситуацию, либо на идентичность изготовителей или условных зрителей этих надгробий, часть которых очевидно читала эти тексты (по крайней мере, грамотные).

Во всяком случае, тексты надгробий не существовали сами по себе; они связаны с ритуалами паломничества (*зийарат/зиерет*), когда паломники сами читали тексты надгробий, либо, если это был не их родной язык, тексты для них читали грамотные хранители мазаров. Такие случаи иногда отмечались в агиографических источниках, авторы которых приводили фрагменты текстов на надгробиях именитых покойных, либо советовали своим читателям «*прочитать тексты надгробий на мазарах*» при совершении *зийарата*, чтобы «*узнать побольше о предках*» [Бабаджанов 2019: 69–70, 355].

Следовательно, надгробные тексты, в той или иной мере, оставались в «интеллектуальном обращении», а их массовость и доступность порождала разные виды коммуникаций с условными «зрителями», очевидно, помогая поддерживать формы коллективной памяти (*commemorate*) общины. Поэтому тексты эпитафий большинства надгробий писались более доступными (курсивными) видами почерков, хорошо видны. Однако остальные тексты были, очевидно, доступны не всем, особенно не знающим персидского. Тем более исламская традиция всегда придавала особое значение написанному слову. Поэтому можно говорить, что тексты надгробий буквально «*обращались к зрителям, очень прямо и недвусмысленно*» [Hillenbrand 2012: 18]. К этому можно добавить еще и декоративное качество текстов (яркие краски, выделяющийся текст), информацию о погребенных или иные социальные контексты этики надгробных элегий (удержание от порицаемых деяний, осуждение пороков и т. п.).

Конечно, этот вид интеллектуальной коммуникации «текст – читатель» более сложный, явно осуществлялся не во всех случаях. Тем более, если тексты по традиции писались на арабском или персидском языках, которые не во всех стратах общества были в активном обороте. И особенно в случаях имитации текстов, которые отмечены выше. Однако малограмотный простолюдин всегда мог обратиться к шейхам-хранителям мазаров, как правило, грамотным персонам и любопытствовать о содержании надписи, как это происходит и до сих пор на такого рода святынях.

Важно продолжить исследования коммуникативных функций надписи и декора надгробия, например, в контексте «читатель/зритель – текст/узор». Имея в виду следующие вопросы: как мог

воздействовать цветистый узор надгробий на паломников? Или насколько доступно чтение текста большинству населения? В какой степени арабский или персидский языки надгробий понимался в тюркоязычной среде?

Очевидно, что традицию языка надгробий задавали погребения святых, которые при жизни в той или иной мере прославились своими сочинениями, чаще всего мистико-философского жанра. По сложившейся традиции они писались на арабском и персидском. К тому же это была религиозная элита, а культ святых придал языкам их письменного наследия особый статус (особенно арабскому, обладающему сакральностью как язык Корана). Поэтому ожидать других языков на их надгробиях не приходится, в отличие от, скажем, золотоордынского Крыма, где тюркские надписи постепенно начали доминировать в надгробных надписях и элегиях [Минаев, Юдин. 2021: 82–97]. Поэтому арабский и персидский языки на большинстве памятников золотоордынского Хорезма, обладая религиозным/сакральным статусом (как традиция, либо как форма назиданий, т.е. общественной этики), не могли быть отражением доминирующей лингвистической ситуации. Более того, массовые надгробия с искаженными текстами или даже с псевдо-эпиграфикой доказывают, что их заказчики не знали арабского и персидского.

2. Надгробия и культ святых в Хорезме. Профессор Девин ДеУиз подчеркивает «важность Хорезма как ‘базы’ для суфиев, действующих среди кочевников Золотой Орды», которые были не столько прямыми «учителями», сколько персонами «олицетворяющими ислам», и даже после их смерти, их могилы становятся символами святости и чувственной веры [DeWeese 2018: 107–109].

И действительно, самые парадные и элитные из сохранившихся надгробий золотоордынской эпохи Хорезма установлены над могилами выдающихся суфиев. Часть из них умерли еще в домонгольскую эпоху (‘Абдаллах ан-Наринджани, ум. в 973–974; надгробие установлено в 1320), Наджмиддин Кубра (ум. в 1218 или 1221; могила возведена не позднее 1330 года Кутлук-Тимуром). Другие были активны в эпоху Золотой Орды, но были с почестями похоронены, как, например, Шайх ‘Ала ад-Дин Хиваки (ум. в 1303, надгробие и мавзолей 1318 г.), Пахлаван Махмуд (ум. в 1324 или 1326; Хива) и др. [Бабаджанов 2019: 72–103].

И еще об одном хорезмском суфийском шайхе Сулаймане ал-Хаддади (ум. 8 июля 1361 г.) мы узнаем из сохранившегося фрагмента вакфной грамоты (1321 г.), переданной в пользу его двух ханака (оригинал на арабском языке. Хранится: Архив фонда Музея-Заповедника Ичан-Кал‘а, док. № 1347). Обе ханаки были построены удельным владельцем Хорезма Кутлук-Тимуром (1314–1350?). Одна из них была расположена на городище Миздахкан, которая теперь известна под упомянутым выше названием Мазлумхан Сулу. По тексту вакфной грамоты она «... расположена на откосе возвышенности Миздахкан (على رأس جبل مزداحقان ... /‘ala ra’si jabalin Mizdāḥqān) ...», в углублении. Это описание вполне соответствует памятнику Мазлумхан Сулу, откуда происходит часть упомянутых выше надгробий.

Вокруг названных ханака и мавзолеев со временем образовались некрополи (мазар), и это обычная эволюция для таких комплексов Хорезма. После смерти основателя или шейха суфийской группы главной частью ханака (как культового комплекса) становится некрополь, который складывается вокруг могилы святого и его близких почитателей. Самое достоверное упоминание об этом мы находим в том же вакфном документе ханака шайха Хаддади (особенно в его персидской копии), в которой одной из обязанностей «благочестивых дервишей» прописано «ухаживать за могилами знатных и незнатных покойников, похороненных около ханака». Появившиеся таким

образом *мазары* становятся местом культовых практик (*зийарат/зиерет*). Сакральным «центром» этих комплексов стали мавзолеи и надгробия эпонимов мемориалов – святых шейхов.

Марокканский путешественник Ибн Баттута (посетил Золотую Орду в 1328–1333 гг.) оставил свидетельства, что в обряде *зийарата* участвовали тюркские и монгольские племена, которые не приняли ислама, но с благоговением посещали гробницы мусульманских святых (чаще всего суфиев), приносили щедрые пожертвования, исполняли собственные обряды, которые затем стали частью ритуала *зийарат* [Ибрагимов 1988: 110]. Такие известия письменных источников, по-видимому, следует толковать как одну из форм «ритуальной исламизации» Золотой Орды. Таким образом, исламизация не стала «улицей с односторонним движением». Более того, кочевые племена сами внесли некие «новшества» (*бид'ат*) в обряд *зийарата*, добавляя свою долю синкретизма в ритуальные практики. Надгробия святых и собственно мазары вокруг них (с надгробиями или без них) оказались зримыми символами этого сложного процесса с очевидным социальным контекстом. Иными словами, надгробия буквально принимали участие во всех циклических ритуалах общины, став объектами обряда *зийарат*.

Таким образом, парадные надгробия религиозной элиты и особенно суфиев (с самыми изысканными и высокохудожественными образцами декорации) стали прямым следствием развития культа святых и связанной с ним ритуальной практики. В социальном контексте мавзолеев святого с роскошным убранством и надписями, а также украшенное тончайшими узорами надгробие конвертировалось в самое благоговейное чувство почитания мощей святого, серьезно усиливая его культ, хотя одновременно могло противоречить доктринам «теоретического ислама», возбранявшего культ святых. Однако реалии жизни брали свое. Традиция отмечать надгробиями могилы явно стала расширяться. Судя по локализации обнаруживаемых остатков надгробий, мемориальные комплексы расширялись за счет новых могил почитателей и просто тех, кто хотел быть погребенным «подле / у порога святого». Эти могилы тоже отмечались надгробиями. В этом живом процессе роста некрополя находилось место и для выходцев из более низких социальных страт, которые удовлетворялись (сообразно своим возможностям) более скромными видами надгробий, часто украшенными псевдо-эпиграфикой.

Остается разобрать еще один вопрос – формы и эволюция надгробий. Если домонгольская традиция в текстах *марсийа* угадывается без труда, то эволюция самой формы пока еще не вполне ясна, поскольку домонгольские образцы надгробий еще неизвестны. Однако несомненно то, что «языческого компонента» (поиск которого тоже становится «дежурной парадигмой» многих исследований) в этих надгробиях нет. Одновременно присутствие домонгольского субстрата в их формах очевидно. Таким образом, приходится подтвердить мнение В.В. Бартольда о том, что монгольскую эпоху не стоит воспринимать исключительно как «*время подавления культуры*» [Бартольд 1966: 191]. Собственно исламская культура, в том числе и погребальная, не были забыты или упразднены, оставаясь «на своем месте», продолжая эволюционировать сообразно социальным и иным изменениям в обществе.

Однако описанные надгробия не отражают напрямую феноменов межэтнического взаимодействия эпохи Золотой орды. На них не повлияли вкусы и традиции кочевых субстратов Золотой Орды. Поэтому их следует воспринимать как продолженную (домонгольскую) традицию, как в текстах, так и во внешнем облике. Виды взаимного резонанса культур отпечатались на облике

надгробий-стел (часто в формах старых тюркских *кулыптасов, синтасов, балбалов*), возникших уже в период Золотой Орды, но чаще вне городских центров [Минаев, Юдин 2021: 85–96].

4 Заключение

В какой мере собственно форма исследованных здесь надгробий и особенно их тексты могут оцениваться как культурный феномен для Хорезма, а шире – для Золотой Орды в целом? Дать полный ответ на такой вопрос пока еще рано. Видимо, не стоит искать обязательный «локальный/ оригинальный» контекст для надгробий (как и для подавляющего большинства археологических артефактов), поскольку эта форма ступенчатых надгробий с глазурованной облицовкой или в виде каменных «сундуков» с похожими текстами обнаруживается на огромной территории от современного китайского Синьцзяна и до Крыма. Кроме указанных выше надгробий в Хорезме, это, например, надгробие Туглук-Тимура в монгольском Алмалыке (территория совр. китайского Синьцзяна) [O’Kane 2004], надгробия ансамбля Шахи-Зинда (Самарканд), на комплексе Султан Саадат в Термезе и др. (эти и другие аналоги указаны в работах: [O’Kane 1985: 116–124; Армарчук, 2013: 427–428; Садофеев 2020: 254–264]). Это не значит, что не было локальных вариаций надгробий и взаимных влияний, которые еще предстоит выявить.

Одновременно не стоит забывать о «первопричине» появления надгробия как части культа умерших. Помимо неизбежного страха и преклонения перед смертью, это коллективная память (знание о предках, своем роде, колене, о своих святых), поддерживающая родовую и локальную идентичность, способствующая «узнаванию» своих святых и их благодати (*барака/береке*). Окончательному формированию таких функций надгробий и культа умерших в полном смысле способствовала надгробная надпись, которая со временем стала не просто информантом о погребенном, его качествах, происхождении и т. п. Появление более пространных, литературных (поэтических) текстов на надгробиях обретали форму небольших, но циклических и показательных уроков (прокламаций) о ценностях мира, об этике поведения в этом «бренном мире», неизбежно закрепляя культ святых и предков как части религиозной и социальной этики. Тем более что сама традиция (а скорее культ) украшения могил – не изобретение эпохи Золотой орды. Надгробие такой же континуум, как, пожалуй, сама смерть.

Поэтому, даже сталкиваясь с нашим (современным) представлением о культах и культуре, точнее ее «фрагменте» – культуре украшения надгробий в относительно короткий исторический период, не стоит забывать, что именно эта традиция вполне может сохранять свойство исторического и этнографического опыта. Нам остается надеяться, что изложенные в этой статье наблюдения стимулируют новые исследования и будут способствовать превращению надгробной эпиграфики в статус самодостаточного источника.

Благодарности: Благодарю профессора Р.Г. Мурадова, предоставившего мне возможность опубликовать снимок надгробия (рис. 2) из его личного архива.

Примечание:

Знаки/буквы транслитерации: Ā ā – /ā/; Ī ī – /ī/ (с гласными – y); D d – /d/; H h – /h/; S s – /s/; T t – /t/; Z z – /z/; ū – /ū/ (между гласными и в отдельной позиции – w); kh – /x/; gh – /g/; q – /q/; h – /h/ (во вспомогательных глаголах и предлогах – i); ‘ – /‘/; ’ – /’/.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Армарчук Е.А. Декоративные надгробия Хорезма и Золотой Орды // Труды Государственного Эрмитажа. 2013. Т. 62. С. 408-430.
- 2 Бабаджанов Б.М. Эпиграфика в архитектурном ландшафте Хивы: мечети, погребальные комплексы, медресе, дворцы, ворота. Часть 1: Введение, чтение текстов, комментированные переводы. Вена: Академия наук Австрии, 2019. 377 с. Альбом иллюстраций с аннотациями. 390 с.
- 3 Бабаджанов Б., Рахимов К., Карлыбаев М. Архитектурная эпиграфика Узбекистана. Каракалпакстан. Ташкент: Uzbekistan Today, 2015. 261 с.
- 4 Бартольд В.В. Культура мусульманства // Сочинения. Т. 6. М.: Наука; Гл. ред. Вост. лит., 1966. С. 143-206.
- 5 Валиулина С.И., Армарчук Е.А., Волков И.В., Стародуб Т.Х. Химико-технологическая характеристика глазурей памятников Хорезма и Золотой Орды // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153/3. С. 7-22.
- 6 Волков И.В. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. 2008. Вып. 23. С. 478-495.
- 7 Воронина В.Л. Неизвестные памятники Средней Азии // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана / Отв. ред. В.Л. Воронина. М.: Академия архитектуры СССР, 1950. Вып. 1. С. 84-99.
- 8 Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Т. I. М.: Восточная литература, 1976. 432 с.
- 9 Есбергенов Х. Намогильные камни из Кетен-калы и Мазлумхан-сулу с надписями мутазилитского толка // Вестник Каракалпакского отделения АН УзССР. 1976. № 2. С. 75-81.
- 10 Есбергенов Х., Новицкий И. Дидактика на мраморной плите из города Чимбая // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 1997. № 5. С. 123-126.
- 11 Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 128 с.
- 12 Искандерова А.Д., Бабаджанов Б.М. Элементы декорации на памятниках Хорезма // Имом Бухорий сабоқлари. 2014. № 4. С. 66-70.
- 13 Искандерова А.Д. Эпиграфика и декор на надгробных памятниках Средневекового Хорезма // Отечественная история. 2016. № 2 (74). С. 161-171.
- 14 Клейн Л.С. История археологической мысли. Т. 2. СПб.: СПбГУ, 2011. 624 с.
- 15 Минаев А.П., Юдин Н.И. Мусульманские каменные надгробия XIV века из золотоордынского Азака // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 83-196.
- 16 Некрасов А. Надписи на надгробиях мавзолея Мазлум-Сулу в Миздахкане // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л.: АН СССР, 1930. Т. 5. С. 583-588.
- 17 Садофеев Д.В. Тюркские надписи на эпиграфических памятниках XIII–XV вв. в Старом Крыму // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Международные научные конференции XXXIII и XXXIV Кононовские чтения: м-лы конференций / Под ред. Н.Н. Телицина. СПб.: Санкт-Петербургский центр развития и поддержки востоковедных исследований, 2020. С. 254-264.
- 18 Саади Ширази. «Бустан». 1992. // باب نهـم. در توبه داه صواب. "بوستان". سعدى شیرازی. GanjoorService / Persian-Literature. (Библиотека персоязычной литературы «Ганджур»). URL: <https://ganjoor.net/saadi/boostan/bab9/sh7/8> (дата обращения: 20.03.2023).
- 19 Халимов Н.Б. Надгробие XIV века из Куны-Ургенча // Советская археология. 1981. № 2. С. 298-299.
- 20 Халимов Н.Б. Памятники Ургенча: сооружения, надписи и легенды. Ашхабад: Туркменистан, 1991. 134 с.
- 21 Blair Sheila. The Monumental Inscriptions from Early Islamic Iran and Transoxiana / Studies in Islamic Art and Architecture Supl. Muqarnas. Vol. V. Leiden; New-York; København; Köln, 1992. 317 p.
- 22 DeWeese D. A Khwārazmian Saint in the Golden Horde: Közlük Ata (Gözlü Ata) and the social vectors of islamisation // Dans: Marie Favereau (la direction) Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée, 2018. No 143. P. 107-132.
- 23 Hillenbrand Robert. Islamic Monumental Inscriptions Contextualized: Location, Content, Legibility and Aesthetics // Ernst-Herzfeld-Gesellschaft, Beiträge zur Islamischen Kunst und Archäologie / Lorenz Korn und Anja Heidenreich (eds.). Band 3. Wiesbaden, 2012. P. 13-38.

- 24 Hodder Ian & Hutson Scott. Reading the past. Current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (3rd edn). 293 s.
- 25 Iskanderova Aysulu. Dekorelemente und Epigraphik der Bauten und Grabmäler Choresmiens // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2020. Band 49. S. 173-190.
- 26 O'Kane Bernard. The Tomb of Muhammad Gazi at Ffdang / Annales Islamologiques. No 21, 1985. P. 113-128.
- 27 O'Kane Bernard. Chaghatai Architecture and the Tomb of Tughluq Temür at Almaliq // Muqarnas. 2004. Vol. 21. P. 277-287.
- 28 Timothy K. Earle, Robert W. Preucel. Processual Archaeology and the Radical Critique // Current Anthropology. 1987. Vol. 28/4. P. 501-538.

REFERENCES

- 1 Armarchuk, E. A. 2013. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage)*, 62, 408-430 (in Russian).
- 2 Babadjanov, B. M. 2019. *Epigrafika v arhitekturnom landshafte Hivy: mecheti, pogrebalnye komplekсы, medrese, dvortsy, vorota. Chast 1: Vvedenie, chtenie tekstov, kommentirovannye perevody (Epigraphy in the Architectural Landscape of Khiva: Mosques, Burial Complexes, Madrasas, Palaces, Gates. Part 1: Introduction, reading texts, commented translations)*. Vien: Austrian Academy of Sciences Press (in Russian).
- 3 Babadjanov, B., Rahimov, K., Karlybaev, M. 2015. *Arhitekturnaya epigrafika Uzbekistana. Karakalpakstan (Architectural Epigraphy of Uzbekistan. Karakalpakstan)*. Tashkent: "Uzbekistan Today" Publ. (in Russian).
- 4 Bartold, V. V. 1966. In: *Sochineniya (Collected works)*. Vol. 6. Moscow: "Nauka" Publ., 143-206 (in Russian).
- 5 Valiulina, S. I., Armarchuk, E. A., Volkov, I. V., Starodub, T. H. 2011. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (Scientific notes of Kazan University)*, 153/3, 7-22 (in Russian).
- 6 Volkov, I. V. 2008. In: *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nijnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don River in 2006)*, 23, 478-495 (in Russian).
- 7 Voronina, V. L. 1950. In: Voronina, V. L. (ed.). *Materialy po istorii i teorii arhitektury Uzbekistana (Materials on the history and theory of architecture of Uzbekistan)*. Issue 1. Moscow: Academy of Architecture of the USSR, 84-99 (in Russian).
- 8 Gaffarov, M. A. 1976. *Persidsko-russkii slovar (Persian-Russian dictionary)*. Vol. 1. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).
- 9 Esbergenov, H. 1976. In: *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Uzbekskoy SSR (Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Uzbek SSR)*, 2, 75-81 (in Russian).
- 10 Esbergenov, H., Novitskiy, I. 1997. In: *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan (Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan)*, 5, 123-126 (in Russian).
- 11 Ibragimov, N. 1988. *Ibn Battuta i ego puteshestviya po Sredney Azii (Ibn Battuta and his travels in Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 12 Iskanderova, A. D., Babadjanov, B. M. 2014. In: *Imom Buhorii saboklari (Imam Bukhari's sermons)*, 4, 66-70 (in Russian & Uzbek).
- 13 Iskanderova, A. D. 2016. In: *Otechestvennaya istoriya (The Homeland history)*, 2 (74), 161-171 (in Russian).
- 14 Klein, L. S. 2011. *Istoriya arheologicheskoy mysli (History of archaeological thought)*. Vol. 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. (in Russian).
- 15 Minaev, A. P., Yudin, N. I. 2021. In: *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 4, 83-196 (in Russian).
- 16 Nekrasov, A. 1930. In: *Zapiski Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR (Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences)*. Vol. 5. Leningrad: USSR Academy of sciences, 583-588 (in Russian).
- 17 Sadofeev, D. V. 2020. In: Telitsyn, N. N. (ed.). *Aktualnye voprosy tyurkologicheskikh issledovaniy (Topical issues of Turkic studies)*. Saint Petersburg: St. Petersburg Center for the Development and Support of Oriental Studies, 254-264 (in Russian).

- 18 Saadi Shirazi. 1992. In: سعدی شیرازی. "بوستان". باب نهم. در توبه داه صواب. *Ganjoor Servise / Persian-Literature*. (Library of Persian Literature «Ganjoor»). URL: <https://ganjoor.net/saadi/boostan/bab9/sh7/8> (accessed 03/20/2023) (in Persian).
- 19 Halimov, N. B. 1981. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 298-299 (in Russian).
- 20 Halimov, N. B. 1991. *Pamyatniki Urgencha: Soorujeniya, nadpisi i legendy (Monuments of Urgench: Structures, inscriptions and legends)*. Ashhabad: "Turkmenistan" Publ. (in Russian).
- 21 Blair, Sheila. 1992. *The Monumental Inscriptions from Early Islamic Iran and Transoxiana / Studies in Islamic Art and Architecture Supl. Muqarnas. Vol. V. Leiden; New-York; København; Köln* (in English).
- 22 DeWeese, Deveen. 2018. In: *Dans: Marie Favereau (la direction) Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée*, 143, 107-132 (in English).
- 23 Hillenbrand, Robert. 2012. In: Lorenz, Korn und Anja, Heidenreich (eds.). *Ernst-Herzfeld-Gesellschaft, Beiträge zur Islamischen Kunst und Archäologie. Band 3. Wiesbaden*, 13-38 (in English).
- 24 Hodder, Ian & Hutson, Scott. 2003 (3rd edn). *Reading the past. Current approaches to interpretation in archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press (in English).
- 25 Iskanderova, Aysulu. 2020. In: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 49, 173-190 (in German).
- 26 O'Kane, Bernard. 1985. In: *Annales Islamologiques*, 21, 113-128 (in English).
- 27 O'Kane, Bernard. 2004. In: *Muqarnas*, 21, 277-287 (in English).
- 28 Timothy K. Earle, Robert W. Preucel. 1987. In: *Current Anthropology*, 28/4, 501-538 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.03.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 18.04.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.04.2023.

УДК 903/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.222.231>

Kazakh ethnographic petroglyphs and an Arabic inscription in Eshkiolmes (South-Eastern Kazakhstan)

© 2023 Hermann L., Bazylkhan N.

Keywords: rock art, Kazakhstan, Eshkiolmes, Arabic inscription, Kazakh ethnographic period, literacy in Central Asia

Кілт сөздер: жартас суреттері, Қазақстан, Ешкіөлмес, араб графикалы мәтін, қазақ этнографиялық кезеңі, Орталық Азиядағы сауаттылық

Ключевые слова: наскальные рисунки, Казахстан, Ешкиолмес, арабографичная надпись, казахский этнографический период, грамотность в Центральной Азии

Luc Hermann^{1*} and Napil Bazylkhan²

¹*Corresponding author, Independent researcher, Belgium, Les Closures, 6 B-4970 Stavelot.

E-mail: lhermann2@hotmail.com

²Candidate of Philological sciences, Research expert, International Turkic Academy, Astana, Kazakhstan.

E-mail: napilbaz@gmail.com

Abstract: An Arabic inscription most probably from the 19th century and some Kazakh ethnographic petroglyphs were found in the valley 5 in Eshkiolmes (Almaty region, Kazakhstan). The Arabic inscription consists of 12 characters and does not represent the person who wrote it, but is a description of the landscape or, possibly, the name of a toponym. This inscription is associated with a petroglyph of a zoomorph, raising the question of the relation between the inscription and the depicted animal. Moreover, this inscription, as well as numerous other inscriptions in Arabic in Kazakhstan, as well as in Kyrgyzstan, show that even shepherds could write before the Soviet Union again launched a campaign to eliminate illiteracy. For this reason, the alphabetization of Central Asia before the Soviet period should be questioned. This article also analyzes two other panels with Kazakh ethnographic engravings of this location in order to see the influence of earlier petroglyphs in the Kazakh ethnographic period.

For citation: Hermann, L., Bazylkhan, N. 2023. Kazakh ethnographic petroglyphs and an Arabic inscription in Eshkiolmes (South-Eastern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (20), 222–231. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.222.231](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.222.231)

Люк Херманн^{1*}, Напил Базылхан²

¹*корреспондент авторы,
тәуелсіз зерттеуші, Бельгия,
Les Closures, 6 B-4970 Stavelot

²филология ғылымдарының кандидаты,
ғылым бөлімінің аға сарапшысы,
Халықаралық Түркі академиясы, Астана қ., Қазақстан

Ешкіөлместегі қазақ этнографиялық жартас
суреттері мен араб графикалы мәтін
(Оңтүстік-Шығыс Қазақстан)

Түйін. XIX ғ. тән араб графикалы мәтін мен бірнеше қазақ этнографиялық жартас суреттері Ешкіөлместегі (Қазақстан, Алматы облысы) 5-алқабтан табылған еді. Араб графикалы мәтін 12 әріптен тұрады және

Люк Херманн^{1*}, Напил Базылхан²

¹*автор-корреспондент,
независимый исследователь,
Бельгия, Les Closures, 6 B-4970 г. Ставелот
²кандидат филологических наук, старший эксперт
отдела науки, Международная Тюркская академия,
г. Астана, Казахстан

Казахские этнографические петроглифы и
арабографичная надпись в Ешкиолмес
(Юго-Восточный Казахстан)

Аннотация. Арабографичная надпись, скорее всего, XIX в. и несколько казахских этнографических петроглифов были найдены в долине 5 в Ешкиолмесе (Алматинская обл., Казахстан). Арабографичная

оны жазған адам туралы емес, табиғат пейзажының сипаттамасы немесе топонимнің атауы болуы мүмкін. Бұл жазба жануар бейнесі мен жазу арасындағы байланыс туралы мәселені көтереді, әрі зооморфты жартас суреттерімен байланыстырады. Сонымен қатар, бұл жазба және де басқа көптеген араб графикалы мәтін Қазақстанда, сондай-ақ Қырғызстанда Кеңес Одағы сауатсыздықты жою науқанын бастағанға дейін, тіпті қарапайым тұрғындар да жаза алғанын көрсетеді. Осы себепті кеңестік кезеңге дейінгі Орталық Азияның сауатсыз болғаны күмән тудырады. Бұл мақалада қазақ этнографиялық кезеңіндегі бұрынғы петроглифтердің әсерін көру үшін осы жердегі қазақ этнографиялық гравюралары бар тағы екі жазықтық талданады.

Сілтеме жасау үшін: Херманн Л., Базылхан Н. Ешкіөлместегі қазақ этнографиялық жартас суреттері мен араб графикалы мәтін (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 2 (20). 222–231-бб. (Ағылшынша). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.222.231](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.222.231)

надпись состоит из 12 знаков и представляет собой не человека, написавшего её, а описание ландшафта или, возможно, название топонима. Эта надпись ассоциируется с петроглифом зооморфа, что поднимает вопрос о связи надписи с изображенным животным. Более того, эта надпись, а также многочисленные другие арабографичные надписи в Казахстане, а также в Кыргызстане показывают, что даже представители простого населения умели писать до того, как Советский Союз снова начал кампанию по ликвидации неграмотности. По этой причине следует подвергнуть сомнению алфавитизацию Центральной Азии досоветского периода. В этой статье также анализируются две другие плоскости с казахскими этнографическими гравюрами данного местонахождения, чтобы увидеть влияние более ранних петроглифов в казахский этнографический период.

Для цитирования: Херманн Л., Базылхан Н. Казахские этнографические петроглифы и арабографичная надпись в Ешкіолмес (Юго-Восточный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 2 (20). С. 222–231 (на англ. яз.). DOI: [10.52967/akz2023.2.20.222.231](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.222.231)

Introduction (Hermann L., Bazylkhan N.)

Eshkiolmes is a well-known site inscribed since August 2021 by Kazakhstan on the tentative list of the UNESCO for the World Heritage. Due to the large amount of Bronze Age and Old Turkic petroglyphs of great quality, petroglyphs from the Kazakh ethnographic period were almost never published. During a prospection in the valley 5 of Eshkiolmes in summer 2016, new materials from the Kazakh ethnographic period were obtained, among them is an Arabic inscription (fig. 1A)* (*all pictures by Luc Hermann). The Kazakh ethnographic period, as defined by Sala & Deom, covers petroglyphs from the 15th to the 20th century [Sala & Deom 2005: 57]. Another denomination for this period is National Kazakh rock art (*народные казахские*) but only for engravings from the 19th and early 20th centuries [Рогожинский 2011: 204]. This period was also the topic of a book under the name of Kazakh petroglyphs (*казак петроглифтері*) and is dated by the authors between the 18th and the early 20th century [Самашев, Жетібәев 2005: 119f]. As we see, this period is not well-defined, mostly because archaeologists focus their attention on older engravings, which implies that there are only few papers concerning this topic. Please note that the Kazakh names of the sites are written according to the general transliteration adopted in the publications of these sites.

Location of the site and research history (Hermann L., Bazylkhan N.)

The site is part of the Dzhungar Alatau Mountain Range and is situated in the Almaty region, circa 20–30 km south from the city of Taldykorgan (fig. 1A). The site is an ensemble of more than 20 mountain gorges north of the Koksus River. The site covers circa 470 hectares at an altitude between 700 m and 1000 m above sea level, even if most of the rock art is located on the top of the hills or on their upper slopes.

Fig. 1A. Location of the site of Eshkiolmes and of the inscription (red dot). ©GoogleEarth
1A-сур. Ешкіөлмес ескерткішінің орналасуы мен мәтіні (қызыл нүкте). ©GoogleEarth
Рис. 1А. Расположения памятника Ешкиолмес и надписи (красная точка). ©GoogleEarth

The first study of the site by A.N. Maryashev and A.E. Rogozhinskiy was published in 1991 [Марьяшев, Рогожинский 1991]. Many drawings of this site were published in 2002 in a general publication on rock art in Semirechye [Марьяшев, Горячев 2002], before a second publication led by K.M. Baipakov and focused on Eshkiolmes was published in 2005 [Байпаков и др. 2005]. Since then, there was no general publication about the site, but new materials from the Old Turkic period were published by A.E. Rogozhinskiy in 2017 [Касанов и др. 2017] and two small papers in order to mention the discovery of some specific petroglyphs, particularly of chariots, were published in the last years [Новоженков, Рогожинский 2019; Hermann 2020]. The topic of chariot in Eshkiolmes is specifically analyzed in some part of the Rock Art Chronicles by V.A. Novozhenov, but this book also offers pictures of some petroglyphs from the Kazakh ethnographic period [Novozhenov 2020: 136]. A comprehensive documentation of the site has not yet been completed. It is estimated that there are circa 10 000 rock carvings [UNESCO 2021].

Presentation of the new materials from the Kazakh ethnographic period (Hermann L., Bazylkhan N.)

1. Arabic inscription with a zoomorph (fig. 1B; 2–3): an Arabic inscription is engraved on a south-oriented rock. This inscription measures 35×9 cm and is constituted by 12 signs. A zoomorphic figure with four legs is engraved directly beneath the inscription, using the same technique of superficial thin lines on the surface of the rock. Due to the lack of horns, it is impossible to determinate it as a caprid (goat). However, it has also no head what prevents to interpret it as a possible horse.

1A. Transliteration: Tasta[r] [Tasta [h?] Dalasınd [an?] – Тастар (немесе) Тастак даласында (даласынан?)

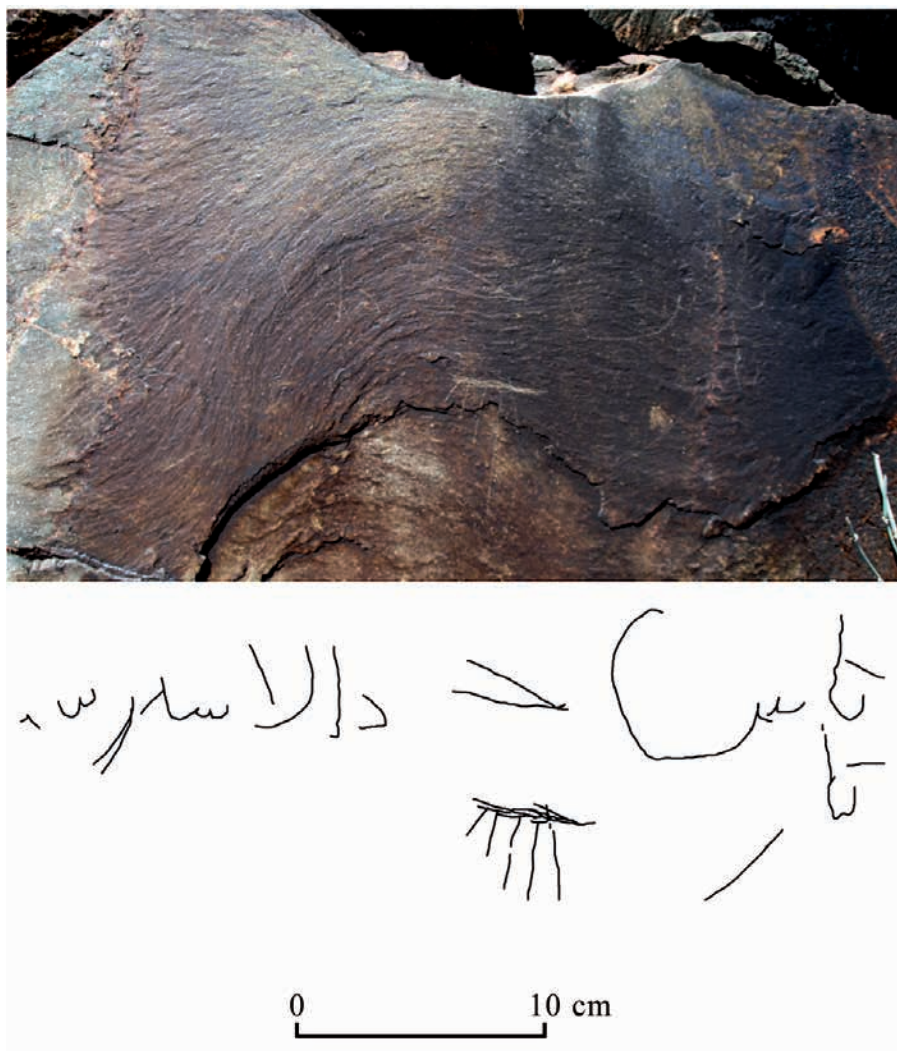

Fig. 1B. Eshkiolmes, valley 5. Arabic inscription and a zoomorph
1B-сур. Ешкіөлмес, 5-алқабы. Араб графикалы мәтін және зоорморфты сурет
Рис. 1B. Ешкиолмес, долина 5. Арабографичная надпись и зооморф

Translation: In the steppe field of stones/rocks. A variant would be: In the steppe field of Tastaq (as toponym).

1B. Datation: This is an Arabic inscription in Kazakh language. Since the graphics and language of this inscription are written close to the Kazakh phonology, there is a good reason to say that it belongs to the 19th century. Such inscriptions, also dated from the 19th century, were found at other sites in Kazakhstan [Базылхан и др. 2013; Железняков и др. 2019].

1C. Analysis: This inscription is very peculiar: usually the writer wrote his name (for example in Tamgaly, Akkainar, Kulzhabasy or in the region of Zharkent) or the name of a person who probably passed away short before the inscription (for example in Tamgaly) [Базылхан и др. 2013; Железняков и др. 2019]. Nothing similar here: the engraver did not write his name but a description of the location where he was.

Fig. 2. Eshkiolmes, valley 5. Right part of the inscription (“Tasta[r]” or “Tastah”)
2-сур. Ешкіөлмес, 5-алқабы. Мәтіннің оң тұсы (“Таста[р]” немесе “Тастах”)
Рис. 2. Ешкиолмес, долина 5. Правая часть надписи (“Таста[р]” или “Tastah”)

Another possibility is that he wrote the name of a toponym. Furthermore, there could be an interesting link between the zoomorph and the sentence, as if the words «in the steppe field of rocks» would apply to the animal: instead of depicting an animal within a landscape, the artist described the location of the zoomorph. However, if the animal was done before the inscription, it is still possible that the writer wrote this sentence by making a reference to the depicted zoomorph. If the animal was done after it, the same interpretation is possible if the drawer was able to read the Arabic inscription, what is unfortunately impossible to prove. Due to the patina and the engraving technic of the zoomorph and of the sentence, we are almost sure that the animal and the inscription are from the same time and done by the same hand.

2. *Two engraved goats* (fig. 4): another rock circa 150 m west of the Arabic inscription shows two goats. This panel is facing the south and the goat depictions measure 9×9 cm. The left one seems older than the second one (right) because the right one partially covers the first one. Both depictions were done by engraving and not pecking in the same technic that the Arabic inscription. These goats are however stylistically different from the animal depicted under the inscription. The left goat has two legs and a body shaped by two horizontal lines. Inside the body, there are 10 vertical lines. Its horns make two curves in a half-circle. The goat depicted in the artwork has its head positioned between the horns and a long neck, which leads us to believe that it belongs to the Old Turkic period. This conclusion is drawn through

Fig. 3. Eshkiolmes, valley 5. Left part of the inscription ("Dalasind[a]")
 3-сур. Ешкіөлмес, 5-алқабы. Мәтіннің сол тұсы ("Даласында")
 Рис. 3. Ешкиолмес, долина 5. Левая часть надписи ("Dalasind[a]")

a comparative analysis with other animals depicted in a similar style [Касанов и др. 2017: 224ff]. The second goat has four legs. Its body is depicted by a single line. It has no neck nor head and its horns are depicted by two broken lines. For this reason, we attribute this goat to the Kazakh ethnographic period, and probably to the late 19th century by stylistic comparison [Самашев, Жетибаев 2005: 70]. On this panel, it seems that the second goat is inspired by the presence of an older caprid. It is relevant to see that the more recent animal was partially engraved on the older petroglyph and not somewhere else on the rock, as if the new goat was a kind of copy of the older one.

3. *Two archers and a goat* (fig. 5): this panel is oriented to the west and the lower scene with the archer and the goat measures 20×13 cm. On this panel, there is another archer in the upper part of the scene. This anthropomorph is done by engraved lines and its bow is typical for the Old Turkic period [Касанов и др. 2017: 131ff]. The lower scene with the other archer and a goat is made in another technic: the depictions are pecked but the bow of the hunter is engraved. However, this bow is not from the same style than the Turkic one. The same kind of bow is attributed to the Kazakh ethnographic period [Самашев, Жетибаев 2005: 16ff]. For this reason, we attribute the second archer and the goat to the Kazakh ethnographic period without being able to determine a more precise chronology. On this panel, we see again the influence of a former petroglyph for the depiction of a more recent one. The second archer was directly engraved below

Fig. 4. Eshkiolmes, valley 5. Image of two goats
4-сур. Ешкіөлмес, 5-алқабы. Екі тәутеке бейнесі
Рис. 4. Ешкиолмес, долина 5. Изображение двух таутеке

the first one. However, the drawer of the Kazakh ethnographic period decided to complete the scene with a goat in order to justify the presence of a bow. If the archer of the Old Turkic period could be interpreted as a hunter or a warrior due to the absence of an animal or of another anthropomorph, the Kazakh ethnographic petroglyphs show in contrary a hunting scene.

Reflection on the Arabic sentence: the question of illiteracy in the Kazakh SSR (*Hermann L., Bazylkhan N.*)

Analphabetism was a reality in the first years of the Soviet Union [Werth 1986]. This led the Soviet power to campaigns against illiteracy, also in the Kazakh SSR [Zubeer and Darakhshan 2020: 38]. The results of these alphabetization campaigns were celebrated by the Soviet power, for example in Dziga Vertov's film *Three songs about Lenin* (*Три песни о Ленине*, Moscow, 1934). In this film, the Central Asiatic population is depicted as illiterate due to the oppression of the religion (first song in Vertov's film: *В чёрной тюрьме было лицо моё*). According to this film, people went free from religion and had access to education, becoming able to read and write thanks to the instauration of soviet communism in these countries. This idea of the alphabetization of Central Asia thanks to the communism was widespread through such a film. The statistics on literacy rate in Kazakh SSR before 1926 and after 1939 seem to confirm this idea [Zubeer and Darakhshan 2020: 38]. However, there were already schools for the education of some

Fig. 5. Eshkiolmes, valley 5. Image of two archers and a goat
 5-сур. Ешкіөлмес, 5-алқабы. Екі садақшы мен тәутеке бейнесі
 Рис. 5. Ешкиолмес, долина 5. Изображение двух лучников и таутеке

parts of the Kazakh population at the end of the 19th century under Czars [Zubeer and Darakhshan 2020: 36–37]. After these authors, the local population was educated both in Russian and in Kazakh in order to establish elite for the administration. By considering the numerous Arabic inscriptions in Kazakhstan [Базылхан и др. 2013; Железняков и др. 2019], and also in Kyrgyzstan [Hermann 2018: 13; 2019: 20] done during the 19th century and the early 20th century, a more complex picture of literacy in Central Asia should be sketched: some of these inscriptions in the high mountains or in the steppe, associated with petroglyphs of goats or horses, were engraved by shepherds; they were able to write their name but also some more complex sentences like in Eshkiolmes. This fact raises many questions:

- Why were shepherds able to write during the Czars reign even though they did not belong to the elite?
- What was the role of the Islamic schools for the alphabetization of the nomads before the Sovietization?
- Are the statistics of illiteracy before the Sovietization of Central Asia really accurate?
- What was exactly an illiterate Kazakh during the Soviet Union? Somebody who was not able to write and read *or* somebody who was not able to write and read Cyrillic? In any case, some shepherds were not illiterate, even if the alphabet they knew was Arabic.

Conclusion (*Hermann L., Bazylkhan N.*)

The two panels with engravings from the Kazakh ethnographic period presented here show that they were done on rocks with older engravings (from the Old Turkic period) with the same topic (a goat covering another goat and an archer under another archer), as if the former subject was copied in the Kazakh ethnographic period. Further research focused on this later period could bring more information about the influence of former petroglyphs on ones that are more recent and the willingness to copy them.

The Arabic inscription of Eshkiolmes is particularly interesting because it is not the name of a person who wrote it, but a description of a landscape or the name of a toponym. Furthermore, it seems that there is a relation between the depiction of an animal and that inscription, as if the writer used the language to describe the environment of the zoomorph instead of directly depicting a hill or a mountain. This inscription also shows another aspect of the Kazakh society probably in the late 19th century but at least before the Sovietization of the country: a part of the population was able to write in Arabic, and not only its name, but also more complex sentences. And among this part of the population, there were also shepherds. This shows that the alphabetization of Central Asia (at least of Kazakhstan and of Kyrgyzstan) begun before the Sovietization of these countries. For this reason, a differentiated approach for the study of literacy in Central Asia should be undertaken by taking into account the Arabic inscriptions found on rock art sites.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Базылхан Н., Железняков Б.А., Херманн Л., Жамбулатов К. Новые находки арабографических надписей в горах Кулжабасы // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. 2013. № 3 (289). С. 151-155.
- 2 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потанов С.А., Горячев А.А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. Алматы: "OST-XXI век КБ", 2005. 226 с.
- 3 Железняков Б., Херманн Л., Базылхан Н. Арабографические надписи из Аккайнара и Тамгалы // ИАС. 2019. № 6, С. 234-239.
- 4 Касанов З.И., Кан Г.В., Рогожинский А.Е. Символы тюркской эпохи. Алматы: Service Press, 2017. 304 с.
- 5 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. 2-е изд. Алматы: Гылым, 2002. 264 с.
- 6 Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма-Ата: Гылым, 1991. 80 с.
- 7 Новоженев В.А., Рогожинский А.Е. Новые колесничные сюжеты в петроглифах долины реки Коксу (Ешкиолмес) // ИАС. 2019. Вып. 6. С. 170-196.
- 8 Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: [б./и.], 2011. 342 с.
- 9 Самашев З., Жетібаев Ж. Қазақ петроглифтері. Алматы: иль-Тех-Кітап, 2005. 134 с.
- 10 Hermann L. Le site de Chiim-Tash dans la région de l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan // INORA. 2018. № 82. Pp. 11-16.
- 11 Hermann L. L'art rupestre de la vallée de Kara-Too (oblast de Naryn) au Kirghizstan // INORA. 2019. № 83. Pp. 14-24.
- 12 Hermann L. Yeshkiolmes (Kazakhstan) and the Kenkol Valley (Kyrgyzstan) in the Bronze Age: stylistic and thematic comparisons of the rock art // Jacobson-Tepfer E., Novozhenov V.A. (eds.). Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatau to Altai. In 2-vol. Vol. 2. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. Pp. 180-184.
- 13 Novozhenov V.A. Rock art Chronicles of Golden Steppe: Model of communication in Antiquity and Early Middle Ages. In 2-vol. Vol. 1. Алматы: UNESCO center for the Rapprochement of Cultures, 2020. 780 p.
- 14 Sala R., Deom J.M. Petroglyphs of South Kazakhstan. Almaty: the Geoarchaeology Laboratory of the al Farabi Kazakh National University, 2005. 150 p.
- 15 UNESCO, 2021: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6563/> (consulted on 11 January 2023) (In English)

- 16 Werth N. Alphabétisation et idéologie en Russie soviétique // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1986. № 10. Pp. 19-36.
- 17 Zubeer A.R., Darakhshan A. The development of Soviet education in Kazakh SSR (1917–1991) // The Journal of Central Asian Studies. 2020. № 26/27. Pp. 35-46.

REFERENCES

- 1 Bazylkhan, N., Zheleznyakov, B., Hermann, L., Zhambulatov, K., 2013. In: *Izvestiya MON RK. Ser. obshchestv. nauk (News of the Ministry of Education and Sciences of the Republic of Kazakhstan. Ser. societies. sciences)*, 3 (289), 152-155 (in Russian).
- 2 Baipakov, K. M., Maryashev, A. N., Potapov, S. A., Goryachev, A. A. 2005. *Petroglify v gorakh Eshkiolmes (The petroglyphs in the Eshkiolmes mountains)*. Almaty: “OST-XXI vek” Publ. (in Russian, Kazakh and English).
- 3 Zheleznyakov, B., Hermann, L., Bazylkhan, N. 2019. In: *Istoriya i archeologiya Semirechiya (The history and archaeology of the of Seven Rivers)*, 6, 234-239 (in Russian).
- 4 Kasanov, Z. I., Kan, G. V., Rogozhinskiy, A. E. 2017. *Simvoly Tyurskoi epokhi (Symbols of the Turkic Era)*. Almaty: “Service Press” Publ. (in Russian).
- 5 Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2002. *Naskalnie izobrazheniya Semiretschya (Rock Art of Semirechie)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 6 Maryashev, A. N., Rogozhinskiy, A. E. 1991. *Naskalnie izobrazheniya v gorakh Eshkiolmes (Rock carvings in the Eshkiolmes mountains)*. Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 7 Novozhenov, V. A., Rogozhinskiy, A. E. 2019. In: *Istoriya i archeologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechye)*, 6, 170-196 (in Russian).
- 8 Rogozhinskiy, A. E. 2011. *Petroglify archeologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs of the Archaeological landscape of Tamgaly)*. Almaty (in Russian and English).
- 9 Samashev, Z., Zhetibayev, Zh. 2005. *Kazak Petroglifteri (Kazakh petroglyphs)*. Almaty: “il-Tekh-Kitap” Publ. (in Kazakh).
- 10 Hermann, L. 2018. In: *INORA*, 82, 11-16 (in French and English).
- 11 Hermann, L. 2019. In: *INORA*, 83, 14-24 (in French and English).
- 12 Hermann, L. 2020. In: Jacobson-Tepfer, E., Novozhenov, V. A. (eds.). *Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatau to Altai*, 2, Almaty, 180-184 (in English).
- 13 Novozhenov, V. A. 2020. *Rock art Chronicles of Golden Steppe: Model of communication in Antiquity and Early Middle Ages, 1*. Almaty: UNESCO center for the Rapprochement of Cultures (in English).
- 14 Sala, R., Deom, J. M., 2005. *Petroglyphs of South Kazakhstan*. Almaty: the Geoarchaeology Laboratory of the al Farabi Kazakh National University (in English).
- 15 UNESCO. 2021. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/6563/> (accessed 02.06.2023) (in English).
- 16 Werth, N. 1986. In: *Vingtième siècle. Revue d'histoire*, 10, 19-36 (in French).
- 17 Zubeer, A. R., Darakhshan, A. 2020. In: *The Journal of Central Asian Studies*, 26/27, 35-46 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.02.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 13.04.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.06.2023.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АДІУ –	Археологія і давня історія України. Київ
АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан. Казань
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
БНҚ –	Бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру
ВГПИ –	Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж
ВДИ –	Вестник древней истории. Москва; Ленинград
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ГМИИ –	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва
ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва. Астана
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИА АН УССР –	Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Киев
ИА КН МОН РК –	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
ИАК –	Известия Археологической комиссии. Петербург, Петроград
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИМК –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИПЦ НГУ –	Издательско-полиграфический центр Новосибирского государственного университета. Новосибирск
ІА НАН України –	Інститут археології Національної Академії наук України. Київ
ІКЗ «Біленьк» –	Історико-культурний заповідник «Біленьк». Біленьк

ККНИИГН ККО АН РУз –	Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. Нукус
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии АН СССР; РАН. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
ҚазКСР ҒА ТАЭИ –	ҚазКСР Ғылым Академиясының Тарих, археология, этнография институты. Алма-Ата
ҚР ҒЖБМ –	Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі. Астана
ЛО ИА АН СССР –	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград
МАЭ РАН –	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» РАН. Ленинград, Санкт-Петербург
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МНВО РК –	Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
НАН РК –	Национальная академия наук Республики Казахстан. Алматы
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
ОмГУ –	Омский государственный университет. Омск
ПГУ –	Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Тирасполь
ПЦФ –	Программно-целевое финансирование
РА –	Российская археология. Москва
РАН –	Российская академия наук
РГП НИПИ ПМК –	Республиканское государственное предприятие Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры. Алматы
РИЦ НГУ –	Редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета. Новосибирск
СА –	Советская археология. Москва
СНУ –	Східний національний університет. Луганськ
СО РАН –	Сибирское отделение РАН
СОИГСИ –	Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Владикавказ

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
ТГПИ –	Тобольский государственный педагогический институт. Тобольск
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
ТомГУ –	Томский государственный университет. Томск
ТР ҒА –	Татарстан Республикасы Ғылым академиясы. Қазан
ТюмГНГУ –	Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень
УТОПІК –	Українське товариство охорони пам’яток історії та культури. Київ
ҰҒА –	Ұлттық ғылым академиясы. Алматы
ФИА –	Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана
ХНУ ім. В.Н. Каразіна –	Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. Харків
ЦП НАНУ –	Центр пам’ятокознавства Національної Академії наук України. Київ
ЧелГУ –	Челябинский государственный университет. Челябинск
BAVA –	Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München
CEZA –	Curt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie gGmbH, Mannheim
INORA –	International Newsletter on Rock Art. Foix (France)

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова – қазақ тіліндегі мәтіндерді редакциялау және қазақ тіліне аудару
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 30.06.2023 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 ¹/₁₆
Шартты б. т. 24,78. Times New Roman гарнитурасы. Таралымы 100 дана

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 30.06.2023 г. Формат 84×108 ¹/₁₆
Усл. п. л. 24,78. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 30.06.2023. Format 84×108 ¹/₁₆
Printed sheet 24,78. Times New Roman headset. Circulation 100 copies

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online

16+